РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Томъ первый.

КІЕВЪ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собственный домъ.
1884.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6-го апрѣля 1884 года.

Цензоръ протоіерей *М. Богдановъ.*

100644

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей, помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ за 1884 годъ.

№№		страницы.
1.	Отъ пастыря къ сопастырямъ	1— 5.
	Съ новымъ годомъ. Свящ. *Павла Руновскаго*. . .	6— 11.
	Позволительно ли мірянину входить въ алтарь христіанскаго храма. *И. Щ.*	11— 14.
	Братскій совѣтъ молодымъ проповѣдникамъ. Свящ. *Павла Руновскаго*	14— 23.
	Умѣстны ли слезы на церковной каѳедрѣ? *И. Д.*	23— 24.
2.	О мѣрахъ къ распространенію печатныхъ проповѣдей въ народѣ.	25— 29.
	Кто виноватъ?	29— 38.
	Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 г. *Г. Булашева*	38— 47.
	Почему понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ?	47— 48.
3.	Еще отъ пастыря къ сопастырямъ	49— 52.
	Мѣры противъ замерзанія св. Даровъ во время богослуженія	53.
	Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 г. *Г. Булашева*	53— 59.
	Достоподражательная подписка	59— 60.
	Обзоръ періодической проповѣднической литературы въ Германіи за прошлый годъ	61— 64.
4.	Священникъ—человѣкъ Божій и связанныя съ этимъ именемъ требованія отъ него	65— 68.

№№ СТРАНИЦЫ.

Какія затрудненія и неудобства встрѣчаютъ причты при составленіи и доставленіи статистическихъ свѣдѣній въ губернскіе статистическіе комитеты и какъ могли бы быть устранены эти затрудненія и неудобства? . . . . . 68— 76.
Современная проповѣдь на Западѣ. *И. Д.* . . . . 76— 86.
Возможное для проповѣдника—пастыря затрудненіе. . . . . 87.
Афоризмы изъ области проповѣдничества . . . . 88.

5. Затрудненія въ пастырской практикѣ при погребеніи самоубійцъ и желательныя мѣры къ устраненію этихъ затрудненій. Свящ. *Петра Косовскаго* . . . . . 89—100.
Пастырь Церкви долженъ быть педагогомъ. *Н. Д.* 100—102.
Значеніе Катихизиса . . . . . 102—103.
Одно изъ сильнѣйшихъ противодѣйствій успѣхамъ пастырства . . . . . 103—104.
Какъ мститъ священникъ . . . . . 104—105.
Смѣсь . . . . . 105—108.

6. Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ пастыря—священника. . . . . 109—114.
Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія . . . . . 114—122.
Проповѣди въ духовныхъ журналахъ за 1883 г. *Г. Булашева*. . . . . 122—130.
Одна изъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ при исповѣди въ Великій постъ . . . . . 130—133.
Объ устраненіи затрудненій при причащеніи прихожанъ въ Великій постъ. *И. Д.* . . . . . 134—135.
Афоризмы . . . . . 135—136.
Назидательныя статистическія вычисленія . . . . 136.

7. „Современное“ слово прошедшаго вѣка къ пастырямъ Россійскимъ. *Стефана, Митрополита Рязанскаго* . . . . . 137—141.
О борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ. *И. Д.* . . 141—152.

№№		страницы.
	Изъ разговора православнаго священника съ протестантомъ о постахъ. Протоіерея *Георгія Титова*	153—157.
	Афоризмы	158—160.
8.	Разговоръ священника съ протестантомъ о поминаніи покойниковъ въ девятый, двадцатый и сороковый дни и о поминальныхъ обѣдахъ. Протоіерея *Г. Титова*	161—170.
	Воскресный день, какъ основаніе личнаго здоровья и общественнаго благосостоянія	170—176.
	Объ обращеніи къ Церкви удаляющихся отъ нея. *Н. Д.*	176—181.
	Помощь пастырей прихожанамъ въ пріобрѣтеніи иконъ хорошаго письма	181—184.
	На первой недѣлѣ Великаго поста	184.
	Какъ выводить пятна отъ пальцевъ на книгахъ?	184.
9.	Долгъ церковнаго учительства, священно-служительства и управленія въ примѣненіи къ нашему времени	185—190.
	Значеніе православнаго духовенства въ соціальной жизни нашего народа. *Н. Д.*	190—199.
	О молитвѣ, какъ пастырской добродѣтели, по примѣру Господа Іисуса Христа	200—204.
	Семь міровыхъ загадокъ. *П. К—аго*	205—211.
	Духовникамъ по вопросамъ исповѣди	212.
10.	Ознакомленіе пастыря съ своею паствою. *П. Д.*	213—215.
	Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія	218—226.
	Проповѣдническое обозрѣніе. *Г. Булашева*	226—232.
	Разговоръ священника съ протестантомъ касательно обычая не давать родильницѣ креста для цѣлованія. Пр. *Г. Титова*	233—239.
	Нелишняя предосторожность	239.
	Отреченіе невѣрующаго отъ своего ученія	240.
11.	Наставленіе приходскимъ священникамъ о церковномъ обученіи дѣтей вѣрѣ и благочестію	241—251.

№№ СТРАНИЦЫ.

Нѣчто о средствахъ къ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь. Священника *Іоанна Шастина* . . . . . 251—265.
Притча . . . . . 265—267.
Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ . . . . . 267—268.
Проповѣдническое зеркало . . . . . 268.
12. Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ. *Б.* . . . . . 269—279.
О пастырской ревности по примѣру Господа Іисуса Христа . . . . . 279—285.
Недоброе вліяніе на поселянъ со стороны солдатъ, возвращающихся на родину по билетамъ. Свящ. *Іоанна Костенко* . . . . . 285—287.
Что нужно для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ? . . . . . 288.
13. Священникъ . . . . . 289—298.
Разговоръ священника съ протестантомъ о сожиганіи труповъ. Протоіерея *Г. Титова* . . . . 298—302.
Письма о значеніи обрядовой стороны христіанства для нравственнаго совершенствованія человѣка. *Никиты Соколова* . . . . . 302—310.
Мысли Тихона Задонскаго о пастырствѣ . . . . . 310—311.
Афоризмы . . . . . 311—312.
14. Церковно-приходскія школы въ Россіи . . . . . 313—319.
Необходимость приготовленія къ пастырскому служенію . . . . . 319—329.
Изъ разговора священника съ протестантомъ о воскресеніи мертвыхъ. Протоіерея *Г. Титова* . 329—333.
Обращеніе къ настоятелямъ церквей касательно богослужебныхъ чтеній. *Одного изъ настоятелей.* 333—335.
Какъ освящать иконы? . . . . . 335—336.
15. Пастырское служеніе, по письмамъ св. Исидора Пелусіота. *К. П.* . . . . . 337—342.
Чему и кому учить въ церковно-приходскихъ школахъ . . . . . 343—348.
О развлеченіяхъ, доступныхъ для пастыря Церкви. *П. Д.* . . . . . 348—352.

№№		страницы.
	О пастырскомъ обращеніи съ грѣшниками, по примѣру Господа Іисуса Христа.	352—360.
16.	Равенство людей и распредѣленіе между ними матеріальныхъ благъ, по ученію Новозавѣтнаго Откровенія. Свящ. *П. Руновскаго*	361—379.
	Объ утѣшеніи скорбящихъ, находящихся на одрѣ болѣзни. *И. Д.*	379—388.
	Какъ понимать прошеніе Великой эктеніи о соединеніи Церквей	388—391.
	Пастырь и паства, по ученію св. Тихона Задонскаго.	391—392.
17.	Какое слово требуется отъ служителей Слова . .	393—396.
	Полезные совѣты сельскаго пастыря своимъ прихожанамъ. Свящ. *І. Павловскаго*	396—400.
	Современная проповѣдь на Западѣ. *И. Д.*	400—415.
	Трудность пастырскаго служенія, по письмамъ св. Исидора Пелусіота. *К. П.*	415—416.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 1.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Января 1-го.

Содержаніе: Отъ пастыря къ сопастырямъ.—Съ новымъ годомъ!—Позволительно ли мірянину входить въ алтарь христіанскаго храма?—Братскій совѣтъ молодымъ проповѣдникамъ.—Умѣстны ли слезы на церковной каѳедрѣ?

Отъ пастыря къ сопастырямъ.

Не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши: зане Азъ есмь съ тобою, и никтоже приложитъ озлобити тя: зане людіе суть Ми мнози во градѣ семъ (Дѣян. 18, 9. 10).

Когда ап. Павелъ во время своего проповѣдническаго путешествія въ первый разъ прибылъ въ городъ Коринѳъ, на сердце его, обыкновенно столь мужественное, напалъ „страхъ и великій трепетъ“ при мысли, удастся ли ему и на этомъ новомъ трудовомъ полѣ принести плодъ Господу. Но это опасеніе и сомнѣніе, возбужденныя сознаніемъ собственной слабости и непреоборимыхъ для силъ человѣка препятствій успѣху проповѣди, скоро обратились въ радостное спокойствіе и увѣренность: въ ночномъ священномъ видѣніи осіялъ его какъ бы утренній лучъ солнца отъ горъ,

отъ которыхъ приходитъ помощь, и къ нему было обращено ободрительное слово: „не бойся, но говори и не умолкай!“

Это ободряющее слово, возлюбленный о Господѣ собратъ, я напоминаю тебѣ вмѣсто обычнаго новогодняго благопожеланія. Да не смущается сердце твое при раздумьѣ о томъ, что принесетъ намъ новый годъ, успѣшнѣе ли будутъ плоды нашего дѣланія, не встрѣтится ли еще больше, чѣмъ было въ прошедшіе годы неустраненныхъ препятствій и тормазовъ успѣхамъ нашего пастырскаго служенія! Господь Богъ, не оставлявшій насъ милостію своею въ протекшіе годы, дастъ намъ силу и крѣпость на совершеніе служенія Ему и въ наступившемъ году. „Не бойся“, говоритъ Онъ каждому изъ насъ, „Я съ тобою“. Дѣйствительно намъ нужно ободреніе. Мы какъ-то неувѣренны въ себѣ, мы не сознаемъ своихъ силъ, своего значенія и съ опасеніемъ смотримъ на дѣло служенія своего; мы слишкомъ близко къ сердцу принимаемъ свои личныя, гнетущія и давящія насъ, житейскія невзгоды, забывая, что „всему этому подобаетъ быти“. Дѣйствительно тѣсно намъ отвсюду; терніями устланъ путь нашъ среди людей болѣзненнаго нашего вѣка, болѣзнями коего и мы заражаемся, имѣя однако обязанность лечить заболѣвшихъ и предохранять здоровыхъ отъ заболѣванія. Но „восклонитеся“, вѣщаетъ намъ Слово Христово, и „подымите головы ваши; укрѣпитесь руцѣ ослабленныя и колѣна разслабленная; утѣшитеся малодушніи умомъ, укр'питеся, не бойтеся!“ Дѣйствительно „шатается земля какъ пьяный и качается какъ колыбель“ и „беззаконіе ея тяготѣетъ на ней“. Но „возвысь съ силою голосъ твой, подобно трубѣ возвысь голосъ твой, не бойся, скажи народамъ: вотъ Богъ вашъ!“

„Говори;“ ибо служеніе слова, учительство—одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ пастырской дѣятельности нашей. „Какъ“ ввѣренные пашему духовному попеченію „будутъ вѣровать въ того, о комъ не слыхали? Какъ услышатъ безъ проповѣдующаго?“ Невѣдѣніе нашими пасомыми закона Божія, непониманіе ученія

Церкви и уклоненіе отъ нея главною своею тяжестію и отвѣтственностію лежитъ на насъ. Свидѣтельство Христовой истины должно быть неразлучнымъ нашимъ спутникомъ на каждомъ шагу нашего пастырства; это—наше оружіе, которымъ мы должны пользоваться; это—обнаженный мечъ духовный, которымъ мы должны посѣкать невѣріе, маловѣріе и всякое заблужденіе. Другихъ орудій воинствованія нашего намъ нѣтъ нужды выискивать и выпрашивать. Свидѣтельствовать, убѣждать, утѣшать, всѣми тонами любви и строгости умолять, чтобы алчущія и жаждущія души приступили къ трапезѣ Бога нашего, не пренебрегли благодатнымъ призывомъ, чтобы находящіеся на распутіяхъ и халугахъ слышали призывный голосъ на миръ вѣры, гдѣ всѣмъ будетъ мѣсто,—вотъ наше дѣло, наша обязанность и долгъ. Поэтому „говори“. Не будемъ смущаться злобными вѣщаніями, что мы не умѣемъ говорить и съ взрослыми, не умѣемъ учить и малолѣтнихъ. Апостолъ требуетъ отъ насъ не краснорѣчиваго слова, не препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесъ, не блестящихъ извитій мысли и красивыхъ оборотовъ рѣчи: такое человѣческое искусство, при всей почтенности и цѣнности его, не приноситъ пребывающаго плода. Простая рѣчь, не ослѣпляющая, но освѣжающая, оказываетъ гораздо болѣе дѣйственную силу. Необходимо только, чтобы наша рѣчь была плодомъ нашего собственнаго сердечнаго, горячаго убѣжденія, чтобы она вытекала изъ глубины вѣрующаго сердца, всецѣло утвержденнаго въ Богѣ, чтобы она блистала искрами любви Христовой, дабы всякій могъ чувствовать, что она идетъ отъ сердца и ничего не хочетъ болѣе, какъ пріобрѣсть сердце для Того, Кому оно по праву принадлежитъ, какъ выкупленное дорогою цѣною. Да подастъ же намъ Господь даръ говорить такъ, говорить отъ сердца и къ сердцу, и въ церкви, и въ домахъ, и при всѣхъ сношеніяхъ съ нашими насомыми! Не слѣдуетъ намъ забывать и имѣющееся у насъ для этого ободреніе. Повелѣвшій: „говори“ обѣщалъ также: „не вы будете говорить, но Духъ Отца моего будетъ говорить чрезъ васъ“. Намъ нужно

внимательно прислушиваться только къ внушеніямъ Духа Божія, особенно теперь обстоятельствами времени требующаго отъ насъ усиленнаго учительнаго слова; и если Онъ побуждаетъ насъ говорить, то мы должны говорить и не молчать. „О вы, напоминающіе о Господѣ, не умолкайте“. (Ис. 62, 6)! внушаетъ пророкъ; „говори и не молчи“, требуетъ Господь Богъ.

Да, мы „не должны молчать,“ хотя молчаніе было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и „удобѣе,“ не должны молчать, когда нужно свидѣтельствовать истину Божію, когда нужно открывать славу Божію; къ этому еще прибавлю: „и ничего не должны утаевать“... Нашъ долгъ не только возвѣщать, что служитъ къ истинному миру ввѣренныхъ намъ душъ, но и не умалчивать о томъ, что разрушаетъ ложный миръ,—говорить не только, чтобы успокоить смущенную совѣсть, но и не скрывать того, что можетъ пробудить совѣсть спящую,—сказывать всю волю Божію, а не то, что полегче къ исполненію для чувственнаго человѣка и что не такъ далеко расходится съ привычными міровоззрѣніями и дѣятельностію,—не только возвѣщать благодатныя отрадныя сердцу обѣтованія Евангелія, но, гдѣ нужно, и потрясающую строгость карающаго закона. Мы должны предъ духовными очами вѣрующихъ преднаписать Христа всецѣло и нераздѣльно, не только какъ божественнаго Пророка, но и какъ милосерднаго Первосвященника и небеснаго Царя, какъ Сына человѣческаго и какъ Сына Божія, —проповѣдать весь законъ Божій, записанный и въ Словѣ Божіемъ и въ ученіи св. Церкви. Это будетъ значить—говорить и не молчать. Но проповѣдуя устами, мы должны проповѣдывать и всею своею личностію, всѣмъ своимъ поведеніемъ, дабы слово наше не расходилось съ дѣломъ, дабы противники наши не упрекали насъ, что мы говоримъ одно, а дѣлаемъ другое, дабы, проповѣдуя другимъ, не оказаться намъ самимъ неключимыми и не быть отверженными. Въ виду современныхъ шатаній мысли, колебанія устоевъ жизни, дадимъ, возлюбленный о Господѣ собратъ, обѣтъ свидѣтельствовать словомъ и дѣломъ доброе свидѣтельство ко славѣ

царствія Божія. Да дастъ намъ Господь и „хотѣти“ и „дѣяти,“ чтобы въ наступившее лѣто въ честь и славу Божію достойно Бога проходить святое служеніе наше.

Конечно, слѣдуетъ ожидать, что и въ наступившемъ году, какъ это было и въ протекшіе годы, многіе отвратятъ отъ насъ лице свое, когда мы будемъ вѣщать имъ слово жизни. Но это не должно огорчать насъ за себя самихъ, такъ какъ тѣже люди отвращаются отъ лица Того, въ Комъ одномъ все спасеніе. Напрасно бы мы желали угодить всѣмъ: быть другомъ у всѣхъ не возможно для честнаго человѣка и меньше всего для священника. Стараться дѣлать всѣмъ пріятное—вѣрный путь погибнуть съ каждымъ: „аще бы человѣкомъ угождалъ,“ говоритъ Апостолъ, „Христовъ рабъ не быхъ убо былъ.“

Намъ нужно твердо, безъ шатанія и колебаній идти тѣмъ путемъ, какой указываетъ намъ св. Церковь, истолковательница воли Пастыреначальника нашего, всегда стараясь имѣть добрую совѣсть предъ Богомъ и людьми.

Къ ободренію нашему да послужатъ также и заключительныя слова, сказанныя Апостолу въ Коринѳѣ: „у Меня много людей въ семъ городѣ.“ Много, весьма много въ средѣ русскаго народа людей алчущихъ и жаждущихъ слова и ученія нашего. Не десять, и не пятьдесятъ даже „праведниковъ“, а вѣдомое Богу неисчетное множество ищущихъ правды и истины въ землѣ нашей; они искренно „вопіютъ насъ,“ какъ истинныхъ „слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ.“ Къ нимъ, къ этимъ нищимъ духомъ, будемъ обращаться съ словомъ Божіимъ, когда не слушаютъ премудрые книжники и совопросники вѣка сего голоса нашего: „спасайтесь отъ рода сего развращеннаго,“ кайтесь, вѣруйте въ Евангеліе и во едину святую апостольскую Церковь. При такихъ условіяхъ съ нашей стороны, „ежедневно Господь будетъ прилагать спасаемыхъ къ Церкви“ (Д. Ап. 2, 47).— „Восклонитесь же, собратіе мои, и подымите головы ваши“ (Лук. 21, 28).

Съ новымъ годомъ!

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ"! такъ мы ежегодно привѣтствуемъ и выражаемъ благожеланія другъ другу при наступленіи новаго года. А приноситъ ли намъ новый годъ новое счастье? Гдѣ оно? Въ чемъ оно? Гдѣ и искать-то его? Никто этого не знаетъ. А знаетъ каждый только то, что на землѣ никакого новаго счатья, не смотря на усиленное желаніе всѣхъ и каждаго, доселѣ не явилось еще. Жизнь, какъ прежде, такъ и теперь идетъ своимъ чередомъ со всѣми своими неизмѣнными явленіями: и удовольствіе и непріятность, и радость и горе, и удачи и неудачи, и довольство и лишеніе, и богатство и бѣдность, и порядокъ и нестроеніе, и дѣло и бездѣлье, и добро и зло постоянно изъ года въ годъ идутъ рука объ руку, переплетаясь и перепутываясь между собою, какъ нити въ сѣти. И пшеница и плевелы, по слову Домовладыки, будутъ расти до времени жатвы, и во время жатвы уже Онъ речетъ жателемъ: „соберите первѣе плевелы, и свяжите ихъ въ снопы, яко сожещи я, а пшеницу соберите въ житницу Мою" (Мат. 13, 30). И тогда только явится полное счастіе, когда явится новое небо и новая земля, ихъ же по обѣтованію Божію чаемъ.

Поэтому мы и не станемъ привѣтствовать своихъ собратій съ новымъ счастьемъ въ общепринятомъ смыслѣ слова. Что толку въ пустыхъ, неисполнимыхъ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ? Что проку обманывать и себя и другихъ несбыточными мечтами? Въ особенности для насъ пастырей какое можетъ быть счастье въ настоящее время, когда наше положеніе въ обществѣ и именно теперь можетъ быть охарактеризовано словами апостола Павла: „отреби міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ?" (1 Кор. 4, 13). Какое счастье для насъ, когда въ настоящее время „Богъ ны, посланники, яви, яко насмертники?" (9). Вслушайтесь въ тѣ рѣчи, которыя говорятся про насъ въ наше время. „Духовенство русское, говорятъ, лѣниво, бездѣятельно и вмѣстѣ съ тѣмъ

крайне корыстолюбиво. Попы заботятся только о томъ, какъ бы содрать лишній рубль съ прихожанина и о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа совсѣмъ не брегутъ. Да и просвѣщать народъ они не могутъ, потому что они и тупы и глупы, и къ тому-же безнравственны. Безнравственность такъ въѣлась въ среду духовенства, что оно стало положительно негоднымъ къ выполненію своей миссіи. Оно плачется на свою бѣдность, а между тѣмъ оно черезчуръ богато и т. п. въ этомъ родѣ. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно «до нынѣшняго часа и алчетъ, и жаждетъ, и наготуетъ, и труждается, дѣлающе своими руками.» И нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, на перемѣну по истинѣ его незавиднаго положенія. Что же попусту желать того, чего и въ виду нѣтъ?

Но чего же пожелать намъ сопастырямъ нашимъ на новый годъ? Прежде всего того, чтобы примирились они съ своимъ положеніемъ и вмѣстѣ съ Апостоломъ благодушно повторяли сами себѣ: „укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, утѣшаемся“ (Кор. 4, 12—13): большаго счастія для насъ въ настоящее время не остается на землѣ; а затѣмъ пожелаемъ того, чтобы они бодрствовали на стражѣ своей, дабы спящимъ имъ не пришелъ врагъ и не всѣялъ среди пшеницы большаго количества плевелъ противъ того, что всѣяно уже имъ.

Наше время знаменуетъ себя особенной неположительностью и неустойчивостью въ жизни. Жизнь, вышедши изъ прежней своей колеи, скачетъ безпорядочно, перебѣгая изъ колеи въ колею, а въ надлежащую колею никакъ не попадетъ еще. Мы отреклись отъ стараго и къ новому положительному еще не пришли; строимъ одно зданіе, но тотчасъ же признаемъ его неудобнымъ; начинается ремонтировка, а не то, такъ капитальная ломка, и затѣмъ новая постройка на мѣстѣ сломаннаго. Сколько за послѣднее время разныхъ учрежденій уничтожилось, едва появившись на свѣтъ? Сколько разныхъ проэктовъ умерло въ минуту рожденія своего? Это шатаніе мысли отражается и на отношеніи общества къ духовен-

ству. Общество наше съ одной стороны третируетъ духовенство, какъ институтъ ни на что негодный, полусгнившій нравственно; а съ другой возлагаетъ на него всѣ надежды касательно распространенія въ средѣ народа свѣта христіанской вѣры, нравственности и здравыхъ гражданскихъ общественныхъ воззрѣній. Къ духовенству съ одной стороны относятся съ пренебреженіемъ: не даютъ ему даже насущныхъ средствъ для жизни, а съ другой — настоятельно требуютъ отъ него разносторонней дѣятельности. На него смотрятъ съ одной стороны, какъ на лишнее въ обществѣ сословіе; а между тѣмъ съ другой стороны безъ него не обходятся ни на одинъ шагъ. Всѣ эти удивительныя явленія суть не что иное, какъ знаменія нашего времени, которыя однако, не смотря на всѣ свои противоположности, скоро не скоро должны придти къ одному знаменателю. Но это въ будущемъ, пока настоящее же таково, что духовенству нужно въ особенности бодрствовать, чтобы не увлекаться жизненнымъ круговоротомъ, а твердо стоять на камнѣ вѣры и нравственности христіанской, освящая путь жизни для другихъ.

Въ послѣднее время особеннымъ нападкамъ подверглись священники-законоучители народныхъ школъ. Они почему-то повисли невыносимымъ бѣльмомъ на глазахъ въ особенности у нѣкоторыхъ чиновниковъ Мин. Нар. Пр.—директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и у членовъ училищныхъ совѣтовъ, которые всѣхъ ихъ огуломъ окрестили неспособными къ преподаванію зак. Божія *). И вотъ отъ училищныхъ совѣтовъ, а за ними и отъ земствъ полились настоящія іереміады на неспособность законоучителей къ епархіальнымъ начальствамъ,—разлились и въ нѣкоей части нашей прессы, все пріемлющей и все вмѣщающей въ себѣ,—дотекли и до высшаго духовнаго начальства въ соединеніи съ просьбами дозво-

*) Авторъ впадаетъ въ преувеличеніе: далеко не всѣ директора, инспектора училищные и совѣты такъ думаютъ и отзываются о пастыряхъ и законоучителяхъ, какъ онъ полагаетъ. Ред.

лить преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ учителямъ и учительницамъ. Что оставалось дѣлать начальству? Удовлетворить просьбу? Всего естественнѣе нужно было ожидать именно этого. Вѣдь объ удаленіи отъ преподаванія закона Божія въ училищахъ священниковъ просили не какіе нибудь волостные писаря, а лица повыше и, повидимому, компетентныя. И тѣмъ большая честь начальству, что оно не только не удовлетворило просителей, но и сдѣлало слишкомъ смѣлый шагъ назадъ. Тѣмъ самымъ лицамъ, которыя рекомендовались, какъ неспособные законоучители, оно ввѣряетъ народное образованіе, давая имъ право не только открывать церковно-приходскія школы, но и завѣдывать ими, въ качествѣ учителей и руководителей.

Итакъ духовенство наше поставлено на стражѣ народнаго образованія, и при томъ въ такое время, когда со всѣхъ сторонъ несутся вопли и о его тупости и глупости, и о его лѣности и нерадѣніи въ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей, и о его положительной неспособности къ прохожденію законоучительской обязанности. Ясно, что правительство наше не раздѣляетъ всѣхъ этихъ взглядовъ на наше духовенство и смотритъ на него не сквозь очки злобы и ненависти, а именно безпристрастнымъ взглядомъ и считаетъ его институтомъ не только почтеннымъ, а и правоспособнымъ на такое великое дѣло, какъ образованіе народа въ духѣ христіанской вѣры и нравственности. И духовенство, во чтобы то ни стало, должно оправдать довѣріе правительства, въ особенности по той причинѣ, что довѣріе это возложено на него въ самый разгаръ разнаго рода инсинуацій, направленныхъ по его адресу, съ цѣлію огрязнить его, унизить, представить никуда негоднымъ. И вотъ теперь духовенство должно показать, что оно вовсе не таково, какимъ представляютъ его враги его. И мы вѣримъ, что духовенство наше скоро не скоро пріобрететъ передовое значеніе, какое имѣло оно въ древней Руси. Сознаютъ это и враги духовенства и потому-то стараются всѣми силами не давать ему ходу, употребляя для своей цѣли всякія, даже самыя

непохвальныя средства — ложь, клевету, самую наглую брань и т. п.

Не обращая вниманія на враждебные крики, духовенство должно твердо занять теперь, представленное ему положеніе въ народной школѣ. Это одно изъ самыхъ могучихъ средствъ распространить свое вліяніе въ народѣ и установить свой авторитетъ въ обществѣ и государствѣ: въ чьихъ рукахъ подростающее поколѣніе, у того и будущее общество. Несомнѣнно, при устройствѣ и содержаніи школъ, духовенство встрѣтится съ громадными препятствіями, состоящими преимущественно въ отсутствіи матеріальныхъ средствъ. На земства и на приходскія общества въ дѣлѣ матеріальной помощи разсчитывать много нельзя, — они не очень то щедры на матеріальныя пожертвованія. Приходскія попечительства, имѣющія между прочимъ цѣлію поддержаніе народныхъ школъ, сами влачатъ большею частію призрачное существованіе по преимуществу за неимѣніемъ матеріальныхъ средствъ и по невозможности раздобыться имп. Священникъ такимъ образомъ въ дѣлѣ устройства и поддержанія своей школы будетъ стоять большею частію одинокимъ. Смывать этого не слѣдуетъ разными иллюзіями: лучше напередъ знать свое истинное положеніе, чѣмъ разочаровываться послѣ. Правда, правительство ассигновало на поддержаніе церковно-приходскихъ школъ сумму въ 50,000 р., но это ничто иное, какъ капля въ морѣ. Къ тому же изъ этой капли нѣчто употребляется и на поддержаніе воскресныхъ школъ при духовныхъ семинаріяхъ. Но что-же? въ виду этого не отказаться ли духовенству отъ поддержанія и устройства школъ церковно-приходскихъ? Но мы не можемъ допустить и мысли, чтобы духовенство спасовало. Отъ него не требуется, чтобы оно заводило образцовыя школы: по средствамъ и школа. Пусть сначала школы будутъ плохи, пусть духовенство даромъ понесетъ и нравственный и физическій трудъ; а тамъ — кто знаетъ — быть можетъ дадутъ и средства и трудъ вознаградятъ.

Кажется, было бы дѣломъ безгрѣшнымъ, если бы часть церковныхъ денегъ употребить на первоначальное устройство и необходимое поддержаніе церковно-приходскихъ школъ, и можно надѣяться, что епархіальное начальство не воспрепятствуетъ воспользоваться частью церковныхъ денегъ для означенной цѣли, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ окажется возможность къ тому безъ ущерба для благосостоянія Церкви.

Итакъ привѣтствуемъ духовенство съ новымъ годомъ и съ новою дѣятельностью и отъ души желаемъ ему оправдать довѣріе правительства.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

Позволительно ли мірянину входить въ алтарь христіанскаго храма?

Вопросъ этотъ въ 1853 г. предложенъ былъ на разрѣшеніе митрополиту московскому Филарету по поводу слѣдующаго обстоятельства. О. Матѳей, протоіерей г. Ржева, тверск. губ., однажды въ обществѣ, въ присутствіи извѣстнаго ревнителя церковнаго благочинія, А. Н. Муравьева, доказывалъ, что мірянамъ никакъ нельзя входить въ алтарь храма, потому что, говорилъ онъ, „тамъ присутствуютъ ангелы.“ Въ разсужденіи своемъ объ этомъ дѣлѣ о. Матѳей зашелъ такъ далеко, что „лучше, говорилъ, не быть у литургіи, нежели слушать ее въ алтарѣ.“ Такое рѣзкое сужденіе о. протоіерея смутило г. Муравьева, которому не разъ приходилось слушать литургію въ алтарѣ и при архіерейскихъ служеніяхъ, и потому онъ письмомъ просилъ мос-

ковскаго митрополита сообщить ему письменный отвѣтъ на предложенный вопросъ. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій.

Мудрый и осторожный архипастырь, становясь на каноническую почву, начинаетъ свой отвѣтъ замѣчаніемъ, что ему, какъ стороннему епископу, не слѣдуетъ быть судьею словъ священника чужой епархіи, гдѣ есть свой судья—мѣстный епископъ, а ржевскому протоіерею не слѣдуетъ судить дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя допускали г. Муравьева въ алтарь при отправленіи литургіи. „Область о. Матѳея простирается до предѣловъ его прихода, а моя—до предѣловъ моей епархіи. Итакъ онъ не по принадлежности запрещаетъ вамъ входить въ алтарь, а вы не по принадлежности меня о семъ спрашиваете. Имѣете „близко“ *) епархіальнаго владыку: его дѣло разрѣшить ваше недоумѣніе; и если бы оно оказалось великимъ,—имѣетъ онъ съ собою соборъ архіереевъ. Меня же и о. Матѳея вы можете оставить въ сторонѣ, если мы что и скажемъ, можетъ быть, „не умѣючи“. Послѣднимъ словомъ митрополитъ, очевидно, намекаетъ на крайности въ сужденіи ржевскаго протоіерея о дѣлѣ.

Приступая къ положительному отвѣту на вопросъ, московскій владыка обращается къ „Кормчей книгѣ“, на которую, вѣрно, ссылались въ своихъ сужденіяхъ или г. Муравьевъ или о. протоіерей. „Наша старая Кормчая въ толкованіи 19 правила Лаодикійскаго Собора говоритъ: „внутрь жертвенника единѣмъ священникомъ достойно причащатися велитъ правило“. То есть, оно запрещаетъ мірянину пріобщаться святыхъ таинъ въ алтарѣ у престола съ священниками. Толкованіе, стѣсняя такимъ образомъ смыслъ правила, какъ будто уклоняется отъ вопроса, позволительно ли мірянину, кромѣ причащенія святыхъ таинъ, стоять въ оградѣ алтаря, въ смиренномъ мѣстѣ, въ отдаленіи отъ престола и священнослужащихъ.“

---

*) Письмо писалъ г. Муравьевъ изъ Петербурга, гдѣ въ то время находился архіеп. тверскій въ Св. Синодѣ.

„Надобно при семъ вспомнить, что по древнему обычаю алтарь долженъ быть съ предалтаріями; и жертвенникъ въ предалтаріи долженъ быть доступенъ міряннину для приношеній. Гдѣ сіе есть: тамъ совѣтую міряннину не проникать далѣе предалтарія. Къ сожалѣнію, древнее расположеніе храма большею частію утрачено; и идущій съ просфорою къ жертвеннику по необходимости идетъ въ общемъ алтарномъ пространствѣ. Въ такомъ случаѣ совѣтую, какъ можно, не приближаться къ престолу и не ходить между престоломъ и горнимъ мѣстомъ, также какъ и между престоломъ и царскими вратами, ибо это—совершенно алтарь и путь Христовъ. Мнѣ кажется также, снисхожденіе необходимымъ сдѣлали наши предшественники, допустивъ сокращеніе алтарей."

„Или не надобно снисхожденія?.. Или, по опасенію погрѣшности, надобно держаться самаго обширнаго смысла правила и изгнать васъ изъ ограды алтаря?. Можетъ быть. Но я боюсь строгости для другихъ, потому что боюсь ея для себя. И зная, что по грѣхамъ моимъ я первый достоинъ изгнанія, боюсь безъ крайней нужды изгонять другихъ. И признаюсь въ томъ, въ чемъ вы меня обличаете, то есть, что я позволялъ вамъ и даже приглашалъ васъ быть въ предѣлахъ алтаря въ приличномъ мѣстѣ; и думаю, что предстоящія здѣсь со страхомъ, съ признаніемъ своего недостоинства, но съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Божіе, не оскорбляютъ святости, а моей немощи и недостоинству споспѣшествуютъ общеніемъ молитвы."

„Но ангелы здѣсь присутствуютъ?..—Не только ангелы, но и самъ Господь ангеловъ. И мало ли „насъ" грѣшныхъ предстоятъ: и Онъ не поражаетъ насъ. И насъ во святомъ мѣстѣ своемъ пріемлетъ: и въ наши неосвященныя жилища входитъ освятить души болящихъ. Ему и Его неизреченному милосердію подобаетъ слава и честь и поклоненіе во вѣки вѣкомъ. Аминь."

„Чему лучшему научатъ васъ ваши святители, научите вы меня."

Это рѣшеніе вопроса было прочитано г. Муравьевымъ о. ржевскому протоіерею. И можно представить, какъ должно было подѣйствовать на то высокоумное сужденіе его о предметѣ, въ которомъ нельзя не замѣтить непохвальной самоувѣренности въ мысляхъ, крайности въ выводахъ и ревности не по разуму, это смиренномудрое, осторожное и дышащее отеческою любовію и снисхожденіемъ къ ближнему, письмо великаго Святителя русской Церкви. Что рѣшалъ съ увѣренностію непогрѣшимаго судьи приходскій священникъ, на то даетъ только свое мнѣніе одинъ изъ мудрѣйшихъ епископовъ, готовый выслушать и принять мнѣніе о томъ же предметѣ другихъ епископовъ, если бы кто изъ нихъ предложилъ лучшее разрѣшеніе вопроса.

Н. Щ.

Братскій совѣтъ молодымъ проповѣдникамъ.

Хотя въ духовныхъ семинаріяхъ и изучается теорія церковнаго краснорѣчія, хотя воспитанники и пріучаются къ проповѣдничеству даже практическимъ путемъ—пишутъ проповѣди и иногда произносятъ ихъ съ церковной каѳедры, что было и въ прежнее время; но все это мало приносило и приноситъ пользы. Воспитанники семинаріи, занимались составленіемъ проповѣдей изъ своей головы, не справляясь съ дѣйствительною жизнію народа; да и гдѣ же имъ справляться съ нею? Отъ того семинарскія проповѣди выходятъ большею частію кабинетною работой; съ кабинетными замѣтками воспитанники большею частію вступаютъ и въ пастырскую жизнь, и здѣсь только замѣчаютъ свою малоподготовленность къ дѣлу проповѣдничества. Это даетъ намъ поводъ сказать для молодыхъ проповѣдниковъ нѣсколько словъ о постановкѣ церковно-народной проповѣди, съ искреннимъ желаніемъ принести имъ посильную пользу.

Начнемъ съ предмета проповѣди. О чемъ проповѣдывать пастырю, только еще вступившему въ приходъ и слѣдовательно незнакомому ни съ жизнію народа вообще, ни съ жизнію своихъ прихожанъ въ частности? Нѣтъ сомнѣнія, что предметомъ для православной проповѣди должно служить и служитъ Откровеніе. Предметъ этотъ—необъятное ни въ ширину, ни въ глубину море, изъ котораго проповѣдникъ, въ силу необходимости, принужденъ черпать не болѣе, какъ по каплѣ. Откуда начать и съ коего берега приступить къ этому необъятному морю, чтобы зачерпнуть изъ его вмѣстилища одну капельку живой воды, чтобы напоить душу слушателей? По нашему разумѣнію, молодому пастырю, пока онъ не ознакомился еще съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы, лучше всего начать свою проповѣдническую дѣятельность съ выясненія общаго вѣро-и право-ученія христіанскаго, т. е. объяснять Символъ Вѣры, Молитву Господню, Евангельскія блаженства и Десятословіе. Основаніемъ для этого, кромѣ высказаннаго, можетъ служить слѣдующее: основою всей жизни и дѣятельности христіанина должна быть живая, сознательная вѣра: безъ нея не можетъ быть правильной жизни ни внутренней, ни внѣшней. Всѣмъ извѣстна истина, что каждый человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ на основаніи принциповъ своего міросозерцанія. Принципы, взгляды, понятія, убѣжденія всегда кладутъ свой отпечатокъ на внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Рѣдко находится человѣкъ, который въ своей жизни шелъ бы наперекоръ своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ; рѣдко находится и такой человѣкъ, который жилъ бы вовсе неосмысленною жизнію. Во всякомъ случаѣ такого рода феномены, если-бы они и встрѣчались въ жизни, слѣдуетъ признать уродливымъ исключеніемъ. Поэтому прежде, чѣмъ учить человѣка жить, нужно научить его вѣровать, нужно освѣтить его умственный кругозоръ свѣтомъ христіанскаго ученія, нужно, такъ сказать, заложить въ его душѣ и вывести на надлежащую высоту фундаментъ, на которомъ должна утверждаться и внутренняя и внѣшняя жизнь его. Между тѣмъ этотъ-

то фундаментъ для утвержденія религіозно-нравственной жизни въ нашемъ народѣ не только не выведенъ еще на надлежащую высоту, но въ большинствѣ случаевъ даже и не заложенъ. Всѣмъ извѣстно религіозное невѣжество нашего народа. Поэтому молодой проповѣдникъ поступитъ вполнѣ естественно и практично, если прежде всего станетъ научать своихъ прихожанъ истинамъ вѣры и нравственности христіанской въ предѣлахъ православнаго катихизиса; при этомъ онъ избѣгаетъ одного очень важнаго обстоятельства, могущаго вредно повліять на его послѣдующую жизнь и дѣятельность, именно—онъ избѣгаетъ случаевъ вступить въ позицію обличителя, къ чему, сказать къ слову, молодые проповѣдники имѣютъ особенную склонность и чего между тѣмъ прихожане не любятъ въ нихъ. Винить прихожанъ за это мы не будемъ, ибо по самому простому соображенію слѣдуетъ, что прежде чѣмъ благодушно выслушивать обличенія, обличаемымъ нужно знать обличителя. Поэтому проповѣднику-пастырю вступать въ роль обличителя слѣдуетъ по нашему не прежде, какъ онъ утвердитъ въ паствѣ своей пастырскій авторитетъ.

Катихизическія поученія можно, да и должно произносить не разъ и не два, а до тѣхъ поръ пока прихожане хотя мало что уразумѣютъ. При этомъ нечего опасаться наскучить слушателямъ; слушатели настолько не подготовлены къ отчетливому усвоенію проповѣдей, что каждый разъ въ одной и той-же проповѣди они увидятъ многое новое для себя; къ тому-же и въ храмѣ слушатели бываютъ не одни и тѣ же. Впрочемъ и люди много знающіе не прочитываютъ-ли иногда пять, десять разъ то, что знаютъ они, для напоминанія себѣ? Въ дѣлахъ вѣры не слѣдуетъ гоняться за новизною и интересностью; здѣсь на первомъ планѣ должна стоять религіозно-нравственная польза. Да наконецъ проповѣдникъ, изъ опасенія наскучить слушателямъ, можетъ концетрировать свое поученіе, прибавляя каждый разъ въ проповѣди то, о чемъ прежде не было сказано. Глубина и широта христіанскаго вѣро-и нраво-ученія даетъ къ тому полнѣйшую возможность.

Когда пастырь ознакомится съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы, тогда онъ самъ увидитъ, о чемъ говорить ему. Религіозно-нравственныя нужды нашего народа такъ многочисленны, а внутренняя и внѣшняя жизнь его настолько богата разнообразными настроеніями, что проповѣднику не приведется въ своей головѣ отыскивать предметы проповѣди; здѣсь сама жизнь дастъ ему сотни запросовъ, такъ что ему скорѣе предстоитъ опасность теряться въ этомъ лабиринтѣ предметовъ, чѣмъ рыться въ своей головѣ. При этомъ мы должны замѣтить, что въ выборѣ предметовъ для проповѣди проповѣдникъ долженъ быть тактиченъ и серьезенъ, но не долженъ быть мелоченъ; иначе проповѣдь его и сама по себѣ измельчаетъ, дойдетъ до значенія пустой болтовни и на слушателей произведетъ, конечно, непріятное впечатлѣніе. Есть такіе проповѣдники, какъ извѣстно намъ, которые говорятъ съ церковной каѳедры о томъ, что въ Пасху не должно христосоваться старыми яицами, что тяготиться позднимъ служеніемъ литургіи—великій грѣхъ и т. п. Въ жизни нашего народа есть много пороковъ посущественнѣе подобныхъ мелочей, а потому, чтобы не тратить труда и времени непроизводительно, проповѣднику вовсе и говорить о подобныхъ малыхъ вещахъ не слѣдуетъ.

Предметъ проповѣди долженъ быть серьезенъ и обоснованъ на христіанской истинѣ. Этого требуетъ самъ народъ; иначе проповѣдь онъ считаетъ батюшкиной наукой, которой мало придаетъ значенія. Вообще проповѣднику въ простонародной проповѣди ни какъ не слѣдуетъ оставлять почву Откровенія и основывать свои проповѣди на человѣческихъ истинахъ; безполезно и сопровождать свои положенія разными философскими умствованіями: это годится, быть можетъ, для слушателей интеллигентныхъ, но для простаго народа это покажется положительно пустой болтовней. Народъ нашъ еще не привыкъ философствовать; вся философія его заключается въ Словѣ Божіемъ, а потому и говорить для него проповѣднику слѣдуетъ преимущественно отъ Божественнаго Писанія,

раскрывая смыслъ содержащихся въ немъ истинъ и показывая отношеніе ихъ къ человѣческой внутренней и внѣшней, частной и общественной жизни.

Изложеніе проповѣдей для народа должно быть самое простое, безыскуственное. Гомилетическія тонкости, различные логическіе ходы и подходы здѣсь вовсе неумѣстны. Проповѣдникъ долженъ ясно и прямо смотрѣть на предметъ, и прямо, безъ всякихъ подходовъ приступать къ дѣлу. Не ходя кругомъ да около, лучше всего сначала высказывать общія положенія и затѣмъ раскрывать ихъ, не уклоняясь въ сторону и не забиваясь въ частности: частностей слѣдуетъ касаться на столько, на сколько это необходимо для раскрытія общаго, такъ чтобы это общее ясно предносилось сознанію слушателей, а не затемнялось частностями. Пусть проповѣдь будетъ коротка, но это и лучше: немногое удобнѣе усвоить, чѣмъ многое, и для слушателей будетъ не утомительно; длинными проповѣдями утомляются не только люди, не видящіе по пословицѣ „и аза въ глаза“, но даже люди развитые.

Языкъ въ проповѣди долженъ быть до послѣдней степени простъ и удобопонятенъ: никакая фигуральность здѣсь неумѣстна; рѣчь должна быть краткая, ибо длинные періоды не укладываются въ говорахъ простыхъ слушателей. Было-бы лучше всего, еслибы можно было говорить простыми предложеніями. Техническія слова и тѣмъ болѣе слова иностранныя не должны быть терпимы въ проповѣди. Нужно сознаться, что говорить къ народу весьма мудрено, потому что у него нѣтъ почти понятій, выходящихъ изъ круга обыденной жизни, и слѣдовательно формы, служащія выраженіемъ для этихъ понятій, какъ бы онѣ по нашему сознанію ни были просты, ему большею частію мало понятны. Трудность говорить къ народу такъ велика, что простонародной проповѣди у насъ, собственно говоря, очень мало, не смотря на то, что въ печати ежегодно появляется проповѣдей, предназначаемыхъ для народа, значительное количество. Даже общія положенія о народной проповѣди у насъ еще неразработаны, и каждый смотритъ

на нихъ по своему. Общимъ можетъ быть развѣ только то положеніе, что простонародная проповѣдь должна быть проста; но простоту-то ея каждый измѣряетъ часто на свой собственный аршинъ, не справляясь съ народнымъ смысломъ и пониманіемъ и не принимая во вниманіе ту высоту положенія церковной проповѣди, сходить съ которой она, не профанируя себя, не можетъ. Въ простонародной проповѣди и нужно именно эту высоту ея сохранить, достоинство и важность ея соединить съ удобопонятностью, не нанося ущерба ни той, ни другой сторонѣ. Какъ слово о предметахъ высокихъ, божественныхъ, проповѣдь должна быть словомъ достойнымъ своего предмета; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слово простонародное, она должна быть словомъ понятнымъ для всякаго неразвитаго слушателя. Здѣсь именно нужно умѣнье говорить простыя рѣчи о мудреныхъ вещахъ. Но въ этомъ-то и состоитъ гордіевъ узелъ, это-то и составляетъ для проповѣдниковъ даже опытныхъ камень претыканія.

Иные проповѣдники, въ видахъ упрощенія народной проповѣди, нерѣдко поддѣлываются подъ народную рѣчь, употребляя ея обороты и даже вульгарныя выраженія и слова, или, смотря на слушателей, какъ на дѣтей, и относясь къ нимъ, какъ къ дѣтямъ, говорятъ свои проповѣди полудѣтскою рѣчью. Ни то, ни другое по нашему не должно быть допускаемо. Поддѣлка, въ чемъ бы она ни состояла, вездѣ не хороша; тѣмъ болѣе не хороша она въ проповѣди, въ особенности потому, что поддѣлка подъ народную рѣчь въ устахъ интеллигентнаго человѣка является большею частію только пародіей на нее. И проповѣдникъ, какъ бы ни старался поддѣлаться подъ народную рѣчь, не можетъ такъ искусно поддѣлаться, чтобы незамѣтно было поддѣлки. А потому ему слѣдуетъ вмѣсто того, чтобы поддѣлаться, изучивши народную рѣчь, усвоить ее себѣ такъ, чтобы она сдѣлалась его собственной рѣчью, очистить ее отъ неудобныхъ для проповѣди словъ и выраженій, возвысить и сдѣлать достойною церковнаго слова. Тоже нужно сказать и о полудѣтской рѣчи, ибо и

эта рѣчь есть ни что иное, какъ поддѣлка. Правда, мы привыкли смотрѣть на народъ, какъ на дѣтей; но это не даетъ намъ права говорить съ нимъ подѣтски, потому что самъ народъ смотритъ на себя иначе, и относиться проповѣднику къ нему подѣтски значитъ ставить и себя, и его въ неестественное положеніе, потому что и въ самомъ дѣлѣ по физическому возрасту онъ вовсе не ребенокъ и говоритъ уже не поребячьи. Въ виду важности церковной проповѣди непремѣнно слѣдуетъ быть серьезнымъ и въ словахъ, и въ выраженіяхъ.

Проповѣдникъ долженъ относиться къ слушателямъ, каковы бы они ни были, съ подобающимъ уваженіемъ, не смотрѣть на нихъ свысока и не третировать ихъ, какъ неразумныхъ и мало смыслящихъ людей. Положеніемъ проповѣдника, какъ отца, бесѣдующаго съ дѣтьми, многіе положительно злоупотребляютъ. Вѣдь и отецъ въ смыслѣ физическомъ не относится къ взрослымъ дѣтямъ, каковы бы они ни были, такъ, какъ относится онъ къ малолѣтнимъ: свои отношенія къ тѣмъ и другимъ онъ старается видоизмѣнять соотвѣтственно ихъ возрасту. Пастырь лучше всего сдѣлаетъ, если будетъ относиться къ слушателямъ, какъ учитель къ взрослымъ ученикамъ. Преподавая уроки христіанской вѣры и нравственности, пастырь не долженъ дѣлать даже и намека на малосмысленность своихъ слушателей; напротивъ онъ долженъ обращаться къ нимъ, какъ къ людямъ смыслящимъ и понимающимъ, и тѣмъ показывать, что онъ считаетъ ихъ не какими-то полулюдьми, обдѣленными отъ Бога человѣческимъ смысломъ, а людьми настоящими. Пастырь есть воспитатель народа; но можно-ли называть воспитателемъ того, кто при преподаваніи уроковъ будетъ постоянно твердить своему воспитаннику: „ты, братецъ, глупъ и тупъ; ничего ты не знаешь и не понимаешь“? Вмѣсто того, чтобы развивать ученика, не будетъ ли такой воспитатель только забивать его? Вмѣсто того, чтобы воспитывать,—уродовать? Народъ нашъ и безъ того въ большинствѣ убѣжденъ въ своемъ неразуміи настолько, что считаетъ себя неспособнымъ къ пониманію

предметовъ вѣры; поэтому проповѣднику слѣдуетъ не утверждать его въ его ложномъ убѣжденіи, а разубѣждать. Для развитія въ народѣ самодѣятельности мысли проповѣднику не мѣшаетъ чаще обращаться къ народному смыслу и самихъ слушателей призывать поразмыслить о томъ, что говоритъ онъ.

Въ особенности проповѣдникъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ слушателямъ въ обличительной рѣчи. Въ виду разнородныхъ нестроеній въ народной жизни ему, конечно, нерѣдко приведется, даже противъ своего желанія, вступать въ роль обличителя, причемъ онъ долженъ имѣть змѣиную мудрость и голубиное незлобіе, соблюдать мѣру и границы: иначе одно неосторожное слово можетъ отпугнуть отъ него слушателей. А между тѣмъ есть проповѣдники, которые любятъ щеголять обличительнымъ словомъ и даже вставлять въ свою рѣчь „вострыя словечка.“ Такъ и видно, что проповѣдникъ рисуется въ своей рѣчи и имѣетъ на умѣ одно: „Вотъ, молъ, мы какъ вашу милость отщипываемъ“. Ничего не можетъ быть противнѣе подобной рѣчи; и проповѣдникъ самъ по себѣ противѣетъ слушателямъ,—въ особенности, если онъ къ тому еще накидываетъ на себя маску ревности о славѣ Божіей и вступаетъ въ ложный пафосъ; такъ и видно, что фарисействуетъ человѣкъ. Если и вообще въ проповѣди должно проповѣднику менѣе всего руководиться эгоистическими мотивами, то въ особенности это нужно сказать о проповѣди обличительной. Эгоизмъ проповѣдника, подбитый ложною ревностью по истинѣ, непремѣнно будетъ сквозить во всемъ его словѣ, какъ черныя пятки на бѣломъ фонѣ, и сообщать всей проповѣди его непріятную окраску. Вообще проповѣднику нужно остерегаться слишкомъ рѣзкихъ обличеній, выражаемыхъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ и при этомъ пріучать себя говорить не во имя егоистическихъ мотивовъ, а во имя безкорыстной любви къ христіанской истинѣ и къ своимъ слушателямъ и во имя истинной ревности о славѣ Божіей. И кто пріобрѣлъ эту любовь и говоритъ во имя этой любви, тотъ, обличая слушателей, самъ нерѣдко не можетъ

удерживаться отъ слезъ. Вотъ это истый-проповѣдникъ, слово котораго не останется безъ дѣйствія. Конечно, такихъ проповѣдниковъ найдется не особенно много; ибо пламенная любовь къ истинѣ и къ слушателямъ и истинная ревность о славѣ Божіей пріобрѣтаются не сразу и не даромъ; для этого проповѣднику необходимо слишкомъ много потрудиться надъ самимъ собою. И прежде, чѣмъ пріобрѣсти качества истиннаго проповѣдника, ему по необходимости приходится руководиться въ дѣлѣ проповѣди тѣмъ, что дала ему природа, наука и жизнь. Поэтому, не претендуя на пламенную любовь и ревность, каковая претензія, какъ основанная на фальши, непремѣнно поставитъ проповѣдника въ фальшивое положеніе: онъ долженъ быть въ своей проповѣди по крайней мѣрѣ естественнымъ, т. е. не накидывая на себя то, чего у него нѣтъ, являть въ проповѣди все то, что есть въ немъ добраго — убѣжденіе въ христіанской истинѣ, сочувствіе къ слушателямъ, желаніе имъ духовно-нравственной пользы и т. п., и высказывать это просто, безъ всякихъ аффектацій, спокойно, естественно, а при обличеніяхъ не выдѣлять и себя изъ числа обличаемыхъ, и даже прямо заявлять слушателямъ: „Самъ-то, молъ, я хуже всѣхъ васъ, братія, и обличая васъ, обличаю самаго себя; не обличать-же не могу, „нужда-бо ми належитъ, и горе мнѣ, аще не благовѣствую.“

При произношеніи проповѣдей немалое значеніе имѣютъ и манеры проповѣдника, не говоря уже о выразительной интонаціи голоса; поэтому молодому проповѣднику, прежде чѣмъ онъ ступитъ на церковную каѳедру, не мѣшаетъ порепетировать себя дома, это не ради того, чтобы рисоваться предъ слушателями своею фигурою,—это желаніе недостойно проповѣдника,—а ради того, чтобы на каѳедрѣ быть приличнымъ, не являться въ глазахъ слушателей смѣшнымъ и вообще не возбуждать въ нихъ своимъ поведеніемъ какого-либо нежелательнаго чувства. При выходѣ-же на каѳедру никогда не слѣдуетъ забывать практическаго правила, именно: искренно, отъ души помолиться

предъ престоломъ Божіимъ словами Псалмопѣвца: „Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою.“

Въ заключеніе мы должны сознаться, что въ своей замѣткѣ не имѣли въ виду сказать что либо новое, что не было бы извѣстно опытнымъ проповѣдникамъ; при составленіи ея у насъ были двѣ цѣли: 1) быть сколько нибудь полезными молодымъ, только еще начинающимъ проповѣдникамъ, и 2) вызвать со стороны опытныхъ проповѣдниковъ обмѣнъ мыслей по предмету церковно-народнаго проповѣдничества, привлекшему за послѣднее время общее на себя вниманіе и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

Умѣстны ли слезы на церковной каѳедрѣ?

Хотя вопросъ этотъ довольно неопредѣленно рѣшается нашими гомилетами, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что они склоняются къ признанію слезъ неумѣстными на церковной каѳедрѣ. Такъ въ гомилетикѣ прот. Н. А. Ѳаворова (3 изд., стр. 172) говорится: „Бываетъ, что при сильныхъ движеніяхъ чувства взоръ проповѣдника невольно увлажается слезою: что порождается силою добраго чувства, то непредосудительно; но тѣмъ не менѣе проповѣднику надобно удерживаться отъ слезъ и владѣть собою при самыхъ живыхъ движеніяхъ души и сердца. Плакать на каѳедрѣ хотя не такъ неприлично, какъ смѣяться, однакожъ и не совсѣмъ умѣстно.“ Что смѣхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться позволительнымъ не только для проповѣдниковъ, но и для ихъ слушателей, это понятно само собою, и американскіе протестантскіе проповѣдники, дозволяющіе себѣ смѣшить своихъ слушателей каламбурами и остротами, не могутъ найдти надлежащаго оправданія ни въ практикѣ древней Церкви, ни въ чистомъ нравственномъ чувствѣ. Но требованіе отъ проповѣдника подавленія въ себѣ даже добрыхъ „движеній души и сердца“ и

взглядъ на слезы, какъ на „несовсѣмъ умѣстныя“ на каѳедрѣ, намъ кажется слишкомъ строгимъ. На церковной каѳедрѣ болѣе всего неумѣстно лицемѣріе и притворство. Но коль скоро слезы являются невольнымъ, естественнымъ выраженіемъ добраго, чистаго христіанскаго чувства, слѣдствіемъ искренняго глубокаго сокрушенія проповѣдника о грѣхахъ своихъ ближнихъ, объ ихъ нравственной погибели, о постигшемъ ихъ или грозящемъ имъ божественномъ наказаніи и т. под., то слезы нельзя признавать неприличными, и проповѣднику, какъ намъ кажется, нѣтъ необходимости удерживаться отъ нихъ и подавлять въ себѣ свое чувство. Въ этомъ случаѣ онъ можетъ слѣдовать примѣру нашего Пастыреначальника и божественнаго Учителя, который во дни плоти своей неоднократно выражалъ въ слезахъ свою безпредѣльную любовь ихъ людямъ и скорбь о нихъ, плакалъ объ отягченномъ грѣхами Іерусалимѣ и съ сильнымъ воплемъ и слезами приносилъ молитвы и моленія Богу (2 Кор. VI, 7). И апостолъ Павелъ нерѣдко сопровождалъ свое слово слезами. Такъ напр. изъ собственныхъ словъ его къ ефесскимъ пастырямъ видно, что онъ „непрестанно со слезами училъ каждаго“ изъ нихъ (Дѣян. XX, 31). Также пророкъ Іеремія нерѣдко проливалъ слезы по причинѣ прегрѣшеній своего народа. Эти и многіе другіе примѣры, представляемые библейскою и древне-церковною исторіею, ясно показываютъ, что слово проповѣдника можетъ сопровождаться слезами, какъ выраженіемъ добраго, чистаго чувства. Слезы не приличны и не умѣстны на церковной каѳедрѣ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ бываютъ притворными или служатъ признаками малодушія, отчаянія и т. под.

Н. Д.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 декабря 1883 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 2.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Января 8-го.

Содержаніе: О мѣрахъ къ распространенію печатныхъ проповѣдей въ народѣ.—Кто виноватъ?—Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 г.—Почему понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ?

О мѣрахъ къ распространенію печатныхъ проповѣдей въ народѣ.

Проповѣдь составляетъ одно изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для нравственно-религіознаго развитія народа и для устраненія изъ среды его тѣхъ безполезныхъ изданій, въ которыхъ онъ тщетно, а иногда даже во вредъ себѣ ищетъ удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ. Поэтому нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ усиленію проповѣдничества, обнаруживающемуся въ послѣдніе годы среди нашихъ пастырей, и къ тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаются у насъ для распространенія печатныхъ проповѣдей въ народѣ. Къ сожалѣнію, мѣры эти не имѣютъ того широкаго развитія, какое было бы желательно: онѣ состоятъ обыкновенно въ безплатной раздачѣ проповѣдей въ церквахъ и монастыряхъ. Поэтому проповѣди почти

исключительно попадаютъ въ руки тѣхъ, кто посѣщаетъ церковное богослуженіе. Но на нравственно-религіозное развитіе такихъ лицъ можетъ благотворнымъ образомъ дѣйствовать уже самое богослуженіе, которое и само по себѣ назидательно, въ получаемыхъ же ими проповѣдяхъ они нерѣдко встрѣчаютъ повтореніе того же, что слышатъ въ церкви. При распространеніи проповѣдей не нужно упускать изъ вниманія, или, вѣрнѣе, нужно главнымъ образомъ имѣть въ виду ту громадную массу народа, которая вслѣдствіе своихъ занятій или другихъ какихъ либо причинъ не посѣщаетъ богослуженія и такимъ образомъ остается въ воскресные и праздничные дни безъ всякаго назиданія. Для распространенія же проповѣдей среди этого класса людей слѣдовало бы, какъ намъ кажется, основать особое общество, члены котораго дѣлали бы небольшой денежный взносъ для изданія проповѣдей или же принимали бы на себя обязанность раздачи проповѣдей въ извѣстные часы воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ ближайшихъ къ ихъ мѣсту жительства частяхъ города, и не только посѣщать съ этою цѣлью дома, которые по преимуществу служатъ мѣстопребываніемъ простаго народа, и тѣ учрежденія, члены которыхъ въ воскресные и праздничные дни не освобождаются отъ служебныхъ занятій (телеграфныя и полицейскія учрежденія, вокзалы и т. под.), но и предлагать проходящимъ по улицѣ печатныя проповѣди безплатно или за самую низкую плату (примѣрно за $^1/_2$ коп.), смотря по ихъ желанію. За матеріаломъ для этихъ изданій дѣло не стало бы: мы имѣемъ теперь довольно богатую проповѣдническую литературу, изъ которой можно выбрать много весьма пригоднаго для простаго народа, а авторы и издатели, конечно, дали бы свое согласіе на безвозмездную перепечатку нѣкоторыхъ проповѣдей. Не было бы недостатка, безъ сомнѣнія, и въ лицахъ, готовыхъ принять активное участіе въ дѣлѣ распространенія проповѣдей среди народа. Все дѣло лишь въ иниціативѣ и въ самыхъ мѣрахъ къ распространенію проповѣдей. Но иниціатива уже сдѣлана нѣкоторыми изъ нашихъ обществъ,

имѣющихъ цѣлью распространеніе Св. Писанія и другихъ полезныхъ изданій въ народѣ, такъ что даже нѣтъ настоятельной необходимости въ немедленномъ основаніи особаго общества для указанной нами цѣли: эта цѣль можетъ достигаться и однимъ уже изъ существующихъ обществъ. Все дѣло сводится въ сущности лишь къ принятію наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ для распространенія полезныхъ народныхъ изданій и проповѣдей, а такими мѣрами могутъ быть, по нашему мнѣнію, лишь тѣ, которыя выше указаны нами и которыя уже дали въ Германіи блестящіе результаты. Какъ можетъ быть организовано это дѣло, лучше всего можно видѣть изъ дѣятельности берлинской городской миссіи.

Въ Берлинѣ начало раздачи проповѣдей народу положено придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ (Stöcker), и первоначально она ограничивалась лишь 600 экземпляровъ, но въ настоящее время уже до 1700 проповѣдей городскими миссіонерами, состоящими изъ людей различныхъ званій и состояній, изъ богатыхъ и бѣдныхъ, взрослыхъ и дѣтей, мущинъ и женщинъ, по воскреснымъ днямъ раздаются безплатно, или съ платою въ 1 пфенигъ (ок. $^1/_2$ коп.) по преимуществу лицамъ, не освобождающимся въ воскресные дни отъ служебныхъ занятій и не могущимъ такимъ образомъ посѣщать церковнаго богослуженія. Проповѣди не только раздаются на улицахъ и площадяхъ, но также разносятся по общественнымъ и частнымъ зданіямъ,—по почтовымъ конторамъ, полицейскимъ учрежденіямъ и т. под.

Матеріалъ для этихъ проповѣдей получается очень легко. Онѣ не пишутся вновь, а выбираются изъ прежде напечатанныхъ. Произведенія лучшихъ проповѣдниковъ (Гармса, Аьльфельда, Макса Фроммеля и друг.), въ случаѣ надобности, сокращаются и перепечатываются съ дозволенія издателей и авторовъ заранѣе, за нѣсколько дней до того дня, на который они предназначены, чтобы не только они могли заранѣе получаться миссіонерами въ разныхъ частяхъ Берлина, но получаться своевременно, по або-

нименту, также въ другихъ городахъ и селеніяхъ, такъ какъ эти проповѣди находятъ распространеніе не только въ разныхъ странахъ Европы, но даже въ Америкѣ.

Но въ особенности громадную популярность получили эти проповѣди въ Берлинѣ. Проходя въ воскресный день по улицѣ утромъ, постоянно можно видѣть здѣсь то извощика, то горничную, то лакея, то почталіона, которые, пользуясь нѣсколькими свободными минутами, читаютъ полученныя ими проповѣди.

Нерѣдко получившій проповѣдь не ограничивается прочтеніемъ ея, но и распространяетъ ее среди другихъ. Такъ напр. одинъ деньщикъ передаетъ проповѣдь своему офицеру, одинъ извощикъ читаетъ проповѣдь на улицѣ своему товарищу, не получившему ея, другой извощикъ, прочитавъ проповѣдь, кладетъ ее въ свой экипажъ, чтобы могли воспользоваться ею пассажиры. Въ распространителяхъ проповѣдей вообще нѣтъ недостатка. Нѣкоторыя лица не безъ колебанія соглашались принять на себя обязанность раздачи проповѣдей, но когда они убѣждались, какъ легко это дѣлается и съ какою сердечною радостью и искреннею благодарностью принимаются многими проповѣди, то становились самыми ревностными миссіонерами. Отъ принятія предлагаемыхъ проповѣдей лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ кто либо отказывается, а при повтореніи предложенія всегда почти получается согласіе.

Средства для распространенія печатныхъ проповѣдей получаются въ обиліи путемъ пожертвованій не только отъ людей состоятельныхъ, но даже отъ бѣдныхъ. Одинъ рабочій, напр., жертвуетъ каждое воскресенье $1^1/_2$ марки (ок. 70 к.) для раздачи проповѣдей, желѣзнодорожный сторожъ—1 марку, одна бѣдная вдова, живущая милостынею, каждое воскресенье откладываетъ 2 пфеннига (ок. 1 к.), чтобы за эту сумму могли получаться проповѣди тѣми лицами, которыя бѣднѣе ея.

Раздача проповѣдей уже успѣла обнаружить свое благотворное вліяніе на нравственно-религіозную сторону жизни народа.

Одинъ сельскій пасторъ сообщаетъ, что онъ сначала колебался раздавать эти проповѣди своимъ прихожанамъ, опасаясь, что они сочтутъ въ такомъ случаѣ излишнимъ для себя посѣщеніе церкви, такъ какъ, по вѣрованію протестантовъ, существенную часть богослуженія составляетъ именно проповѣдь. Но поборовъ въ себѣ это колебаніе, онъ былъ пораженъ неожиданнымъ успѣхомъ: больные нашли утѣшеніе для себя въ приносимыхъ имъ проповѣдяхъ, а здоровые, не посѣщавшіе прежде богослуженія, получили интересъ къ нему, такъ что вскорѣ оказалось уже ненужнымъ раздавать имъ проповѣди.

Проповѣди оказались прекраснымъ средствомъ и для противудѣйствія распространенію пустыхъ, безполезныхъ изданій въ народѣ. »Не нужно мнѣ этой чепухи«, сказалъ одинъ извощикъ разнощику подобнаго рода изданій, »у меня есть кое что получше этого«,—и показалъ ему только что полученную проповѣдь. Подобнаго рода примѣры среди простаго народа въ Германіи теперь не рѣдки.

Примѣръ берлинцевъ ясно показываетъ, какъ легко можетъ развиться до самыхъ широкихъ размѣровъ дѣло распространенія печатныхъ проповѣдей и другихъ общеполезныхъ изданій и какое благотворное вліяніе оно можетъ оказывать на народъ. Неужели у насъ не найдется подражателей этому благому дѣлу?

Н. Д.

Кто виноватъ?

16-го іюля 188... года становымъ приставомъ К. отправлено было священнику Т. отношеніе: »24 минувшаго апрѣля сего года найдены въ лѣсу въ 7-ми верстахъ отъ деревни Л—губы, пор. П., у большаго порога, кости отъ трупа покойнаго крестьянина дер. Л—губы Е. И. К. По произведенному сего числа дознанію обнаружено, что означенный крестьянинъ К., 78 л.,

заблудился въ лѣсу 2-го іюля 188... г. во время разысканія имъ своей лошади, о чемъ имѣю честь увѣдомить васъ и покорнѣйше просить кости отъ трупа покойнаго крестьянина К. предать землѣ по хр. чиноположенію«. Прочитавъ отношеніе, священникъ Т. пишетъ становому приставу. »При отношеніи Вашего Высокоблагородія неприложено костей, никто не привозилъ ихъ въ церковь, а равно никто и за мною не пріѣзжалъ, чтобы привести меня къ означеннымъ костямъ; поэтому просьба о преданіи ихъ землѣ неисполнена«. Г. становой приставъ высылаетъ священнику Т. новое отношеніе отъ 1-го августа: »16 іюля я прислъ Ваше благословеніе предать землѣ кости отъ трупа... по хр. чиноположенію, а не разыскивать ихъ; крестьянинъ К. утерялся 2-го іюля прошедшаго года, а кости его найдены въ лѣсу 24 апр. настоящаго года. По осмотрѣ мною минувшаго іюля найденныхъ костей, при бытности П. земскаго врача, никакихъ поврежденій на костяхъ не оказалось и означенныя кости преданы землѣ на православномъ кладбищѣ, при деревнѣ Л—губѣ. Могилу костей отъ трупа К. могутъ вамъ указать крестьяне деревни Л. Вы же не приглашены на погребеніе костей К. потому именно, что не находились дома, а были гдѣ-то на рыбной ловлѣ. При отношеніяхъ полиціи трупы умершихъ въ приходскую церковь изъ деревень не препровождаются, но не имѣнію въ виду закона, а хоронятся на мѣстахъ, при деревенскихъ православныхъ кладбищахъ«. Священникъ Т. не удовлетворился и этимъ новымъ отношеніемъ г. становаго и передалъ дѣло на обсужденіе о. благочиннаго. Не знаемъ, что о. благочинный отвѣчалъ священнику Т., но, кажется, кости найденнаго К. не отпѣты и до сего дня... Кто же виноватъ въ этомъ?

Получивъ увѣдомленіе, что кости утерявшагося крестьянина К. найдены, г. становой приставъ, по приглашеніи врача и надлежащемъ освидѣтельствованіи костей, сдѣлавъ распоряженіе о зарытіи ихъ въ землю, послалъ отношеніе священнику Т. о хр. отпѣтіи ихъ и, спокойный отъ увѣренности, что сдѣлалъ свое

дѣло, уѣхалъ во свояси..., но священника не было дома. Возвратившись, онъ узнаетъ изъ отношенія г. становаго, что найдены кости въ лѣсу, близъ порога, въ 7-ми верстахъ отъ деревни; надобно отпѣть ихъ, но кости не привезены въ церковь. Куда же ему направиться для (отпѣтія) погребенія ихъ: на то ли мѣсто, гдѣ онѣ найдены, или въ самую деревню, изъ коей былъ крестьянинъ К., и на чемъ отправиться? и вотъ отсылаетъ г. становому увѣдомленіе о неисполненіи просьбы его. Г. становой, сознавши свою недомолвку, допущенную въ отношеніи 16 іюля и, вѣроятно, обидѣвшись тѣмъ тономъ, въ какомъ написано было отношеніе священника Т. пускается въ подробныя объясненія относительно отысканія, освидѣтельствованія и погребенія костей и кончаетъ свое отношеніе заключеніемъ, что стоитъ только священнику явиться въ деревню Л., и каждый домохозяинъ укажетъ ему могилу костей отъ трупа К..., но священникъ не ѣдетъ и объясняется съ благочиннымъ, а кости не отпѣты. Кто же виноватъ въ этомъ дѣлѣ? По 859 ст. улож. о наказ. [1]) священникъ за уклоненіе отъ отпѣванія покойника можетъ быть обвиненъ только въ томъ случаѣ, если онъ дѣлаетъ это по капризу.

Постараемся выяснить обстоятельства, въ которыхъ находятся священники многихъ приходовъ Олонецкой епархіи, подобныхъ тому, въ которомъ имѣетъ жительство священникъ Т., и условія, при которыхъ имъ надобно жить и дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Деревня Л—губа, съ населеніемъ совершенно корельскимъ, находится отъ приходской церкви и священника въ 8-ми „немѣрныхъ“ верстахъ, изъ коихъ каждая minimum можетъ быть названа „семисотенною“ (состоящею изъ 700 саженъ). Путь туда водою, въ лодкѣ; іюль и августъ — время для крестьянъ жгучее, рабочее. Пишущему сіи строки случилось въ это время пріѣзжать въ подобныя деревни и всегда замѣчались въ нихъ однѣ только

---

[1]) Уложен. о наказ. изд. 1866 г. Срав. Уст. Врач. ст. 918 въ XIII т. Св. Зак.; Уст. Дух. Кон. ст. 202.

престарѣлыя старухи и самыя малыя дѣти—мальчики и дѣвочки, ни сколько не понимавшія по русски, при чемъ дѣти съ крикомъ и воплями бѣжали отъ него, какъ отъ страшилища. По неволѣ приходилось оставаться въ такихъ деревняхъ на цѣлые сутки и кой какъ выбираться изъ нихъ иногда даже пѣшкомъ. Въ сѣнокосное время крестьяне уходятъ въ лѣса, на пожни, на всю недѣлю и только къ ночи, по вечерамъ, является въ домъ для одоенія коровъ хозяйка дома, а остальные члены семейства и спятъ въ »станахъ« въ лѣсу. Чтобы священнику Т. пріѣхать въ деревню Л—губу, нужны лодка и гребцы, а гдѣ онъ возметъ ихъ, когда крестьяне на работѣ, и станутъ ли крестьяне отвозить и привозить священника безъ денегъ, коихъ у него нѣтъ въ запасѣ? Да и справедливо ли принуждать священника къ уплатѣ денегъ за разъѣзды его по приходу при исправленіи требъ, подобныхъ описанной выше? Есть впрочемъ въ деревню Л. и тропинка пѣшеходная, но и въ этомъ случаѣ жалающему принудить священника брести по этой дорогѣ можно поставить на видъ необходимость имѣть проводника, безъ котораго можно заблудиться такъ же, какъ заблудился старикъ К., кости котораго сдѣлались камнемъ претыканія для становаго пристава и приходскаго священника. Проводнику же нужно выдать поденную плату за время и за трудъ. А священникъ откуда возметъ ее? Итакъ главная причина, по коей священникъ Т. не въ состояніи былъ явиться въ деревню Л—губу для отпѣтія костей найденнаго въ лѣсу крестьянина К., „отсутствіе“ лодки и гребцовъ или вообще „подводы“. Далѣе: гдѣ было найти то мѣсто, въ которомъ кости погребены? Мѣстные жители на работѣ, старухи и малолѣтки не понимаютъ по русски, священникъ не можетъ объясняться по корельски. Да и справедливо ли возлагать на священника особую тяготу расхаживанія по крестьянскимъ домамъ съ распросами о мѣстѣ, на коемъ, по распоряженію полицейскаго чиновника, закопано тѣло умершаго человѣка??...

Невольно обращаетъ на себя вниманіе и приписка г. становаго пристава ко второму своему отношенію отъ 1-го авг. »При отношеніяхъ полиціи трупы умершихъ въ приходскую церковь изъ деревень не препровождаются, „по неимѣнію въ виду закона“, а хоронятся на мѣстахъ при деревенскихъ православныхъ кладбищахъ«. Въ полицейскихъ правилахъ о погребеніи умершихъ, отд. IV объ устройствѣ кладбищъ и отд. V о погребеніи мертвыхъ сказано (ч. 2) § 1071: »мертвые должны быть погребаемы на отведенныхъ для того кладбищахъ (Улож. о наказ. ст. 107 859) внѣ городовъ и селеній« § 1064: »кладбищъ среди селеній не имѣть, но учреждать оныя позади, не ближе полуверсты отъ нихъ, при построеніи новыхъ церквей«. Мы не принимаемъ на себя права и обязанности входить въ изслѣдованіе, было ли г. становымъ обращено вниманіе на то кладбище, на которомъ, по распоряженію его, были погребены кости найденнаго крестьянина, было ли имъ изслѣдовано, кѣмъ и когда отведено это кладбище и проч. и проч. и проч. Мы желаемъ только сказать, что въ Олонецкой губерніи, особенно въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, покойники погребаются не только на общихъ, отведенныхъ властію, но и на частныхъ, никѣмъ неотведенныхъ, но изстари заведенныхъ кладбищахъ,—при деревняхъ. Существованіе этихъ частныхъ, никѣмъ не отведенныхъ кладбищъ при деревняхъ, вызываетъ непроизводительную трату времени у священника и сопровождается многими другими вредными послѣдствіями. Отпѣваніе умершихъ въ домахъ, иногда въ часовняхъ, отнимаетъ у священника много времени на переѣзды изъ деревни въ деревню, неблагопріятно дѣйствуетъ на отношенія прихожанъ къ мѣстному причту, поддерживаетъ въ прихожанахъ и отчужденія отъ церкви. Случается, напр., что одновременно просятъ для отпѣтія въ двѣ деревни, иногда при этомъ еще зовутъ въ третью для крещенія младенца. Одинъ причтъ вдругъ не въ состояніи удовлетворить просьбъ многихъ. Отправляясь для крещенія младенца или отпѣтія въ одну деревню, онъ по необходимости дол-

женъ отложить отпѣтіе въ другой деревнѣ до своего возвращенія изъ первой,—иногда до слѣдующаго дня. Этимъ оскорбляются родственники умершаго. Они заявляютъ, что для нихъ обременительно во второй разъ посылать подводу за священникомъ, да кромѣ того, въ рабочее время и оставаться при покойникѣ до пріѣзда священника невыгодно въ хозяйственномъ отношеніи, а потому иные сразу же, по возвращеніи отъ священника, погребаютъ умершаго безъ возложенія кѣнчика на него. На предложеніе священника привозить покойниковъ въ церковь для отпѣтія очень немногіе соглашаются. Большая же часть оскорбляется этимъ предложеніемъ, выставляя на видъ, что прежде не было этого. Бываетъ и такъ, что младенцы зарываются въ землю безъ вѣдома причта, который отпѣваетъ ихъ надъ могилою тогда, когда пріѣзжаетъ въ деревню для исправленія другой какой либо требы. Столь печальныхъ явленій не было бы, если бы отпѣваніе совершалось въ храмѣ и если бы отведено было общее кладбище для селеній, по крайней мѣрѣ ближайшихъ къ церкви. Существованіе частныхъ кладбищъ, разбросанныхъ по деревнямъ, имѣетъ еще и ту невыгодную сторону, что лишаетъ священника возможности наблюдать за надлежащимъ зарытіемъ покойниковъ въ могилы (за исполненіемъ 929 ст. Уст. Мед. Полиц., относящейся собственно къ кладбищенскимъ священникамъ, но иногда распространяемой и на все духовенство епархіи). Пишущій сіи строки бывалъ очевидцемъ такихъ могилъ, въ которыхъ гробовая крышка едва, едва покрывалась землею. Начинаютъ напр. копать могилу для погребенія ребенка... выкопаютъ $^3/_4$ арш., далѣе нельзя копать: или камень (скала) или гробъ прежняго покойника. Ну и ставятъ гробикъ въ выкопанную яму, насыплютъ поверхъ сколько нибудь земли—и дѣло кончено[1]). Священникъ, если и пріѣдетъ спустя

---

[1]) На кладбищахъ при деревняхъ для младенцевъ почти никогда не выкапываютъ могилъ глубже аршина. Немногимъ глубже оныя копаются и для взрослыхъ.

нѣсколько времени послѣ зарытія для отпѣтія, ничего не увидитъ. А если и узнаетъ, то развѣ можетъ что подѣлать? Пастырю—священнику быть доносчикомъ на своихъ прихожанъ и ссориться съ ними, привлекая ихъ къ отвѣтственности, не пригоже во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ виду 202 ст. Уст. духов. Консист. А потому мы положительно утверждаемъ, что обязанностей, возлагаемыхъ означен. 929 ст. Уст. Мед. Полиц. „собственно“ на кладбищенскихъ (безприходныхъ) священниковъ, священники, имѣющіе приходы и живущіе вдали отъ кладбищъ, ни какъ не могутъ выполнить. Имъ и неудобно, и неприлично, и совершенно невозможно имѣть наблюденіе за соблюденіемъ правилъ о закапываніи покойниковъ въ могилы и на общихъ то кладбищахъ. Общее церковное кладбище по большей части отводится въ ½ верстѣ отъ церкви, или селенія, въ которой—церковь. Есть приходскія кладбища, отстоящія отъ церкви на нѣсколько верстъ: когда родственники покойника просятъ священника о сопровожденіи гроба до могилы, тогда онъ и бываетъ на такомъ кладбищѣ, въ противномъ случаѣ онъ не бываетъ тамъ. Какъ же онъ можетъ знать, глубоко ли могила выкопана? Обязать же священника, чтобы онъ при извѣстіи о смерти каждаго своего прихожанина являлся на кладбище для наблюденія за вырытіемъ могилы до извѣстной глубины, едва ли справедливо. Да и въ состояніи ли священникъ сдѣлать что либо полезное, кромѣ вреда самому себѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, приглашенный къ сопровожденію гроба до могилы, замѣтитъ, что глубина ея меньше противъ указанной въ законѣ. Въ этихъ случаяхъ, если что возможно для него, то развѣ одно только произнесеніе краткаго поученія о вредѣ отъ плохаго зарыванія покойниковъ въ могилы. Болѣе сего онъ ничего не въ состояніи предпринять. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли онъ, наприм., заставить вырывать землю изъ могилы до надлежащей глубины въ то время, когда надобно опустить туда гробъ съ покойникомъ? Можетъ ли онъ заявить полиціи о невыполненіи прихожанами законныхъ требованій, даже отыскать ее? Сторожъ, котораго священникъ могъ

бы послать для отысканія полиціи, на кладбище за гробомъ не ходитъ. Въ селахъ притомъ не только въ будничные дни, но даже и въ праздничные иногда и совершенно не бываетъ сторожа при церкви [1]). Въ виду всего сказаннаго, отъ всей души желательно было бы, чтобы были закрыты частныя кладбища при деревняхъ, а вмѣсто такихъ кладбищъ было отведено одно общее церковное, по крайней мѣрѣ для нѣсколькихъ селеній. Само собою разумѣется, что отведеніе обще-церковнаго кладбища тогда только будетъ цѣлесообразно, когда оно будетъ произведено при посредствѣ гражданскаго чиновника, когда прихожане тѣхъ деревень, для которыхъ отведено общее кладбище, будутъ извѣщены о томъ, обязательно приглашены къ благоустройству отведеннаго кладбища (къ обнесенію оградою) и къ погребенію покойниковъ на одномъ признанномъ властію кладбищѣ. Дѣйствованіе при посредствѣ благонамѣреннаго чиновника можетъ имѣть болѣе авторитета въ глазахъ крестьянъ, чѣмъ дѣйствованіе чрезъ сельскихъ старостъ, по своему невѣжеству часто не пони-

---

[1]) Это отсутствіе церковнаго сторожа составляетъ такое зло, о которомъ также многое можно бы сказать, и даже постоянно говорятъ и благочинные и священники, и заявленіями ихъ почти наполненъ распорядительный столъ консисторіи, но только пока еще не выходитъ никакого толку. Во многихъ приходахъ сторожа избираются „по мѣсячно“, даже „на полмѣсяца“. Чему онъ въ теченіи этого времени можетъ научиться? И часто бываетъ, что избранный изъ дальней деревни вовсе не является къ церкви. Пока настоятель церкви ведетъ переписку съ сельскимъ и волостнымъ начальствомъ о высылкѣ его къ мѣсту служенія, время, назначенное для сторожевской службы его проходитъ, и настоятель церкви, не дождавшись его къ мѣсту служенія, начинаетъ новую переписку о высылкѣ „новаго“, выбраннаго на ½ мѣсяца и не являющагося къ церкви, сторожа... и такимъ образомъ происходитъ одно безполезное толченіе воды, и какъ бы съ одной стороны травля волостныхъ и сельскихъ начальствъ, а съ другой глумленіе надъ священникомъ. Иные священники нанимаютъ сторожа на „цер. сумму“ и потомъ начинаютъ переписку о взыскѣ уплаченной суммы съ неявившагося сторожа.

мающихъ благотворности мѣръ, предпринимаемыхъ начальствомъ. Объясненіе чиновника, что погребенія на общемъ кладбищѣ требуетъ законъ, а не капризъ и затѣя священника, имѣло бы болѣе силы убѣдительности, чѣмъ даже объясненіе самаго священника. Съ другой стороны въ случаѣ заявленія о затрудненіяхъ при погребеніи на общихъ кладбищахъ, чиновники на мѣстѣ могли бы удостовѣряться въ справедливости этихъ заявленій и или отказывать просителямъ, или, по составленіи актовъ, отводить имъ частныя кладбища при деревняхъ. Даже можно было бы сдѣлать на мѣстѣ въ каждомъ приходѣ росписаніе: изъ какихъ деревень покойники должны быть погребаемы на общихъ церковныхъ кладбищахъ и въ какихъ, за невозможностію погребать ихъ на этихъ кладбищахъ, должны быть отведены частныя кладбища. По отведеніи обще-церковныхъ кладбищъ указаннымъ порядкомъ, устранились бы многія непріятности и столкновенія между прихожанами и сельскими приходскими священниками и предотвратились бы просьбы къ начальству о погребеніи покойниковъ по прежнему обыкновенію. Тогда сдѣлались бы невозможными и отписки гг. становыхъ, что »при отношеніяхъ полиціи трупы умершихъ въ приходскую церковь изъ деревень не препровождаются по неимѣнію въ виду закона, а хоронятся на мѣстахъ при деревенскихъ правосл. кладбищахъ«, отписки, поставляющія священниковъ въ крайне затруднительное положеніе; при нахожденіи мертвыхъ тѣлъ гг. становые пристава знали бы, куда, на какое кладбище отсылать ихъ для погребенія, и священники знали бы, куда имъ надо ѣхать для отпѣванія. Тогда было бы возможно надлежащее наблюденіе и за точнымъ выполненіемъ правилъ при погребеніи мертвыхъ. Что касается ближайшаго непосредственнаго наблюденія за копаніемъ могилъ и отвѣтственность за не исполненіе закона въ этихъ случаяхъ, то желательно было бы, чтобы оно было возложено и на урядниковъ, сельскихъ старостъ, сотскихъ, десятскихъ и церковныхъ сторожей. Сіи послѣдніе обязаны въ случаѣ неисполненія закона заявлять объ этомъ урядникамъ, если

урядники имѣютъ жительство при церкви, или десятскимъ. Высшее же наблюденіе за этимъ могли бы принять на себя и благочинные и священники, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы сіи послѣдніе т. е. священники при своихъ наблюденіяхъ за исполненіемъ правилъ относительно копанія могилъ не выходили изъ круга дѣйствій чисто „пастырскихъ“, стараясь исправлять злоупотребленія и при копаніи могилъ духомъ кротости, словомъ убѣжденія и разъясненія, а не привлеченіемъ виновныхъ прихожанъ къ отвѣтственности. Чѣмъ меньше со стороны священника будетъ доносовъ на своихъ прихожанъ и чѣмъ меньше по этимъ доносамъ прихожане будутъ привлекаться къ отвѣтственности, тѣмъ лучше будетъ для самаго священника, тѣмъ плодотворнѣе будетъ пастырское служеніе его, какъ духовнаго отца своихъ прихожанъ.

Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 годъ.

Съ настоящаго года въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“ открывается особый отдѣлъ „Проповѣдническое обозрѣніе“, въ которомъ Редакція предполагаетъ періодически давать отчетъ о проповѣдяхъ, помѣщающихся въ нашихъ повременныхъ духовныхъ изданіяхъ, и отмѣчать особенно выдающіяся изъ нихъ. Принимаемся за дѣло краткимъ обозрѣніемъ проповѣдничества нашего за протекшій годъ.

Считаемъ нужнымъ въ началѣ же оговориться, что многаго въ этой статьѣ не обѣщаемъ, съ одной стороны стѣсненные довольно ограниченными рамками журнала, съ другой стороны подавляемые массою до безконечности разнообразнаго матеріала. Это послѣднее обстоятельство настолько тормозитъ дѣло обозрѣвателя, что вмѣсто общепринятаго дѣленія проповѣдей при ихъ обозрѣніи по предметамъ содержанія, отчасти прикрываясь, впрочемъ, главною задачею нашего журнала, мы прибѣгнемъ къ чисто

механическому дѣленію ихъ на „городскія“ и „сельскія“, ограничившись только лишь самыми общими замѣчаніями о тѣхъ и другихъ. Еще одна и послѣдняя оговорка: предметъ настоящаго обозрѣнія составятъ исключительно лишь проповѣди, помѣщавшіяся на страницахъ епархіальныхъ вѣдомостей (всѣхъ); проповѣди же, помѣщавшіяся на страницахъ спеціальныхъ проповѣднническихъ періодическихъ изданій („Проповѣдническаго листка, Воскресныхъ бесѣдъ“—изданіе московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и др.), а равно и на страницахъ нашихъ такъ называемыхъ „толстыхъ“ духовныхъ журналовъ [1]), все это составитъ особую статью.

Въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за послѣдніе годы вообще и за истекшій 1883 годъ въ частности отводится такъ много мѣста проповѣдямъ, что „неоффиціальные“ отдѣлы вѣдомостей, случается, бываютъ только ими одними и наполнены, въ ущербъ статьямъ по разработкѣ текущихъ вопросовъ пастырской практики. Явленіе, вообще говоря, довольно отрадное, такъ какъ количество печатаемыхъ проповѣдей служитъ не только показателемъ широкаго развитія проповѣдничества въ послѣднее время, но и свидѣтельствуетъ о несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствахъ самыхъ проповѣдей—достоинствахъ, дающихъ имъ право на появленіе въ печати. Разсматривая проповѣди 1883 года и останавливаясь сначала на проповѣдяхъ „городскихъ“, мы прежде всего напомнимъ читателямъ о тѣхъ условіяхъ, какими обставляется писаніе городскихъ проповѣдей—напоминаніе тѣмъ болѣе необходимое, что отъ этихъ условій находится въ весьма тѣсной и замѣтной зависимости самый характеръ названныхъ проповѣдей. Большинство „городскихъ“ проповѣдей относится къ разряду тѣхъ изъ нихъ, которыя составляются по особому на каждый годъ росписанію

---

[1]) Отдѣльнымъ сборникамъ проповѣдей, какъ читатели могли уже это видѣть изъ послѣднихъ №№ нашего журнала, отводится Редакціею мѣсто въ „Библіографическомъ Листкѣ“.

епархіальныхъ преосвященныхъ или консисторій и предназначаются для произнесенія въ каѳедральныхъ соборахъ при архіерейскихъ служеніяхъ. Невыгодная сторона составленія подобнаго рода проповѣдей заключается прежде всего въ томъ, что священнику какого либо прихода отдаленнаго предмѣстья города приходится составлять проповѣдь для совсѣмъ незнакомой, или по меньшей мѣрѣ весьма мало знакомой ему паствы центральнаго прихода. Еще большею невыгодою отзывается то обстоятельство, что посѣтителями каѳедральныхъ соборовъ, особенно во время архіерейскихъ служеній, всегда бываетъ самая смѣшанная публика—отъ неграмотнаго простолюдина и до представителя послѣдняго слова науки включительно. И вотъ, волей-неволей приходится проповѣднику затрогивать только самые общіе вопросы христіанскаго вѣро-и нраво-ученія и въ ущербъ назидательности своего пастырскаго слова обращать исключительное вниманіе на „изслѣдованіе“ и на внѣшнюю отдѣлку проповѣди. Этимъ, по нашему мнѣнію, и должно объяснять то, что нравоученію въ „городскихъ“ проповѣдяхъ обыкновенно отводится самое незначительное мѣсто, причемъ сразу же можно видѣть, что и высказывается-то оно не столько по внутреннимъ побужденіямъ самаго проповѣдника—съ цѣлію назиданія слушателей, сколько ex officio, для приданія своему произведенію характера „проповѣди“. Встрѣчаются даже такія проповѣди, о „гомилетическомъ“, если можно такъ выразиться, характерѣ которыхъ только и догадываешься по заключительному слову „аминь“; отбросьте это заключительное слово „аминь“, и получится строго-и сухо-спеціальное, хотя весьма богатое по содержанію и во многихъ другихъ отношеніяхъ прекрасное ученое разсужденіе, напр. о троичности Лицъ въ Богѣ и Ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, каково хотя бы „слово въ день праздника св. Пятидесятницы“, помѣщенное въ 16 № Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и даже снабженное цѣлымъ рядомъ подстрочныхъ примѣчаній. Самый строй мыслей и форма выраженія ихъ далеко не соотвѣтствуютъ харак-

теру проповѣди, какъ имѣющей своею главною цѣлію популяризацію религіозныхъ истинъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ старается уяснить извѣстное свое положеніе или выводъ различными сравненіями, примѣрами, уподобленіями,— даже и въ такихъ случаяхъ, говоримъ, онъ является не церковнымъ витіею, а безстрастнымъ философомъ, витающимъ въ сферѣ отвлеченныхъ понятій. Вотъ для примѣра заключительная тирада его, имѣющая цѣлію своею, предполагается, наглядное объясненіе догмата о троичности Лицъ въ Богѣ и Ихъ взаимномъ отношеніи: „Всякій творецъ отпечатлѣваетъ себя въ своемъ произведеніи. Не найдемъ ли мы отпечатка Св. Троицы и въ этомъ высочайшемъ произведеніи нашего Творца, каковъ этотъ прекрасный міръ? Какой напримѣръ составъ человѣка? Мы отличаемъ въ немъ только душу и тѣло. Апостолъ Павелъ находитъ не двоицу, а троицу: духъ, душу и тѣло. Въ самой душѣ умъ, воля, сердце, въ духѣ—стремленіе къ истинному, доброму и изящному; въ тѣлѣ три такъ называемыя системы—головную, грудную, брюшную. Въ природѣ три силы важнѣйшія: магнитная, центро-стремительная, или, что тоже, притягательная, все притягивающая къ своему центру, другая—электрическая, центро-бѣжная, или, что тоже, отталкивающая, и третья химическая—круговращательная. Планеты тяготѣютъ къ своему солнцу, солнце частію быстрымъ своимъ вращательнымъ вокругъ себя движеніемъ, а частію постояннымъ, непрерывнымъ упоромъ своихъ лучей то въ ту, то въ другую сторону не допускаетъ ихъ къ себѣ, а какъ бы отталкиваетъ ихъ отъ себя и этимъ двоякимъ на нихъ дѣйствіемъ заставляетъ ихъ обращаться вѣчно вокругъ себя, чему можетъ быть способствуетъ ихъ круговращеніе около собственныхъ ихъ осей, а частію и чрезвычайная упругость облегающаго ихъ воздуха. Солнце рождаетъ планеты, какъ нынѣ стала утверждать наука, и въ видѣ лучей испускаетъ на всю область своихъ планетъ свѣтъ и теплоту, которая, отражаясь отъ планетъ, снова возвращается къ своему началу. Сколько у насъ стихій? Всего

три: земля, вода и воздухъ. Огонь не есть особая стихія, а явленіе борьбы двухъ противоположныхъ газовъ. На сколько царствъ дѣлится наша земля? На царство стихій, на царство минераловъ бездушныхъ тѣлъ, не имѣющихъ ни чувства, ни самоуваженія, и на живыя творенія. На сколько эти живыя творенія? Также на три: на растенія, въ которыхъ замѣчается только внутреннее самодвиженіе, на животныя, обладающія не только свободою движеній, но и самочувствіемъ, и на родъ человѣческій, въ которомъ преобладаетъ и самосознаніе. Каждая семья состоитъ изъ отца, матери и дѣтей. Откуда это повсюдное отчество и сыновство? Не показываетъ ли все это, что въ самой глубинѣ, въ послѣднемъ основаніи всей природы какая-то таинственная троичность? Что самый Творецъ ея есть единство въ троицѣ и троица въ единствѣ [1])"?—И это еще одно изъ самыхъ общедоступныхъ мѣстъ. Прибавьте ко всему раньше сказанному весьма значительный объемъ (17 страницъ убористой печати) разсматриваемой проповѣди, и вы убѣдитесь, насколько мы правы были въ своемъ приговорѣ о ней. Слишкомъ объемистыя проповѣди вообще утомительны для совсѣмъ не привыкшаго къ богословскимъ умозрѣніямъ смѣшаннаго состава слушателей, объ объемистыхъ же проповѣдяхъ отвлеченнаго „догматическаго" характера и говорить нечего. Въ этомъ отношеніи практика русской церковной проповѣди проявила весьма много такта, выработавши свою, если хотите, даже особую „русскую" проповѣдь: стройную по формѣ, важную по предмету, общедоступную по изложенію и, главное, „краткую" по объему,—качества, которыя слишкомъ осязательно говорятъ сами за себя. Безъ указанныхъ качествъ проповѣдь не можетъ стоять на подобающей ей высотѣ.

Страннымъ показалось намъ и „слово въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, свящ. Ливанскаго [2])".

---

[1]) Воронеж. епарх. вѣдом. 1883 г., № 16, стр. 674—675.

[2]) См. Орловск. епарх. вѣдом. 1883 г., № 10.

По объему своему оно еще болѣе предыдущаго (23 страницы), по характеру же—это довольно бойкая такъ называемая „академическая“ рѣчь, живо затрогивающая и мѣтко обрисовывающая »по истинѣ плачевное«,—какъ говоритъ проповѣдникъ,—»положеніе современнаго намъ общества человѣческаго, какъ особенно западно-европейскаго (?), такъ частію и нашего«. Слово до того испещрено иностранными словами, что страшно становится за воспитанниковъ Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, предъ которыми оно было произнесено. Безъ словоистолкователя даже ученикамъ старшихъ классовъ трудно было обойтись при слушаніи слова о. Ливанскаго; ученики же младшихъ классовъ были, очевидно, прямо таки въ положеніи жертвъ, такъ какъ для нихъ и самый предметъ проповѣди совершенно непонятенъ. »Прогрессировать«, »міровая культура«, »факторъ цивилизаціи христіанскаго міра«, »свобода, самостоятельность, совершеннолѣтіе есть лозунгъ нашего времени«, »мистическое сумасбродство«, »атеистическіе взгляды«, »интеллигентные классы«, »пагубныя доктрины безвѣрія«, »антирелигіозный фанатизмъ«, »церковныя эмблемы«, »эпидемическій характеръ«, »вводить въ практику принципъ атеистическаго обученія«, »курсъ морали«, »страшная реакція«, »конгрессъ соціалистовъ-анархистовъ«, »современные намъ троглодиты«, »парализующее значеніе«, »философскія тенденціи«, »грандіозная высота«, »гуманные ревнители мірскаго прогресса«, »ужасающіе симптомы«, »индифферентизмъ къ вѣрѣ«, »магометанско-протестантскія представленія«,—этими и очень многими другими подобными словами и выраженіями до того обильно усыпана вся проповѣдь, что даже при чтеніи какъ-то непріятно рябитъ въ глазахъ. Должно не вводить въ церковную проповѣдь иностранныя слова, а совершенно изгонять ихъ отсюда, какъ не всѣмъ доступныя по смыслу и совершенно не нужныя, излишнія въ „пастырскихъ“ бесѣдахъ священника съ прихожанами: вторженіе ихъ въ эту область совершенно незаконно.

Нельзя пройти молчаніемъ и о сравнительно-новомъ внѣшнемъ пріемѣ изложенія, который мы замѣтили въ „рѣчи предъ панихидой по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, 19 февраля 1883 г.“ законоучителя Острожской учительской семинаріи, свящ. А. „Каминскаго“ [1]). Сказавши о необходимости и благоплодности особенно дѣтской молитвы за душу мученически погибшаго царя, о. Каминскій отъ его имени обращается къ своимъ юнымъ слушателямъ-питомцамъ слѣдующими словами извѣстнаго, прежде довольно ходячаго въ обществѣ, стариннаго романса:

Когда утромъ, иль позднею ночью,
Предъ иконой головку склоня,
Ты лепечешь святую молитву,
Помолись, милый другъ, за меня.

Обычай нашей православной проповѣди не дозволяетъ употреблять на каѳедрѣ церковной стихотвореній вообще, и напрасно о. Каминскій нарушилъ этотъ обычай. Проповѣдь его нисколько не была бы хуже и безъ этого нововведенія.

О большинствѣ остальныхъ „городскихъ“ проповѣдей ничего почти нельзя сказать, кромѣ хорошаго. Наиболѣе матеріала для нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, дало священное коронованіе нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Александровича, —и всѣ проповѣди, вызванныя этимъ высоко-знаменательнымъ событіемъ, дышутъ самымъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ и самымъ горячимъ патріотизмомъ. Не менѣе же проповѣдей находимъ и на недѣлю о слѣпомъ. Но обязательность составленія этихъ послѣднихъ проповѣдей какъ будто не совсѣмъ выгодно отозвалась на нихъ. Мало можно найти болѣе благодарныхъ темъ даже для слабоватаго оратора; а между тѣмъ въ большинствѣ проповѣдей на этотъ день самымъ убѣдительнымъ доводомъ, имѣющимъ цѣлію побудить слушателей къ пожертвованіямъ въ

[1]) См. Волынск. епарх. вѣд. 1883 г., № 9.

пользу Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ, является „распоряженіе Св. Синода о произнесеніи священниками проповѣдей въ недѣлю о слѣпомъ и о сборѣ ими пожертвованій.

Весьма многіе изъ напечатанныхъ „городскихъ“ проповѣдей написаны на темы чисто практическаго характера и затрогиваютъ самые животрепещущіе общественные вопросы. Къ числу послѣднихъ можно безспорно отнести напр. прекрасное „слово на новый (1883) годъ“ ректора Владимірской семинаріи, протоіерея, М. „Хераскова“ [1]). Темою слова послужилъ 8 стихъ II гл. посланія ап. Павла къ Колоссянамъ: »Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу«. Сказавши, какъ это обыкновенно дѣлается, чѣмъ вызвано было приведенное наставленіе ап. Павла Колоссянамъ, и почему именно въ день новаго года св. Церковь предлагаетъ и намъ его въ назиданіе, проповѣдникъ проводитъ прекрасную параллель между состояніемъ колосскаго общества апостольскаго вѣка и современнымъ положеніемъ общества русскаго: »только что приведенные къ свѣту Христову изъ языческой тьмы, они пылали религіознымъ рвеніемъ и въ этомъ состояніи чрезвычайно были воспріимчивы ко всякому вліянію и ученію, призывавшему ихъ на подвиги нравственнаго усовершенствованія, что и внушало опасенія и усиленную заботливость въ ихъ учителѣ св. ап. Павлѣ. Озираясь на только что пережитое нами минувшее лѣто и нѣсколько далѣе назадъ, мы точно также усматриваемъ въ современномъ настроеніи и направленіи переживаемой нами жизни общественной какое-то необычайное одушевленіе и напряженіе, хоть и не чисто религіознаго характера, какъ это было у Колоссянъ, но рвущееся однако-же къ обновленію и нравственно-духовному усовершенствованію во всѣхъ областяхъ нашей жизни: въ семьѣ, въ школѣ, въ научной, въ церковной, въ граждан-

[1]) См. Владим. епарх. вѣдом. 1883 г., № 3.

ской—областяхъ, словомъ—вездѣ. И какъ во времена Колоссянъ, такъ и теперь у насъ слышится много всяческой философіи, и раздается множество ученій и системъ, силящихся руководить и заправлять всѣмъ этимъ бурнымъ и волнующимся общественнымъ движеніемъ. И какъ въ свое время новообращенные и горячіе въ своемъ религіозномъ возбужденіи Колосяне чутки и удобопреклонны были ко внѣшнимъ и посторонннимъ вліяніямъ, сверхъ проповѣди апостольской, такъ и въ переживаемое нами время общество наше возбужденное цѣлымъ рядомъ недавнихъ великихъ преобразованій, обновившихъ и перестроившихъ теченіе нашей давнишней и привычной жизни гражданственной, съ необыкновенною чуткостію отзывается на разныя ученія и проповѣди вождей науки о своемъ бытѣ и о своихъ нравственныхъ нуждахъ«. А потому проповѣдникъ и хочетъ »предложить нѣсколько наставительныхъ словъ по поводу одного въ высшей степени характернаго и знаменательнаго явленія въ умственномъ складѣ и жизненномъ направленіи нашей современной гражданской дѣятельности«, проявляющейся »въ какомъ-то страстномъ и, такъ сказать, повальномъ отвращеніи ко всему старому и древнему, хотя бы почтенному и родному, и въ какомъ-то беззавѣтномъ и суевѣрномъ благоговѣніи ко всему новому, въ особенности идущему изъ чужихъ ученыхъ странъ«. Движимые, по видимому, желаніемъ добра родной странѣ, наши ярые западники готовы однакоже въ концѣ концовъ »поступиться всѣми правами и выгодами русскаго государства въ пользу чужихъ и не сочувствующихъ намъ племенъ и народностей; готовы стѣснить свою торговлю, сократить и сжать родную промышленность, отдать пріобрѣтенныя русскою кровью земли и области, стѣснить даже свой русскій языкъ расширеніемъ правъ иноплеменныхъ нарѣчій въ русскихъ областяхъ, сократить и унизить политическую честь и славу русскаго славянскаго царства, подчинить свою науку наукѣ иноземной и вообще замѣнить свои родные обычаи и нравы, вѣками и исторіей выработанные въ жизни нашего народа, обычаями и нравами иноземными и чужими,—и

все это подъ предлогомъ желанія добра и славы своему отечеству«. Конечно, »истинная любовь къ отечеству располагаетъ изучать и распознавать свои родные недостатки и язвы, чтобы ихъ лѣчить и устранять. Но чтобы съ этою цѣлію ихъ преувеличивать и съ усиленнымъ стараніемъ выставлять всѣмъ на показъ и въ тоже время умалчивать о дѣйствительныхъ заслугахъ и достоинствахъ своего народа«,—этого не сдѣлаетъ ни одинъ »любящій и истинно благонамѣренный сынъ отечества«. Слѣдуетъ также »для блага и славы родной страны усердно изучать, охотно перенимать и усвоять все хорошее и полезное у иностранцевъ, опередившихъ насъ въ своемъ научномъ и промышленномъ развитіи; но чтобы для этого жертвовать всѣмъ своимъ роднымъ, до потери народнаго самосознанія и до пренебреженія своими отдѣльными національными качествами и особенностями и до забвенія своей собственной исторической задачи въ семьѣ другихъ народовъ,— это гибельная и постыдная крайность. Это значило бы обрекать свой родной народъ на безличность, а слѣдовательно и на безсиліе и на погибель«.—Вторую часть изслѣдованія слова о. Хераскова составляетъ крайній, но основательный разборъ ученія западниковъ о вѣротерпимости, равномѣрномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ между людьми и т. п. злобы дня; причемъ проповѣдникъ устанавливаетъ и истинную христіанскую точку зрѣнія на затронутые западниками вопросы. *Г. Булашевъ.*

Почему понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ?

Весьма многіе считаютъ понедѣльникъ днемъ несчастливымъ для всякихъ начинаній, хотя въ сущности этотъ день ничѣмъ не отличается въ ряду седмичныхъ дней. Откуда же такая недобрая похвала понедѣльнику? Въ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ мы встрѣтили на этотъ вопросъ такое основательное рѣшеніе. Нѣкоторые думаютъ, что такое повѣріе о понедѣльникѣ возникло вслѣдствіе того, что этотъ день непосредственно слѣдуетъ за днемъ воскреснымъ, въ который рабочіе предаются пьянству,

а люди свѣтскіе, состоящіе на разныхъ государственныхъ должностяхъ—изнурительнымъ развлеченіямъ до поздней ночи, вслѣдствіе чего тѣ и другіе поднимаются въ понедѣльникъ съ тяжелою головой, испытываютъ вообще непріятное ощущеніе и бываютъ неспособны къ занятіямъ. Такимъ образомъ понедѣльникъ бываетъ дѣйствительно тяжелъ, полонъ тревогъ и непріятностей по той собственно причинѣ, что канунъ этого дня начаще проводится безпорядочно. По нашему мнѣнію, такое объясненіе существующаго повѣрія о понедѣльникѣ можетъ быть принято развѣ въ томъ только смыслѣ, что физическая и нравственная невозможность пристать къ работѣ послѣ безобразно проведеннаго дня, съ теченіемъ времени, могла послужить фактическимъ оправданіемъ этого повѣрія, содѣйствовать къ убѣжденію основательности такого мнѣнія о понедѣльникѣ. Кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что основаніе существующаго повѣрія о понедѣльникѣ заключается въ нѣкоторыхъ особенныхъ воззрѣніяхъ на этотъ день, сохранившихся у насъ со временъ язычества. У римлянъ понедѣльникъ былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго ада. Вслѣдствіе этого обстоятельства, языческое названіе понедѣльника „днемъ луны“ удержалось до настоящаго времени у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Находясь въ распоряженіи богини ночи и вообще мрака, отъ которой родилась „смерть“, обитательница страшнаго „тартара“, понедѣльникъ, очень естественно, считался у язычниковъ вообще днемъ господства темныхъ враждебныхъ человѣку силъ, днемъ „чернымъ“, несчастливымъ. Такое исконное, языческое воззрѣніе на понедѣльникъ у христіанъ совпало, какъ нельзя болѣе кстати, тоже съ исконнымъ, перешедшимъ къ нимъ отъ іудеевъ, преданіемъ, будто въ этотъ день злые духи отпали отъ Бога и низвергнуты съ неба, что, стало быть, въ понедѣльникъ положено начало злу въ мірѣ, потому что и грѣхопаденіе людей (духовная смерть) произошло вслѣдствіе паденія злыхъ духовъ. Но противоположность понедѣльнику, день воскресный, посвященный у язычниковъ дневному свѣтилу—солнцу и ознаменованный въ христіанствѣ воскресеніемъ Спасителя, истиннаго „солнца правды“, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, всегда считался у тѣхъ и другихъ днемъ легкимъ, счастливымъ для всякихъ предпріятій.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Прилей*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 января 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 3.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Января 15-го.

Содержаніе: Еще отъ пастыря къ сопастырямъ.—Мѣры противъ замерзанія св. Даровъ во время богослуженія.—Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 годъ.—Достопримѣчательная подписка.—Обзоръ періодической проповѣднической литературы въ Германіи за протекшій годъ.

Еще отъ пастыря къ сопастырямъ.

Внимай себѣ и ученію: и пребывай въ нихъ. Сія бо творя, и самъ спасешися и послушающіи тебе (1 Тим. 4, 16).

„Внимай себѣ“—„вникай въ себя“! Каждую минуту, при всякомъ словѣ, при всякомъ дѣлѣ, помни, „кто ты“... Не забывай, что много,—о, какъ много!—чужихъ, и добрыхъ и не хорошихъ, глазъ пристально смотритъ на тебя; знай, что всякое, и малѣйшее пятно на духовной одеждѣ замѣчается многими и служитъ къ ихъ соблазну и претыканію. „Внимай въ себя“, помни, что ты по Апостолу „человѣкъ Божій“; съумѣй настроивать себя такъ, чтобы и при внѣшнихъ твоихъ дѣйствіяхъ быть тебѣ въ постоянномъ внутреннемъ общеніи со Христомъ, чтобы ты могъ сказать съ Апостоломъ: „живу ктому не азъ, но живетъ во мнѣ

Христосъ", чтобы жизнь твоя была послѣдованіемъ, подражаніемъ Христу. Ученіе наше о Христѣ, „о сокровенной со Христомъ жизни въ Богѣ" тогда только будетъ имѣть дѣйственную силу, намъ тогда только повѣрятъ, что „житіе" христіанъ дѣйствительно „на небесѣхъ есть", если наша собственная жизнь будетъ устремляться къ небу, если она будетъ блистать тихимъ сіяніемъ постояннаго преображенія отъ свѣта къ свѣту и отъ силы въ силу, если въ нашихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ видно будетъ явленіе силы и духа. Тогда и устное наше свидѣтельство, тогда и наша проповѣдь будетъ дѣйственна и вдвое могущественнѣе на умы и сердца: весь человѣкъ долженъ проповѣдывать!

„Вникай въ себя", въ свои отношенія къ сослужителямъ, сопастырямъ своимъ. Если гдѣ, то именно въ средѣ пастырей— „се что добро и что красно, но еже жити братіи вкупѣ", мирно, согласно, побожьи... Взаимная помощь совѣтами и опытностію, довѣріе и братская любовь между пастырями одного и того же прихода или сосѣднихъ церквей: какой близкій, какой поучительный примѣръ для подражанія прихожанамъ! О первенствующихъ христіанахъ язычники съ удивленіемъ говорили: „смотрите, какъ они любятъ другъ друга, они и до знакомства своего уже любили другъ друга"! Нынѣ, когда уже изсякаетъ любовь во многихъ христіанахъ, намъ, пастырямъ, особенно необходимо показывать примѣръ древне-христіанской любви между собою!... Покажемъ своею жизнію примѣръ, какъ жить похристіански!

„Вникай въ себя" при совершеніи св. таинствъ, при исполненіи церковныхъ требъ и при всякомъ священнодѣйствіи и священнослуженіи. Замѣтное невниманіе священнослужителя къ своему св. дѣлу передается и предстоящимъ. Сколько уклонилось и уклоняется отъ Церкви, благодаря (будемъ откровенны!) несоблюденію этого апостольскаго наставленія о вниманіи къ себѣ!.. Будь внимателенъ и по отношенію къ своей одеждѣ, и къ прическѣ, и

къ походкѣ, и ко всѣмъ движеніямъ своимъ; не считай этого мелочью, такъ какъ все въ тебѣ должно быть назидательно и такъ какъ несоблюденіе пастыремъ священнаго приличія, завѣщаннаго древностію касательно извѣстнаго покроя одежды, неподстриганія волосъ, некуренія табаку и т. п., особенно соблазнительно дѣйствуетъ на простыя сердца прихожанъ и наноситъ не малый уронъ св. Вѣрѣ и Церкви.

„Вникай въ ученіе“. Многіе изъ нашихъ современниковъ думаютъ и говорятъ: „пусть каждый себѣ вѣруетъ, какъ хочетъ, лишь бы только жилъ похристіански“. А ты учи и проповѣдуй, что говорящіе такъ не знаютъ словъ Спасителя нашего: „собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы“? А ты говори: есть ли смыслъ требовать и ожидать жизни христіанской безъ христіанской вѣры и христіанской вѣры безъ христіанскаго ученія, безъ евангелія о Христѣ Іисусѣ? Проповѣдуй православное христіанское ученіе вѣры о Богѣ Отцѣ, о Богѣ Сынѣ и Богѣ Духѣ Святомъ, о св. Церкви, о св. таинствахъ; вникай въ каноны, правила, заповѣди и уставы православной Церкви и требуй ихъ исполненія, настаивая на томъ, чтобы при вѣрѣ были и добрыя дѣла, но именно „добрыя“, а не фальшивыя, что нынѣ при извращеніи понятій о законѣ, о добрѣ и злѣ, нужно особенно часто выставлять на видъ.

„Вникай въ ученіе“. Не довольствуйся пріобрѣтенными въ школѣ знаніями; помни, что кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ; восполняй свои школьныя знанія серьезнымъ трудомъ, научными занятіями, неустаннымъ чтеніемъ книгъ своей профессіи, при всегдашней молитвѣ и моленіи, чтобы возвѣщаемое тобою не представлялось чужимъ и для тебя самаго, но являлось священною собственностію твоего ума и сердца. Только живое возбуждаетъ жизнь, только вѣра возбуждаетъ вѣру.

„Вникай въ ученіе“, какимъ живутъ твои прихожане; неустанно бодрствуй, чтобы заблужденіе и обольщеніе, нравственная фальшь, искаженіе понятій о правдѣ, истинѣ и свободѣ не

нашли доступа и не распространялись среди твоей паствы, чтобы врагъ—человѣкъ, во время твоего сна, не посѣялъ плевелъ поверхъ посѣянной тобою пшеницы. Всегда помни: „выше всего любовь, которая есть союзъ совершенства“. И если у тебя будетъ такая любовь къ своей паствѣ, то она (любовь) скорѣе всего съумѣетъ замѣтить заблуждающихъ и погибающихъ, она укажетъ и средства, какъ однихъ руководить и утвердить на доброй дорогѣ и какъ отвратить другихъ съ пути заблужденія и спасти. „Вникай въ ученіе“, чтобы тебѣ проповѣдывать не человѣческую, на видъ такую благонамѣренную и увлекательную, мудрость, но Іисуса Христа, распятаго и воскресшаго, Божію силу и Божію премудрость, ученіе и заповѣди Христовы, и не иначе, какъ по разуму св. Церкви.

„Занимайся симъ постоянно“. Употребляй всѣ пріобрѣтенныя тобою знанія, всѣ опыты своей внутренней жизни, своихъ трудовъ, своихъ чтеній и наблюденій на благо своего прихода. Ты весь и всецѣло долженъ первѣе всего принадлежать паствѣ, а потомъ уже себѣ и семьѣ своей. Доколѣ ты на службѣ, не имѣешь права даже и болѣть, по выраженію почившаго архіепископа Димитрія херсонскаго. „Занимайся постоянно“, забывай усталость, не взирай на препятствія, будь вѣренъ даже до смерти, такъ какъ вѣрность есть добродѣтель, требуемая отъ домостроителя, а ты долженъ быть строителемъ таинъ Божіихъ. Крѣпись какъ въ добрые, такъ и въ худые дни. Тогда и къ тебѣ будетъ относиться обѣтованіе:

„Такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя“. Ты знаешь изреченіе св. Іоанна Златоуста, что немногіе священники спасутся... А вотъ Апостолъ указываетъ тебѣ и средства спасти себя и своихъ слушателей... Воспользуемся же, возлюбленный собратъ, этимъ указаннымъ средствомъ: вникнемъ въ себя и въ ученіе!

Мѣры противъ замерзанія св. Даровъ во время богослуженія.

Морозъ не можетъ повредить таинству, совершившемуся по чиноположенію, съ употребленіемъ всего должнаго. И то не бѣда, что по особенной причинѣ, теплоты вливается („предъ самымъ причащеніемъ“) болѣе обыкновеннаго. Ни оскорбленія таинству здѣсь нѣтъ, ни смущенія служащему быть не должно. Впрочемъ для устраненія помысловъ употребите такое распоряженіе, чтобы на проскомидіи употребляемо было меньше воды, а больше вина, дабы потомъ обиліе теплоты менѣе было несообразно. А чтобы еще дѣйствительнѣе устранить затрудненія, мнѣ кажется, можно устроить потиръ и дискосъ, у которыхъ бы нижняя часть имѣла дно, и въ сію нижнюю пустоту было сверху или со стороны поддона закрываемое отверзтіе, въ которое бы предъ начатіемъ проскомидіи можно было положить разгоряченный желѣзный шарикъ или два, смотря по надобности, чтобы достаточно противодѣйствовать морозу въ потирѣ и на дискосѣ до времени причащенія.

Филаретъ, Митрополитъ Московскій [1]).

---

[1]) Письмо его къ намѣстнику Свято-Троицкія лавры, архимандриту Антонію. Ч. I, стр. 275.

[2]) См. № 2-й.

Проповѣдническое обозрѣніе за 1883 годъ[2]).

Съ особеннымъ удовольствіемъ переходимъ теперь къ обозрѣнію скромныхъ „сельскихъ“ проповѣдей. Нашъ журналъ всегда съ большимъ сочувствіемъ относился къ простонароднымъ поученіямъ и всѣми зависящими отъ него средствами старался содѣйствовать ихъ развитію. Издавая свой Сборникъ Поученій на дни

[1]) Письмо его къ намѣстнику Свято-Троицкія лавры, архимандриту Антонію. Ч. I, стр. 275.

[2]) См. № 2-й.

воскресные и праздничные, мы еще въ 1877 г. призывали къ подобному же изданію „епархіальныхъ“ сборниковъ и редакціи различныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, видя въ изданіи такихъ сборниковъ одно изъ лучшихъ средствъ къ усиленію простонародной церковной проповѣди въ каждой епархіи въ частности. Нашъ простой народъ настолько бѣденъ религіозными познаніями, что нерѣдко можно встрѣтить въ его средѣ примѣры совершеннаго почти невѣдѣнія, или самаго извращеннаго знанія основныхъ христіанскихъ истинъ — священно-историческихъ, догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ. „Научить и воспитать“ народъ — первая и главнѣйшая обязанность каждаго истиннаго пастыря. Но въ нынѣшней житейской обстановкѣ пастырю не до того иногда бываетъ, чтобы каждый разъ составлять свое собственное поученіе. Въ этомъ отношеніи „Руководство для сельскихъ пастырей“ и указывало на ту громадную услугу, какую могли бы оказать сельскимъ священникамъ мѣстные епархіальные сборники, какъ заключающіе въ себѣ поученія лицъ, которыя родились, жили и живутъ въ извѣстной епархіи и, разумѣется, знаютъ умственное и нравственное развитіе простонародья своего края, его обычаи, вѣрованія и ту степень пониманія, сообразно съ которою можно было бы говорить ему съ церковной каѳедры. И нѣкоторыя редакціи (напр. Владимірскихъ, Пензенскихъ и др. епархіальныхъ вѣдомостей) дѣйствительно издавали и издаютъ подобные сборники, другія же пока только обѣщаютъ.

Наилучшее впечатлѣніе произвели на насъ поученія пензенскихъ сельскихъ пастырей[1]) и въ особенности поученія священниковъ „І. Ѳеодосіевскаго“ (противъ обычая во дни св. Пасхи ходить за св. иконами ради пьянства, о посѣщеніи храма Божія въ воскресные дни, о причинахъ непочитанія дѣтьми своихъ родителей, въ

[1]) Они помѣщаются при каждомъ № Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостей въ видѣ особаго приложенія и съ особымъ счетомъ страницъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: »Слова, бесѣды и поученія пастырей Пензенской епархіи« (т. Ш)

день Казанской иконы Божіей Матери, противъ тѣхъ, которые отказываютъ нищему въ подаяніи и др.) и „В. Соколова“ (въ день новаго года, поученіе къ мордвамъ въ день Богоявленія, поученіе къ сельскимъ прихожанамъ на праздникъ Богоявленія, поученіе къ сельскимъ прихожанамъ въ 36 нед. по Пятидесятницѣ и др.). Въ нихъ сразу же видны умные и ревностные пастыри—проповѣдники, которые съ умѣньемъ входятъ въ кругъ понятій и воззрѣній своихъ слушателей и въ ихъ жизнь, при всякомъ удобномъ случаѣ останавливаютъ свое вниманіе на хорошихъ и дурныхъ явленіяхъ въ быту и дѣятельности поучаемыхъ и все обращаютъ въ дѣльные, назидательные уроки для нихъ, ведутъ съ ними истинно-пастырскую, задушевную и простую бесѣду, безъ малѣйшихъ претензій на школьную богословскую ученость. Возьмемъ для примѣра поученіе свящ. „В. Соколова“ хотя бы въ нед. 36 по Пятидесятницѣ на текстъ: „облецытеся якоже избранніи Божіи святи и возлюбленни, во утробы щедротъ“ (Колосс. 3, 12). Показавши, на основаніи краткаго анализа приведеннаго текста, что св. Апостолъ этими словами требуетъ отъ вѣрующихъ „милосердія и сострадательности“, проповѣдникъ продолжаетъ: »о томъ же (милосердіи и сострадательности) неоднократно говорилъ и Самъ небесный Учитель, Іисусъ Христосъ. Онъ предложилъ богатому юношѣ, хотѣвшему наслѣдовать царство небесное,—продать имѣніе и раздать нищимъ и обѣщалъ ему за это сокровища небесныя (Лук. 8, 18—26). Туже мысль высказалъ Спаситель въ извѣстной вамъ уже притчѣ о милосердомъ самарянинѣ; этой притчей Онъ показалъ, что нужно благотворить всѣмъ, не разбирая, свой или чужой требуетъ помощи (Лук. 10, 29—37; Мѳ. 5, 43—48). А въ нагорной бесѣдѣ Іисусъ Христосъ ублажаетъ милосердыхъ, говоря: »блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ« (Мѳ. 5, 7).— И дѣйствительно, изъ житій святыхъ узнаемъ, что милосердіе награждается Богомъ, и что Господь ставитъ его выше даже такого великаго подвига, каково столпничество. Вотъ что разсказывается въ житіи св. Ософила Столпника <... (приводятся разсказъ изъ Пролога о св. Ософилѣ Столпникѣ и Корнеліи Сотникѣ). »Итакъ<,—продолжаетъ далѣе проповѣдникъ,— »милосердіе—дѣло богоугодное; оно доставляетъ человѣку блаженство. Впрочемъ милосердіе дѣлаетъ человѣка счастливымъ и въ земной жизни. Добраго

человѣка, всегда готоваго оказать помощь другому, всѣ любятъ, всѣ почитаютъ. Хозяйство его идетъ хорошо, домъ его — чаша полная. И счастливъ онъ, и покойна душа его. Пріятно будетъ ему подъ старость пользоваться плодами своей добродѣтели: въ нищетѣ ужъ не останется онъ, облагодѣтельствованные имъ люди не допустятъ къ нему бѣдности. — А немилосердый богачъ и здѣсь встрѣчаетъ одно непочтеніе, и Богъ угрожаетъ ему вѣчнымъ наказаніемъ. Слово »кулакъ« — слово позорное, слово бранное. Человѣкъ »кулакъ« достоинъ презрѣнія. И дѣйствительно, »кулака« всѣ презираютъ; со стороны бѣдняковъ, изъ которыхъ онъ, подобно хищному звѣрю, всю жизнь свою высасываетъ кровь, — на его голову отовсюду сыпятся проклятія. Въ обществѣ »кулакъ« — самый вредный человѣкъ. Поэтому, если постигнетъ его неудача въ дѣлахъ, никто не протянетъ ему руку помощи. Если разорится онъ, и постигнетъ его нищета, никто куска хлѣба не броситъ ему. »Такая дорога«, услышитъ онъ отовсюду. А на томъ свѣтѣ напрасно »кулакъ« будетъ умолять Авраама послать къ нему обиженнаго имъ нищаго Лазаря, чтобы тотъ немного облегчилъ его мученія. »Между нами и вами великая пропасть«, услышитъ онъ въ отвѣтъ отъ Авраама (Лук. 16, 19—31).

»Братіе возлюбленные! Горька, плачевна участь жестокосердыхъ богачей! По истинѣ жалки эти люди! Не могу и представить, чтобы и нѣкоторые изъ васъ были такими же! Я вполнѣ убѣжденъ, что вы люди добрые и не откажете нуждающимся въ помощи. Помогайте же, бр., помогайте другъ другу. Въ нынѣшній годъ вамъ особенно нужна эта взаимная помощь. Годъ голодный, годъ не урожайный: сколько семействъ едва не умираютъ безъ хлѣба! Но мы — христіане; поэтому въ нашей средѣ люди не должны умирать голодною смертію. Мы — христіане; поэтому всякій бѣднякъ имѣетъ право надѣяться получить помощь отъ имущаго. — Нѣкоторые опасаются того, какъ бы, благодѣтельствуя, самимъ не остаться безъ куска. Ложное это опасеніе: у дающаго всегда умножится. Однажды Тихонъ, сынъ хлѣботорговца, раздалъ безплатно хлѣбъ отца своего бѣднымъ людямъ. Когда отецъ сталъ бранить его, Тихонъ сказалъ: »напрасно ты, отецъ, бранишься; я отдалъ хлѣбъ въ займы Богу, а въ св. книгахъ написано: »даяй Богу, сторицею пріиметъ«. Если ты не вѣришь словамъ моимъ, пойдемъ въ житницу и посмотримъ, какъ мнѣ Богъ заплатилъ долгъ Свой«. Сказавши это, они вошли въ амбаръ и нашли сусѣки его полными чистой пшеницы (Ч. М. 16 іюля). Такъ Господь наградитъ и всякаго, не жалѣющаго для бѣдныхъ богатствъ своихъ. »Рука дающаго не оскудѣетъ«! Итакъ »облецытеся во утробы щедроты и пріимите воздаяніе достоянія«. —

Обращаемъ здѣсь, къ слову сказать, особенное вниманіе на иллюстрированіе проповѣдей примѣрами изъ житій св. угодниковъ Божіихъ. Такой пріемъ, по нашему мнѣнію, какъ нельзя болѣе пригоденъ въ поученіяхъ къ простому народу. Помимо такого оживленія и интереса, какіе сообщаются поученію этимъ пріемомъ, раскрываемая истина вѣро-или нравоученія при помощи его является не въ отвлеченномъ своемъ видѣ, а облеченною въ плоть, такъ сказать—осязательною и невольно ложится и упрочивается въ сознаніи слушателей. Указанный пріемъ нашелъ довольно широкое примѣненіе пока только главнымъ образомъ въ поученіяхъ (разумѣемъ поученія 1883 г.) пензенскихъ пастырей и лишь изрѣдка встрѣчается въ поученіяхъ пастырей другихъ епархій; но, думаемъ, практическая пригодность и неоспоримая полезность его настолько очевидны для всѣхъ и каждаго, что къ нему не преминутъ почаще обращаться пастыри, радѣющіе объ успѣхѣ своего проповѣднаго слова и болѣе дѣйственномъ назиданіи своихъ слушателей.

Во дни св. Четыредесятницы свящ. „В. Соколовъ“ весьма благовременно бесѣдуетъ съ своими пасомыми о заповѣдяхъ десятословія („пять“ поученій); но и здѣсь очень искусно избѣгаетъ многоглаголанія и разсматриваетъ только тѣ грѣхи противъ каждой изъ заповѣдей, которые наиболѣе распространены въ средѣ простаго народа.

Жизненностію характера, живостію чувства и удобовразумительностію для простаго народа отличаются также поученія и нѣкоторыхъ прочихъ пастырей Пензенской епархіи, напр. свящ. „А. Масловскаго“ (по поводу толковъ въ простомъ народѣ о новомъ раздѣлѣ земли, по поводу толковъ о свѣтопреставленіи, поученія о трудѣ, противъ нехристіанскаго провожденія дня свв. безсребренниковъ Космы и Даміана), свящ. „П. Смирнова“ (4 бесѣды о необходимости всѣмъ христіанамъ учиться грамотѣ), свящ. „В. Милова“ (поученія въ день Воздвиженія Креста Господня и въ нед. 25 по Пятидес.), свящ. „І. Орлова“ (въ день

Покрова пресв. Богородицы), бесѣды о расколѣ, а равно и поученія нѣкоторыхъ пастырей другихъ епархій: свящ. „І. Райскаго“ (о хожденіи въ храмъ Божій), свящ. „М. Шишкова“ (»поученіе тѣмъ, кои не радятъ о посѣщеніи утрени«), свящ. „І. Поршнева“ (2 поученія о покаяніи), свящ. „Г. С.“ (о страшныхъ послѣдствіяхъ мести), свящ „П. Лебедева“ (о значеніи восковыхъ свѣчей), свящ. „Е. Тарчевскаго“ (противъ грубаго обращенія мужей съ своими женами), свящ. „Н. Щебашинскаго“ (о вредныхъ послѣдствіяхъ пьянства), свящ. „М. Чефранова“ (въ день Покрова пресв. Богородицы) и нѣкт. др. Не менѣе хороши наконецъ еще поученія неизвѣстнаго проповѣдника о заповѣдяхъ десятословія. Въ нихъ встрѣчаются даже прямо потрясающія картины послѣдствій преступленій противъ требованій той или другой заповѣди, могущія произвести весьма сильное впечатлѣніе на слушателей. Но главный ихъ недостатокъ заключается съ одной стороны въ слишкомъ уже пластическомъ изображеніи нѣкоторыхъ, если можно такъ выразиться, нечистоплотныхъ пороковъ, неумѣстномъ на церковной каѳедрѣ и роняющемъ достоинство и важность самой церковной проповѣди, съ другой стороны — въ вульгарности выраженій („переховывать, такъ само“ и т. п.) и употребленіи какихъ-то нерусскихъ оборотовъ („противъ самому Богу, противъ своему брату, учили никому ничего не трогать“) и т. п.

Къ менѣе удачнымъ должны быть отнесены поученія »по изъясненію богослуженія православной Церкви« другаго неизвѣстнаго же проповѣдника, какъ ничего почти въ себѣ, кромѣ краткаго пересказа порядка совершенія богослуженія, не заключающія, и поученія протоіер. „Х. Бочковскаго“ (3 поученія о грѣхѣ и 4 вступительныхъ поученія объ истинахъ православной вѣры;— относимъ ихъ къ категоріи „сельскихъ“ проповѣдей на томъ основаніи, что они, по всему видно, предназначались для простаго народа). Существенный и, пожалуй, единственный недостатокъ послѣднихъ—сухость изложенія, отвлеченный языкъ и школьныя

догматическія опредѣленія. Языкъ церковной проповѣди вообще, а поученій къ простому народу въ особенности долженъ быть, насколько возможно, болѣе простъ, ясенъ и общедоступенъ,—въ противномъ случаѣ даже и прекрасное по содержанію слово пастыря рискуетъ быть „мѣдью звенящею и кимваломъ звящающимъ“. Еще въ примѣръ того, какъ не слѣдовало бы говорить къ простому народу, укажемъ на поученіе свящ. “П. Лебедева“ въ нед. предъ Рождествомъ Христовымъ. „Пышность и слава мірская“ (?) до того одолѣли жителей слободы Михайловки (Курск. губ.), что приходскій священникъ ихъ о. П. Лебедевъ вынужденъ былъ даже возстать противъ этихъ „анти-крестьянскихъ“ пороковъ ихъ въ своемъ поученіи...

Заканчивая свой краткій обзоръ „сельскихъ“ проповѣдей за 1883 г., мы надѣемся, что страницы епархіальныхъ вѣдомостей въ текущемъ году будутъ больше открыты для проповѣдей сельскихъ священниковъ, а чрезъ это дано будетъ больше матеріала для выводовъ о состояніи нынѣшняго русскаго проповѣдничества.

Г. Булашевъ.

Достоподражательная подписка.

Священно-церковно-служители Влодавскаго благочинія, Литовской епархіи дали подписку въ томъ, что они обязываются вести старательно и усердно „дѣло общенароднаго церковнаго пѣнія“. Въ рапортѣ къ епархіальному начальству благочинный, по поводу этой подписки, между прочимъ прописалъ: »развитіе и преуспѣяніе этого св. дѣла имѣетъ несомнѣнно глубокое значеніе въ религіозно-нравственной жизни народа и служитъ могучимъ рычагомъ для поднятія его благочестія, его любви къ храмамъ Божіимъ, къ св. церковнымъ пѣснопѣніямъ, столь назидательнымъ для ума и сердца христіанина, и чрезъ дѣятельное и живое

участіе въ общественныхъ богослуженіяхъ вызываетъ сознаніе важности праздничныхъ дней, трезвеннаго и благонравнаго препровожденія ихъ и тѣмъ самымъ благодѣтельно вліяетъ на уменьшеніе пьянства, такъ глубоко подрывающаго нравственную и матеріальную стороны жизни простонародія. Неустанное стремленіе поэтому къ возможно полнѣйшему преуспѣянію общенароднаго церковнаго пѣнія есть важная и необходимая задача и высокая заслуга духовенства, и лица, кладущія свои труды и любовь въ эту святую сокровищницу, вполнѣ заслуживаютъ поощренія и вниманія справедливаго начальства«... Думаемъ, что и безъ поощренія большинство нашихъ пастырей употребитъ все возможное съ своей стороны для введенія общенароднаго церковнаго пѣнія. Дѣло сколько высокое, важное и многополезное, столько и трудное въ приходахъ въ большинствѣ повально безграмотныхъ. Большимъ успѣхомъ на первыхъ порахъ будетъ уже и то, если „всѣ“ школьники будутъ пѣть: „Господи помилуй“! а взрослые потихоньку „подпѣвать“. Можно затѣмъ спустя два-три служенія пригласить и къ пѣнію „Отче нашъ“! При этомъ не нужно пугаться, какъ выразился одинъ почтенный пастырь, козлогласованія во храмѣ... Музыкальное ухо русскаго народа и простота мотивовъ церковнаго пѣснословія знакомыхъ каждому со дней дѣтства не допустятъ черезъ чуръ сильной дисгармоніи... Послушайте, какъ новобранцы—рекруты у ротнаго котла поютъ передъ обѣдомъ „Отче нашъ“! Нужно только, чтобъ псаломщикъ обладалъ звучнымъ голосомъ, чтобы могъ покрывать собою массу голосовъ, которые всѣ будутъ впрочемъ тянуть за клирошанами, чутко прислушиваясь...

Обзоръ періодической проповѣднической литературы въ Германіи за протекшій годъ[1]).

Католическій журналъ „Проповѣдникъ и Катехизаторъ“ (Prediger und Katechet) состоитъ изъ проповѣдей разныхъ авторовъ на всѣ воскресные и праздничные дни и на разные случаи, изъ литургическихъ проповѣдей, изъ экскизовъ проповѣдей, изъ рецензій на новѣйшія католическія, гомилетическія и обще-богословскія изданія и примѣровъ для катихизиса. Помѣщаемыя въ этомъ журналѣ проповѣди отличаются краткостію, простымъ, общепонятнымъ изложеніемъ и по своему содержанію, согласно съ программою, могутъ быть доступными для пониманія простолюдиновъ. Каждая проповѣдь имѣетъ особое заглавіе, служащее темою ея. Построеніе проповѣдей довольно однообразно. Во главѣ проповѣди обыкновенно стоитъ библейскій „текстъ“, который приводится или на одномъ нѣмецкомъ языкѣ или на латинскомъ и нѣмецкомъ. За текстомъ слѣдуетъ „вступленіе“ или „приступъ“, служащій средствомъ для вывода темы или предмета проповѣди изъ текста, или выясняющій причины, побудившія проповѣдника говорить именно объ этомъ, а не о другомъ предметѣ. Но тема, которая обыкновенно слѣдуетъ за приступомъ, большею частію находится въ тѣсной органической связи съ текстомъ. Тема излагается въ самой проповѣди обыкновенно не въ общемъ видѣ, но прямо указываются тѣ пункты (обыкновенно два, иногда три или четыре), раскрытіе которыхъ составляетъ предметъ дальнѣйшей части проповѣди,—„изслѣдованія“. Къ темѣ иногда присоединяется „молитвенное обращеніе“ къ Богу вообще, или къ Іисусу Христу, Божіей Матери и кому либо изъ святыхъ о помощи проповѣднику или ниспосланіи ему силъ для надлежащаго раскрытія избранной темы и о дарованіи дѣйственности его слову, а иногда просто дѣлается воззваніе, „ave Maria“. Каждая часть обыкновенно ясно

[1]) См. Руковод. для сельск. паст. 1883 г. № 51.

обозначается проповѣдникомъ. „Изслѣдованіе“ состоитъ въ частнѣйшемъ изложеніи, раскрытіи и обоснованіи намѣченныхъ проповѣдникомъ пунктовъ. Каждая проповѣдь оканчивается „заключеніемъ“, состоящимъ изъ нравственнаго примѣненія,— изъ обращеннаго къ слушателямъ убѣжденія слѣдовать раскрытой истинѣ и избѣгать противуположныхъ ей пороковъ.

Предметомъ проповѣдей служитъ раскрытіе истинъ христіанской вѣры и нравственности, изложеніе событій библейской и церковной исторіи, объясненіе происхожденія нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ праздниковъ и богослужебныхъ учрежденій. Таковы напр. темы: міръ безъ Христа (на новый годъ; текстъ изъ Лук. II, 21); Іосифъ и Марія—образцы для христіанскихъ родителей (Лук. II, 42); о страданіяхъ Спасителя (Матѳ. гл. XXVI); смерть праведника (Іоанн. XVI, 5); почему наша молитва часто остается не услышанною (Іоанн. XVI, 24); тріединый Богъ—источникъ нашего спасенія (Матѳ. XXVIII, 19); удержи мой языкъ (Псал. CXXXIX, 12); почему ангелы радуются объ обращеніи грѣшника (Лук. XV, 10); о любви къ роднымъ (Лук. 1, 39—40); трудясь съ Мареою и помолясь съ Маріею, мы достигнемъ неба (Лук. X, 42); объ употребленіи земныхъ благъ (Матѳ. VI, 26); напъ плачъ объ умершихъ (Лук. VII, 13); плевелы въ пшеницѣ нашихъ дней (Матѳ. XII, 25); нужно обращать вниманіе и на мелочи (Матѳ. XIII, 31); отстрочивать покаяніе—великое безразсудство (Лук. III, 3); объ установленіи сорокодневнаго поста (Матѳ. XVII, 4); о великопостныхъ службахъ (Іоанн. VI, 11); о значеніи праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (Лук. 1, 35); о праздникѣ Ваій (Матѳ XXI, 9) и друг. Уже изъ этого перечня нѣсколькихъ темъ видно, что главнымъ предметомъ проповѣдей, помѣщаемыхъ въ разсматриваемомъ журналѣ, служатъ истины нравственности. Для уясненія и доказательства предмета рѣчи проповѣдники часто обращаются не только къ слову Божію и къ твореніямъ св. отцевъ и учителей Церкви (Василія Великаго, Іоанна Злотоуста и др.; см. напр. № 2, стр. 115; № 11, стр. 766),

но и къ примѣрамъ, которые большею частью берутся изъ библейской исторіи и изъ житій святыхъ, но иногда заимствуются изъ общей церковной и гражданской исторіи и изъ событій вседневной жизни. Часто въ проповѣдяхъ встрѣчаются также сравненія, заимствуемыя изъ круга предметовъ, близко знакомыхъ слушателямъ, или народныя пословицы и поговорки (см. напр. № 11, стр. 764). Такъ проповѣдникъ, говоря о вѣчной славѣ божественнаго Побѣдителя—Іисуса Христа, сравниваетъ ее съ скоропреходящею славою земныхъ побѣдителей и въ частности указываетъ на примѣръ Ганнибала, который во время своей жизни повсюду возбуждалъ удивленіе и распространялъ страхъ и ужасъ, такъ что даже дурныхъ дѣтей пугали его именемъ, говоря: „Ганнибалъ у воротъ“; но чрезъ короткое время и самъ Ганнибалъ былъ побѣжденъ, и слава его исчезла (№ 1, стр. 39). Проповѣдь о необходимости соединенія молитвы съ трудомъ начинается разсказомъ объ одномъ настоятелѣ монастыря, котораго посѣтилъ мірянинъ и, увидѣвъ, что вся братія занята работою, высказалъ порицаніе по этому поводу и замѣтилъ: „неужели вы такъ занимаетесь скоропреходящею пищею? Марія избрала лучшую часть“. Ничего не отвѣтивъ на это, настоятель велѣлъ одному изъ братіи отвесть гостя въ пустую комнату. Когда наступилъ полдень, гость ожидалъ, что его позовутъ къ обѣду. Но проходили минута за минутою, часъ за часомъ, а его все не звали. Выведенный голодомъ изъ терпѣнія, онъ отправился къ настоятелю и сказалъ: „неужели братія у васъ сегодня ничего не ѣла“?— „Нѣтъ, мы уже давно пообѣдали, но ты человѣкъ вполнѣ духовный, ты не нуждаешься въ тѣлесной пищѣ, а потому мы и не позвали тебя къ обѣду, отвѣчалъ настоятель. Тогда мірянинъ созналъ свое заблужденіе и просилъ настоятеля о прощеніи, при чемъ настоятель замѣтилъ: „по моему мнѣнію, нужно не только молиться, но и трудиться; если бы не трудилась Марѳа, то и Марія не могла бы быть свободною и сидѣть у ногъ Іисуса“ (№ 8, стр. 519). Та мысль, что безуспѣшность нашихъ молитвъ часто зависитъ отъ того, что онѣ не надлежащимъ образомъ совершаются, выясняется чрезъ указаніе на попугая, механически и безмысленно повторяющаго чужія сло-

ва, и чрезъ примѣръ одного простака, который, подавъ прошеніе царю, не только не получилъ просимаго, но и подвергся наказанію, потому что онъ просилъ о разныхъ мелочахъ для своего домашняго обихода и написалъ свое прошеніе такими каракулями, что не возможно было разобрать ихъ, и притомъ на грубой и грязной бумагѣ, залитой чернилами (№ 4, стр. 255 и 257). Выясняя трудность для человѣка, привязаннаго къ земнымъ предметамъ, достигнуть неба, проповѣдникъ приводитъ примѣръ обыкновенно земнаго путника, который, поднимаясь на высокую гору, лишь въ томъ случаѣ можетъ надѣяться на скорое и благополучное достиженіе своей цѣли, если онъ не будетъ уклоняться съ своего пути ни направо, ни налѣво, и если не будетъ брать съ собою лишняго багажа, который можетъ затруднять его въ пути и тянуть его сверху внизъ (№ 8, стр. 534). Малые грѣхи сравниваются съ небольшими камешками, лежащими на верху горы и могущими образовать громадныя массы, которыя, скатываясь съ горы, засыпаютъ цѣлыя селенія (№ 11, стр. 765). Въ проповѣди о плевелахъ въ пшеницѣ нашихъ дней приводятся сравненія изъ круга предметовъ, извѣстныхъ каждому знакомому съ земледѣліемъ (№ 11, стр. 750 и дал.).

Многія изъ разсматриваемыхъ проповѣдей, посвященныхъ раскрытію общихъ предметовъ христіанской вѣры и нравственности, могли бы служить полезнымъ пособіемъ и для православныхъ сельскихъ пастырей. Какъ на особое достоинство этихъ проповѣдей можно указать также на то, что не смотря на ихъ строго популярный характеръ, въ нихъ нѣтъ того грубаго вульгаризма, той тривіальности, которыя нерѣдко встрѣчаются не только у американскихъ, но даже у лучшихъ изъ германскихъ протестантскихъ популярныхъ проповѣдниковъ, какъ напр. у Л. Гармса и Ремгельда. Замѣчательно также и то, что ни въ одной изъ этихъ проповѣдей не встрѣчается духовныхъ стиховъ, которыми такъ любятъ испещрять свои проповѣди многіе изъ современныхъ протестантскихъ ораторовъ въ Германіи.

Примѣры для катихизиса заимствуются изъ житій святыхъ, изъ церковной и гражданской исторіи, изъ практики миссіонеровъ и изъ событій вседневной современной жизни. Но нѣкоторыя изъ послѣдняго рода примѣровъ приводятся, повидимому, безъ надлежащей провѣрки источниковъ ихъ происхожденія.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 января 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 4.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Января 22-го.

Содержаніе: Священникъ—человѣкъ Божій и связанныя съ этимъ именемъ требованія отъ него.—Какія затрудненія и неудобства встрѣчаютъ причты и благочинные при составленіи и доставленіи статистическихъ свѣдѣній въ губернскіе статистическіе комитеты, и какъ могли бы быть устранены эти затрудненія и неудобства?—Современная проповѣдь на Западѣ.—Возможное для проповѣдника—пастыря затрудненіе.—Афоризмы изъ области проповѣдничества.

Священникъ—человѣкъ Божій и связанныя съ этимъ именемъ требованія отъ него.

Священникъ называется у ап. Павла (1 Тим. 6, 11) „человѣкомъ Божіимъ“. Уже всякій христіанинъ не есть просто человѣкъ: онъ произошелъ „ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но родился отъ Бога“. Онъ долженъ имѣть такія мысли, чувства и стремленія, которыя возвышали бы его надъ обыкновенными, живущими одною плотію, людьми. Это между прочимъ и заставило Апостола сказать къ Коринѳянамъ: „не плотстіи ли есте“ (1 Кор. 3, 4), т. е. не забыли ли вы, что у васъ, кромѣ тѣла, есть и душа? Но священникъ еще меньше можетъ быть названъ просто человѣкомъ. По мнѣнію блаженнаго

Іеронима, это между прочимъ хотѣлъ дать понять апостоламъ Спаситель, когда сначала спросилъ: „кого мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго“? а потомъ прибавилъ: „вы же кого мя глаголете быти“ (Мѳ. 16, 13, 15)? Если же священникъ есть человѣкъ Божій, человѣкъ, посвященный Богу, избравшій Его одного своимъ драгоцѣннымъ достояніемъ, то онъ всецѣло долженъ жить духомъ Божіимъ и его благодатію, и поэтому онъ долженъ, по словамъ ап. Павла, всячески избѣгать жадности и вымогательнаго мздоимства. Ненавистное вообще, чувство это въ особенности отвратительно и позорно въ священникѣ. Оно составляетъ величайшій позоръ и безчестіе для служителя Божія. Недоступный и жестокій къ бѣднымъ, питающій ихъ только тѣми „прекрасными словами“, которыя осуждаетъ Апостолъ, низводящій священное служеніе на степень обыкновенной гражданско-общественной должности, жадный къ вознагражденіямъ, подобно жрецамъ народа еврейскаго,—священникъ, преданный корыстолюбію, вездѣ и у всѣхъ встрѣчаетъ всеобщее презрѣніе.

Какъ человѣкъ Божій, священникъ есть вмѣстѣ и человѣкъ правды и справедливости, который отдаетъ каждому должное,—человѣкъ благочестія, который поставляетъ все существующее въ зависимость отъ Бога и къ Нему одному обращаетъ свои помыслы и свои надежды,—человѣкъ вѣры, который всегда смотритъ на вещи съ точки зрѣнія ихъ высшаго, неземнаго интереса,—человѣкъ любви, который во всемъ не своихъ—ся ищетъ, но вездѣ старается быть всѣмъ вся,—человѣкъ терпѣнія, который спокойно сноситъ все окружающее его въ жизни зло,—человѣкъ спокойствія и кротости, который облегчаетъ скорби ближнихъ ласковымъ словомъ и утѣшеніями любви Христовой. Всѣ эти свойства, всѣ эти добродѣтели радикально противуположны чувству корыстолюбія и составляютъ самое дѣйствительное средство противъ него.

„Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе

исповѣданіе предъ многими свидѣтелями". Вѣра есть великая побѣда Божія надъ міромъ, надъ его заблужденіями, прельщеніями и угрозами. Подвизаться священнику добрымъ подвигомъ вѣры значитъ подвизаться на основаніи вѣры, съ оружіемъ вѣры и въ интересахъ вѣры;—иначе, съ тѣми познаніями, съ тою твердостію въ истинѣ и съ тѣми средствами, которыя доставляются одною вѣрою. Кто подвизается такимъ образомъ, тотъ твердо обезпечиваетъ побѣду какъ самому себѣ, такъ и своему дѣлу. Онъ не только заслуживаетъ вѣчную жизнь, онъ пріобрѣтаетъ ее, овладѣваетъ ею. Онъ схватываетъ эту жизнь во всей ея полнотѣ, *онъ обладаетъ ею такъ*, какъ бы она жила въ немъ самомъ, онъ „имѣетъ жизнь вѣчную, въ немъ пребывающую", по слову Апостола (1 Іоан. 3, 15). Онъ владѣетъ ею и твердо стоитъ въ ней; она составляетъ для него вѣнецъ, котораго никто не сниметъ съ него,—его радость, которой никто не похититъ у него; она тотъ величественный престолъ, на которомъ возсѣдитъ Самъ Іисусъ Христосъ, и на которомъ, по нашему твердому упованію и по Его непреложнымъ обѣтованіямъ, нѣкогда возсядемъ и мы вмѣстѣ съ Нимъ. Первый шагъ, первое движеніе на пути къ жизни вѣчной совершаетъ Самъ Богъ, поелику душа сама по себѣ не только не способна достигнуть ее, но и начать стремиться къ ней, если Самъ Богъ не начнетъ привлекать ее Своею благодатію. Но дальнѣйшій каждый шагъ на этомъ священномъ пути долженъ быть уже обозначенъ какимъ либо подвигомъ, священнымъ обязательствомъ, сдѣланнымъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, „исповѣданіемъ *добраго исповѣданія*".

„Завѣщаваю ти предъ Богомъ, оживляющимъ всяческая, и Христомъ Іисусомъ, свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе". Апостолъ сильно настаиваетъ. Онъ убѣждаетъ своего ученика именемъ Бога, Который есть источникъ всякой жизни, именемъ Іисуса Христа, Который предъ Понтіемъ Пилатомъ представилъ величайшее свидѣтельство, совершилъ славное исповѣданіе. Что можетъ быть величественнѣе, назидательнѣе

и трогательнѣе того исповѣданія, которое Іисусъ Христосъ представилъ всему міру предъ лицемъ Пилата? Исповѣданіе это было проникнуто такимъ смиреніемъ, что Спаситель говоритъ только то, о чемъ его спрашиваютъ, и, говоря это, ограничивается самымъ необходимымъ; это свидѣтельство было настолько мужественнымъ, что Онъ гласно объявляетъ о своемъ царскомъ достоинствѣ, которое въ глазахъ враговъ Его было величайшимъ преступленіемъ, и которое враги Христа хотѣли выставить какъ прямое востаніе противъ власти Кесаря; оно было такимъ мудрымъ исповѣданіемъ, что Христосъ открыто, провозгласивши Свое царское достоинство, представляетъ его притомъ совершенно въ духовномъ видѣ, устраняя этимъ всякое опасеніе со стороны царей земныхъ, укрѣпляя общественную власть напоминаніемъ о ея божественномъ происхожденіи; наконецъ это исповѣданіе было такое любвеобильное, что, видя около себя малодушную боязнь, Спаситель скрываетъ и смягчаетъ виновность ея, сравнивая ее съ болѣе тяжкимъ преступленіемъ—вѣроломствомъ Своихъ судей и Своего предателя! Это дивное исповѣданіе служило всегда образцомъ для исповѣданія мучениковъ и должно служить вѣчнымъ идеаломъ, достойнымъ глубокаго благоговѣнія и безпрестаннаго изученія для тѣхъ, кому предоставлена честь исповѣданія истинъ вѣры, въ особенности же тѣмъ, кто призванъ учить другихъ этимъ истинамъ и защищать ихъ словомъ и писаніями.

Какія затрудненія и неудобства встрѣчаютъ причты и благочинные при составленіи и доставленіи статистическихъ свѣдѣній въ губернскіе статистическіе комитеты, и какъ могли бы быть устранены эти затрудненія и неудобства?

Причты церкви, какъ извѣстно, каждогодно должны составлять свѣдѣнія о движеніи православнаго населенія по высылаемымъ изъ губернскаго статистическаго комитета таблицамъ. Поря-

докъ представленія таковъ. Въ концѣ года благочинные, получивъ изъ статистическаго комитета отпечатанные бланки, должны разослать ихъ священникамъ своего округа. По окончаніи года, священники, составивъ свѣдѣнія согласно таблицамъ, отсылаютъ ихъ обратно къ благочинному, который по повѣркѣ долженъ представить ихъ въ статистическій комитетъ не позже 15-го числа февраля.

Составленіе означенныхъ свѣдѣній и доставленіе ихъ по принадлежности въ связи съ другою письменностію и годовою отчетностію по церкви соединены съ особенными затрудненіями.

1) Печатные бланки высылаются причтамъ въ одномъ экземплярѣ. Они состоятъ по преимуществу въ однихъ графахъ. Выставленіе цифръ въ этихъ графахъ требуетъ всей сосредоточенности и необходится безъ ошибокъ. Поэтому, чтобы не испортить печатныхъ бланковъ, священники прежде всего составляютъ означенныя свѣдѣнія „вчернѣ“ и для этого, очевидно, должны заготовлять бланки „черновые“ уже сами; иначе, они должны снять копіи съ печатныхъ бланковъ. Снятіе же множества графъ съ печатныхъ бланковъ на простую писчую бумагу и вообще „графленіе“, въ соединеніи съ составленіемъ, на основаніи метрикъ, свѣдѣній и выставленіемъ цифръ въ многочисленныхъ графахъ по годамъ, съ разными отдѣлами, подраздѣленіями и объясненіями составляетъ самую кропотливую и утомительнѣйшую работу. Въ иныхъ приходахъ, по неспособности псаломщиковъ къ письмоводству, священникъ долженъ исправлять какъ эту обязанность, такъ равно и вести все письмоводство и отчетность по церкви—одинъ. А это письмоводство въ настоящее время особенно усложнилось. Такъ священникъ долженъ вести дневникъ, метрическую книгу въ 2-хъ и даже въ 3-хъ экземплярахъ, обыскную книгу, приходорасходныя книги, тетради: доходную, вѣнчиковую, алтарную и кружечныя по сборамъ: 1) на бѣдныхъ духовнаго званія, 2) на палестинскихъ поклонниковъ, 3) на возстановленіе православія на Кавказѣ, 4) на сооруженіе школъ

въ западныхъ губерніяхъ, 5) въ пользу тюремъ, 6) раненыхъ и больныхъ воиновъ и 7) на распространеніе православія между язычниками Имперіи [1]). И что уже говорить объ отчетахъ его по другимъ случайнымъ, временнымъ сборамъ. На обязанности священника лежитъ веденіе тетрадей исходящихъ и входящихъ бумагъ по церкви и доставленіе свѣдѣній по требованіямъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Эти свѣдѣнія, очевидно, должны быть въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ высылается по назначенію, а другой оставляется при церкви для справокъ. Къ 1-му октября священникъ долженъ приготовить исповѣдныя росписи въ двухъ экземплярахъ (для своей церкви и консисторіи). Такъ какъ эти экземпляры должны быть чистые, то, понятно, онъ предварительно долженъ составить еще одинъ—черновой экземпляръ росписей. А чтобы росписи были вѣрны, точны, онъ предварительно составленія ихъ долженъ иногда посѣтить всѣ домы своихъ прихожанъ и распросить домохозяевъ о семействѣ ихъ (бываетъ, что иногда крестьяне перепутываютъ имена дѣтей, называя, напримѣръ, дочь „Еленой“, когда она въ метрикѣ записана „Ольгою“). Особенно священникъ долженъ сдѣлать это при составленіи списка о небывшихъ у исповѣди и св. причастія свыше 3-хъ лѣтъ (для назначенія епитимій таковымъ нерадивымъ). Къ концу года необходимо приготовить именные списки раскольниковъ и семействъ ихъ для становаго пристава, отчетъ о расколѣ епархіальному начальству, вѣдомости о кошельковыхъ и кружечныхъ сборахъ, объ обратившихся въ православіе, свѣдѣнія для внесенія въ отчетъ г. Оберъ-Прокурора о состояніи церквей и паствы въ епархіи, четыре экземпляра клировыхъ вѣдомостей (для церкви, благочиннаго, консисторіи и архіерея), вѣдомости объ училищахъ, о приходѣ и расходѣ церковныхъ суммъ (для церкви, благочиннаго, консисторіи и правленія духовнаго

[1]) Въ иныхъ епархіяхъ, кромѣ того, заведенъ кружечный сборъ »на спасеніе погибающихъ на водѣ«.

училища) и табели къ метрическимъ книгамъ о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ. Отчетность по училищамъ въ иныхъ приходахъ представляется разнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ: архіерею, консисторіи чрезъ благочиннаго и инспектору народныхъ училищъ. Крохѣ этого должны представляться свѣдѣнія въ разныя присутственныя мѣста о лицахъ, подлежащихъ къ поступленію въ военное званіе, коніи съ которыхъ должны оставляться при церкви. Выборка этихъ свѣдѣній изъ метрическихъ книгъ и справка объ умершихъ, причемъ нужно бываетъ пересматривать метрики за 20 и 21 годъ, отнимаетъ чрезвычайно много времени. Указомъ нѣкоторыхъ консисторій предписывается доставлять свѣдѣнія о родившихся въ земскую управу по полугодно для фельдшеровъ; какъ слышно, желаютъ возложить на духовенство еще новую тягость—составленіе мѣсячныхъ вѣдомостей о родившихся и умершихъ для волостныхъ правленій.

Изъ одного перечня бумагъ, имянныхъ списковъ, вѣдомостей и отчетовъ, составленіе которыхъ лежитъ на обязанности сельскаго священника, можно убѣдиться, насколько онъ обремененъ письменною работою, особенно, если онъ долженъ заниматься этимъ дѣломъ одинъ, безъ возможности раздѣлить этотъ свой трудъ съ псаломщикомъ по неспособности его къ письмоводству. Принимая же во вниманіе письменный трудъ священника, отлучки его въ училище и храмъ и разъѣзды по отдаленнымъ деревнямъ по едва проходимымъ дорогамъ, легко понять, какъ мало времени у него должно оставаться на чтеніе книгъ, на пріобрѣтеніе познаній, умственное развитіе, составленіе проповѣдей и на другія болѣе существенныя занятія пастырскія, а также на присмотръ и наблюденіе за сельско-хозяйственными работами, безъ занятія которыми, при настоящихъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, священнику едва ли возможно существовать. Большая часть времени должна имъ употребляться на письмоводство,—на трудъ, иногда „излишній“ (напр. статисти-

ческія свѣдѣнія о родившихся... онъ долженъ (въ разныхъ формахъ) представлять и въ консисторію, и въ статистическій комитетъ, и въ земскія управы, и въ волостныя правленія), въ высшей степени „утомительный“ и невознаграждаемый, а нерѣдко и навлекающій непріятности. Нѣкоторые изъ причтовъ, по неудобству сношеній и по другимъ независящимъ отъ нихъ причинамъ, не имѣютъ возможности своевременно представить статистическихъ свѣдѣній для губернскаго статистическаго комитета на срокъ; отсюда возникаетъ переписка между исправникомъ и благочиннымъ.

Эта безплодная переписка, навлекая непріятности, еще болѣе утомляетъ и обременяетъ благочиннаго, настоятеля приходской сельской церкви. Извѣстно, что каждая полученная бумага должна быть записана въ журналъ входящихъ бумагъ; надобно сдѣлать по оной распоряженіе, или приготовить объясненіе, переписать ихъ и записать въ журналъ исходящихъ бумагъ и конвертную, сдѣлавъ въ тоже время противъ нея въ журналѣ входящихъ бумагъ и отмѣту о исполненіи... Въ присутственныхъ мѣстахъ этотъ трудъ раздѣленъ между нѣсколькими лицами. Благочинный же долженъ сдѣлать все это самъ. Онъ и архиваріусъ, и регистраторъ, и приходорасходчикъ, и журналистъ, и составитель бумагъ, и переписчикъ ихъ, и даже въ иное время разносчикъ. Правда, на осн. § 51 инстр. благ., ему дозволено приглашать для письмоводства кого либо изъ діаконовъ, но, очевидно, эта статья, въ настоящее время съ уничтоженіемъ въ сельскихъ приходахъ діаконовъ, не имѣетъ уже приложенія... Въ настоящее время у иного благочиннаго по благочинической входящей значится болѣе „200 №№“, а по исходящей—болѣе „300 №№“. Съ нѣкоторыхъ указовъ требуется иногда написать десятки точныхъ копій для церквей всего благочинія и, засвидѣтельствовавъ ихъ, разослать по принадлежности; со всѣхъ исходящихъ бумагъ остаются копіи при благочинническихъ дѣлахъ. Сверхъ этого на обязанности благочиннаго лежитъ и вся та масса письменности, которую онъ долженъ вести, какъ приходскій священникъ. Отсюда

понятно, какимъ тяжелымъ, можно сказать, убійственнымъ бременемъ становится для благочиннаго полученіе излишней бумаги, особенно непріятнаго свойства; понятно, желаніе его, чтобы уменьшенъ былъ трудъ его по письменности. Кажется, уже излишне распространяться приэтомъ, что благочинный въ своей личности долженъ совмѣщать и администратора, и сборщика, и чиновника,— производителя дознаній, и судебнаго слѣдователя, и мироваго судью, и обвинителя, и защитника.

2) Письменныя сношенія благочиннаго съ причтами своего округа и обратно, причтовъ съ благочиннымъ, представляются очень неудобными. Неудобство этихъ сношеній по преимуществу состоитъ въ затруднительности доставленія пакетовъ въ волостное правленіе. Въ прежнее время благочинный, на осн. § 51 инстр. благ. „для повѣстокъ и разсылокъ могъ имѣть при себѣ неотлучно изъ подвѣдомыхъ ему причетниковъ по-недѣльно“, а „при множествѣ дѣлъ, могъ взять и другаго“. Въ настоящее время, съ утвержденія новыхъ штатовъ, по которымъ при каждой церкви остался одинъ псаломщикъ, уже неудобно пользоваться этою статьею. Самое требованіе псаломщиковъ изъ дальнихъ приходовъ окончательно можетъ разорить ихъ, а окончившихъ ученіе въ семинаріи и оттолкнуть отъ поступленія на псаломщическую вакансію. Такимъ образомъ остается одно средство—разсылка бумагъ чрезъ волостное правленіе; но оно отъ благочиннаго отдалено иногда на десятки верстъ. Какъ же доставлять бумаги сюда? Нерѣдко случается, что бланки для статистическихъ свѣдѣній и другіе пакеты, разсылаемые благочиннымъ по приходамъ своего округа чрезъ волостныя правленія, или совсѣмъ затериваются или не своевременно доставляются волостными правленіями по назначенію. Тѣже случаи повторяются и при доставленіи причтами благочинному статистическихъ свѣдѣній чрезъ волостныя правленія и полицейское управленіе. Между тѣмъ въ недоставленіи или въ несвоевременномъ доставленіи статистическихъ свѣдѣній всегда оказываются виноватыми причты и особенно благочинные. Затѣмъ

статистическія свѣдѣнія, доставленныя причтами благочиннымъ чрезъ волостныя правленія и полицейское управленіе—исправника, по провѣркѣ этихъ свѣдѣній благочиннымъ, опять доставляютъ отъ благочиннаго къ исправнику. Но не было ли бы цѣлесообразнѣе и ближе къ дѣлу, еслибы причтами эти свѣдѣнія высылались прямо къ исправнику или въ статистическій комитетъ, а не чрезъ посредство благочиннаго? Тогда по крайней мѣрѣ одни и тѣже свѣдѣнія не проходили бы два раза чрезъ полицейское управленіе: одинъ разъ отъ причта запечатанными пакетами къ благочинному, и другой разъ отъ благочиннаго къ исправнику.

3) Составленныя причтами свѣдѣнія должны подвергнуться просмотру благочиннаго и повѣркѣ его. Повѣрка же можетъ быть произведена не иначе, какъ при посредствѣ метрическихъ книгъ, а ихъ-то у благочинныхъ и не имѣется. И нѣтъ возможности ни потребовать копій съ метрическихъ книгъ отъ причтовъ—оныя во всякое время необходимы причтамъ для справокъ—ни объѣзжать приходовъ для этой повѣрки: для этого нѣтъ средствъ.

Въ виду указанныхъ неудобствъ и затрудненій весьма желательно было бы, чтобы составленіе статистическихъ свѣдѣній о движеніи православнаго народонаселенія производилось гг. становыми приставами, у которыхъ въ распоряженіи въ настоящее время имѣются „урядники“ и при нихъ нижніе чины уѣздной полиціи для разсылокъ (§ 3 инстр. уряд. и ст. 1497 Св. Зак., т. II, ч. I) и волостными правленіями, у которыхъ въ распоряженіи состоятъ сельскіе старосты и разсыльные (для разноски пакетовъ). Повѣрка же этихъ свѣдѣній съ гораздо большимъ удобствомъ могла бы производиться кѣмъ либо изъ самихъ, проживающихъ въ губернскомъ городѣ, членовъ статистическаго комитета, или чиновникомъ, командированнымъ изъ комитета въ консисторію, чѣмъ благочинными. Въ консисторію въ началѣ каждаго года причты высылаютъ подлинныя метрическія книги. Составленіе статистическихъ свѣдѣній гг. становыми приставами

и волостными правленіями тѣмъ болѣе можетъ облегчаться, что у нихъ находятся всѣвозможныя средства къ этому, тогда какъ у благочинныхъ и священниковъ нѣтъ никакихъ. По § 4 правилъ для составленія посемейныхъ списковъ, каждое крестьянское семейство обязано объявлять о прибыли и убыли людей своему волостному правленію лично или чрезъ сельскаго старосту. На осн. 107 ст. Уст. дух. консисторій, прихожане могутъ получать отъ приходскаго причта свидѣтельство изъ метрическихъ книгъ о касающихся до нихъ и членовъ ихъ семействъ случаяхъ рожденія, брака и погребенія. Сельскій староста, какъ постоянный спутникъ сборщика податей, по этой необходимости постоянно посѣщаетъ домы крестьянъ своего участка. Слѣдовательно имѣетъ полную возможность своевременно получать отъ домохозяевъ метрическія выписки, выдаваемыя имъ священниками. При волостныхъ правленіяхъ должны находиться и метрическія книги для вписыванія дѣтей, рождающихся у раскольниковъ, а также и сходящихся на брачное сожитіе и умирающихъ раскольниковъ. Полицейскіе урядники, на осн. § 41 своей инструкціи, обязаны имѣть лошадей и возможно чаще объѣзжать ввѣренную имъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ большихъ и проселочныхъ дорогъ, посѣщать селенія, деревни, поселки и т. д. Сотскіе и десятскіе (§ 3) находятся въ прямомъ подчиненіи ихъ. Когда нѣтъ никакихъ необыкновенныхъ происшествій, то въ началѣ или въ исходѣ „каждой недѣли“ сотскіе являются къ становому приставу съ рапортомъ о благополучномъ состояніи селеній и съ тѣмъ вмѣстѣ для полученія приказаній его и пакетовъ, кои отъ него посылаются. Тогда же одинъ изъ десятскихъ по очереди наряжается на слѣдующую за симъ недѣлю къ приставу для разсылокъ и вообще для исполненія его порученій по службѣ (Св. Зак. т. II, ч. I, ст. 1497).

При существованіи такого порядка, достаточно было бы постановить, чтобы священники, по совершеніи требы крещенія, бракосочетанія и погребенія „у крестьянъ“, выдавали метрическую

выписку на отпечатанныхъ бланкахъ „сельскому старостѣ“ сряду или по окончаніи каждаго мѣсяца подъ росписку его въ метрической книгѣ для доставленія въ волостное правленіе, а по совершеніи крещенія, бракосочетанія и погребенія „у лицъ, не относящихся къ крестьянскому сословію, урядникамъ“ для доставленія становымъ приставамъ,—и затѣмъ освободить ихъ отъ всякой письменности и представленія вѣдомостей и списковъ по этому предмету. При этомъ желательно было бы, чтобы за каждую выданную выписку выдавалась отъ земства священникамъ какая либо сумма, хотя бы сколько нибудь копѣекъ. Эти деньги могли бы поступать на увеличеніе средствъ содержанія духовенства, или пенсіоннаго капитала, или наконецъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

На основаніи метрическихъ выписокъ, доставляемыхъ сельскими старостами въ волостныя правленія, могли бы составляться и посемейные списки безъ отягощенія духовенства. Изъ этихъ метрическихъ выписокъ могли бы составляться извлеченія о новорожденныхъ и для фельдшеровъ, и не нужно было бы священникамъ доставлять ихъ въ земскія управы [1]).

---

[1]) Фельдшера впрочемъ и сами имѣютъ полную возможность дѣлать для себя необходимыя извлеченія изъ метрическихъ книгъ въ домахъ священниковъ.

Современная проповѣдь на Западѣ.

Католическая проповѣдь въ Италіи.

Католическая проповѣдь въ Италіи имѣетъ немало особенностей, отличающихъ ее отъ католическихъ проповѣдей въ другихъ странахъ и объясняющихся національнымъ характеромъ итальянцевъ. Итальянцы унаслѣдовали отъ древнихъ италійцевъ особую любовь

[1]) Фельдшера впрочемъ и сами имѣютъ полную возможность дѣлать для себя необходимыя извлеченія изъ метрическихъ книгъ въ домахъ священниковъ.

къ разнаго рода общественнымъ зрѣлищамъ и краснорѣчію. Ихъ чрезвычайно привлекаетъ все то, что можетъ дѣйствовать не столько на умъ, сколько на фантазію. Они любятъ слушать хорошихъ ораторовъ, но интересуются не столько самымъ содержаніемъ ихъ рѣчей, самыми мыслями, сколько внѣшнимъ блескомъ, живостью и наглядностью изложенія. Это тѣмъ болѣе естественно, что почти всѣ итальянцы уже по самой природѣ—ораторы. Въ Италіи, а въ особенности въ южныхъ частяхъ ея, нерѣдко можно встрѣчать необразованныхъ простолюдиновъ, которые на сходкахъ или предъ судьями произносятъ рѣчи, не уступающія по краснорѣчію рѣчамъ записныхъ адвокатовъ. И притомъ всякое свое выраженіе они любятъ сопровождать самою оживленною жестикуляціей и мимикой. Отраженіе всѣхъ этихъ чертъ замѣчается и въ итальянскихъ католическихъ проповѣдяхъ.

Едвали въ какой другой католической странѣ проповѣдничество имѣетъ такое широкое развитіе, какъ въ Италіи и въ частности въ Неаполѣ. Въ Неаполѣ есть нѣсколько церквей, въ которыхъ проповѣди произносятся ежедневно, и проповѣдники не могутъ жаловаться на недостатокъ слушателей. При этомъ проповѣди нисколько не задерживаютъ совершенія богослуженія: во время проповѣди нерѣдко совершается въ той же церкви нѣсколько мессъ на другихъ алтаряхъ. Проповѣдничество въ особенности широкое развитіе имѣетъ во время Великаго поста и во дни мѣстныхъ церковныхъ праздниковъ. О числѣ произносимыхъ при этомъ проповѣдей можно судить уже потому, что въ Неаполѣ, имѣющемъ до 40 церквей, въ истекшій Великій постъ оно доходило до 800. О проповѣдяхъ, произносимыхъ въ такихъ случаяхъ, обыкновенно заранѣе дѣлается объявленіе, напоминающее собою театральныя рекламы. Этими объявленіями (avvisi sacri), имѣющими обыкновенно громадныя размѣры, покрываются двери церкви. Имя проповѣдниковъ всегда снабжается нѣсколькими хвалебными эпитетами, въ родѣ слѣдующихъ: celebre, illustre, lodato, lodatissimo, valoroso (знаменитый, славный, знаменитый, блестящій) и т. под.

Содержаніе этихъ объявленій напоминаетъ римскій форумъ и его ораторовъ. Въ нихъ обыкновенно говорится: „на священной трибунѣ будетъ возвѣщать божественное слово NN, который уже въ N пріобрѣлъ великую славу“. Проповѣдники носятъ названіе „ораторовъ“ (oratori), проповѣди называются „рѣчами“ (orazioni), а слушателямъ въ церковныхъ объявленіяхъ присвоется названіе „публики“ (publico). Для обозначенія церковной каѳедры (caffedra) нерѣдко употребляется слово rostra, которымъ древніе римляне называли ораторскую трибуну; часто встрѣчается такое выраженіе „fenere il pergamo“ (занимать подмостки). Да и дѣйствительно, во многихъ церквахъ каѳедра состоитъ изъ подвижныхъ деревянныхъ подмостковъ, безъ всякихъ украшеній и приспособленій.

Для произнесенія проповѣдей нерѣдко, а въ особенности во дни мѣстныхъ праздниковъ, приглашаются пользующіеся извѣстностію проповѣдники, которые получаютъ отъ церкви хорошее вознагражденіе. Въ Италіи есть даже особый классъ лицъ, спеціально занимающихся проповѣдничествомъ и говорящихъ проповѣди преимущественно во дни Великаго поста и во время праздниковъ. Имя проповѣдника вмѣстѣ съ изысканною музыкою (scelta musica) и со всею религіозною церемоніею (pompa religiosa) составляетъ одну изъ главныхъ праздничныхъ приманокъ.

Также по своему характеру и обстановкѣ католическія итальянскія проповѣди во многомъ напоминаютъ свѣтскія рѣчи и обстановку театра и разнаго рода общественныхъ зрѣлищъ.—Въ церковь мало по малу собирается публика, получаетъ стулья за извѣстную плату и въ ожиданіи „оратора“ занимается разсматриваніемъ разнаго рода украшеній въ церкви или развлекается разговоромъ. Но вотъ, въ сопровожденіи служителя, является и ораторъ. Онъ всходитъ на „pergamo“, привѣтствуетъ публику, приподнимая нѣсколько свой баретъ (шапочку), и начинаетъ рѣчь словами: „милостивые государи“, которыя часто повторяются и въ самой проповѣди и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ замѣняются болѣе умѣстнымъ обращеніемъ „братія мои“ (fratelli miei). По окончаніи главнаго

отдѣла, проповѣдникъ садится и дѣлаетъ небольшую паузу, которую онъ посвящаетъ на краткія наставленія и сообщенія, не имѣющія отношенія къ предмету его проповѣди. Затѣмъ онъ опять встаетъ и доканчиваетъ свою проповѣдь. Сущность проповѣди обыкновенно излагается въ этой послѣдней части ея. Въ праздничныхъ, панегирическихъ рѣчахъ проповѣдники не только дѣлаютъ, подобно древне-римскимъ ораторамъ, обращенія съ молитвами о помощи и покровительствѣ къ стоящимъ предъ алтаремъ статуямъ, но иногда допускаютъ даже перифразъ изъ древне-римскихъ рѣчей (напр. изъ обращенія Цицерона къ статуѣ Юпитера Статора въ первой рѣчи противъ Катилины). По окончаніи панегирической рѣчи, обыкновенно раздаются звуки оркестровой музыки. Нерѣдко проповѣди сопровождаются громкими рукоплесканіями. Для большаго эффекта и для болѣе сильнаго вліянія проповѣдей на слушателей во дни праздниковъ предъ алтаремъ обыкновенно разставляются разукрашенныя статуи виновниковъ празднества, къ которымъ проповѣдники нерѣдко дѣлаютъ обращенія. Такъ, при проповѣдяхъ о первенствѣ апостола Петра, можно видѣть въ церквахъ статуи Спасителя и апостола Петра, изъ которыхъ первый передаетъ послѣднему дѣйствительные ключи; въ праздникъ Іисуса Дитяти (Jesus Bambino) въ церквахъ ставится стеклянный ящикъ съ находящимся въ немъ деревяннымъ изображеніемъ младенца; при произнесеніи проповѣдей о чистилищѣ, на алтарѣ нерѣдко ставится терракотовое изображеніе чистилища съ мучащимися въ немъ людьми и т. под.

О Библіи почти совсѣмъ не бываетъ рѣчи въ проповѣдяхъ. Хотя въ началѣ проповѣди обыкновенно читаютъ на латинскомъ языкѣ, мало понятномъ для „публики“, тѣ или другіе стихи изъ Библіи, но они служатъ только эпиграфомъ или девизомъ, къ которому проповѣдникъ большею частью совсѣмъ не обращается въ самой проповѣди. Въ проповѣдяхъ на воскресныя евангелія принято излагать содержаніе евангелій національною рѣчью, далекою отъ языка Библіи. Эти проповѣди имѣютъ большею частью

форму „бесѣдъ“. Но въ началѣ ихъ обыкновенно сообщается вкратцѣ планъ предлагаемой проповѣди. Многія изъ проповѣдническихъ рѣчей ничѣмъ не отличаются отъ рѣчей свѣтскихъ ораторовъ. Такъ напр. одинъ епископъ, при открытіи памятника Франциску, котораго католическая церковь признаетъ святымъ, говорилъ рѣчь о Францискѣ, какъ творцѣ новаго періода въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ.

По содержанію итальянскія, католическія, проповѣди могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ. Самую незначительную изъ нихъ составляютъ проповѣди на воскресныя евангелія. Въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи онѣ даже совсѣмъ не произносятся. Проповѣди эти имѣютъ большею частію раціоналистическій характеръ,—чисто-христіанскаго элемента въ нихъ мало. Библейскимъ текстомъ проповѣдники обыкновенно пользуются лишь какъ внѣшнимъ поводомъ для того, чтобы перейдти къ совершенно постороннейтемѣ или къ изложенію правилъ общечеловѣческой морали. Такъ напр. одинъ проповѣдникъ сначала изложилъ содержаніе евангельскаго чтенія объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ. Это дало ему поводъ избрать темою констатированіе того факта, что въ настоящее время люди болѣе заботятся о тѣлесныхъ болѣзняхъ, нежели о душѣ. Но въ послѣдующемъ содержаніи своей проповѣди онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ ни объ евангеліи, ни объ Іисусѣ Христѣ, какъ Спасителѣ грѣшниковъ. Вмѣсто этого онъ обстоятельно познакомилъ своихъ слушателей со всею областью наукъ, служащихъ къ врачеванію тѣла, и исторіею ихъ, съ разнаго рода медицинскими учрежденіями и съ разнообразными средствами, употребляемыми научною медициною и простымъ народомъ для леченія болѣзней, и чрезъ это далъ понять слушателямъ, какъ много старанія и труда употребляется людьми на сохраненіе тѣлеснаго здоровья и какъ мало обращается ими вниманія на свою безсмертную душу. Только въ заключеніи проповѣдникъ указалъ на возможность, легкость и необходимость попеченія о душевномъ спасеніи.

Гораздо болѣе въ Италіи произносится проповѣдей объ Іисусѣ Христѣ. Но въ нихъ нѣтъ апостольскаго благовѣстія о Христѣ: единый, цѣлостный образъ Спасителя раздробляется, онъ превращается въ отдѣльныя отъ лица Его абстрактныя понятія, изъ которыхъ каждое олицетворяется и сопровождается соотвѣтствующимъ чествованіемъ. Въ Италіи нѣтъ ни храмовъ, ни торжественныхъ празднествъ, ни проповѣдей, посвященныхъ собственно Спасителю,—они посвящаются „имени Іисуса“, „сердцу Іисуса“, „ессе Homo“ (се человѣкъ и т. под.).

Весьма многочисленны и весьма популярны въ Италіи проповѣди въ честь Божіей Матери. Въ Италіи чрезвычайно много и праздниковъ въ честь Ея. Почти въ каждомъ городѣ и селеніи, кромѣ общихъ Богородичныхъ праздниковъ, есть еще особые, мѣстные, совершаемые съ особою торжественностію. Въ каждый изъ такихъ праздниковъ въ церкви произносится отъ одной до десяти проповѣдей. Но и въ этихъ проповѣдяхъ, какъ и воскресныхъ, мало чисто-христіанскаго элемента. Онѣ имѣютъ панегирическій характеръ и состоятъ въ изложеніи легендъ и церковныхъ преданій о событіяхъ изъ жизни Пресвятой Богородицы или Ея чудесной помощи людямъ и въ восхваленіи тѣхъ или другихъ чертъ Ея нравственнаго образа. Такъ напр. въ храмѣ, построенномъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери (Madonna Annunziata) и находящемся при воспитательномъ домѣ въ Неаполѣ, проповѣдникъ въ день этого праздника восхвалялъ въ своей проповѣди Божію Матерь, какъ защитницу бѣдныхъ дѣтей, брошенныхъ родителями. Онъ неоднократно повторялъ: „Ave, gratia plena“ (радуйся, благодатная), и утверждалъ, что Ея материнская любовь сдѣлалась источникомъ, наполняющимъ всѣ потоки и рѣки католическаго милосердія. Затѣмъ онъ въ очень яркихъ краскахъ обрисовалъ то жалкое положеніе, вслѣдствіе котораго въ городѣ являются подкидыши, которыхъ народъ постоянно называетъ дѣтьми Божіей Матери, и воспользовался этимъ названіемъ, чтобы доказать, что ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ лучшей матери, нежели Матерь Божія.

Праздниковъ въ честь святыхъ въ Италіи гораздо болѣе, нежели у насъ, и ихъ число постоянно все увеличивается: то получаютъ канонизацію новые святые, то возобновляются праздники въ честь прежнихъ святыхъ, вышедшіе изъ употребленія. Такъ въ послѣднее время Ватиканъ былъ занятъ вопросомъ о канонизаціи новыхъ 200 святыхъ. Праздники эти впрочемъ имѣютъ большею частію мѣстный характеръ, и каждый изъ нихъ сопровождается одною или нѣсколькими проповѣдями. Въ Неаполѣ не проходитъ ни одного дня безъ проповѣди въ одной или въ нѣсколькихъ церквахъ въ честь какого либо святаго. Эти проповѣди также имѣютъ чисто-панегирическій характеръ, какъ это можно видѣть уже изъ самаго названія ихъ „панегириками“ (panegirici) и изъ церковныхъ объявленій о нихъ, въ которыхъ обыкновенно говорится: „знаменитый ораторъ такой-то будетъ восхвалять святаго... (il valentissimo oratore NN dira le lodi del santo)... На основаніи церковнаго преданія и всевозможныхъ апокрифическихъ и легендарныхъ сказаній, имѣющихъ нерѣдко совершенно неестественный и даже чудовищный характеръ, проповѣдникъ обыкновенно старается изобразить святаго не какъ живой человѣческій образъ, добродѣтелямъ котораго можно было бы подражать, но какъ сверхъестественное существо, служащее полнымъ проявленіемъ силы Божіей и со всею полнотою осуществившее въ себѣ идеалъ христіанства, не достижимый для обыкновенныхъ силъ человѣка. Само собою разумѣется, что о назидательности въ собственномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: проповѣдникъ старается лишь возвесть святаго на недосягаемую высоту, чтобы возбудить удивленіе въ слушателяхъ къ его идеальнымъ нравственнымъ совершенствамъ и побудить ихъ къ соотвѣтственному чествованію восхваляемаго святаго въ видахъ собственной ихъ пользы.

Проповѣди о чистилищѣ (purgatorio), которыя произносятся обыкновенно въ началѣ ноября, а въ нѣкоторыхъ церквахъ также и въ другое время года, привлекаютъ массу слушателей. Въ проповѣдяхъ этихъ большею частью приводятся доказательства въ

пользу католическаго ученія о чистилищѣ, заимствуемыя главнымъ образомъ изъ неправильнаго толкованія 2 Макк. XII, 43—46, причемъ не дѣлается никакого различія между книгами каноническими и неканоническими. Приводятся и доказательства практическаго характера. Такъ напр. одинъ проповѣдникъ сильное впечатлѣніе произвелъ на слушателей слѣдующими словами: „счастливы вы, католическіе христіане! Какъ несчастны и жалки протестанты! Если умираетъ кто либо изъ ихъ среды, они уже не въ состояніи проявить къ нему свою любовь. Подумай о себѣ мать: вотъ умерло твое дитя; но если ты протестантка, ты ничего не можешь помочь и своему супругу, если онъ умретъ. Но вы—католики! Считайте себя счастливыми, что церковь указываетъ вамъ пути простирать попеченіе о близкихъ вамъ лицахъ и за предѣлы гроба". Въ заключеніи проповѣди ораторъ разсказалъ о томъ, какъ одинъ протестантъ перешелъ въ католицизмъ изъ-за того, что только здѣсь онъ могъ найдти для себя успокоеніе относительно участи своей умершей жены. Въ проповѣдяхъ о чистилищѣ нерѣдко можно встрѣчать довольно грубый реализмъ. Проповѣдники большею частью въ самомъ ужасномъ видѣ изображаютъ состояніе умершихъ, находящихся въ чистилищѣ, и описываютъ это состояніе, какъ перенесеніе разнаго рода вполнѣ чувственныхъ мученій.

Очень много проповѣдей произносится въ Италіи и въ Великій постъ, который начинается не съ понедѣльника, а среды (попелецъ). Въ этотъ день двери всѣхъ церквей покрываются пастырскими посланіями епископовъ и непосредственно послѣ обряда осыпанія пепломъ народа, тѣснящагося къ алтарю, произносится первая изъ великопостныхъ проповѣдей, которыя затѣмъ большею частью продолжаются непрерывно до великой пятницы включительно. Но и въ этихъ проповѣдяхъ большею частью совсѣмъ не говорится объ Іисусѣ Христѣ и Св. Писаніи, и чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить въ нихъ даже какую либо цитату изъ Библіи. Да и, приводя библейскіе тексты, проповѣдники какъ бы нарочно ук-

ломяются отъ нихъ въ сторону. Такъ напр. одинъ проповѣдникъ въ началѣ своей проповѣди привелъ текстъ: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ“... (Матѳ. V, 28). Можно было ожидать, что въ этой проповѣди будетъ говориться объ извѣстномъ грѣхѣ, который въ Италіи имѣетъ довольно широкое распространеніе. Но проповѣдникъ посвятилъ свою рѣчь вопросу о матеріализмѣ. Въ великопостныхъ проповѣдяхъ большею частью не говорится и о покаяніи. Въ нихъ преимущественно идетъ рѣчь о современномъ положеніи и разнаго рода современныхъ вопросахъ. Многія изъ нихъ имѣютъ столь общій характеръ, что совершенно ни изъ чего нельзя замѣтить, почему онѣ произносятся въ Великій постъ и въ церквахъ, а не въ другое время и не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ. Главное, чѣмъ проповѣдники стараются здѣсь привлечь вниманіе слушателей и оказать вліяніе на нихъ, это современность и блескъ краснорѣчія. И дѣйствительно, большинство итальянскихъ проповѣдниковъ обладаетъ несомнѣннымъ высокимъ ораторскимъ талантомъ. По содержанію своему великопостныя проповѣди весьма разнообразны. Онѣ посвящаются вопросамъ церковно-историческимъ, догматическимъ, моральнымъ, философскимъ и политическимъ, которые большею частью разсматриваются въ отношеніи къ современному положенію. Притомъ проповѣдники заботятся о томъ, чтобы изъ ихъ проповѣди могъ вынесть что-либо полезное или интересное для себя каждый изъ слушателей, на какой бы ступени общественнаго положенія и образованія онъ ни стоялъ. Предметомъ церковно-историческихъ проповѣдей служитъ главнымъ образомъ величіе и слава церкви и папства. Догматическія проповѣди имѣютъ очень общій характеръ. Онѣ посвящаются вопросамъ объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ, о взаимномъ отношеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ и т. под. Столь же общій характеръ имѣютъ моральныя проповѣди, въ которыхъ большею частью говорится объ исполненіи заповѣдей и предписаній Церкви. Но въ особенности итальянскіе ораторы любятъ говорить въ великопостныхъ проповѣдяхъ о философскихъ

вопросахъ и въ частности о матеріализмѣ, о которомъ можно слышать рѣчь въ каждой изъ итальянскихъ церквей. Къ политическимъ вопросамъ проповѣдники очень свободно относятся: они нерѣдко въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ порицаютъ государство за его современныя отношенія къ Церкви и безъ стѣсненія высказываютъ свои надежды на желаемыя перемѣны въ этихъ отношеніяхъ.—Въ великую субботу произносятся особаго рода проповѣди,—именно проповѣди о семи словахъ Спасителя и о Пресвятой Дѣвѣ, стоящей при крестѣ. Эти послѣднія проповѣди всегда привлекаютъ громадную массу слушателей. Впрочемъ и при произнесеніи собственно великопостныхъ проповѣдей въ церквахъ бываетъ также немало слушателей. При произнесеніи двухъ проповѣдей въ Римѣ о современной прессѣ, ея необуздапности и пагубномъ вліяніи присутствовали всѣ мѣстные представители печати, хотя это были не столько проповѣди, сколько обыкновенныя публицистическія рѣчи, приправленныя, какъ говорится, немалою дозою соли и перцу. Итальянская періодическая печать вообще довольно внимательно слѣдитъ за проповѣдями и иногда посвящаетъ имъ даже особыя статьи.

Кромѣ указанныхъ проповѣдей, въ Италіи въ послѣднее время получили довольно широкое развитіе такъ называемыя миссіонерскія проповѣди, произносимыя особыми проповѣдниками или миссіонерами, которыя въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ разсылаются для ежедневнаго проповѣдыванія въ теченіи извѣстнаго времени главнымъ образомъ въ такія мѣста, гдѣ обнаруживаются враждебныя въ отношеніи къ религіи вліянія или ослабленія церковной жизни. Эти миссіонеры получаютъ содержаніе отъ особыхъ учрежденій, находящихся въ Неаполѣ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ ордену іезуитовъ, которые прежде давали особую школьную подготовку подобнаго рода лицамъ и лишь наиболѣе способныхъ изъ нихъ выбирали для миссіонерско-проповѣдинческой дѣятельности. Проповѣди эти имѣютъ вполнѣ современный характеръ. Проповѣдникъ обыкновенно избираетъ одну тему (напр. о

современныхъ врагахъ религіи, о таинствѣ, о величіи католичества и т. под). и въ рядѣ проповѣдей разсматриваетъ ее съ разныхъ сторонъ въ примѣненіи къ современности. Миссіонеры нерѣдко допускаютъ въ проповѣдяхъ очень рѣзкія сужденія о современномъ положеніи и свѣтскомъ правительствѣ и иногда даже прямо призываютъ слушателей къ мщенію за поруганіе христіанской религіи и католической церкви. Такъ напр. одинъ проповѣдникъ указалъ, какъ на проявленіе вражды къ религіи, на снятіе креста съ Капитолія въ Римѣ, и продолжалъ: „Знаете ли вы исторію Конрадина? Когда этотъ прекрасный царственный юноша стоялъ на эшафотѣ, гдѣ никто не могъ помочь ему, то онъ бросалъ перчатку въ толпу. Она была поднята и послужила поводомъ къ Сицилійской Вечернѣ, отмстившей за неповинную кровь. Тоже происходитъ и теперь: намъ бросаютъ перчатку; это дѣлаютъ враги религіи; мы поднимаемъ ее и взываемъ: vendetta (мщеніе) за всякій крестъ, который у насъ отнимаютъ, война за всякій священный символъ, котораго насъ лишаютъ“. Миссіонерскія проповѣди пользуются повидимому очень большимъ успѣхомъ. Повсюду народъ торжественно, съ колокольнымъ звономъ встрѣчаетъ миссіонеровъ и массами стремится въ церковь.

Подводя итогъ всему, сказанному нами о католическихъ итальянскихъ проповѣдяхъ, мы приходимъ къ заключенію, что хотя онѣ большею частою безукоризненны по своей внѣшней формѣ, но по внутреннему характеру далеки отъ того идеала, къ которому долженъ стремиться каждый христіанскій проповѣдникъ. Въ нихъ много искусства, школьной выработки, пафоса, драматизма и внѣшняго блеска краснорѣчія, но мало чисто-христіанскаго элемента,—въ нихъ нѣтъ истинной христіанской любви, искренности убѣжденія и теплоты чувства.

И. Д.

Возможное для проповѣдника—пастыря затрудненіе.

Священнику—проповѣднику, можетъ быть, желательно знать сужденіе прихожанъ о той или другой сказанной имъ проповѣди, или вообще о своей проповѣднической дѣятельности въ приходѣ. Нельзя довольствоваться однимъ сознаніемъ исканія славы Божіей; нельзя также оставлять безъ вниманія всякое сужденіе своихъ слушателей, ссылаясь на слова ап. Павла: „для меня очень мало значитъ, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди“ (1 Кор. 4, 3). Проповѣднику весьма важно и совершенно необходимо знать, что думаютъ о его проповѣдяхъ, о содержаніи ихъ, изложеніи, произнесеніи и т. д., чтобы постараться исправить и сдѣлать лучше то, что требуетъ исправленія и улучшенія. Но какъ узнать ему это? Неужели обратиться къ первому встрѣчному съ вопросомъ: „какъ понравилась вамъ моя сегодняшняя проповѣдь“? Или: „что вы скажете о моей сегодняшней проповѣди“? Или: „довольны ли вы? Получили назиданіе“? Конечно нельзя. Лучше всего священнику поговорить объ этомъ съ своей женой, если она достаточно образованна и совершенно объективно относится къ проповѣдничеству своего мужа; иначе пусть онъ обратится, но съ большою осмотрительностію, къ какому либо благочестивому прихожанину, отличающемуся искренностію и правдолюбіемъ. Суетные проповѣдники, которымъ больше всѣхъ нравятся „свои“ проповѣди, желая получить благопріятное сужденіе о своей проповѣди, обращаются къ тому или другому изъ бывшихъ въ церкви съ такими, очевидно предзапятыми вопросами: „всѣмъ ли была понятна моя проповѣдь“? „Не слишкомъ ли громко я произносилъ“? „Не слишкомъ ли длинна была моя проповѣдь“? Позади всѣхъ этихъ вопросовъ скрывается нерѣдко ничего больше, какъ одна суетность; и если проповѣдникъ сознаетъ ее, пусть совсѣмъ оставитъ такіе вопросы.

Афоризмы изъ области проповѣдничества.

Чѣмъ длиннѣе будетъ проповѣдь, тѣмъ меньше изъ сказаннаго удержится въ памяти слушателя; а чѣмъ короче, тѣмъ больше получится пользы. Какъ лампа потухаетъ, когда слишкомъ много вливаютъ въ нее масла, какъ комнатнымъ растеніямъ не здоровится отъ чрезъ-чуръ усерднаго поливанія, такъ и обремененная память слушателей ослабѣваетъ отъ непривычнаго напряженія. При длинной проповѣди конецъ заставляетъ забыть средину, а средина—начало.

Не слышно, чтобы кто либо жаловался на краткость проповѣди; длинныя же проповѣди большею частію вызываютъ недовольство во многихъ слушателяхъ.

Умы и сердца простыхъ людей можно сравнить съ сосудомъ, имѣющимъ узкое горлышко. Хотя бы цѣлое ведро вылить надъ нимъ, мало однако вольется въ него. По каплѣ лучше!

Христіанскіе пастыри суть рыбари. Рыбарь ловитъ рыбу различнымъ образомъ, иную—сѣтями, а иную—удою. Онъ бросаетъ въ воду не голую уду, но скрываетъ ее приманкою, червячкомъ, крошкою хлѣбною и т. п. Будемъ, возлюбленные братья, проповѣдывать истину, но въ любви!

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19 января 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 5.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Января 29-го.

Содержаніе: Затрудненія въ пастырской практикѣ при погребеніи самоубійцъ и желательныя мѣры къ устраненію этихъ затрудненій.—Пастырь Церкви долженъ быть педагогомъ.—Значеніе Катихизиса.—Одно изъ сильнѣйшихъ противодѣйствій успѣхамъ пастырства.—Какъ мститъ священникъ.—Смѣсь.

Затрудненія въ пастырской практикѣ при погребеніи самоубійцъ и желательныя мѣры къ устраненію этихъ затрудненій.

Существующая практика касательно погребенія самоубійцъ нерѣдко противорѣчитъ православному вѣроученію, возмущаетъ религіозное чувство народа и питаетъ народное суевѣріе. Самообольщенные лже-мудрецы, потерянные пьяницы, жестокосердные упрямцы, заглушившіе всегдашнею порочностію и совѣсть, и святые порывы сердца, и наконецъ—малодушные, гонимые всякимъ вѣтромъ житейскихъ невзгодъ и не имѣющіе въ себѣ нравственной устойчивости,—всѣ эти несчастные въ рѣшительныя, неблагопріятныя минуты жизни легко приходятъ въ отчаяніе и нерѣдко рѣшаются на самоубійство, какъ единственное скорое средство развязаться съ жизнію, ставшей для ихъ безвѣрнаго сердца не-

посильной тяжестію. Итакъ отчаяніе, смертный грѣхъ богоотступничества, доводитъ человѣка до самоубійства. Есть, конечно, непроизвольные, невмѣняемые самоубійцы, лишившіе себя жизни вслѣдствіе болѣзни, или по неосторожности, которые пользуются молитвами св. Церкви и сочувствіемъ народа, но наша рѣчь не о нихъ, а объ умышленныхъ, произвольныхъ самоубійцахъ. Умышленнымъ самоубійцей мы называемъ того, кто въ минуты смерти имѣлъ свободу выбора, кто не страдалъ предварительно какою либо „непроизвольною“ хроническою болѣзнію, кто совершилъ самоубійство преднамѣренно, долго рѣшался, умышленно, въ силу давно гнѣздившагося въ немъ порока,—того, въ комъ невѣріе, умственное самообольщеніе, страсть—порокъ, развратъ, злоба, господствовали въ душѣ и жизни долговременно предъ смертію и произвели то состояніе, въ которомъ несчастный лишилъ себя жизни,—того, кто такимъ путемъ отступилъ отъ религіи и, потерявъ надежду на милость Божію, палъ въ отчаяніе и совершилъ самоубійство.

Является вопросъ: „какъ и гдѣ“ погребать самоубійцу?

По православному ученію, погребая преставльшихся въ вѣрѣ, св. Церковь молитвеннымъ отпѣваніемъ воздаетъ подобающую честь тѣламъ усопшихъ, какъ храмамъ Св. Духа (Литур. Смолод. изд. 4-е. 1869 г. стр. 316).—Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ говорится: „при погребеніи усопшихъ выносите ихъ съ псалмопѣніемъ, если они были вѣрны о Господѣ“ (Книг. VI, гл. 30. Памят. Христ. Древн. т. V, ч. 10-я, стр. 183). Но можно ли по христіанскому міровоззрѣнію назвать „храмами Св. Духа, вѣрными о Господѣ“, тѣхъ несчастныхъ, коихъ модный нигилизмъ, или загрубѣлое невѣріе, при безумной кичливости ума, доводитъ до самоубійства? Вспоминаемъ газетныя извѣстія о самоубійствахъ молодыхъ „модно-воспитанныхъ“ людей, для которыхъ „жизнь—мыльный пузырь, религія—выдумка своекорыстной касты“. Припомнимъ самоубійства „умныхъ вѣка сего“ людей, дошедшихъ личнымъ убѣжденіемъ до отрицанія всего нравственнаго и доведшихъ свое слѣпое „я“ до самообольщенной непогрѣ-

шимости и безконтрольнаго произвола и выставившихъ девизомъ бытія свое этоистически-безумное правило: „мой умъ—мой Богъ; мое опредѣленіе—истина, доступная избранникамъ“. Можно ли назвать далѣе вѣрнымъ о Господѣ страстнаго юношу, въ которомъ страсть—цѣль жизни, недостижимость ея—причина самоубійства? Вѣренъ ли о Господѣ несчастный, безталанный горемыка, для котораго золото—„все“ въ жизни и неудача наживы затягиваетъ петлю на шеѣ? Христіанинъ ли по духу тотъ, котораго печаль „вѣка сего“, неудачи въ жизни, лѣность въ молитвѣ, преднамѣренное отчужденіе отъ спасительнаго воздѣйствія на душу таинствъ св. Церкви и Евангелія доводятъ до петли, или пули въ лобъ? Вѣренъ ли о Господѣ финансовый тузъ, банкротство котораго доводитъ до петли? Вѣренъ ли о Господѣ потерянный пьяница, котораго ни преклонныя лѣта жизни, ни благочестивые примѣры ближнихъ, ни совѣты друзей и родныхъ, ни мольбы и слезы гибнущаго отъ нужды семейства, ничто не въ силахъ отвлечь отъ порока и заставить остепениться, котораго хроническое—беззавѣтное пьянство доводитъ до богохульства и затѣмъ, естественно, до петли? Достойны ли они христіанскаго погребенія? „Аще убіетъ самъ себе человѣкъ, ни поютъ надъ нимъ, ниже поминаютъ его“ (развѣ аще бяше изумленъ, сирѣчь внѣ ума своего) (по 14 отвѣту св. Тимоѳея Александрійскаго). А между тѣмъ оч. нерѣдко подобныхъ самоубійцъ удостоиваютъ христіанскаго погребенія.

При рѣшеніи вопроса, „какъ“ погребсти самоубійцу, необходимо первѣе всего опредѣлить вмѣняемость ему самоубійства. Кто же у насъ это опредѣляетъ? Судебно-медицинская власть; дѣло же священника лишь исполнить предписаніе: дано отношеніе „погребсти-де по христіанскому обряду“, и священникъ обязанъ. Но можетъ ли быть гражданская власть вполнѣ компетентной въ опредѣленіи вмѣняемости самоубійства? Едва ли. Судебно-медицинскій актъ важенъ лишь для раскрытія преступленія: не было ли въ данномъ случаѣ посторонняго насилія. Но опредѣлить лишь

на основаніи медицинскаго вскрытія вмѣняемость самоубійства при наибольшемъ взаимодѣйствіи души и тѣла очень гадательно. Положимъ, что самоубійца страдалъ довольно продолжительно предъ смертію извѣстной физической болѣзнію, имѣвшей пагубное вліяніе на нравственное состояніе его (духа); положимъ даже, что онъ имѣлъ долговременную психическую болѣзнь: не ужели же „это“, за исключеніемъ признаннаго сумасшествія, можетъ доказать невмѣняемость его самоубійства? Вѣдь опредѣлить степень взаимодѣйствія души и тѣла—дѣло очень не легкое, и дѣло—психіатра, но не лекаря. У насъ же по большей части скоро и легко составляютъ подобный актъ и пишутъ священнику: „погребсти-де по христіанскому обряду; напли-де болѣзнь физическую“. По нашему это далеко не достаточно. Вѣдь можетъ и больной физически быть атеистомъ и, вѣрнѣе всего, что нефизическая болѣзнь привела его къ самоубійству, но главнымъ и исключительнымъ образомъ его атеизмъ: усиливъ страданіе тѣла, повергъ въ отчаяніе сердце и ослѣпивъ умъ, затянулъ веревку на шеѣ. Вѣдь всякій самоубійца въ моменты смерти долженъ быть въ болѣзненномъ состояніи, но всѣ они за исключеніемъ сумасшедшихъ вмѣняемы. Или пишутъ гражданскія власти: „погребсти-де по христіанскому обряду, потому что убилъ себя въ припадкѣ меланхоліи“. Не ужели же онъ не вмѣняемъ? Не нужно ли при этомъ знать: „чѣмъ рождена и воспитана эта меланхолія“? Въ большинствѣ случаевъ безвѣріемъ и порочною жизнію. „Что-де намъ за дѣло,—говорятъ гражданскія власти,—до вашихъ тонкостей“? „Вѣдь это мелочь! Не все ли равно какъ погребсти? Вѣдь это обрядъ“! А если и обрядъ, такъ онъ потому уже и малозначителенъ!!! Не такъ учитъ Православіе. Постановленія Апостольскія, заповѣдуя молиться объ умершихъ, указываютъ такую цѣль поминовенія усопшихъ: помолимся о братіяхъ нашихъ, почившихъ о Христѣ, „да человѣколюбецъ Богъ проститъ имъ всякое согрѣшеніе“, вольное и невольное (Апост. Постан. кн. VIII, гл. 41—43). Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „мы можемъ

облегчить муку для почившаго брата нашего, если будемъ совершать за него частыя молитвы и раздавать милостыни“ (21-е нравоуч. на Дѣянія Апостольскія). Вотъ цѣль и сила молитвъ Церкви объ умершихъ. Опредѣлить же вмѣняемость или невмѣняемость самоубійства значитъ признать или не признать право за умершимъ на христіанское погребеніе, а погребеніе по христіанскому обряду и выражаетъ собою готовность Церкви сопутствовать своими молитвами душѣ умершаго къ престолу Владычню и ходатайствовать о ея помилованіи, слѣдовательно обрядъ погребенія имѣетъ весьма важное значеніе. Въ виду этого желательно было бы, чтобы кромѣ судебно-медицинскаго акта о смерти самоубійцы, обязательно составлялся и „нравственный актъ“ о его жизни,—актъ, въ которомъ общество вѣрныхъ, по разсмотрѣніи и изслѣдованіи духовной жизни самоубійцы, опредѣляло бы вмѣняемость или невмѣняемость его самоубійства, и сему-то акту было бы предоставлено „рѣшающее“ значеніе въ вопросѣ о погребеніи. Составленіе же этого акта могло бы производиться слѣдующимъ образомъ: по полученіи отъ гражданской власти отношенія, что она не имѣетъ препятствій къ преданію землѣ тѣла самоубійцы, священникъ обязанъ призвать наименьше 12 благочестивыхъ, трезвой жизни прихожанъ, близко знавшихъ покойнаго и, объяснивъ имъ важность и святость обряда погребенія, потребовать отъ нихъ же самихъ, чтобы они на основаніи предшествовавшей жизни самоубійцы рѣшили: какъ погребать его—по христіанскому ли обряду или нѣтъ. При этомъ слово пастыря имѣетъ два голоса и подпись неграмотныхъ завѣряетъ сельскій староста. Этимъ во 1-хъ достигалось бы возможно полное согласіе обряда съ каноническими постановленіями Церкви, во 2-хъ не возмущалось и не оскорблялось бы религіозное чувство народа и отнятъ былъ бы поводъ къ обвиненію духовенства въ продажности и т. п.,—когда оно погребаетъ самоубійцъ, и въ 3-хъ разъяснились бы многія служебныя недоразумѣнія, крайне соблазнительныя для народа, недоразумѣнія между духовенствомъ и гражданской властію (въ разсматриваемомъ вопросѣ).

Теперь же въ большинствѣ случаевъ судебно-медицинскія власти смотрятъ на погребеніе самоубійцъ крайне индифферентно, что „тамъ-де Богъ разберетъ“, и тѣмъ поставляетъ священника въ крайне затруднительное положеніе и возмущаетъ религіозное чувство православнаго народа:

1) Получивши отношеніе погребсти самоубійцу „по христіанскому обряду“, самоубійцу, хотя бы даже и съ физической болѣзнію, но въ жизни отличавшагося, что всегда почти бываетъ, невѣріемъ и долговременнымъ развратомъ, священникъ, рѣшившись погребсти, встрѣчаетъ негодованіе, ропотъ и укоры благочестивыхъ христіанъ, обличеніе въ продажности и даже пассивное противодѣйствіе погребенію, т. е. не выкопаютъ могилы на кладбищѣ, никто и креста не понесетъ при проводѣ покойника на кладбище; мало того: бываютъ случаи, когда крестьяне оказываютъ рѣшительное противодѣйствіе священнику при погребеніи самоубійцы на кладбищѣ, возмущаясь тѣмъ, что прахъ самоубійцы будетъ покоиться вмѣстѣ съ прахомъ православныхъ христіанъ, среди могилъ людей близкихъ и дорогихъ для ихъ сердца, и священнику такимъ образомъ волей-неволей приходится прибѣгать къ помощи полиціи и идти въ разладъ съ строго-христіанскимъ народнымъ вѣрованіемъ.

2) Бываетъ и такъ: пока священникъ получитъ отношеніе судебно-медицинской власти о погребеніи самоубійцы по христіанскому обряду, тѣмъ временемъ сами крестьяне, лишь комиссія уѣхала, въ силу вѣковой практики, вывезли и зарыли трупъ на распутьи. Случается и такъ: комиссія, освидѣтельствовавши самоубійцу, разрѣшаетъ сама находящимся при этомъ крестьянамъ погребсти, а потомъ въ отношеніи къ священнику пишетъ, что „де-такого-то самоубійцу должно похоронить по христіанскому обряду“. Пока священникъ получитъ такое отношеніе, самоубійца бываетъ уже зарытъ на распутьи. Что въ такихъ случаяхъ дѣлать? Идти въ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ среди полей на раздорожье и тамъ отпѣвать самоубійцу?!

3) Иногда судебно-медицинская власть даетъ туманное, неопредѣленное отношеніе, что она „не находитъ-де препятствій къ преданію тѣла землѣ“, „но какъ“, по христіанскому ли обряду, или нѣтъ, умалчиваетъ. Что тутъ дѣлать? Сказать священнику, что и съ его стороны тоже не имѣется препятствій къ преданію тѣла землѣ?

4) Иногда по причинѣ разложенія трупа вскрытіе не производится, но въ отношеніи комиссіи къ священнику говорится „погребсти-де по христіанскому обряду“. Какъ тутъ быть? На чемъ комиссія могла основывать свое заключеніе, если гласъ народа говоритъ противное?

5) Иногда совсѣмъ не пишутъ священнику отношенія, а прямо сельскимъ властямъ и народу скажутъ: „погребсти возлѣ кладбища“, или въ другомъ случаѣ—„вывезти на раздорожье“.

6) Наконецъ бываетъ и такъ: пріѣдетъ комиссія, посмотритъ, вскрыть нельзя—разложился трупъ, да и скажетъ: „пойди, попроси батюшку, пусть погребетъ“, а сама уѣдетъ.

Эти и подобные имъ случаи, поставляя священника въ крайне затруднительное положеніе при рѣшеніи вопроса о погребеніи самоубійцъ по христіанскому обряду, вызываютъ недоразумѣнія и при записи акта смерти и погребенія самоубійцы въ метрическую книгу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ записывать актъ смерти самоубійцы: въ рядовой ли статьѣ, или въ концѣ года—для статистики, или совсѣмъ не записывать? Многіе священники, въ случаѣ зарытія трупа самоубійцы самими крестьянами на раздорожьи, совсѣмъ не записываютъ о смерти его въ метрикѣ „объ умершихъ“. Записать не возможно священнику потому, что онъ не погребалъ, и даже не видѣлъ трупа самоубійцы; а не записывать—то гдѣ же будетъ записанъ актъ его смерти? Гдѣ будетъ документъ о его смерти, въ случаѣ супруга его захочетъ вступить во второй бракъ, или онъ самъ состоялъ на призывѣ? Записывать же въ метрику актъ смерти самоубійцы лишь на основаніи отношенія о семъ гражданской власти не практикуется; вѣдь гражданская

власть имѣетъ свое письмоводство и актовыя книги и можетъ у себя записывать; если же и въ метрику на семъ основаніи записывать, то слѣдуетъ разъяснить это и сдѣлать, обще-обязательнымъ. Да гражданская власть иногда и совсѣмъ не даетъ священнику оффиціальнаго отношенія, а прямо скажетъ соцкому: „закопай“! Такимъ образомъ для многихъ не извѣстно: „какъ, гдѣ и кому“ записывать о смерти самоубійцы, если онъ погребенъ безъ священника на раздорожьи. Намъ кажется, что о всѣхъ случаяхъ смерти и погребенія самоубійцъ гражданская власть обязана оффиціально извѣщать священника, какъ лице, ведущее метрическія записи, документы болѣе гражданскаго, чѣмъ строго-церковнаго свойства, а священникъ обязанъ вписывать актъ смерти въ метрику для справокъ и статистики, отмѣчая, гдѣ слѣдуетъ, кто изъ самоубійцъ удостоенъ или лишенъ христіанскаго погребенія. Правда, необходимыя справки о смерти самоубійцъ можно сдѣлать чрезъ полицію или судебнаго слѣдователя. Такъ иные и думаютъ: „супругъ самоубійцы, желающій вступить въ другой бракъ, можетъ, говорятъ, взять удостовѣреніе о смерти самоубійцы, похороненнаго безъ священника на раздорожьи, въ полиціи, или у судебнаго слѣдователя, какъ и жены, мужья которыхъ умерли гражданскою смертію, т. е. сосланы въ каторжныя работы, берутъ подобныя удостовѣренія изъ суда“. Это, пожалуй, просто, но не удобоисполнимо для бѣднякa—простолюдина. Къ тому же и статистика не будетъ ли страдать пропусками, въ случаѣ недоставки въ комитетъ свѣдѣній, или повтореніями, въ случаѣ помѣтки факта самоубійства и священникомъ отъ себя, и полиціей—отъ себя. Во всякомъ случаѣ въ такой сферѣ необходима обще-обязательная законность и однообразіе.

Наконецъ требуетъ рѣшенія вопросъ „о мѣстѣ погребенія самоубійцъ“?

По православному вѣроученію, его нельзя погребсти на освященномъ кладбищѣ. Въ Требникѣ, изданномъ Кіево-Печерской

Лаврой около 1700 года [1]), на страницѣ 207, въ разсужденіи о мѣстахъ погребенія некрещенныхъ младенцевъ, говорится: „некрещенніи же младенцы церковнымъ на цминтари проводомъ не погребаются, яко не очищенны быша отъ прародительскаго грѣха... Ни что же бо скверно внити имать во градъ святый, небесный Іерусалимъ (Апок. гл. 21). Церковь убо земная, понеже образъ имать небесныя, ихъ же душъ небесная въ своя не пріемлетъ обители, сихъ и она телеса, во своя священная не пріемлетъ мѣста". Если на освященныя кладбища не пріемлются тѣла некрещенныхъ младенцевъ, то тѣмъ болѣе не можетъ быть принятъ, какъ видно изъ второй половины сего текста, трупъ отчаяннаго самоубійцы!

Такъ учитъ православная Церковь, такъ вѣруетъ и простой, прямодушный народъ, хотя, къ сожалѣнію, съ примѣсью очень грубаго суевѣрія. Въ кодексѣ народныхъ, освященныхъ завѣтной древностію, вѣрованій (простолюдина) значится, что удавленникъ и вообще умышленный самоубійца не можетъ быть во 1-хъ по христіански отпѣваемъ (погребенъ), какъ богоотступникъ, презрѣвшій вѣру въ милосердіе Божіе и отчаявшійся въ Божіей помощи, и во 2-хъ не можетъ быть погребенъ (зарытъ въ землю) не только въ чертѣ освященнаго кладбища, но даже и въ чертѣ своего сельскаго полеваго грунта. Его необходимо вывозить за свою границу и погребать на распутіи (раздорожьи), гдѣ сходятся разныя дороги, и главное на самой границѣ полей двухъ или нѣсколькихъ селъ. Подальше нужно закапывать удавленника отъ пахатныхъ полей изъ опасенія засухи. Суевѣрные простаки, въ случаѣ засухи на грунтѣ погребенія самоубійцы, совѣтуютъ и безбоязненно готовы откопать его и

[1]) Хотя въ самомъ Требникѣ года не обозначено, или тотъ листъ вырванъ изъ него, но время его изданія можно опредѣлить тѣмъ, что онъ изданъ, какъ значится въ предисловіи его, благословеніемъ всечестнаго господина отца »Іоасафа Кроковскаго, архимандрита« святыя великія чудотворныя »Лавры Печерскія Кіевскія«.

„полить водой“ и затѣмъ закрыть снова могилу, послѣ чего, по ихъ мнѣнію, немедленно пройдетъ обильный дождь. Второе объясненіе крестьянъ невозможности погребать самоубійцу внутри грунта своего—это „напасть мары“: „будетъ тревожить людей и домашнюю скотину, будетъ морочить людей и среди бѣла дня сбивать съ дороги, не дастъ покою рабочему на полѣ, ни скотинѣ на пастбищѣ“. Погребенный же на раздорожьи—на границѣ полей самоубійца въ возможной степени лишается этого злаго могущества. Противъ этихъ доктринъ народнаго суевѣрія безсиленъ всякій авторитетъ, не успѣвшій долговременной настойчивостію и истинно-христіанскимъ вѣроученіемъ искоренить суевѣріе въ основаніи.

Теперь поищемъ въ гражданскомъ законодательствѣ указанія о мѣстѣ погребенія самоубійцы. Въ сводѣ законовъ 13 т., въ уставѣ медицинской полиціи „статья 923, гласитъ: тѣло умершаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать“. Вотъ его заслуженное мѣсто, куда онъ безпощадно долженъ быть увлеченъ, а неснисходительно извинямъ и по христіански погребаемъ! Насколько намъ извѣстно, эта статья доселѣ не отмѣнена, хотя нѣкоторые изъ судебныхъ властей вовсе ее не знаютъ и даже въ случаяхъ признанія полной вмѣняемости самоубійства все же въ распоряженіяхъ о мѣстѣ погребенія отсылаютъ къ священникамъ. Гдѣ же это позорное безчестное мѣсто для погребенія самоубійцъ? По народному воззрѣнію и вѣковой практикѣ, это—рубежъ земельныхъ владѣній села—раздорожье, куда вывезти мертвеца значитъ отказаться отъ него вполнѣ во всемъ, не принять трупъ его даже въ нѣдра своей сельской земли и выразить такимъ образомъ полное презрѣніе къ нему. Справедливое негодованіе законодателя, выраженное въ разсматриваемой статьѣ, нашло полный откликъ въ сердцѣ народа, но жаль только, что воспріимчивое простодушіе и пугливое воображеніе темнаго народа нашло въ этомъ именно основаніе для своего суевѣрія, какое суевѣріе легко могло бы

быть уничтожено, если бы были юридически указаны опредѣленныя мѣста погребенія самоубійцъ.

По нашему мнѣнію, слѣдуетъ погребать самоубійцъ на точно опредѣленныхъ мѣстахъ, и именно всего цѣлесообразнѣе, „возлѣ кладбищъ“. Какъ-то возмутительно видѣть, когда везутъ трупъ самоубійцы, все же человѣка, съ трубками во рту, предохраняющими отъ вони, по полямъ, и зарываютъ, гдѣ попало, какъ падаль какую нибудь; къ тому же разбрасывать трупы въ разныхъ мѣстахъ неудобно и „главное“ потому, что этимъ поддерживается народное суевѣріе, что самоубійца погребенный внутри своего грунта крайне золъ и вреденъ. Кромѣ того при настоящей практикѣ зарытія трупа самоубійцы нерѣдко случаются крайне возмутительные факты. При погребеніи самоубійцы на раздорожьи возникаютъ ссоры и крупныя непріятности между крестьянами — землевладѣльцами сосѣднихъ полей въ силу народнаго повѣрія о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ самоубійцами тѣмъ людямъ, на землѣ которыхъ они бываютъ зарыты. Нечего уже говорить о кощунственномъ отношеніи къ самоубійцамъ, отвозимымъ для зарытія на распутьи. Между тѣмъ погребеніе самоубійцъ возлѣ кладбища парализовало бы вредное народное суевѣріе, устранило бы кощунственное обращеніе съ трупомъ самоубійцы при зарытіи его на распутьи, уничтожило бы непріятности и ссоры, какія возникаютъ между крестьянами сосѣднихъ полей съ мѣстомъ зарытія самоубійцы.

Итакъ нравственный актъ о смерти самоубійцы и погребеніе его въ случаѣ вмѣняемости возлѣ кладбища по нашему должны умиротворить и исправить все возмутительное и странное. Къ тому же и составленіе сего акта не имѣетъ особенныхъ трудностей. Могутъ возразить противъ него слѣдующее: что въ большихъ городахъ и о чужемъ — проѣзжемъ самоубійцѣ — онъ не возможенъ. А намъ кажется, что и это исправимо. Погребсти безъ отпѣванія такого самоубійцу возлѣ кладбища, затѣмъ собрать о его жизни справку, по мѣсту службы, или постояннаго житель-

ства и эта справка замѣнитъ нравственный актъ; и если по ней онъ окажется христіаниномъ по духу, то, освятивъ могилу его святой водой,—отпѣть его по христіанскому обряду и удостоить молитвъ св. Церкви.

Священникъ *Петръ Косовскій.*

Кіевск. губ. Уманск. у.
село Побойна.

Пастырь Церкви долженъ быть педагогомъ.

Нѣкоторые изъ священниковъ смотрятъ на дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ на нѣчто совершенно постороннее, чуждое, необязательное для себя, и считаютъ себя въ правѣ отказываться отъ занятій въ народной школѣ, ссылаясь на недосугъ вслѣдствіе исполненія многочисленныхъ прямыхъ обязанностей, лежащихъ на священникѣ, или даже прямо на свои хозяйственныя дѣла. Но справедливъ ли такой взглядъ?

Главную цѣль пастырскаго служенія составляетъ воспитаніе пасомыхъ въ духѣ христіанской вѣры и нравственности. Пастырь Церкви долженъ быть такимъ образомъ воспитателемъ своей паствы, руководителемъ ея въ дѣлѣ спасенія. Слѣдовательно между педагогическою и пастырскою дѣятельностію находится самая тѣсная внутренняя связь, что въ особенности можно видѣть изъ ближайшаго сопоставленія первой со второю: какъ та, такъ и другая имѣетъ своимъ объектомъ силы или способности человѣка, но первая простираетъ свое непосредственное вліяніе какъ на духовныя, такъ на физическія силы, а вторая лишь на духовныя; первая прежде всего имѣетъ въ виду гармоническое развитіе и уже затѣмъ направленіе ихъ, вторая главнымъ образомъ—направленіе ихъ; первая можетъ давать какое угодно направленіе силамъ человѣка, сообразуясь съ природою человѣка и его назначеніемъ, которыя она, какъ показываетъ опытъ, можетъ понимать такъ или иначе, вторая можетъ давать лишь одно направленіе,

ясно опредѣленное въ словѣ Божіемъ, вслѣдствіе чего въ первой могутъ быть уклоненія съ прямаго пути и отъ надлежащей цѣли, а во второй они не должны быть, и что не въ полной мѣрѣ или не надлежащимъ образомъ дается первою, то должно восполняться и исправляться послѣднею; а что правильно и сообразно съ истиннымъ назначеніемъ человѣка дѣлается первою, то должно утверждаться и развиваться послѣднею. Такимъ образомъ пастырская дѣятельность есть въ сущности восполненіе и завершеніе дѣятельности педагогической.

Но пастырское служеніе имѣетъ и другой пунктъ ближайшаго соприкосновенія съ дѣятельностію народнаго учителя. Начальное народное образованіе имѣетъ своею цѣлію не воспитаніе только, но и обученіе: подобнымъ образомъ и пастырская дѣятельность соединяется съ церковно-учительною. И если школа сообщаетъ своимъ питомцамъ начальныя, основныя, наиболѣе полезныя для нихъ знанія, то священникъ, какъ церковный учитель, восполняетъ эти знанія, утверждая и развивая въ своихъ слушателяхъ самыя высшія богооткровенныя истины, какія только могутъ быть доступными для человѣческаго знанія и вѣры. Но такъ какъ всякое знаніе, смотря по его направленію, можетъ или содѣйствовать къ воспріятію спасительныхъ истинъ христіанской вѣры и нравственности или удалять отъ нихъ, то уже это обстоятельство должно побуждать священниковъ не пренебрегать столь близкимъ имъ дѣломъ школьнаго учительства, чрезъ дѣятельное участіе въ которомъ они могутъ содѣйствовать достиженію прямыхъ цѣлей своего пастырскаго и церковно-учительнаго служенія.

Не нужно упускать изъ вниманія и того, что если въ каждой дѣятельности весьма важное значеніе имѣетъ постепенность, то это въ особенности должно имѣть силу по отношенію къ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ человѣческихъ дѣятельностей,—дѣятельности пастырской. Долгъ благоразумія и осторожности требуетъ не приступать прямо къ ней, но предварительно испытать свои силы въ низшей ступени, ближайшей къ пастырству. А такою ступенью

и служитъ именно дѣятельность педагогическая, которая, преслѣдуя въ общемъ тѣже цѣли, какъ и пастырство, можетъ не только служить однимъ изъ лучшихъ средствъ для приготовленія къ пастырскому служенію, но и при прохожденіи послѣдняго можетъ въ значительной степени содѣйствовать достиженію цѣлей его. Школьное учительство можетъ служить однимъ изъ лучшихъ средствъ и къ ознакомленію священника съ паствою, безъ чего не возможно успѣшное выполненіе пастырскаго служенія. Все это приводитъ къ тому заключенію, что хорошій педагогъ можетъ быть хорошимъ пастыремъ.

Конечно, немало пользы для себя пастырь можетъ извлечь и изъ тѣхъ теоретическихъ и отчасти практическихъ педагогическихъ познаній, какія даются нашими духовными семинаріями. Но эти познанія никогда не могутъ замѣнить той педагогической опытности, которая пріобрѣтается чрезъ болѣе или менѣе продолжительное упражненіе въ обученіи и воспитаніи въ семьѣ и особенно въ школѣ. Только здѣсь можно получить тотъ богатый жизненный опытъ, который съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть примѣняемъ къ пастырской дѣятельности.

Н. Д.

Значеніе Катихизиса.

Извѣстный французскій писатель и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ нашего вѣка, Жофруа, принадлежавшій направленію враждебному Церкви, въ одномъ изъ своихъ сочиненій слѣдующими, сколько вѣрными, столько и прекрасными словами изображаетъ значеніе Катихизиса: „есть небольшая книжечка, которую даютъ дѣтямъ заучивать наизустъ: это Катихизисъ. Вы найдете въ немъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые я набросалъ, всѣхъ безъ исключенія. Спросите христіанина, откуда происходитъ родъ человѣческій, онъ знаетъ это; куда онъ идетъ,—онъ

знаетъ это; какъ онъ достигаетъ этого,—онъ знаетъ это. Спросите дитя, почему оно находится на землѣ и что предстоитъ ему послѣ смерти; оно дастъ возвышенный отвѣтъ, хотя само не понимаетъ его, но который тѣмъ не менѣе удивителенъ. Спросите его, какъ созданъ міръ и для какой цѣли; зачѣмъ Богъ населилъ землю животными и растеніями; какъ заселена земля людьми; произошло ли это отъ одной семьи или отъ нѣсколькихъ; почему люди говорятъ разными языками; почему они терпятъ бѣдствія и страданія; почему они ведутъ между собою войны и какъ міръ нѣкогда окончитъ свое существованіе,—оно знаетъ это. Происхожденіе міра, происхожденіе рода человѣческаго, происхожденіе разныхъ племенъ, назначеніе человѣка въ сей и другой жизни, отношеніе человѣка къ Богу, обязанности людей къ подобнымъ себѣ, господство человѣка надъ тварію,—нѣтъ ничего ему неизвѣстнаго. И когда дитя выростетъ, оно и тогда столь же мало въ невѣдѣніи о естественномъ правѣ, о политикѣ, о народномъ правѣ; потому что все это съ величайшею ясностію и какъ бы непосредственно вытекаетъ изъ христіанства".

Какъ мститъ священникъ.

Въ пассажирскомъ вагонѣ по К.-К. ж. дорогѣ между другими путешественниками ѣхали, сидя недалеко другъ отъ друга, священникъ и молодой человѣкъ повидимому изъ интеллигентнаго общества. Совершенно разслабленный отъ какой-то болѣзни, утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, этотъ молодой человѣкъ похожъ скорѣе былъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Тѣмъ не менѣе онъ безстыдно позволялъ себѣ и имѣлъ силу изрыгать хулы на религію и шутилъ циническія шутки надъ духовенствомъ. На станціи Н. онъ настолько ослабѣлъ, что не въ состояніи уже былъ выйти изъ вагона. Священникъ сжалился надъ нимъ, почти что на рукахъ вынесъ его изъ вагона въ вокзалъ, посадилъ на скамейкѣ, потребовалъ воды и освѣ-

жилъ бывшаго въ обморокѣ своего спутника. Пришедши въ себя и въ удивленіи отъ видѣннаго и испытаннаго, молодой человѣкъ съ горькимъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ сказалъ: „батюшка! еслибы я прежде знакомъ былъ хоть съ однимъ такимъ, какъ вы, священникомъ, не быть бы мнѣ никогда въ такомъ несчастномъ тѣлесномъ и душевномъ состояніи“!

Священникъ, поступившій такъ, былъ изъ Ч. епархіи.

СМѢСЬ.

Разнаго рода религіозность.

Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ „англійскій наслѣдный принцъ“, будучи приглашенъ въ субботу на балъ, испросилъ позволенія оставить балъ до полуночи, такъ какъ религія его запрещаетъ танцы въ воскресеніе и считаетъ это нарушеніемъ святости воскреснаго дня.

Въ бытность „персидскаго шаха“ въ Европѣ, когда его приглашали на торжественныя устрояемыя въ честь его празднества, онъ напередъ публично заявлялъ, что принимая участіе въ этихъ торжествахъ, онъ будетъ соблюдать свои религіозные обычаи въ выборѣ и приготовленіи пищи.

Основатель знаменитаго дома „Родшильдовъ“ во Франкфуртѣ, когда приглашаемъ былъ на придворные обѣды, всегда принималъ приглашенія, но не бралъ ни съ одного блюда, кромѣ дозволеннаго іуд. религіей салата.

Иной православный, презрительно нарушая требованія религіи, считаетъ себя выше всякихъ требованій вѣры и Церкви: онъ человѣкъ безъ предразсудковъ, человѣкъ интеллигентный...

„Народъ, не уважающій свою религію, близокъ къ погибели“.

Естествовѣдѣніе и Христіанство.

У нѣкоторыхъ естествовѣдовъ считается чуть не аксіомой одно извѣстное изреченіе: „наука о небѣ сниметъ покровъ съ головы Церкви, а наука о землѣ сдвинетъ почву изъ-подъ ногъ ея“. Нынѣ эти науки сдѣлали громаднѣйшіе успѣхи, но покрова съ Церкви не сняли и не сдвинули подъ нею почвы. Напротивъ теперь исполняется заявленіе, сдѣланное еще въ 1833 году въ одномъ большомъ собраніи англійскихъ естествоиспытателей: „христіанству нечего бояться успѣховъ естествовѣдѣнія, но всего надѣяться“. Результаты естественныхъ наукъ подтверждаютъ ученіе Церкви и лучшіе представители этихъ наукъ были вѣрующими христіанами и нерѣдко благочестивыми исполнителями церковныхъ обрядовъ. Такъ основатель и отецъ новѣйшей астрономіи даже книгу свою посвятилъ папѣ Павлу III; величайшій математикъ, какого знаетъ Европа, былъ благочестивый христіанинъ; знаменитый Кеплеръ свою астрономическую книгу заключаетъ сердечною благодарственною молитвою къ Богу, что Онъ далъ познать ему славу Его въ дѣлахъ рукъ Его; Вольта регулярно ходилъ въ церковь къ богослуженію; въ сочиненіяхъ Линнея находятся дѣтски-благочестивыя благодаренія Господу за благодѣянія Его; нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ естествоиспытателей, Амперъ, и когда ему хотѣли предложить для чтенія одно мѣсто изъ Ѳомы Кемпійскаго, онъ сказалъ: „нѣтъ надобности, я знаю наизустъ“. Др. Бергеръ насчитываетъ шестьдесятъ ученыхъ изъ всѣхъ отраслей естествовѣдѣнія, отъ Бекона до Рудольфа Вагнера, которые были знаменитыми изслѣдователями, вѣрующими и благочестивыми христіанами; Др. Гафнеръ считаетъ клеветою извѣстное выраженіе tres Physici, duo athei. Такимъ образомъ на естествовѣденіи исполняется сказанное древнимъ почтеннымъ Клавдіемъ: „знаменитости науки стоятъ подлѣ алтаря и каѳедры съ пляпою въ рукѣ; легкая же трупна проходитъ мимо алтаря

и каѳедры съ шляпою на головѣ и горделиво наморщеннымъ челомъ".

Наше время хочетъ:

1) Счастья безъ добродѣтели,
2) Добродѣтели безъ богопочтенія,
3) Богопочтенія безъ богопросвѣщенія,
4) Политики безъ нравственности,
5) Нравственности безъ религіи,
6) Религіи безъ откровенія,
7) Откровенія безъ Церкви,
8) Церкви безъ Духа Святаго.

Слушаніе проповѣдей.

Одинъ свѣтскій, весьма образованный и много свѣдущій въ духовныхъ наукахъ, человѣкъ любилъ посѣщать каждое воскресеніе и праздникъ свою приходскую церковь и внимательно выслушивалъ проповѣдь. Его однажды спросили: зачѣмъ онъ такъ исправно ходитъ въ церковь и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ проповѣдь, вѣдь все, что говорится въ проповѣди, онъ самъ хорошо знаетъ и притомъ лучше и основательнѣе самаго священника?—„Дѣйствительно, я это знаю, былъ отвѣтъ; но не всегда думаю о томъ".

Вѣрность служителя Христова.

Священникъ терпѣливо и мужественно совершаетъ свое служеніе, хотя бы дѣло его и не сопровождалось успѣхомъ, и онъ въ теченіи можетъ быть долгихъ лѣтъ трудился напрасно, помня примѣръ Добраго Пастыря и Спасителя всѣхъ насъ, „Который

Свою жизнь предалъ за всѣхъ насъ, и мы должны отдавать свою жизнь за братьевъ". Всѣ они Его дѣти; Его драгоцѣнная кровь выкупила ихъ. Священникъ долженъ быть свѣтильникомъ; свѣтъ же не перестаетъ освѣщать улицы и дороги, не смотря на то, идетъ ли кто по нимъ, или нѣтъ.

Крѣпкія сердца.

Въ наше время шатаній и колебаній во всемъ необходимо имѣть крѣпкое сердце. Крѣпкими же дѣлаетъ единственно только „страхъ Божій". Гдѣ нѣтъ его, тамъ выступаетъ страхъ человѣческій, который дѣлаетъ людей слабыми и презрѣнными.

Прекрасное сужденіе.

О состояніи соціальнаго вопроса въ наше время въ одной книгѣ сдѣлано такое прекрасное сужденіе: „прежде хозяева и рабочіе отличались одеждою, но „сердце" у тѣхъ и другихъ было одно; теперь уже въ воскресный или праздничный день не легко различить по одеждѣ, гдѣ господинъ, а гдѣ слуга; за то „зависть и недовольство" видны во взорахъ того и другаго".

Сонъ и смерть.

Сонъ есть великое благодѣяніе Божіе. Тихій, спокойный сонъ даетъ забыть намъ всѣ страданія. Онъ на нѣкоторое время снимаетъ съ насъ бремя, которое мы несемъ на себѣ и даетъ новую силу снова поднять его.—Такъ и братъ его, болѣе продолжительный сонъ подъ зеленымъ дерновымъ покровомъ. Да, это болѣе глубокій сонъ, и составляетъ гораздо большее благодѣяніе. Онъ навсегда освобождаетъ насъ отъ страданій и за нимъ слѣдуетъ, если мы только хорошо исполнили свою дневную работу, блаженное пробужденіе.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 января 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 6.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Февраля 5-го.

Содержаніе: Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ пастыря—священника.—Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія.—Проповѣди въ духовныхъ журналахъ за 1883 годъ.—Одна изъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ при исповѣди въ Великій постъ.—Объ устраненіи затрудненій при причащеніи прихожанъ въ Великій постъ.—Афоризмы.—Назидательныя статистическія вычисленія.

Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ пастыря—священника.

О любви, какъ пастырской добродѣтели.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ (Іоан. 15, 12).

Какъ Я возлюбилъ людей, ты знаешь: изъ любви къ нимъ Я принесъ въ жертву даже собственную жизнь Свою. „Я есмь Пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ“ (Іоан. 11, 10).

Изъ любви къ людямъ не щади и ты ничего, ни самой твоей жизни, которая по истинѣ не такъ цѣнна, какъ жизнь Моя.

Имѣй состраданіе къ тѣмъ несчастнымъ (людямъ), которые по нерадѣнію оставляютъ своихъ законныхъ пастырей и подвергаются всѣмъ ударамъ и преслѣдованіямъ враговъ.

Ты знаешь, что обо Мнѣ написано: „Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря“ (Матѳ. 9, 36).

Но будь сострадателенъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ: подобно Мнѣ, употребляй всѣ усилія къ тому, чтобы помочь оставленнымъ.

Не говори: мнѣ нѣтъ до нихъ дѣла. Любовь уполномочиваетъ тебя смотрѣть на всѣхъ людей въ мірѣ, какъ на одинаково близкихъ тебѣ.

Любвеобильной помощи твоей не простирай на однихъ только нуждающихся въ помощи духовной; ты знаешь, что Я сострадалъ людямъ и въ ихъ временныхъ нуждахъ и оказывалъ Свою помощь.

Я не допустилъ никакого ограниченія, когда говорилъ: „Пріидите ко Мнѣ „всѣ“ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Матѳ. 11, 28).

Такъ. Я сожалѣлъ народъ, которому нечего было ѣсть, когда сказалъ: „жаль Мнѣ народа“ (Марк. 8, 2), и чудесно помогъ ему.

Когда сотникъ умолялъ Меня исцѣлить слугу его, Я немедленно согласился пойти и исцѣлить его: „Я прійду, сказалъ Я, и исцѣлю его“ (Матѳ. 8, 7).

И когда опечаленный отецъ просилъ Меня въ домъ свой, дабы Мнѣ возвратить къ жизни умершую дочь его, Я, нисколько не медля, тотчасъ же вставъ, пошелъ, желая утѣшить его: „И вставъ Іисусъ, сказано обо Мнѣ, пошелъ за нимъ“ (Мѳ. 9, 19).

Если Я иногда обращался повидимому сурово, какъ напр. съ женою хананеянкой, то дѣлалъ Я это только для того, чтобы еще болѣе оживить вѣру ея, чтобы имѣть возможность послѣ болѣе похвалить ее и наконецъ, чтобы ожидаемая милость была

тѣмъ дороже для нея и полнѣе радость ея. „Женщина! велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему“ (Матѳ. 15, 28)!

Оказывай же и ты во всѣхъ нуждахъ твоего ближняго свое состраданіе и заботься о немъ по силѣ твоей.

Всякій бѣднякъ, опечаленный, больной, долженъ въ тебѣ находить себѣ любвеобильнаго отца, который во всѣхъ бѣдахъ сочувствовалъ бы своимъ чадамъ и помогалъ имъ по силѣ своей.

Но бываетъ нерѣдко, что пастыри Мои, встрѣчаясь съ людьми, обуреваемыми безчисленнымъ множествомъ бѣдъ и скорбей, всегда равнодушно относятся къ нимъ и становятся нечувствительными къ ихъ скорбямъ. Такъ мало по малу изсякаетъ любовь.

Старайся самъ съ своими собственными средствами, насколько можно, являться на помощь нуждающимся братьямъ твоимъ.

Не подражай тѣмъ, которые хотя и съ похвальною ревностію побуждаютъ другихъ быть сострадательными, но которые сами своихъ собственныхъ средствъ никогда или почти никогда не употребляютъ на это, а скорѣе сберегаютъ для себя самихъ на всякіе случаи.

Утѣшай другихъ и тогда, когда, по твоему мнѣнію, ты самъ еще болѣе нуждаешься въ утѣшеніи. Когда Я подъ ношею креста веденъ былъ на мѣсто лобное, Я и тогда еще утѣшалъ женъ, съ плачемъ слѣдовавшихъ за Мною (Лук. 23, 28).

И на крестѣ вися, Я еще утѣшалъ Мать Свою, возлюбленнаго Своего ученика.

Кто сильно опечаленъ, но забываетъ печаль свою ради того, чтобы ободрить брата своего страждущаго, тотъ въ глазахъ Моихъ дѣлаетъ по истинѣ цѣнное дѣло любви.

Но не втягивайся и въ мірскія распри изъ ложно понятой любви къ ближнимъ. Этимъ ты потратишь только драгоцѣнное время на дѣло, которое можетъ быть весьма опасно для тебя самаго, какъ для лица духовнаго.

Я отказался быть судьею при раздѣлѣ наслѣдства между двумя братьями и высказалъ при семъ предостереженіе отъ любостяжанія (Лук. 12, 13—16).

Поступай же и ты такъ, когда требуютъ отъ тебя принять участіе въ мірскихъ дѣлахъ и растратахъ.

О преданности въ волю Божію, какъ пастырской добродѣтели.

Я—Тотъ, о Которомъ сказалъ пророкъ: „законъ Твой, Боже, посредѣ чрева моего“ (Пс. 89, 9).

И твоя вся жизнь должна направляться лишь къ тому, чтобы исполнить волю Мою: воля Моя должна служить закономъ для твоей воли; вотъ что должно быть въ сердцѣ твоемъ, посредѣ чрева твоего, и что должно господствовать надъ всѣми наклонностями твоего сердца.

Я могъ сказать о Себѣ: „не ищу Моей воли, но воли пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 5, 30).

Я могъ о Себѣ сказать даже, что „Моя пища есть творити волю Отца Моего небеснаго“ (Іоан. 4, 34).

Я говорю даже, что считаю братьями Моими и сестрами и матерію Моею только тѣхъ, кто исполняетъ волю Отца Моего небеснаго (Матѳ. 12, 49. 50).

Когда Петръ хотѣлъ въ саду Геѳсиманскомъ защищать Меня, Я сдержалъ ревность его словами: „неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ (Іоан. 18, 11)? А какой нестерпимой горечи исполнена была чаша сія!

Таково было правило, которымъ руководился Я въ Своей дѣятельности: „Я поступалъ такъ, какъ Ему было угодно“.

А посему направляй и ты все къ тому, чтобы исполнить Мою святую волю, и это должно быть зерномъ всѣхъ твоихъ желаній.

Моя воля безконечно блага, сладостна и достолюбезна. Внѣ Моей воли не можетъ быть ничего добраго, а въ ней—все.

Старайся всегда сообразовать свои желанія съ Моею волею: предметами твоихъ желаній должны быть—просвѣщеніе сердца, плоды твоего апостольскаго дѣланія—милость въ этой жизни и слава въ будущей.

Воля Моя не такова, чтобы ты желалъ себѣ лишняго во время голода, здоровья во время болѣзни, мира во время войны.

На все то, что испытываешь ты совнѣ или снутри, старайся смотрѣть окомъ вѣры; обдумай, что всего этого Я желаю, все это Я попускаю и направляю на тебя, и тогда все то, что теперь для тебя служитъ источникомъ страданія и скорбей, будетъ источникомъ утѣшенія.

Если научишься любить Мою божественную волю, то конечно приведешь въ согласіе съ нею и твою и ты будешь тогда истинно „Мой ученикъ“.

Такое согласіе твоей воли съ Моею особенно необходимо во время гоненій, которымъ Я подвергаю иногда Свою Церковь.

Я иногда попускаю силамъ тьмы возставать противъ вѣрныхъ рабовъ Моихъ, дабы испытать благочестіе послѣднихъ. Въ это время добродѣтель считаютъ преступленіемъ, а злочестіе—заслугою. Не то ли сказалъ Я и во время Моихъ страданій: „теперь ваше время и власть тьмы“ (Лук. 22, 53).

Какъ поступалъ Я въ такое время? Погруженный въ бездну скорбей и страшныхъ мученій, Я искалъ Себѣ утѣшенія въ прилежной молитвѣ: „и находясь въ борѣніи, сказано о Мнѣ, прилежнѣе молился“ (Лук. 22, 44).

Такъ и ты ни въ чемъ другомъ не надѣйся найти себѣ истиннаго утѣшенія, какъ только въ молитвѣ. Но во время молитвы, какъ Мнѣ, такъ явится и тебѣ ангелъ, укрѣпляющій тебя (Лук. 22, 43).

Если при этомъ тебя, слабаго человѣка, будетъ тревожить внутренній страхъ, которому Я добровольно подвергъ Себя, то берегись, чтобы страхъ сей не былъ замѣченъ твоими врагами. Моя благодать подкрѣпитъ тебя, какъ она подкрѣпляла многихъ Моихъ мучениковъ.

Будучи совершенно одинъ, оставленный всѣми близкими Мнѣ, окруженный множествомъ коварныхъ и неистовыхъ враговъ, Я предъ ними не молчалъ, но и отвѣчалъ неохотно.

Кто ради Меня страждетъ, тотъ долженъ показать врагамъ Моимъ, что онъ знаетъ цѣну этихъ страданій и миръ доставляемый ими.

Еслибы Я хотѣлъ исхитить тебя изъ рукъ твоихъ враговъ, то могъ бы сдѣлать сіе легко невѣдомыми для тебя Моими судьбами; но еслибы Я потребовалъ отъ тебя такой чаши страданій, какую испилъ Я, то это служило бы къ большему твоему прославленію.

Какъ Я всего себя предалъ въ руки Отца Моего, такъ говори и ты Мнѣ: „въ руки Твои предаю духъ мой“.

Какъ Мои враги не имѣли бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано имъ свыше (Іоан. 19, 11), такъ не имѣли бы ея и надъ тобою безъ Моего попущенія.

Подобно тому, какъ Мнѣ Отецъ Мой послалъ бы болѣе 12 легіоновъ ангеловъ на помощь, еслибы Я молился Ему о томъ, такъ могъ бы Я послать ихъ и для защиты тебя, еслибы то было Мнѣ угодно.

Ты не принадлежишь себѣ, а Мнѣ, вручи же Мнѣ всего себя. Я, какъ Премудрый, наилучше знаю, какъ защищать тѣхъ, кто Мнѣ принадлежитъ.

Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія.

Говорить о томъ, что „воскресный день“ есть учрежденіе божественное, данное всеблагимъ Промыслителемъ людямъ для того, чтобы они, внимая заповѣди Божіей, отложивъ всѣ свои обыденныя дѣла и заботы житейскія, посвящали этотъ день благоговѣйной молитвѣ, чтенію Священнаго Писанія и душеполез-

ныхъ книгъ и дѣламъ благотворенія—говорить о всемъ этомъ передъ лицемъ нашихъ читателей не входило въ предѣлы нашей задачи. Наша задача—показать, что празднованіе воскреснаго дня есть не только учрежденіе божественное, но что оно есть наилучшее, такъ сказать, самое осязательное выраженіе благости Божіей и непосредственный результатъ всеблагаго Промысла,—наша прямая задача показать, что точное, неукоснительное исполненіе четвертой заповѣди Господней безусловно необходимо для нашего тѣлеснаго и душевнаго здравія, для матеріальнаго и духовнаго благосостоянія всѣхъ и каждаго, для блага семьи и государства.

Мысль, проводимая нами, не нова; по этому вопросу писали не одни только духовные, но и цѣлая плеяда первостепенныхъ ученыхъ, посвятившихъ свою жизнь и силы самымъ разнообразнымъ отраслямъ человѣческаго знанія; списокъ защитниковъ почитанія христіанскаго воскресенья украшаютъ не одни только богословскія имена. Самыя разнообразныя и разнохарактерныя научныя силы, богословы и естествоиспытатели, политико-экономы и врачи, однимъ словомъ—люди самыхъ разнообразныхъ направленій и занятій соединили свои совокупныя силы для рѣшенія вопроса о „празднованіи“ воскреснаго дня и пришли къ рѣдкому единодушію въ своихъ воззрѣніяхъ, протестуя противъ нападокъ писателей такъ называемаго „отрицательнаго“ лагеря, пытавшихся устранить воскресный день изъ общаго пользованія.

Въ настоящемъ нашемъ изложеніи мы представимъ всѣ главнѣйшіе научные доводы по интересующему насъ вопросу.

Празднованіе воскреснаго дня, какъ дня отдыха и молитвы, имѣетъ глубокіе корни съ самой природѣ человѣка. Ни одно божественное установленіе не соотвѣтствуетъ столь осязательно потребностямъ тѣлесной и духовной природы современнаго культурнаго человѣка и не несетъ съ большею осязательною наглядностью печать божественнаго происхожденія, какъ празднованіе воскресенья, составляя самый рычагъ здравія и благосостоянія общества и частныхъ лицъ.

Благодѣтельное значеніе воскреснаго дня сказывается тѣмъ сильнѣе и осязательнѣе, чѣмъ напряженнѣе и спѣшнѣе работа, чѣмъ сильнѣе борьба за существованіе и чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе становится самый строй нашей жизни.

Никогда еще не утомлялись люди такъ сильно и никогда еще не было замѣтно столь чрезмѣрнаго напряженія производительныхъ силъ, никогда еще мозгъ человѣка такъ напряженно не работалъ, какъ въ наше „просвѣщенное время“, вѣкъ пара и электричества, никогда еще такъ сильно не утомлялись люди, какъ теперь, въ погонѣ за насущнымъ кускомъ хлѣба, не говоря уже о погонѣ за наживой, сковавшей своими цѣпями современниковъ „золотаго вѣка“.

Наша всеобщая нервность, чрезмѣрное напряженіе нашей жизнедѣятельности, преждевременная усталость и вялость, вызванная усложненными условіями жизни, со всѣми ея болѣзненными уклоненіями (годъ отъ году все болѣе и болѣе увеличивающійся процентъ самоубійствъ и помѣшательствъ) и т. д.—вотъ плоды той жизни, гдѣ всякій спѣшитъ, суетится, какъ бѣлка въ колесѣ. При такихъ усложненныхъ условіяхъ жизни самая жизнь стала бы невыносимой и привела бы весь родъ человѣческій къ полному его вырожденію, еслибы милосердый Творецъ не отдѣлилъ седьмаго дня на служеніе Себѣ—видимый знакъ Его отеческаго попеченія и предусмотрительной заботы о благѣ людей.

Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ безусловно необходимъ для человѣка, ибо Самъ Господь заповѣдалъ людямъ въ потѣ лица своего снискивать свой хлѣбъ. Независимо отъ этого повелѣнія, трудъ есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ стимуловъ нашей жизни, источникъ счастія и спокойствія, здоровья и силы, радости и довольства жизнію. „Довольства жизнію“—сказали мы, ибо человѣкъ только тогда бываетъ доволенъ, когда онъ употребляетъ въ дѣло дарованныя ему силы; безъ труда человѣкъ становится въ собственномъ своемъ сознаніи только бременемъ для другихъ людей, недостойнымъ паразитомъ общества. Безъ труда

и такого труда, который бы захватывалъ собою все существо человѣка, всѣ его наличныя силы, человѣкъ дѣлается слабымъ, нервнымъ, неспособнымъ къ дѣятельности. Безъ труда человѣкъ теряетъ мало по малу сознаніе своей стойкости, энергіи, и характеръ его слабѣетъ и, становясь пассивной игрушкой обстоятельствъ, относится по теченію вѣтра, утрачивая мало по малу сознаніе собственнаго достоинства и всякую увѣренность въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ, а также и упованіе на Бога.

Но независимо отъ этихъ высшихъ побужденій къ труду, есть одинъ внѣшній стимулъ, заставляющій насъ неустанно трудиться. Это—нужды нашей обыденной жизни, необходимость въ потѣ лица зарабатывать насущный хлѣбъ. Какъ ни тяжелъ этотъ трудъ, но ему-то и обязанъ человѣкъ тѣмъ, что онъ поддерживаетъ свои силы, жизненную крѣпость и человѣческое достоинство.

Но на ряду съ трудомъ существуетъ еще и другой регуляторъ тѣлеснаго и духовнаго здравія: это—отдыхъ, періодически смѣняющій дни работы. Можно считать общимъ закономъ для всего существующаго въ мірѣ, что всякая работа только тогда можетъ быть постоянной, если она смѣняется періодами отдыха. Законъ періодичности движенія и покоя рѣзко обнаруживается во всѣхъ явленіяхъ природы, начиная съ матери—земли, которая каждую весну пробуждается отъ своего зимняго сна, покрывается зеленымъ ковромъ и, какъ бы утомившись, засыпаетъ вновь подъ снѣговымъ покровомъ земли. Всмотримся ближе въ міръ растеній, и онъ поучаетъ насъ многому и весьма многому. Разсматривая пень отъ срубленнаго дерева, вы видите на немъ перемежаемость темныхъ и свѣтлыхъ колецъ, по числу которыхъ и судятъ въ общежитіи, сколько лѣтъ росло то или другое дерево. Кольца эти, какъ показали физіологи, суть результатъ смѣны періодовъ усиленнаго роста, происходящаго весною съ періодами зимняго покоя—отдыха. Деревья не спѣшатъ жить, но онѣ переживаютъ многія поколѣнія людей; вѣковые дубы у насъ не рѣдкость, а въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ и доселѣ

ростетъ одинокій грабъ—современникъ Карла Великаго, молчаливый свидѣтель цѣлаго ряда историческихъ переворотовъ. Медленно, „отдыхая“, ростутъ деревья, достигая однако значительной силы, мощи и крѣпости. Не то видимъ мы на такъ называемыхъ однолѣтнихъ растеніяхъ, которыя спѣшатъ выползти изъ подъ земли и какъ бы торопятся распахнуться во всей своей красѣ; напрягая всѣ свои силы, онѣ никогда не достигаютъ сколько нибудь значительной твердости, и вѣкъ ихъ весьма коротокъ.

Въ животномъ мірѣ мы встрѣчаемъ тоже самое. Что способность къ работѣ и выносливость терпятъ отъ недостатка дня отдыха, доказываютъ очень многія наблюденія. Общество англійскихъ извощиковъ сдѣлало въ этомъ отношеніи очень интересный опытъ: заставляло одну часть лошадей работать всѣ семь дней въ недѣлю, а другую—только шесть дней, причемъ и въ томъ и другомъ случаѣ записывался приходъ. На первыхъ порахъ семидневная система давала нѣсколько болѣе дохода, но это только на первыхъ порахъ, ибо финансовыя соображенія заставили вскорѣ совершенно отказаться отъ такого способа веденія дѣла, такъ какъ лошади быстро истощались и приходилось истрачивать много денегъ на лекарства и ветеринаровъ, что превышало выручку лишняго рабочаго дня. Такимъ образомъ, исходя изъ чисто практическихъ соображеній, лондонскіе извощики единогласно порѣшили не выѣзжать на промыслъ въ воскресенье, и воскресный отдыхъ для извощиковъ установился само собою въ силу практической необходимости.

Если каждое существо въ природѣ нуждается въ періодически повторяющихся промежуткахъ отдыха, то насколько они необходимы высшему изъ существъ, вѣнцу творенія—человѣку—вообще, не говоря уже о современномъ человѣкѣ, стоящемъ на той ступени общественнаго развитія, когда усложненныя условія жизни требуютъ самой дѣятельной, самой напряженной работы!

Оставимъ пока на время духовную дѣятельность человѣка и остановимся на разсмотрѣніи условій его тѣлесной дѣятельности. Прежде всего каждый органъ человѣческаго тѣла для своей нормальной дѣятельности требуетъ извѣстнаго періода покоя. Такъ напр., если какой нибудь мускулъ будетъ долго находиться въ напряженномъ состояніи, или напр. глаза будутъ долго смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ, то наступаетъ усталость, упадокъ дѣятельности органа, которая возстановляется только послѣ опредѣленнаго періода покоя. Но такое возвращеніе органа къ его нормальной дѣятельности происходитъ лишь только тогда, когда напряженіе было не слишкомъ велико и не слишкомъ продолжительно; въ противномъ случаѣ органъ теряетъ свою дѣятельность навсегда, подобно куску резинки, который перестаетъ сокращаться, если растяженіе будетъ часто повторяться и превзойдетъ извѣстные предѣлы.

Изъ всѣхъ мускуловъ человѣческаго тѣла сердце наиболѣе терпитъ отъ непрерывной работы, отъ сильныхъ тѣлесныхъ напряженій, отъ занятій, которыя хотя сами по себѣ и совершенно безвредны, но соединены съ сидячимъ или согнутымъ положеніемъ тѣла (писанье, шитье, школьныя занятія) или же съ продолжительнымъ стояньемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вслѣдствіе подобныхъ занятій усиливается кровообращеніе въ тѣхъ или другихъ областяхъ человѣческаго тѣла и вмѣстѣ съ нимъ и работа сердца, что и замѣчается въ особенности у болѣе слабыхъ, развивающихся и удрученныхъ заботами и нуждой субъектахъ. Послѣдствіемъ этого развиваются такъ напр. органическіе пороки сердца, расширеніе сердца, одышка, приливы крови къ головѣ, шеѣ и легкимъ и т. д.

Къ этому присоединяется опасность отъ затруднительнаго дыханія и кроветворенія, которое вызываетъ малокровіе и столь частую его спутницу—легочную чахотку. Этотъ недугъ сильно развитъ у швей, писарей, сапожниковъ, портныхъ и т. д. и зависитъ во первыхъ отъ того обстоятельства, что люди, зани-

мающіеся этимъ промысломъ сидятъ постоянно, нагнувшись, ихъ грудная клѣтка слишкомъ сдавлена для свободнаго вдыханія и выдыханія свѣжаго воздуха, а во вторыхъ, что вслѣдствіе той же причины легко являются застои крови въ легкихъ, вызывающіе воспалительныя состоянія этого органа.

Другая, гораздо болѣе частая, причина легочныхъ страданій и малокровія встрѣчается у тѣхъ ремесленниковъ, которые работаютъ въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ сильная порча атмосфернаго воздуха отъ дыма, газовъ, испареній и пыли. Эти-то продукты, примѣшиваясь къ вдыхаемому воздуху, раздражаютъ легкія и вызываютъ частые катарры, кашель съ кровью и легочную чахотку.

Вотъ почему средняя продолжительность лицъ, работающихъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и лишенныхъ чистаго, часто обновляющагося воздуха, весьма ничтожна. Отсюда ясно, какимъ великимъ благодѣяніемъ является для подобныхъ рабочихъ (а ихъ большинство!), для учениковъ, посѣщающихъ школы, для всего пишущаго люда и для всѣхъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, каждый промежутокъ отдыха, соединенный съ движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ, хотя бы всего разъ въ день [1]).

Насколько же неизмѣримо выше должны быть поставлены благодѣянія цѣлаго дня, свободнаго отъ всякихъ занятій,—дня, изглаживающаго вредное вліяніе цѣлой недѣли. Почитаніе воскреснаго дня является нераздѣльно и почитаніемъ тѣлеснаго и связаннаго съ послѣднимъ соціальнаго благоденствія рода человѣческаго.

Физіологи сравниваютъ отдыхъ съ пищей, и это болѣе, чѣмъ справедливо. Во время отдыха въ тѣлѣ идетъ двойная работа: собирается запасъ новыхъ силъ для организма и уменьшается трата; въ двойной бухгалтеріи чудной машины человѣческаго

[1]) Статистика показала, что геологи, обязательно работающіе все лѣто въ полѣ, отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости.

организма, премудро устроенной Создателемъ, приходъ, такъ сказать, превышаетъ расходъ и въ результатѣ получается прибыль тѣлесныхъ силъ.

Другое дѣло—человѣкъ, напряженно работающій. Въ каждый рабочій день онъ теряетъ такой запасъ силы, который не въ состояніи вознаградить ему питаніе, отдыхъ и сонъ. Послѣ каждаго рабочаго дня въ его силахъ получается дефицитъ; этотъ-то дефицитъ за недѣлю настолько наростаетъ, что для возстановленія равновѣсія необходимъ цѣлый день полнаго отдыха отъ обыденныхъ трудовъ и занятій. Этому-то требованію человѣческой природы и долженъ удовлетворять воскресный день.

Этотъ-то день и долженъ быть проведенъ „разумно“, ибо въ противномъ случаѣ, ежели воскресный день не будетъ проведенъ сообразно своему назначенію, а будетъ употребленъ на работу, пьянство или разгулъ, то сила и энергія человѣка будетъ все болѣе и болѣе понижаться. Въ результатѣ такой человѣкъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, не только не будетъ въ состояніи честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, но и самая продолжительность его жизни должна понизиться. „Тотъ, кто не соблюдаетъ воскресенья, тѣмъ самымъ понижаетъ продолжительность своей собственной жизни, становится сознательнымъ или безсознательнымъ самоубійцей“.

Наоборотъ почитаніе воскреснаго дня вліяетъ не только на сохраненіе и возрастаніе силъ и энергіи, но влечетъ за собою и долголѣтіе.

„Время—деньги“, говорятъ англичане. Но вѣдь и здоровье—капиталъ, скажемъ мы съ неменьшимъ правомъ. Развѣ большая продолжительность способности людей къ труду не есть главный источникъ личнаго и общественнаго благоденствія?

Многіе великіе люди и друзья человѣчества высказываются въ своихъ автобіографіяхъ, что въ теченіе своей плодотворной жизни они не могли на опытѣ не убѣдиться, какое громадное освѣщающее и укрѣпляющее вліяніе на ихъ дѣятельность имѣло

почитаніе воскреснаго дня. Лордъ Пальмерстонъ въ своемъ дневникѣ приписываетъ той же причинѣ ту бодрость души и тѣла, которую онъ сохранилъ до послѣдней минуты своихъ преклонныхъ лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проповѣди въ духовныхъ журналахъ за 1883 г.

Говорить о проповѣдяхъ, напечатанныхъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ за протекшій годъ, значитъ говорить собственно о проповѣдяхъ преосв. Никанора уфимскаго и о проповѣдяхъ высокопреосв. Димитрія херсонскаго.—Проповѣди преосв. Никанора уфимскаго помѣщались почти исключительно въ „Странникѣ“. Въ этомъ журналѣ напечатаны: 1) поученіе на день восшествія на престолъ 2 марта 1882 года (см. мартовск. кн. „Странника“), 2) поученіе на вечернѣ въ 1-й день Пасхи (см. апрѣльск. кн.), 3) поученіе въ день преп. Сергія, радонежскаго чудотворца (см. сентябрьск. кн.) и 4) поученіе въ день памяти Іоанна Златоустаго (см. ноябрьск. кн.). Всѣ эти поученія отличаются свойственными этому блестящему проповѣднику оригинальностію, занимательностію и содержательностію предмета, мастерское раскрытіе котораго невольно и всецѣло завладѣваетъ вниманіемъ слушателей. Поученіе, напр., на день восшествія на престолъ 2 марта 1882 года представляетъ собою сильное патріотическое слово „о внѣшней и внутреннѣйшей духовной сторонѣ всероссійскаго императорскаго престола“; въ поученіи на вечернѣ въ 1-й день Пасхи проповѣдникъ съ искусствомъ вводитъ слушателей въ смыслъ пасхальной пѣсни: „О Пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте, и Слово Божій, и сило! Подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего“. Все это поученіе, нѣсколько впрочемъ отвлеченое по содержанію, представляетъ собою раскрытіе той высочайшей и глубочайшей символики,

которая окружала и окружаетъ христіанскую Пасху въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ. „И вотъ“,—заключаетъ проповѣдникъ раскрытіе ветхозавѣтной символики, предъуказывавшей христіанскую Пасху,—„одно изъ поразительныхъ доказательствъ божественности Христа и истинности христіанской Пасхи. Съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ пожертъ былъ, наша истинная Пасха, то и Іерусалимъ попранъ язычниками, и храмъ, въ которомъ пребывало имя Бога Израилева, разрушенъ; и агнецъ пасхальный самими евреями уже не закалается, а ѣдятъ они только свои опрѣсноки, хлѣбы бѣдствій, каковыхъ евреи такъ много вынесли и выносятъ на пространствѣ тысячелѣтій, и ѣдятъ единственно только въ воспоминаніе о прошедшемъ, о своемъ египетскомъ рабствѣ, о поспѣшномъ бѣгствѣ и страданіяхъ въ странствіи по пустынѣ, но теперь уже безъ всякой надежды на какое либо будущее освобожденіе, безъ всякаго символическаго знаменованія. Еврейская пасха теперь потеряла свой таинственно-знаменательный смыслъ“. Въ поученіи въ день преп. Сергія, радонежскаго чудотворца, проповѣдникъ, выясняя понятіе о „столпѣ Церкви“, здѣсь же, предъ глазами слушателей, съ искусствомъ опытнаго, всесторонне знающаго свое дѣло архитектора воздвигаетъ на живыхъ столпахъ—ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ праведникахъ—величественное и дивное зданіе Церкви, основою и главою котораго служитъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, „Онъ же и Вседержитель, Онъ же и утвержденіе Церкви, Онъ же и перворуководящій путь восхожденія отъ земли къ небеснымъ, первая лѣстница разумнаго, духовнаго восшествія, Онъ же... и первоосновной столпъ Церкви,—столпъ, который основаніемъ своимъ въ преисподняя не земли, а всей необъятной вселенной, всего мірозданія, а главою въ ту пренебесную безпредѣльность, гдѣ на пренебесномъ престолѣ возсѣдая, утверждается Самъ Тріединый Господь Богъ“.—Наконецъ въ поученіи въ день памяти Іоанна Златоуста, сказанномъ въ церкви Уфимской духовной семинаріи, проповѣдникъ, сдѣлавши предварительно маленькую оговорку и какъ бы извинившись предъ слушателями за „избитость“ избранной ма-

теріи, предлагаетъ ихъ вниманію, „въ виду нѣкоторыхъ признаковъ времени“, пастырское „слово назиданія о почтеніи къ архіереямъ и священникамъ, къ начальникамъ и наставникамъ, къ родителямъ и старшимъ родичамъ и вообще къ старшимъ по возрасту и положенію“,—причемъ съ богооткровеннымъ ученіемъ объ этомъ предметѣ сопоставляетъ „нѣкоторыя новѣйшія воззрѣнія на тотъ же предметъ,—воззрѣнія, которыя находятъ себѣ пріютъ и привѣтъ особенно у современнаго юношества“.

Въ майской—іюньской книжкѣ „Православнаго обозрѣнія“ помѣщена еще бесѣда преосв. Никанора на 1 марта 1883 года. Въ ней проповѣдникъ во всеоружіи сравнительной филологіи, строго-научнаго знанія Св. Писанія и довольно близкаго знакомства съ русскими старопечатными и древними рукописными книгами, всесторонне опровергаетъ высказанное въ печати мнѣніе противъ формулы нашей присяги („обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ“), заимствованной будто бы русскимъ правительствомъ при Петрѣ В. у правительства шведскаго, и самымъ основательнымъ образомъ доказываетъ правильность ея, прямо и положительно отвергая фактъ заимствованія. Но масса греческихъ, санскритскихъ и другихъ словъ и корней и до конца выдержанный строго-ученый характеръ и методъ этой бесѣды липаютъ ее, по нашему мнѣнію, значенія гомилетическаго произведенія, отводя довольно почтенное мѣсто въ ряду небольшихъ по объему (18 печатныхъ страницъ), но тѣмъ не менѣе очень многосодержательныхъ серьезныхъ ученыхъ „разсужденій“.

Другимъ весьма талантливымъ проповѣдникомъ, помѣщавшимъ въ прошломъ 1883 году свои произведенія на страницахъ нашихъ толстыхъ духовныхъ журналовъ, является въ Бозѣ почившій высокопреосв. Димитрій, архіепископъ херсонскій и одесскій.—Среди современныхъ русскихъ проповѣдниковъ высокопреосв. Димитрію должно быть отведено одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Какъ смотрѣли и смотрятъ у насъ на его проповѣди, достаточно говоритъ уже тотъ фактъ, что онѣ всегда помѣщались

на первыхъ страницахъ одного изъ лучшихъ духовныхъ журналовъ, „Православнаго обозрѣнія“, и что указомъ Св. Синода отъ 7 декабря 1883 года (о преподаніи священно-служителямъ наставленій относительно проповѣдей по поводу общественныхъ событій, или кончины общественныхъ дѣятелей) онѣ признаются, на ряду съ проповѣдями Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Амвросія Медіоланскаго, Димитрія Ростовскаго и нѣкоторыхъ др., образцовыми. Съ глубочайшимъ уваженіемъ относились къ проповѣдямъ высокопреосв. Димитрія въ частности и слушатели его. Когда Святитель какъ-то разъ, проѣздомъ изъ Одессы, посѣтилъ мѣсто прежняго своего служенія, г. Тулу, народъ толпами слѣдовалъ за нимъ, прося его святительскаго благословенія и, во чтобы то ни стало, домогаясь получить хоть клочекъ листка его поученія. О чисто же благоговѣйномъ отношеніи одесситовъ къ проповѣдямъ высокопреосв. Димитрія нечего и говорить уже.

Проповѣдываніе народу слова Божія высокопреосв. Димитрій считалъ одною изъ существеннѣйшихъ обязанностей своего архипастырскаго служенія и обращался къ пасомымъ съ проповѣднымъ словомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Многія изъ проповѣдей его въ свое время были напечатаны въ различныхъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ[1]) и даже отдѣльными выпусками[2]), но, кажется, значительное большинство ихъ осталось и

---

[1]) Первыя проповѣди высокопреосв. Димитрія помѣщены, въ видѣ отдѣльныхъ небольшихъ статей для назидательнаго чтенія, въ журналѣ »Воскресное чтеніе« за первые годы существованія этого журнала; проповѣдя къ волынской и херсоно-одесской паствамъ помѣщались въ »Волынскихъ« и »Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ« и въ »Православномъ обозрѣніи«.

[2]) Кіевскія проповѣди высокопреосв. Димитрія изданы были имъ самимъ въ Кіевѣ, въ сороковыхъ годахъ, въ двухъ томахъ. Но второй томъ весь сгорѣлъ во время пожара въ лаврской типографіи, и въ этомъ фактѣ, говорятъ, высокопреосв. Димитрій увидѣлъ какъ бы противленіе Промысла

остается пока въ рукописяхъ: по смерти Святителя нашли цѣлые ящики въ столахъ наполненными проповѣдями. Весьма было бы желательно, чтобы наслѣдники покойнаго или сами поспѣшили изданіемъ въ свѣтъ всѣхъ проповѣдей высокопреосвященнаго Димитрія, или же передали бы свое право кому другому, сообщивши при этомъ и рукописи небывшихъ еще въ печати проповѣдей. Такое изданіе будетъ, безъ сомнѣнія, очень цѣннымъ вкладомъ въ проповѣдническую литературу и послужитъ важнымъ и незамѣнимымъ матеріаломъ для историка современнаго проповѣдничества, потому что, по вполнѣ справедливому замѣчанію автора статьи: „Памяти въ Бозѣ почившаго святителя Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго", проповѣди высокопреосв. Димитрія — „это — цѣлые почти трактаты о существенныхъ предметахъ вѣры и жизни христіанской, такъ или иначе искажаемыхъ современнымъ намъ суемудріемъ или маловѣріемъ, — трактаты, составляющіе плодъ глубокаго размышленія и крѣпкаго убѣжденія... *на основаніи* ихъ можно составить цѣлое богословіе въ примѣненіи къ современной намъ жизни".

Не выходя изъ роли обозрѣвателя проповѣдническихъ произведеній, помѣщавшихся только въ истекшемъ 1883 году въ различныхъ нашихъ толстыхъ духовныхъ журналахъ, мы и о проповѣдничествѣ высокопреосв. Димитрія будемъ говорить лишь на основаніи тѣхъ немногихъ проповѣдей его, которыя помѣщены были въ прошломъ году въ „Православномъ обозрѣніи". Безъ сомнѣнія, наша характеристика будетъ слишкомъ неполною вслѣдствіе значительной скудости предлежащаго для этой цѣли матеріала: для полной оцѣнки высокопреосв. Димитрія, какъ про-

---

предпринятому имъ дѣлу я съ тѣхъ поръ не только самъ не издавалъ болѣе своихъ проповѣдей, но не совсѣмъ охотно сообщалъ ихъ и другимъ для напечатанія, совершенно отказываясь при томъ отъ всякаго гонорара.—Изданы были также съ его разрѣшенія отдѣльнымъ сборникомъ и проповѣди къ ярославской паствѣ въ пользу Ярославскаго епархіальнаго женскаго духовнаго училища.

повѣдника, тогда только настанетъ время и тогда только явится возможность, когда будутъ изданы въ свѣтъ всѣ его проповѣди.

Проповѣди высокопреосв. Димитрія и за 1883 г. по преимуществу отличаются догматико-нравственнымъ характеромъ и проникнуты глубокимъ знаніемъ духовной жизни и потребностей современнаго проповѣднику общества. Какой бы вопросъ православной догматики ни затрогивалъ нашъ проповѣдникъ, онъ тотчасъ же старается низвести его изъ области теоріи, отвлеченной науки, въ область практики, обыденной будничной жизни общества,—старается показать и уяснить всѣвозможные способы практическаго приложенія его здѣсь. За матеріями для своихъ проповѣдей высокопреосв. Димитрій не идетъ далеко, а беретъ ихъ здѣсь же, подлѣ себя—такъ сказать—подъ рукою, заимствуя или изъ дневнаго евангельскаго чтенія, или изъ сущности воспоминаемаго въ тотъ день церковнаго или церковно-гражданскаго событія, причемъ обращаетъ въ нихъ вниманіе на то лишь, что считаетъ въ данномъ случаѣ наиболѣе благовременнымъ, наиболѣе важнымъ, нужнымъ и полезнымъ для своихъ слушателей; а это послѣднее для высокопреосв. Димитрія являлось тѣмъ болѣе удобнымъ и возможнымъ, что, судя по всему, онъ прекрасно зналъ религіозныя воззрѣнія своей паствы, ея нравственное и умственное состояніе и ея жизненную философію. Въ самомъ раскрытіи избранной матеріи замѣчается глубина сужденія, высота духовнаго созерцанія, теплота убѣжденія и назиданія и такая сердечность и святость, „какія можно найти“,—по замѣчанію того же автора раньше названной нами статьи о высокопреосв. Димитріѣ,—„развѣ у прославленнаго Богомъ святителя Русской Церкви, имя котораго носилъ почившій архипастырь,—у свят. Димитрія, митрополита ростовскаго“. Каждая проповѣдь нашего проповѣдника такъ и дышетъ спасительнымъ духомъ Библіи, а въ послѣдовательномъ ходѣ развитія ея такъ и слышится голосъ свв. отцевъ и учителей Церкви. Прибавьте еще ко всему нами сказанному внѣшнюю, если можно такъ выразиться, обстановку

проповѣди высокопреосв. Димитрія: величественную осанку Святителя, сильный, ясный, симпатичный голосъ, выразительную дикцію при произношеніи,—и тогда станетъ вполнѣ понятнымъ то неотразимое вліяніе, какое имѣли проповѣди его на слушателей. Даже при чтеніи ихъ въ печати онѣ производятъ какое-то умиротворяющее дѣйствіе на душу.

Вполнѣ безукоризненны проповѣди высокопреосв. Димитрія и съ формальной стороны. Въ нихъ мысль идетъ плавно, стройно, и нерѣдко спокойная рѣчь проповѣдника постепенно возвышается, почти незамѣтно проникается неподдѣльнымъ энтузіазмомъ и блещетъ—нѣсколько впрочемъ своеобразными, ему лишь одному изъ современныхъ проповѣдниковъ свойственными—перлами высокаго, сильнаго краснорѣчія. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ слова его въ день священнаго вѣнчанія и помазанія на царство благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, въ которомъ проповѣдникъ „созерцаетъ сквозь зерцало слова Божія о Давидѣ тайну благодатныхъ дѣйствій Божіихъ", совершавшихся въ то время „надъ Боголюбезнѣйшимъ Царемъ нашимъ": „Послѣдуемъ, братія, за богоизбраннымъ царемъ нашимъ въ это древнее, залѣтное святилище земли русской, въ этотъ домъ Божіей Матери, который составляетъ, такъ сказать, сердце самаго сердца Россіи, гдѣ отъ лѣтъ древнихъ призвася всесвятое имя Господне, гдѣ молились наши предки и въ свѣтлые дни радости и въ скорбные дни печали, гдѣ Димитріи и Іоанны призывали на помощь Господа силъ, исходя на праведную брань съ супостатами, гдѣ Пожарскіе и Минины возносили предъ Господомъ гласъ хвалы и благодаренія по избавленіи отечества отъ обдержавшихъ его тяжкихъ золъ; гдѣ нѣкогда вся колѣнопреклоненная Россія въ лицѣ лучшихъ сыновъ своихъ со слезами просила себѣ у Господа царя по сердцу Божію и выпросила—Михаила. Се во вратахъ храма Господня—ликъ пастырей и святителей Церкви русской срѣтаетъ богоизбраннаго монарха и ихъ священными руками сама св. Церковь Христова пріемлетъ его въ свои объятія, дабы представить его святѣйшему

престолу Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, чтобъ испросить на него всесвящающее и всесовершающее благословеніе Божіе молитвами и священнодѣйствіемъ, чтобы низвести на него всесвятаго Духа Божія помазаніемъ отъ святаго, чтобы соединить его съ самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ причащеніемъ божественнаго тѣла и крови Христовой"... и т. д.—Изъ только что приведенныхъ нами строкъ читатели, кстати, могутъ составить уже себѣ нѣкоторое представленіе и о языкѣ проповѣдей высокопреосв. Димитрія. Многіе упрекаютъ нашего проповѣдника за этотъ языкъ, находя его устарѣлымъ для проповѣди, какъ „литературнаго" произведенія. Дѣйствительно, языкъ высокопреосв. Димитрія нѣсколько своеобразенъ, нѣчто среднее между языкомъ русскимъ и славянскимъ. Тѣмъ не менѣе упреки эти мы считаемъ совершенно несправедливыми. Часто встрѣчающіеся въ проповѣдяхъ высокопреосв. Димитрія славянскіе обороты и даже идіотизмы нисколько не портятъ общаго впечатлѣнія, производимаго его проповѣдями, напротивъ сообщаютъ проповѣдямъ удивительную обаятельность, а раскрываемымъ въ нихъ мыслямъ придаютъ какую то особенную торжественность.

Справедливость требовала бы сказать еще нѣсколько словъ о проповѣдяхъ одного изъ самыхъ отзывчивыхъ нашихъ проповѣдниковъ на современные запросы мысли и жизни русскаго общества—о всегда прекрасныхъ на нашъ взглядъ проповѣдяхъ прот. В. Нечаева, редактора—издателя журнала „Душеполезное чтеніе". Но такъ какъ наше обозрѣніе и безъ того уже рискуетъ выйти за предѣлы предполагавшейся краткой замѣтки, то поспѣшимъ поскорѣе закончить его, подѣлившись въ заключеніе—увѣрены—весьма пріятною для многочисленныхъ почитателей святителя Димитрія ростовскаго новинкою—извѣстіемъ о трехъ вновь розысканныхъ проповѣдяхъ его. Всѣ три открыты въ одной старинной рукописи, и двѣ уже отпечатаны въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Душеполезнаго чтенія" за прошлый годъ. Когда написаны Святителемъ эти проповѣди, данныхъ въ журналѣ

не приводится никакихъ. Но, судя по совершенной зрѣлости таланта, такъ ярко проглядывающаго въ нихъ, а равно по языку, тону и самому характеру, можно съ достовѣрностью отнести ихъ къ проповѣдямъ втораго періода, т. е. написаннымъ уже послѣ составленія св. Димитріемъ Четьи-Миней, въ полный расцвѣтъ его проповѣдническаго таланта.—Первая проповѣдь есть слово свят. Димитрія въ день Преображенія Господня. Въ ней знаменитый витія говоритъ о преображеніяхъ Спасителя въ дѣлѣ совершенія искупленія рода человѣческаго и различаетъ пять такихъ преображеній, послужившихъ проповѣднику богатѣйшимъ матеріаломъ для назиданія слушателей: первое преображеніе—„преображеніе смиренное“, второе преображеніе—„преображеніе милостивое“, третье преображеніе—„безчестное“, четвертое преображеніе—„безсмертное“ и пятое преображеніе—„преславное“.—Вторая проповѣдь—слово на текстъ: „кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти“. Въ немъ проповѣдникъ рѣшаетъ естественно возникающій въ такихъ случаяхъ вопросъ—для какой цѣли „вся премудрѣ на пользу человѣческую устроилъ Богъ на семъ свѣтѣ“, имѣя въ виду наше же благо „смерть оставилъ“. „Первая вина...: дабы людіе отвращались отъ грѣха и мерзѣли себѣ грѣхомъ“;—„вторая вина...: дабы людіе къ мирскимъ прелестямъ и красотѣ тѣлесной не прилагали сердца“;—„третья вина...: на исправленіе злыхъ и на возбраненіе лукавыхъ обычаевъ“;—наконецъ, „четвертая вина...: на низложеніе гордыни и киченія гордящихся о народѣхъ языкъ боговъ земныхъ“.

Г. Булашевъ.

Одна изъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ при исповѣди въ Великій постъ.

Извѣстно, какія непріятности приходится испытывать священнику во время исповѣди въ Великій постъ. Громадная масса

народа давитъ другъ друга, толкается, шумитъ, нерѣдко слышна и брань изъ-за очереди, кому приступать къ исповѣди. Нерѣдко перила трещатъ и валятся отъ напора этой массы, нерѣдко слышишь и строгій тонъ рѣчи священника. Правомъ первенства пользуются исключительно сильные, дюжіе мужики, одолѣвающіе слабыхъ и малолѣтнихъ; послѣдніе, равно и женщины, безспорно уступаютъ превосходству физической силы первыхъ, хотя по праву, не вытекающему изъ физической силы, они должны быть предпочтены предъ первыми. Такой порядокъ не нормаленъ, хотя бы даже со стороны нарушенія благочинія церковнаго, приличествующаго святости мѣста. Онъ не удобенъ и стѣснителенъ для самаго духовника, равно и исповѣдующагося лица, такъ какъ ихъ обоихъ стѣсняетъ ближайшее присутствіе осаждающей толпы. Поэтому почти всѣ священники всегда возставали и возстаютъ противъ этого зла и для обузданія нахаловъ изобрѣтаютъ разныя мѣры и средства: однихъ наказываютъ поклонами, другимъ откладываютъ исповѣдь на день—два и далѣе; иные вызываютъ для исповѣди стоящихъ назади бабъ и дѣтей, каждаго порознь, при чемъ приходится для нихъ всякій разъ прочищать дорогу сквозь плотный строй толпы, а сія послѣднія, какъ нарочно, неохотно разступается. Иные наконецъ священники, выведенные изъ терпѣнія, скидаютъ съ себя эпитрахиль и уходятъ на нѣкоторое время изъ церкви, заставляя такимъ образомъ толпу въ наказаніе дожидаться... И въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ священники выносятъ одно лишь сознаніе, что „съ ними т. е. исповѣдниками, рѣшительно ничего не подѣлаешь“. Многіе почтенные старики священники, весь свой вѣкъ изжившіе на одномъ и томъ же приходѣ, откровенно сознавались, что они все таки не успѣвали завести порядка при исповѣди. Что же дѣлать? Какъ быть? Какъ устранить безпорядокъ, нарушающій церковное благочиніе и мѣшающій дѣлу исповѣди? Прекрасную мѣру для этого предлагаетъ одинъ священникъ на страницахъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Мѣра эта, рекомендуемая другимъ священникамъ, имъ

самимъ уже испытана и оказалась вполнѣ цѣлесообразною и успѣшною. Порядокъ при исповѣди былъ установленъ этимъ священникомъ такимъ образомъ. До начало Великаго поста онъ отправился по деревнямъ своего прихода и списалъ „порядокъ", въ какомъ слѣдуютъ крестьянскія „хаты" одна за другою. Если хаты были расположены по обѣимъ сторонамъ улицы, то онъ сначала списывалъ расположенныя по одной половинѣ улицы, а потомъ по другой. При этомъ священникъ заблаговременно объявлялъ крестьянамъ каждой деревни, чтобы они хорошенько помнили порядокъ списыванія хатъ, „ибо—добавлялъ онъ—въ такомъ именно порядкѣ вы теперь будете подходить къ исповѣди". Чтобы не затруднять себя долгимъ отыскиваніемъ въ спискѣ именъ хозяевъ семействъ, онъ отмѣчалъ имена хозяевъ возможно крупными буквами, въ спискѣ сразу выдѣлявшими ихъ изъ среды прочихъ прихожанъ. Когда работа эта была подготовлена и всѣ деревни были списаны, вызвана была къ говѣнію первая очередь одной деревни. Призванные явились и сначала сдѣлали было попытку возвратиться къ прежнему порядку, но священникъ заявилъ свое твердое намѣреніе вывести его на всегда и, взявъ въ руки списокъ, громко сталъ вызывать сначала семейство хозяина первой хаты, потомъ второй, затѣмъ третьей и т. д. Услыхавъ это, налегавшая толпа сразу подалась назадъ и стала выжидать своей очереди. Такимъ образомъ порядокъ былъ установленъ и прежняя давка, шумъ, толкотня и другія безобразія при исповѣди исчезли и стали даже невозможными. Чтобы при такомъ порядкѣ соблюсти полную справедливость и не обижать хозяевъ и семействъ, записанныхъ въ спискѣ послѣдними, и, наоборотъ, не оказывать всегда предпочтенія тѣмъ, которые записаны первыми, принято за правило въ одномъ году начинать исповѣдь съ одного конца деревни, а въ другомъ—съ другаго, противоположнаго. Такимъ образомъ въ одномъ году исповѣдь начинается съ хаты Ивана и кончается хатою Андрея, а въ другомъ году начинается съ Андрея и кончается Иваномъ. Всѣ крестьяне остались весьма довольны

такимъ порядкомъ. И нельзя быть недовольнымъ имъ. Здѣсь прежде всего нѣтъ мѣста физической силѣ и нахальству и потому никто не можетъ быть обиженъ: богатые и бѣдные, сильные и слабые являются здѣсь по необходимости въ равномъ достоинствѣ, и не можетъ быть повода къ упрекамъ, въ родѣ того, „почему вы, батюшка, меня не приняли прежде?“ или „почему такого-то отпустили раньше, когда онъ пришелъ позже меня?... Впрочемъ для немощныхъ, стариковъ и матерей грудныхъ дѣтей дѣлается исключеніе, и они вызываются къ исповѣди прежде другихъ. Выгодною стороною такого порядка является и то, что нѣтъ надобности перелистывать безчисленное число разъ исповѣдную вѣдомость для отысканія каждой нужной личности; всѣ являются и подходятъ къ исповѣди въ строгомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Наконецъ, кромѣ водворенія тишины и порядка въ храмѣ и средѣ говѣющихъ, этою мѣрою могутъ быть достигнуты и другія благія цѣли. Какъ скоро водворена тишина, является возможность обучать народъ повседневнымъ молитвамъ, что затруднительно среди шума, толкотни и гама, когда всякій говѣющій спѣшитъ и думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться. Такъ какъ исповѣдь продолжается иногда 5—6 и болѣе часовъ и за исключеніемъ нѣсколькихъ, стоящихъ на очереди, вся остальная масса спокойно выжидаетъ своей очереди, то является возможность другому лицу, діакону или псаломщику, заняться съ нею полезнымъ дѣломъ—обученіемъ молитвъ. Это тѣмъ болѣе возможно и достижимо, что порядокъ и тишина невольно содѣйствуютъ благоговѣйному душевному настроенію говѣльщиковъ и располагаютъ ихъ къ молитвѣ.

(Лит. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 13).

Объ устраненіи затрудненій при причащеніи прихожанъ въ Великій постъ.

Сельскіе прихожане, какъ извѣстно, избираютъ для говѣнія и причащенія большею частью первую недѣлю Великаго поста, чтобы въ теченіе остальной части поста не прерывать своихъ работъ. Въ особенности распространенъ этотъ обычай въ тѣхъ приходахъ, жители которыхъ, занимаясь отхожими промыслами, только во время масляницы и первой недѣли Великаго поста живутъ въ своихъ селахъ и деревняхъ, а затѣмъ до Пасхи проводятъ время на какихъ либо работахъ внѣ своего прихода. Поэтому въ субботу первой недѣли Великаго поста въ сельскихъ церквахъ обыкновенно является масса причастниковъ, что въ особенности затрудняетъ тѣхъ священниковъ, которые не имѣютъ діаконовъ и которые должны служить въ холодныхъ церквахъ. Главное затрудненіе составляетъ необходимость держать чашу съ св. дарами въ одной рукѣ при причащеніи прихожанъ, продолжающемся иногда два—три часа. Мало помогаютъ при этомъ и кратковременные перерывы, дѣлаемые священникомъ для необходимаго отдохновенія и отогрѣванія своихъ, иногда вполнѣ окоченѣвающихъ рукъ. Въ результатѣ всегда почти получается сильное и продолжительное утомленіе, а иногда даже и болѣзненное разслабленіе. Поэтому нѣкоторые священники раздѣляютъ готовящихся къ причащенію на три группы, изъ которыхъ первыя двѣ причащаются въ среду и пятницу. Но многіе изъ священниковъ не находятъ возможнымъ поступать такъ вслѣдствіе опасенія нарушить издавна существующій въ ихъ приходахъ обычай причащенія прихожанъ на первой недѣлѣ Великаго поста лишь въ субботу или по другимъ какимъ либо соображеніямъ. Поэтому мы считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе такихъ священниковъ на способъ, употребляемый для избѣжанія указаннаго нами затрудненія однимъ изъ священниковъ кіевской епархіи. Въ тѣ дни, когда ожидается много причастниковъ, онъ укрѣпляетъ подлѣ

амвона особую подставку, и если во время причащенія прихожанъ рука, державшая сосудъ съ св. дарами, утомляется, то онъ ставитъ сосудъ на эту подставку, поддерживая его рукою. Такъ какъ это весьма практичное приспособленіе намъ пришлось встрѣтить только въ одномъ селѣ и такъ какъ оно, доставляя необходимое облегченіе, не заключаетъ въ себѣ, какъ намъ кажется, ничего оскорбляющаго великое таинство причащенія, то мы сочли не лишнимъ сообщить о немъ читателямъ, совѣтуя впрочемъ избѣгать лучше всякихъ необычныхъ приспособленій...

Н. Д.

» Примѣч. Редакціи «. Въ извѣстныхъ намъ приходахъ Полтавской епархіи, когда бываетъ много причастниковъ, во время причащенія обыкновенно два человѣка изъ болѣе набожныхъ прихожанъ держатъ впереди священника подъ св. чашею распростертый »воздухъ«, въ который священникъ и упирается не много лѣвою рукою съ св. чашею, чѣмъ значительно облегчаетъ трудъ держать руку долгое время въ горизонтальномъ положеніи. Думается, что это лучше всякой подставки...

Афоризмы.

Православные христіанскіе священники суть пастыри. Они не гонятъ предъ собою стадо жезломъ, но идутъ впереди, и стадо за ними слѣдуетъ. Безполезно и напрасно подымать кличъ, чтобы стадо шло прямою дорогою, если самъ пастырь идетъ по ложному пути.

Кто состоитъ на дѣйствительной военной службѣ, тотъ не смѣетъ носить цивильной одежды, даже и въ мѣстахъ общественныхъ удовольствій; всегда и вездѣ онъ долженъ быть въ мундирѣ. Понимаешь ты меня, воинъ Христовъ?...

Священнику не подобаетъ носить обручальнаго кольца: онъ главнымъ образомъ принадлежитъ церкви, своему приходу, а не женѣ.

Приготовленіе къ проповѣди не должно ограничиваться временемъ не задолго предъ самымъ произнесеніемъ. Пастырь—проповѣдникъ, какъ служитель слова, долженъ постоянно готовиться къ своей проповѣднической дѣятельности ежедневнымъ чтеніемъ

Св. Писанія и свято-отеческихъ твореній, сохраненіемъ молитвеннаго духа, изученіемъ себя и жизни прихода, а также чтеніемъ образцовыхъ проповѣдей, обогащающихъ новыми мыслями.

У Фенелона читаемъ: „нужно молиться, нужно очищать свое сердце, надобно всего ожидать съ неба, надобно вооружиться мечомъ слова Божія и не расчитывать на свое слово: вотъ существенное приготовленіе къ проповѣди“!

Назидательныя статистическія вычисленія.

По Всеподданнѣйшему отчету г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1881 г., изданномъ въ концѣ прошлаго года, содержатся между прочимъ слѣдующія данныя. Во всей Россіи въ 1881 г. имѣлось—

Церквей (православныхъ) . . . 41,047.
Священниковъ . . . . . 35,978.

Принимая православное населеніе Россіи въ 63,132,740 человѣкъ, придется среднимъ числомъ—

На каждую церковь . . 1538 человѣкъ.
На каждаго священника . 1754 прихожанина.

Пусть эти молчаливыя и краснорѣчивыя цифры послужатъ отвѣтомъ тѣмъ, кто утверждаетъ, что у „насъ слишкомъ много“ уже церквей на Руси настроено и что ужъ „слишкомъ много поповъ“ развелось!

Въ томъ же отчетѣ всѣхъ церковныхъ библіотетъ значится 16,606. Но такъ какъ среднее число годовыхъ подписчиковъ самаго распространеннаго духовнаго журнала, сколько намъ извѣстно, простирается всего только до 2000 въ годъ, то если разложить это число на число библіотекъ, получится всего „одинъ“ экземпляръ на восемь церковныхъ библіотекъ. А разложивъ 2000 экземпляровъ духовнаго журнала на число священниковъ—35,978, получаемъ такое свѣдѣніе, что „одинъ“ экземпляръ журнала дѣлится между семнадцатью священниками съ слишнимъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31 января 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 7.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Февраля 12-го.

Содержаніе: »Современное« слово прошедшаго вѣка къ пастырямъ Россійскимъ.—О борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ.—Изъ разговора православнаго священника съ протестантомъ о постахъ.—Аѳоризмы.

„Современное“ слово прошедшаго вѣка къ пастырямъ Россійскимъ.

Какъ мнѣ оплакать наше пастырское нерадѣніе и небреженіе о цѣлости святой Церкви? Пастырь добрый, Христосъ Богъ нашъ, душу Свою положилъ за овцы Своя. Мы же—пастыри по лѣности своей не полагаемъ ни трудовъ, ни заботъ, ни бдѣнія о стадѣ своемъ. И гдѣ причина такого въ насъ небреженія и лѣности? Другой не найти, кромѣ той, что въ насъ нѣтъ совершенной любви ко Христу; потому что пастырь, истинно любящій Христа, не можетъ не радѣть о овцахъ, искупленныхъ кровію Христовою. Кто по истинѣ любитъ царя, тотъ не лѣностенъ бываетъ къ подвигамъ за царство его.

Поэтому Христосъ, Богъ нашъ, вручая стадо Свое верховному апостолу Петру, требуетъ отъ него одной любви: „любиши

ли Мя?... паси овцы Моя“ (Іоан. 21, 15. 17). Это же Онъ сказалъ и второй и третій разъ. Но почему же? Какая причина трикратнаго вопроса о любви и трикратнаго порученія пасти овцы Своя? Паси овцы Моя, паси агнцы Моя, паси избранныя Моя. Христосъ хотѣлъ научить насъ—пастырей и тройственной любви, т. е. любить Христа мыслію, словомъ и дѣломъ, а также и овецъ Его пасти тройственнымъ пасеніемъ—мыслію, словомъ и дѣломъ: мыслію, чтобы непрестанно молиться за нихъ; словомъ, чтобы по возможности всякаго поучать и наставлять на путь правый; дѣломъ, чтобы совершенно не жалѣть трудовъ и заботъ на сохраненіе цѣлости ихъ. Спроси же себя, всякій пастырь, предлагаешь ли ты овцамъ своимъ такую трикратную пажить.

Овцы должны повиноваться пастырямъ по слову Христову: „овцы Моя гласа Моего слушаютъ“ (Іоан. 10, 27); но и пастыри также должны имѣть попеченіе о стадѣ своемъ: „повинуйтеся, говоритъ Апостолъ, наставникамъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ“ (Евр. 13, 7). Бдятъ въ непрестанныхъ о паствѣ молитвахъ; бдятъ въ прилежномъ поученіи и наставленіи на путь заповѣдей Божіихъ; бдятъ въ заботливомъ наблюденіи отъ подкрадывающихся волковъ и храненіи отъ нихъ. И не просто сказалъ: бдятъ, но „бдятъ о душахъ вашихъ, аки слово воздати хотяще“ на страшномъ и нелицепріемномъ судѣ Божіемъ, гдѣ скажутъ: воздаждь отвѣтъ о приставленіи домовнемъ.

Слышимъ, что Богъ говоритъ къ пастырю у Іереміи пророка: „гдѣ стадо, данное тебѣ, овцы славы твоея? Что речеши, егда посѣтятъ тя? Еда ли не воспримутъ тя болѣзни, яко жену родящую“ (Іер. 13, 20). Древле Богъ спросилъ Каина: „гдѣ Авель, братъ твой“? Онъ же отвѣчалъ: „еда стражъ брату моему есмь азъ“? Что же скажетъ пастырь, когда страшный Судія спроситъ его: гдѣ братъ твой? гдѣ стадо, кровію Моею искупленное и тебѣ въ паству врученное? Развѣ можно будетъ тогда пастырю повторить слова Каина: развѣ я стражъ брату моему

Замолчитъ онъ и, какъ нѣмой, не откроетъ устъ своихъ; потому что Господь и поставилъ его именно стражемъ надъ стадомъ Своимъ, приставникомъ, строителемъ и господиномъ надъ домомъ Своимъ и княземъ надъ всѣмъ имѣніемъ Своимъ.

Горе мнѣ, окаянному пастырю! Какой отвѣтъ дамъ я за свое нерадѣніе? Знаю я изъ Евангелія, что ангелы явились пастырямъ, когда они бодрствовали и прилежно хранили стадо свое, ибо богогласный Лука говоритъ: „и пастыріе бяху въ той странѣ, бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ. И се ангелъ Господень ста въ нихъ и слава Господня осія ихъ“ (Лук. 2, 8).

Размышляю объ этомъ и явственно вижу, что ангелы Божіи являются и слава Господня сіяетъ не инымъ пастырямъ, какъ только бдящимъ и стрегущимъ стражу нощную о стадѣ своемъ. Что же мнѣ, недостойному пастырю, будетъ за мою лѣность и небреженіе? Явится ли при кончинѣ моей ангелъ миренъ, вѣренъ, наставникъ, хранитель души и тѣлу моему? Осіяетъ ли меня свѣтъ благодати и славы Божіей? Не увижу ли, вмѣсто ангела, демона скрежещущаго на меня зубами и хотящаго поглотить душу мою? Не буду ли, вмѣсто сіянія славы, ввержень во тьму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ? О горе! О лютѣ! О паства—бремя неудобоносимое! О пастырское дѣло, преисполненное всякаго труда и заботъ, всякаго страха и ужаса!

Ветхозаконный Іаковъ, идучи въ Харранъ, когда зашло солнце, возлегъ на землю и спалъ беззаботно, хотя и тверда была постеля („камень бо положи возглавіе себѣ); но онъ на это не обращалъ вниманія. Но когда пасъ овецъ Лавана, что—слышимъ—онъ говоритъ Лавану: „двадцать лѣтъ, говоритъ, пасу я у тебя овецъ, днемъ томился отъ жара, а ночью отъ стужи, „и сонъ мой убѣгалъ отъ глазъ моихъ“ (Быт. 31, 40). Здѣсь разсуди мнѣ и сонъ Іакова и безсоніе. Тамъ спалъ на камнѣ, здѣсь же и безъ камня спать не можетъ. Тамъ едва разбудило его отъ сна ужасное видѣніе, а здѣсь сонъ убѣгаетъ

отъ очей его. Но чего ради? Не иная причина, какъ та только, что тамъ онъ не былъ пастыремъ, потому и спалъ беззаботно. Здѣсь же, будучи назначенъ пастыремъ, спать не можетъ и сонъ уходитъ отъ глазъ его. И при томъ же съ такимъ прилежаніемъ, съ такимъ трудомъ, бдѣніемъ и безсоніемъ онъ пасъ безсловесныхъ овецъ. Что же скажемъ мы—пастыри, съ такимъ нерадѣніемъ, съ такою лѣностію и унынiемъ пасущіе стадо словесное, искупленное кровію Христовою,—скажу лучше—себя пасущіе, а не овецъ Христовыхъ? Несчастная паства! Не слышимъ ли грома, пробуждающаго насъ отъ сна, у пророка Іезекіиля: „оле, пастыри израилевы, еда пасутъ пастыріе самихъ себе? Не овецъ ли пасутъ пастыри? Се млеко ядите, и волною одѣвается, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете; изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачеваете, и сокрушеннаго не обязасте, и уязвленнаго не заростисте, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте. Сего ради, пастыри, слышите слово Господне: се Азъ на пастыри, и взыщу овецъ Моихъ отъ руку ихъ“ (Іез. 34, 3. 4). Вотъ угрозы на передовыхъ пастырей!

Не думайте, что одни архіереи суть пастыри словеснаго стада Христова; знайте, что и на васъ положено тоже бремя прилежнаго попечительства и заботливости о душахъ христіанскихъ. Дерзну же сказать, что на васъ въ этомъ отношеніи лежитъ большій долгъ, чѣмъ на архіереяхъ; потому что они въ общемъ назидаютъ Церковь Христову, какъ верховные блюстители стада, а вы въ частности и ближе: всякій изъ васъ свою церковь знаетъ, всякій по имени своихъ овецъ глашаетъ, всякій на исповѣди испытываетъ совѣсть своихъ прихожанъ, обличаетъ, исправляетъ, врачуетъ; раненныхъ исцѣляетъ, малодушныхъ укрѣпляетъ, упорныхъ подчиняетъ, заблуждающихся взыскуетъ, падшихъ подымаетъ, отвергающихъ иго закона Христова смиряетъ и всячески тщась служить своему званію и врученныхъ ему овецъ спасенію. Вамъ дано быть служителями таинъ Христо-

выхъ. Вы крещаете, мѵромъ помазуете, бракъ честный вѣнчаете, кающихся грѣхи на себя берете, дѣлаете причастниками животворящей Троицы, исходящимъ отъ маловременной этой жизни и посредѣ сѣни смертныя шествующимъ показываете спасительный путь съ надеждою благъ вѣчныхъ; отъ рукъ вашихъ взыщется кровь овецъ Христовыхъ, погибающихъ отъ нерадѣнія вашего. О іереи! О бременоносцы! О приставники дома Божія, имѣющіе воздать отвѣтъ о приставленіи домовъ! Вотъ трудъ предъ вами: поучайте народъ всякому доброму пути, если хотите войти во святилище Божіе! Вы свѣтъ міру къ просвѣщенію помраченныхъ невѣдѣніемъ. Вы вожди слѣпыхъ къ руководительству невидящихъ пути праваго. Блюдите убо опасно, какъ пребываете въ званіи вашемъ. Если вы во тьмѣ ходите, то какая надежда о врученномъ вамъ стадѣ Христовомъ? „Аще свѣтъ, иже въ васъ тьма есть, то тьма кольми“? (Мат. 6, 23). Будьте же, братіе, не лѣнивы къ наставленію простаго народа на путь десяти заповѣдей Божіихъ и Церковныхъ.

Стефанъ, Митрополитъ Рязанскій.

(Изъ книги »Камень Вѣры«).

О борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ.

Невѣріе коренится не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ. Поэтому наше вниманіе прежде всего должно быть направлено не ко внѣ, а внутрь насъ самихъ. Это въ особенности имѣетъ силу по отношенію къ пастырямъ Церкви, которые въ извѣстной степени должны нести отвѣтственность и за невѣріе ихъ паствы. Еслибы они глубже и полнѣе были проникнуты вѣрою, то невѣріе не могло бы имѣть такого широкаго распространенія, какое мы видимъ въ настоящее время. „Развѣ не знаете, говоритъ апостолъ Павелъ Коринѳскимъ христіанамъ, что

малая закваска квасить все тѣсто“ (1 Кор. V, 6). Этой-то малой закваски и не достаетъ у насъ. Поэтому пастыри Церкви прежде всего должны испытывать самихъ себя, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ они сами причастны духу невѣрія, господствующаго въ наше время, и затѣмъ уже заботиться объ удаленіи изъ собственнаго сердца и изъ ближайшаго къ нимъ круга всего того, что служитъ проявленіемъ старой закваски. Но мы въ настоящей статьѣ имѣемъ въ виду не эту сторону,—мы намѣрены разсмотрѣть невѣріе *лишь съ той стороны, которая называется обыкновенно апологетическою* и которая имѣетъ цѣлью защиту христіанской вѣры противъ ея враговъ.

Но и съ этой точки зрѣнія нѣтъ лучшаго средства для борьбы съ невѣріемъ, какъ личное, жизненное доказательство христіанства людьми вѣрующими и прежде всего пастырями Церкви, самая жизнь и дѣятельность которыхъ должна служить одною изъ самыхъ крѣпкихъ, могущественныхъ силъ и простирать свое благотворное, освящающее вліяніе на все соприкасающееся съ нею. Уроки исторіи забываются; противъ доказательствъ всегда можно дѣлать возраженія; даже свидѣтельства Слова Божія можно не слушать. Но отъ доказательной силы окружающей насъ и со всѣхъ сторонъ дѣйствующей на насъ жизни нельзя устраниться,—она непреодолима. Никто при близкомъ общеніи съ истинными христіанами не можетъ надолго уклониться отъ тихаго, спокойнаго вліянія силы, присущей христіанству, и не проникаться въ *извѣстной степени* его высокою, чистою любовію. Въ этомъ, именно въ нашей вѣрѣ, понимаемой не абстрактно, въ смыслѣ знанія или принятія тѣхъ или другихъ истинъ, а въ ея истинномъ значеніи, какъ глубокаго убѣжденія, проникающаго всю жизнь христіанина, и заключается побѣда, побѣдившая міръ. Но при этомъ никогда не нужно забывать, что при борьбѣ съ невѣріемъ должно служить цѣлью не нанесеніе ранъ противникамъ, а врачеваніе ихъ, обращеніе невѣрующихъ въ чадъ царства Божія. Поэтому и здѣсь, какъ и при врачеваніи тѣлесныхъ болѣзней,

важнѣе всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣе всего правильный діагнозъ. Итакъ, что же такое невѣріе?

Невѣріе составляетъ противуположность вѣры, но не противорѣчащую (oppositio contradictoria), соотвѣтственно которой оно исключало бы всякаго рода вѣру,—такого состоянія въ дѣйствительности не существуетъ,—невѣріе образуетъ противуположность, называемую въ логикѣ противною (oppositio contraria), т. е. оно состоитъ въ удаленіи отъ содержанія истинной вѣры и въ принятіи ложныхъ воззрѣній на жизнь. Правда, и невѣріе любитъ хвастаться своею любовію къ истинѣ; но Св. Писаніе прямо указываетъ, какъ на источникъ его, на недостатокъ любви къ истинѣ. Этого никогда не долженъ упускать изъ вниманія тотъ, кто имѣетъ дѣло съ невѣріемъ.

При борьбѣ съ невѣріемъ слѣдуетъ поступать такъ, какъ поступаетъ опытный врачъ, который не выжидаетъ, пока болѣзнь разовьется до послѣдней степени и приметъ наиболѣе опасное теченіе, но который, какъ только замѣтитъ признаки болѣзни, немедленно принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, чтобы предотвратить развитіе ея до состоянія, могущаго угрожать опасностію для жизни. Подобнымъ образомъ и врачи душъ никогда не должны оставлять безъ вниманія тѣ душевныя состоянія, которыя предшествуютъ невѣрію въ полномъ его развитіи. Изъ этихъ состояній въ особенности четыре должны обращать на себя самое тщательное вниманіе пастырей Церкви, и именно: маловѣріе, суевѣріе, научное сомнѣніе и состояніе индифферентизма. Изъ нихъ два первыя обыкновенно разсматриваются какъ низшія въ извѣстномъ смыслѣ формы вѣры, а послѣднія два входятъ въ область сомнѣнія, которое, понимаемое въ строгомъ смыслѣ, представляетъ собою переходъ отъ несознательной вѣры или къ дѣйствительному невѣрію, или къ сознательному, самостоятельному убѣжденію вѣры.

„Маловѣрному“ обыкновенно присуще желаніе выйдти изъ того неопредѣленнаго, колебательнаго состоянія, въ которомъ онъ находится, и достигнуть полной вѣры. Онъ чувствуетъ, что не

имѣетъ подъ собою твердой почвы, и старается найти ее: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“,—вотъ девизъ маловѣрія. Въ душѣ маловѣрнаго постоянно происходитъ колебаніе то въ ту, то въ другую сторону, которое можетъ сопровождаться большою опасностію, если не является благовременная помощь. Съ человѣкомъ, подверженнымъ маловѣрію, нужно обращаться съ особою деликатностію и осторожностію и не смѣшивать этого состоянія съ дѣйствительнымъ невѣріемъ. Въ видахъ обращенія его на путь истины полезно указывать ему на законъ развитія, имѣющій примѣненіе и къ области религіозной жизни. Если онъ жалуется, что, не смотря на все свое желаніе, онъ не можетъ вѣровать, то нужно утѣшать его и ободрять, напоминая ему о томъ, что все имѣетъ свое время, что никто вдругъ, сразу не достигаетъ совершенства въ вѣрѣ и что ради благопріятнаго исхода не слѣдуетъ унывать, но нужно честно продолжать шествіе по пути, ведущемъ къ цѣли, по пути безусловной любви къ истинѣ, молитвы и послушанія слову Божію. Если же нормальное развитіе задерживается и замедляется, то чисто дружески, но со всею серьезностію слѣдуетъ напоминать, что это замедленіе имѣетъ свое основаніе, по всей вѣроятности, въ недостаткѣ надлежащей любви къ истинѣ, въ недостаткѣ полной искренности. Поэтому маловѣрному въ такомъ случаѣ нужно внушать, чтобы онъ обратилъ самое строгое вниманіе на то, не прокрались ли въ его сердце любовь къ міру и его суетѣ, нечистыя пожеланія, безразсудное тщеславіе и т. под.

Гораздо опаснѣе маловѣрія „суевѣріе“. Повидимому, въ такое просвѣщенное время, какое наше, мы не должны бы встрѣчать суевѣрія. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Чѣмъ болѣе просвѣщеніе и образованіе удаляется отъ христіанства, тѣмъ болѣе оно, какъ показываетъ опытъ, подвергается опасности впадать въ суевѣріе. Въ наше время суевѣріе не только встрѣчается между простолюдинами, но имѣетъ широкое развитіе и среди лицъ, считающихъ себя высокообразован-

ными. Можно ли смотрѣть, напр., на столоверченіе и т. под. средства сообщенія съ міромъ духовъ иначе, нежели какъ на суевѣріе? Какъ же вы должны относиться къ подобнаго рода людямъ съ цѣлью обращенія ихъ на путь истины? Прежде всего мы должны имѣть въ виду, что суевѣры признаютъ по крайней мѣрѣ высшій, духовный міръ. Поэтому мы можемъ указывать имъ на это, какъ на свидѣтельство неотразимой потребности души человѣческой вступать въ общеніе съ духовнымъ, вѣчнымъ міромъ, какъ на собственное, свободное сознаніе человѣка въ томъ, что онъ не можетъ самъ удовлетворять себя во всемъ, находить отвѣты на всѣ вопросы и устроить свою жизнь лишь собственными силами, а ищетъ помощи отъинуду. Но при этомъ необходимо ясно опредѣлять существенное различіе между суевѣріемъ и истинною вѣрою, между тѣмъ, что измышлено человѣческою фантазіею, и тѣмъ, что дано и открыто намъ свыше, Самимъ Богомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не легко бываетъ понятнымъ образомъ провесть опредѣленную границу между этими двумя областями. Но не подлежитъ сомнѣнію, что каждый разумный человѣкъ обладаетъ въ достаточной степени силою различенія, чтобы быть въ состояніи, при видѣ этихъ двоякаго рода явленій,—воображаемыхъ и истинныхъ,—понять не только то, что эта граница дѣйствительно существуетъ, но также и то, гдѣ именно она проходитъ. Онъ не можетъ не замѣтить высокой нравственной чистоты и простоты, строго-религіознаго характера, отсутствія неопредѣленности и случайности въ мірѣ богооткровенномъ въ противуположность къ области предметовъ измышленной вѣры, характеризуемыхъ противуположными свойствами. Это различіе въ особенности становится яснымъ для человѣка, ищущаго просвѣщенія въ богооткровенномъ ученіи. Такимъ образомъ инстанціею, могущею безошибочно опредѣлять эту границу, служитъ совѣсть, просвѣщенная ученіемъ слова Божія и Церкви. Поэтому пастыри Церкви въ особенности должны заботиться о томъ, чтобы пробуждать и просвѣщать въ суевѣрныхъ

людяхъ совѣсть, усыпленную или затемненную вслѣдствіе удаленія отъ свѣта божественной истины.

„Научному сомнѣнію“ присуще стремленіе къ достиженію религіозной истины, но только какъ научной истины. Къ этого рода сомнѣнію должно относиться съ надлежащимъ уваженіемъ: нельзя смотрѣть на него, какъ на прямое проявленіе дѣйствительнаго невѣрія. Разумный человѣкъ, а въ собенности тотъ, кто въ интеллектуальномъ отношеніи возвышается надъ многими другими, имѣетъ полное право подвергать изслѣдованію все, входящее въ область его опыта и знанія. Но если научное изслѣдованіе приводитъ подобнаго рода человѣка къ сомнѣнію въ истинности христіанскаго ученія, то въ видахъ обращенія его на путь спасенія мы прежде всего должны обратить вниманіе на то, въ какомъ именно состояніи онъ находится, и какъ велики наши собственныя силы. Съ больнымъ, который, можетъ быть, лежитъ уже на смертномъ одрѣ, конечно, безполезно было бы входить въ научныя разсужденія. Здѣсь болѣе умѣстно доказательство „духа и силы“. Пастырь Церкви можетъ указать больному на невозможность для него въ настоящемъ положеніи научно изслѣдовать тѣ или другіе вопросы религіи, отъ принятія или непринятія которыхъ зависитъ или его вѣчное спасеніе или вѣчная погибель, и расположить его къ тому, чтобы онъ обратился къ милосердію Спасителя, Который не хочетъ, чтобы кто либо погибалъ, но чтобы каждый обратился къ покаянію и жилъ вѣчно. Вступая же въ научное разсужденіе, мы напередъ должны взвѣсить свои собственныя силы. Не каждый можетъ вести чисто научное преніе, и лучше не приводить никакихъ доказательствъ, нежели такія, которыя ничего не доказываютъ. Если мы имѣемъ достаточно времени и силъ для борьбы, то первымъ условіемъ при этомъ должно быть то, чтобы она велась равнымъ оружіемъ. Нужно, насколько возможно, становиться на точку зрѣнія противника, входить въ его душевное настроеніе, усвоять его мысли, его образъ представленія о вещахъ, стараться вполнѣ понять

его и не отрицать истинности того, что дѣйствительно имѣетъ признаки истины. Затѣмъ весьма важно въ нѣкоторыхъ случаяхъ напоминать о необходимости болѣе полнаго и глубокаго изслѣдованія предметовъ, подвергаемыхъ сомнѣнію, и содѣйствовать этому изслѣдованію, указывая на тѣ стороны въ изслѣдуемомъ предметѣ, которыя оставляются противникомъ безъ вниманія, но которыя могутъ привесть къ правильному понятію о предметѣ, или доказывая несостоятельность и шаткость доводовъ противника, если она дѣйствительно замѣчается и т. под. Очень часто нужно лишь болѣе основательное историческое, философское или естественно-научное изслѣдованіе для того, чтобы убѣдиться въ истинности того, что прежде казалось ложнымъ. Но при этомъ не нужно забывать, что не все можетъ быть доказываемо. Хотя вѣчная истина, правильно понимаемая, никогда не можетъ стоять въ противорѣчіи съ чистымъ разумомъ, но много есть такого, что, будучи вполнѣ истиннымъ, не можетъ быть постижимымъ для слабаго, ограниченнаго разума человѣческаго. Мы можемъ познавать и понимать лишь отдѣльные предметы и отчасти, подобно тому, какъ и все наше мышленіе представляетъ собою лишь малѣйшую часть въ области другихъ высшихъ духовныхъ силъ. Поэтому для насъ невозможно полное постиженіе истины во всемъ ея объемѣ, но непостижимое для разума должно быть усвояемо живою вѣрою сердца. Для уясненія же тѣхъ или другихъ предметовъ вѣры,—а это уясненіе составляетъ неотразимую потребность нашего духа,—необходимо, чтобы разсмотрѣніе ихъ имѣло концентрическій и органическій характеръ, чтобы отдѣльные моменты разсматривались въ надлежащей связи ихъ между собою и съ центральнымъ пунктомъ, и это должно имѣть силу не только по отношенію къ содержанію вѣры самому по себѣ, но и по отношенію къ первоисточникамъ его—къ Св. Писанію.

„Сомнѣніе“, возникающее изъ „индифферентизма“, составляетъ четвертую и послѣднюю изъ предварительныхъ ступеней невѣрія, съ которою бороться въ особенности трудно. Однимъ изъ

самыхъ прискорбныхъ явленій нашего времени слѣдуетъ признать именно то, что встрѣчаются люди, которые объявляютъ, что ничего не хотятъ ни оспаривать, ни принимать, такъ какъ для нихъ совершенно безразлично все то, что относится къ вѣчному спасенію и къ вѣчной погибели. Легче имѣть дѣло съ людьми, прямо выражающими свое враждебное отношеніе къ святымъ истинамъ, нежели съ этими индифферентистами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и сама божественная истина: „о еслибы ты былъ холоденъ или горячъ“ (Апок. III, 15)! При обращеніи съ подобнаго рода человѣкомъ весьма важно найдти такую сторону въ его характерѣ или воззрѣніяхъ, на которую въ удобное время сразу можно было бы подѣйствовать сильнымъ словомъ и пробудить его отъ духовной спячки. Такъ объ одномъ священникѣ разсказываютъ, что онъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени терпѣливо выслушивалъ разнаго рода „но“, „если“ и „можетъ быть“, а затѣмъ, выбравъ удобный моментъ, съ особою силою замѣтилъ: „ну, а что, если справедливо все то, что говоритъ въ Св. Писаніи“?—и этимъ замѣчаніемъ заставилъ своего собесѣдника не только призадуматься, но и обратиться на путь истины.

Что касается „невѣрія“ въ собственномъ смыслѣ, то въ немъ нужно различать нѣсколько ступеней, лежащихъ между нежеланіемъ вѣровать и невозможностію вѣровать. Какъ христіане, любовь которыхъ должна ожидать всего хорошаго отъ своихъ ближнихъ, мы никогда не должны прямо предполагать, что кто либо дошелъ уже до крайней степени ожесточенія, хотя и была бы возможность предполагать это, и поэтому должны принимать всѣ зависящія отъ насъ мѣры для обращенія невѣрующаго на путь спасенія. Если же мы имѣемъ прямое, неопровержимое основаніе, дѣлающее вполнѣ несомнѣннымъ это прискорбное предположеніе, то въ такомъ случаѣ ничего болѣе не остается для насъ, какъ хранить краснорѣчивое молчаніе по примѣру нашего Спасителя и молиться къ Господу объ обращеніи грѣшника. При этомъ для насъ можетъ служить

руководствомъ апостольское наставленіе: „душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. II, 14). Въ этихъ словахъ заключается указаніе того, что въ разсматриваемомъ отношеніи возможно для насъ и что не возможно. Ψυχή (душа) есть то, что дѣлаетъ человѣка общимъ съ животнымъ, а πνεῦμα (духъ)—то, чрезъ что онъ имѣетъ общеніе съ Богомъ. Такимъ образомъ въ вышеприведенныхъ словахъ высказывается именно та мысль, что для человѣка, погруженнаго въ животную жизнь, совершенно не возможно безъ особой помощи свыше принятіе божественной истины, но съ другой стороны признается, что присущее каждому человѣку богосознаніе образуетъ посредствующій пунктъ для воздѣйствія божественнаго Духа, такъ что для того, кто не предоставляетъ себя Его водительству, возможно еще познаніе Бога изъ внѣшняго божественнаго откровенія соотвѣтственно находящемуся во глубинѣ духа человѣческаго образу Божію, если только въ человѣкѣ способность духовнаго разумѣнія и воспріятія надлежащимъ образомъ упражняется и развивается, укрѣпляется и освящается. Подобнаго рода человѣка можемъ и мы обращать къ богопознанію, если онъ уклоняется съ пути истинной вѣры или даже дѣлается врагомъ ея. Но, вступая въ открытую борьбу за дѣло Господа, мы напередъ должны изучить тѣ свойства, которыми характеризуется современное невѣріе, чтобы знать, на что въ особенности слѣдуетъ обращать вниманіе при этой борьбѣ.

Прежде всего мы должны имѣть въ виду, что современное невѣріе идетъ гораздо глубже, нежели прежде,—оно отличается не только большею радикальностью, но также большею глубиною мыслей и широтою идей. Соотвѣтственною глубиною должна отличаться и наша защита христіанской вѣры.

Затѣмъ нужно обращать вниманіе на то обстоятельство, что современное невѣріе въ гораздо болѣе близкой связи стоитъ съ культурною жизнію, нежели въ прежнія времена. Это налагаетъ

на насъ обязанность при борьбѣ съ невѣріемъ выяснять значеніе христіанской религіи, какъ истинной насадительницы и распространительницы культуры. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно христіанству мы обязаны освобожденіемъ отъ многихъ духовныхъ и соціальныхъ оковъ тѣми успѣхами во всѣхъ сферахъ жизни, которыми такъ гордится современное человѣчество. Отъ союза между христіанствомъ и культурою, отъ продолженія существованія этого союза или отъ прекращенія его существенно зависитъ то, послужатъ ли успѣхи культуры къ пользѣ или вреду человѣчества и будетъ ли постоянно все болѣе и болѣе развивающееся и распространяющееся образованіе стоять на служеніи добру или злу. Не слѣдуетъ забывать при этомъ и того высокаго просвѣтительнаго значенія, какое во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, и въ частности въ нашемъ отечествѣ, имѣло христіанское духовенство.

Въ связи съ этимъ стоитъ то, что невѣріе въ настоящее время часто принимаетъ на себя ложную христіанскую оболочку, что оно даже заявляетъ претензіи быть истиннымъ христіанствомъ, отвергая самыя основы его и присвоиваетъ себѣ тѣ блага свободы и свѣта, которыя даетъ людямъ истинное христіанство. Дѣйствительно, христіанство освобождаетъ людей отъ всякаго мрака, отъ всякаго рабства; но оно предоставляетъ свободу и свѣтъ лишь тѣмъ, кои стремятся къ достиженію этихъ благъ путемъ примиренія съ Богомъ, а не чрезъ самостоятельные пути невѣрія. Кто не хочетъ принимать Іисуса Христа съ искреннею вѣрою и покаяніемъ, кто отвергаетъ Его, единственнаго Посредника нарушеннаго союза между Богомъ и человѣкомъ, тому христіанство не даетъ освобожденія отъ зла въ его многоразличныхъ видахъ, и въ частности отъ власти грѣха и смерти. Никогда не должны мы входить въ этомъ отношеніи въ какіе либо компромиссы, никогда не должны увлекаться пустыми разглагольствіями о томъ, что христіане покорили бы себѣ міръ, еслибы они отъ немногаго отказались въ своихъ требованіяхъ, отъ признанія и чествованія Іисуса Назарянина, какъ Сына Божія, какъ Спасителя всего

міра,—отъ признанія, которое всегда было и теперь остается для іудеевъ соблазномъ и для елліновъ безумiемъ, но съ которымъ безусловно стоитъ и падаетъ историческое христіанство. Всякій подобнаго рода компромиссъ былъ бы столь же безразсуднымъ, какъ недостойнымъ и нечестивымъ. Никогда чрезъ ложь не достигается что либо истинно полезное на болѣе или менѣе продолжительное время, и это есть ничто иное, какъ злонамѣренная, лживая игра словами, если признаютъ христіанствомъ то направленіе, которое, основываясь на такъ называемомъ идеальномъ Христѣ, хочетъ быть болѣе или менѣе отрѣшеннымъ и независимымъ отъ историческаго Іисуса Назарянина, отъ Его крестныхъ страданій и крестной смерти. Только того, кто исповѣдуетъ Его предъ людьми, будетъ и Онъ исповѣдывать предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ.

Не нужно забывать и того, что въ наше время невѣріе имѣетъ гораздо болѣе общественный характеръ и гораздо болѣе открыто выступаетъ, нежели прежде. Это должно побуждать и насъ къ соотвѣтственному способу борьбы. Что не возможно для одного, то можетъ достигаться чрезъ совокупную, согласную дѣятельность многихъ. Тѣ различные дары, которые Богъ далъ каждому изъ насъ, имѣютъ различныя задачи, которыя всѣ должны стремиться къ одной и той же цѣли. Если прежнія средства защиты христіанства отъ нападеній враговъ оказываются теперь непримѣнимыми, то мы должны обращаться къ новымъ средствамъ соотвѣтственно способамъ, употребляемымъ нашими противниками. Если они нападаютъ на христіанство въ газетахъ и журналахъ или въ изданіяхъ, предназначаемыхъ для распространенія въ простомъ народѣ, то и мы должны пользоваться тѣми же средствами для защиты христіанства. Если они пользуются для своихъ цѣлей формами публичныхъ рѣчей, то и мы не должны пренебрегать этою формою. Если они распространяютъ противухристіанскія идеи въ учебныхъ, промышленныхъ и т. под. учрежденіяхъ, то и наше вниманіе должно быть направлено сюда же. Но обращаться къ формѣ церковныхъ проповѣдей для борьбы съ невѣріемъ пастырь

Церкви можетъ, по нашему мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно замѣтитъ въ своей паствѣ признаки невѣрія, могущаго угрожать распространеніемъ среди вѣрующихъ.

Наконецъ отличительными признаками современнаго невѣрія служатъ самонадѣянность и нетерпимость или неуступчивость. Это тѣмъ болѣе должно побуждать насъ быть какъ можно болѣе далекими отъ этихъ недостатковъ. Невѣріе отличается нетерпимостью и даже фанатизмомъ именно вслѣдствіе своего высокомѣрія и самонадѣянности. Такъ какъ оно полагается на свои ограниченныя силы, то и не хочетъ допускать рядомъ съ собою другаго какого либо воззрѣнія. Но мы не должны надѣяться на какую либо изъ силъ или властей человѣческихъ, которыя сами по себѣ, съ христіанской точки зрѣнія, не могутъ быть признаваемы достаточными, а только на неложное слово Божіе и на помощь свыше. Поэтому подобнаго рода самонадѣянность и нетерпимость никоимъ образомъ не можетъ приличествовать намъ. Нужно заботиться, чтобы все, что мы видимъ въ современной жизни, не находилось въ противорѣчіи съ христіанствомъ, не обнаруживало враждебнаго отношенія къ христіанской религіи и нравственности и не проявляло стремленія быть истиннымъ христіанствомъ безъ признанія Іисуса Христа историческою личностію, Сыномъ Божіимъ, и единственнымъ посредникомъ возсоединенія человѣка съ Богомъ.

Въ заключеніе мы опять считаемъ нужнымъ напомнить, что главнымъ нашимъ оружіемъ противъ враговъ христіанства должна быть наша личная живая вѣра, развиваемая и укрѣпляемая постояннымъ поученіемъ въ словѣ Божіемъ и молитвою. Вооружившись этимъ оружіемъ и возложивъ надежды не на свои силы, а на помощь Божію, мы неустрашимо можемъ выступать противъ враговъ христіанства, стремящихся къ разрушенію того, что должно быть для насъ наиболѣе дорогимъ и священнымъ.

Н. Д.

Изъ разговора православнаго священника съ протестантомъ о постахъ[1]).

Священникъ... Чѣмъ началъ нашъ Спаситель Свое вступленіе въ открытое служеніе спасенію рода человѣческаго? Сорокадневнымъ постомъ. Какъ же и намъ—послѣдователямъ Его не поститься предъ днями Его страданій и смерти! Прилично ли ѣсть мясо животнаго, изъ котораго пролита кровь, воспоминая, что Спаситель не хотѣлъ вкусить и хлѣба, хотя бы могъ сотворить его изъ камня, какъ предлагалъ Ему искуситель! Возможно ли чувствовать себя господиномъ всей твари, паче живой, когда событіе внушаетъ намъ одно смиреніе! Нѣтъ, всякій постъ, установленный св. нашею Церковію, имѣетъ глубочайшее основаніе на то, чтобы въ теченіи его не было употребляемо въ пищу мясо. Съ мясомъ животнаго тѣсно связывается и молоко.

Протестантъ. А рыбу прилично употреблять въ пищу въ постные дни?

Свящ. Не во всѣ посты разрѣшается и на рыбу; но въ какіе разрѣшается, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго употреблять въ пищу рыбу.

Прот. Да вѣдь и рыба страдаетъ, когда ее прямо живьемъ роспластываютъ на части?

Свящ. Прямо живьемъ распластывать рыбу на части, по моему мнѣнію, будетъ уже прихотью со стороны того, кто такъ поступаетъ. А хотя бы и еще живая рыба разрѣзалась на части, она во всякомъ случаѣ не испытываетъ тѣхъ страданій, какія переноситъ каждое животное, когда его рѣжутъ.

---

[1]) Есть преполезная для пастырей небольшая книжка »Разговоръ между православнымъ священникомъ и протестантомъ—раціоналистомъ о нѣкоторыхъ обрядахъ, уставахъ, догматахъ и обычаяхъ св. православной Церкви. Изъ дневника свящ. Г. Т—ва«. Съ согласія досточтимаго Автора извлекаемъ изъ книги его нѣсколько отрывковъ.

Прот. Извините, я—физіологъ; я вамъ утверждаю, что и рыба страдаетъ „также“, какъ и всякое животное, когда ее полосуютъ; она тоже „живое“ существо. На томъ основаніи, что рыба не кричитъ, вы и думаете, что она не страдаетъ?.. Ягненокъ также не кричитъ, когда его бьютъ, и онъ стало быть, по вашему—не страдаетъ?!..

Свящ. Я не физіологъ, и не говорю вамъ о томъ, какое живое существо кричитъ и какое нѣтъ, чтобы опредѣлить степени страданій сихъ существъ; но я только утверждаю, что рыба „далеко меньше“ животныхъ страдаетъ, когда ее, какъ вы выразились, полосуютъ. Для пониманія такой простой истины—мнѣ думается—не нужно быть и физіологомъ, достаточна самаго общаго и всѣмъ доступнаго наблюденія. Такъ каждый рыбакъ можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что когда онъ задѣваетъ багромъ примѣрно въ бокъ морской рыбы, то задѣтая рыба, особенно если она довольно большая, до такой степени сильно рветъ вонзенный въ ея бокъ багоръ, что ловцамъ ея часто приходится опасаться за свою собственную жизнь или покидать вырываемый у нихъ багоръ. Между тѣмъ попробуйте хотя бы самый маленькій крючекъ и навязанный на тоненькую бичевку вонзить въ тѣло, положимъ, коровы и потянуть его къ себѣ: самая сильная корова не въ состояніи не повиноваться вашей тягѣ, если только крючекъ задѣтъ такъ, что не можетъ вырваться изъ тѣла. А медвѣди, напр., чѣмъ усмиряются? Только продѣтіемъ сквозь губу кольца. Буйныя лошади чѣмъ укрощаются? Удилами, которыя, подобно кольцу, даже не рѣжутъ. Вообще для каждаго должна быть ясна та истина, что чѣмъ грубѣе организмъ, тѣмъ менѣе онъ долженъ испытывать страданій при ударѣ или разрѣзѣ; ибо и въ одномъ и томъ же организмѣ части наиболѣе нѣжныя чувствительны къ страданіямъ по преимуществу, а части погрубѣе—менѣе чувствительны: уколъ, напр., иглою въ глазъ человѣка и тотъ же уколъ въ палецъ производятъ весьма неодинаковое страданіе. А что организмъ рыбы много грубѣе организма животныхъ

въ этомъ — полагаю — не усумнится никакая физіологія, иначе рыбъ слѣдовало бы подвести подъ одну классификацію съ животными. По всему сказанному, хотя я и не физіологъ, тѣмъ не менѣе не нахожу основаній согласиться съ вами на признаніе „совершенно одинаковаго“ страданія какъ въ рыбахъ, такъ и въ животныхъ, когда тѣхъ и другихъ подвергаютъ насильственной смерти. Не находя же основаній на соглашеніе съ вами касательно одинаковости страданій рыбъ съ страданіями животныхъ, я не имѣю причинъ отказаться отъ своего убѣжденія, въ силу котораго въ извѣстные посты я безъ зазрѣнія совѣсти ѣмъ рыбу, а отъ мяса животныхъ совершенно воздерживаюсь.

Прот. Все это одни слова, ни больше ни меньше.

Свящ. Почему же одни слова, когда я привожу вамъ самые факты? Вѣдь вы не отрицаете, что рыба съ багромъ или хотя бы попавшаяся на удочку имѣетъ возможность рваться, тогда какъ животное, задѣтое крюкомъ и т. п., не въ состояніи иной разъ и пошевелиться?... Но если вы лично и не согласны признать важности св. постовъ, то за чѣмъ браните другихъ за соблюденіе постовъ? Какое зло *причиняю я* вамъ, *если я* пощусь? Обыкновенно насъ, православныхъ, считаютъ фанатиками. Не напротивъ ли? Не замѣчается ли полная религіозная нетерпимость со стороны лицъ инославныхъ исповѣданій? У насъ вмѣстѣ живутъ и православный и неправославный: вотъ напр. вы, будучи протестантомъ, состоите даже воспитателемъ дѣтей у коренныхъ православныхъ. Есть ли что нибудь подобное въ средѣ семействъ и народовъ другихъ націй и исповѣданій? Итакъ не порицайте Православія и его уставовъ хотя въ силу того, что оно болѣе всѣхъ другихъ исповѣданій вѣротерпимо.

Прот. Положимъ, вы, кушая вмѣсто мяса рыбу или только одну зелень, не причиняете этимъ никому вреда; но вреденъ самый уставъ вашъ. Что ваша натура переноситъ конопляное масло, горькую рѣдьку, грибы и проч., это еще не значитъ, что всякую такую дрянь въ состояніи переносить желудокъ мой, Ивана, Петра,

Елисаветы и т. д. А поэтому гдѣ смыслъ обязательности вашихъ постовъ для всѣхъ и каждаго? Развѣ не зло, когда я наѣмся рѣдьки и заболѣю отъ нея?... Вотъ что возмущаетъ до безконечности!.. Затѣмъ, неужели я спасусь, если вмѣсто четверти, много полфунта мяса, съѣмъ чуть не съ пудъ разныхъ постныхъ яствій, какъ это дѣлается у васъ во время постовъ, и кромѣ сего тутъ же обругаю на тысячу ладовъ перваго, пришедшагося мнѣ не по душѣ?! Поймите, что ваши посты—пустая обрядность, и больше ничего. Вмѣсто того, чтобы облагороживать человѣка, вы вашими постами уродуете его.

Свящ. Не спорю, что для нѣкоторыхъ человѣческихъ организмовъ вредны указываемые вами продукты изъ постной пищи, хотя слѣдуетъ и оговориться при этомъ, что кромѣ конопляного масла, рѣдьки и грибовъ можно найдти кое-что другое, невредное никому, и что во всякой пищѣ многое зависитъ отъ способа ея приготовленія; равно не отрицаю того, что иные изъ соблюдающихъ посты по отношенію къ качеству или роду пищи нимало не заботятся о соблюденіи ихъ по отношенію къ количеству принимаемой пищи, а также съ постомъ тѣлеснымъ не соединяютъ поста духовнаго. Но что же изъ всего этого выходитъ? Во первыхъ всѣхъ тѣхъ, для здоровья которыхъ постная пища почему либо вредна, наша Церковь отнюдь не обязываетъ, какъ вы полагаете эту обязательность неумолимою для всѣхъ и каждаго, поститься одинаковымъ съ прочими постомъ, они могутъ разрѣшать въ крайности и на мясо,—хотя здѣсь опять нужно сдѣлать оговорку, что большая часть изъ не любящихъ посты только воображаетъ ихъ вредными для себя, иные же сами дѣлаютъ вредною для своего организма постную пищу, излишнею прихотливостію отучая его, т. е. организмъ, отъ принятія постной, въ сущности весьма здоровой пищи: вѣдь доводятъ же подобныя личности себя и до того, что на нихъ каждое дуновеніе свѣжаго вѣтерка отзывается вредомъ. А такимъ образомъ ваше утвержденіе, что „самый уставъ о постахъ вреденъ", какъ служащій

яко-бы причиною „болѣзней“, не имѣетъ ровно никакихъ основаній. Во вторыхъ нисколько не подрываетъ святости постовъ и то обстоятельство, что иные изъ насъ выполняютъ ихъ только по формѣ, не проникаясь внутреннимъ значеніемъ поста. Мало ли у насъ какихъ установленій и постановленій, весьма полезныхъ и необходимыхъ, которые между тѣмъ выполняются по одной только внѣшности? Неужели же поэтому всѣ ихъ нужно уничтожить? Напр., что святѣе и естественнѣе молитвы человѣка къ Богу? Но и она невѣждами обращается въ пустую формальность: „приближаются ко Мнѣ,“—Самъ Богъ изъявляетъ негодованіе на такихъ лицемѣровъ и кощунниковъ,—„люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня“ (Мѳ. XV, 8). По вашему, стало быть, и молитвы надобно запретить?! Плохое выполненіе дѣла не говоритъ за негодность самаго дѣла, и иногда лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Вы удивляетесь тому, что многіе во время поста много ѣдятъ: но такіе люди, безъ всякаго сомнѣнія, не мало кушаютъ и не въ посты. Какая же бы польза вышла изъ того, еслибы для нихъ не существовало устава о постѣ? Соблюдая постъ хотя и формально только, они все таки дѣлаютъ для себя нѣкоторое ограниченіе въ удовольствіи (полагаю, что вы не согласитесь промѣнять одной порціи бифштекса на все обиліе постныхъ блюдъ), а все таки выражаютъ свое повиновеніе Церкви, между тѣмъ какъ безъ этого они являлись бы вдвойнѣ негодными для спасенія людьми; равнымъ образомъ и тѣ, которые способны на всякія ругательства, во время поста все таки бываютъ сдержаннѣе, или по крайней мѣрѣ скорѣе могутъ сознать свое безчиніе. Что ни говорите, но всякое подобное вашему отрицаніе исходитъ прежде всего изъ нашего самолюбія, хотя иногда и незамѣчаемаго нами. Повторю, не порицайте Православія и его уставовъ.

Протоіерей *Георгій Титовъ.*

Афоризмы.

Поучая другихъ, пастырь и самъ поучается многому. Стараясь сообщать пасомымъ возможно проще, яснѣе и нагляднѣе ученіе вѣры, онъ самъ постоянно будетъ усовершаться въ знаніи; осмысливая преподаваемое и углубляясь въ него болѣе и болѣе, онъ съ каждымъ разомъ будетъ подыматься выше и выше той ступени своего развитія, на которой стоялъ дотолѣ. Но что можетъ быть пріятнѣе для пастыря, какъ не сознаніе о постоянномъ самообразованіи, безостановочномъ своемъ движеніи впередъ по пути къ возможному совершенству въ знаніи? При томъ же, почувствовавъ себя выше личныхъ своекорыстныхъ интересовъ, пастырь вдохновится сознаніемъ всей важности своего положенія въ нашей общественной средѣ и въ этомъ найдетъ для себя новое побужденіе къ служенію отечеству и Церкви на поприщѣ просвѣщенія народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и посторонніе станутъ смотрѣть на него съ достойнымъ уваженіемъ, меньше тогда станетъ и злонамѣренныхъ хулителей духовенства.

Духъ священнаго служенія—духъ правды и мира. Покровъ его—кротость и смиреніе, а не внѣшній блескъ и шумъ на весь міръ. Фарисейство любило и любитъ показъ; Христосъ былъ смиренъ и кротокъ, и христіанамъ, тѣмъ паче священно-служителямъ Его св. Церкви, заповѣдалъ у Него учиться кротости и смиренію. Служеніе предстоятелей алтаря Господня не въ препрительныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы. Этотъ духъ силы—„въ ихъ молитвахъ“, которыя возносятъ они, воздѣвше преподобныя руцѣ, и о своихъ, и о людскихъ невѣжествіяхъ; сей благодатный духъ силы—„въ псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ“ духовныхъ, которыми они оглашаютъ слухъ благоговѣйныхъ молитвенниковъ въ св. храмахъ Господнихъ; этотъ духъ силы—„въ ихъ пастырскихъ поученіяхъ“ для

утвержденія вѣры и правилъ жизни во вверенныхъ имъ чадахъ Церкви; этотъ духъ силы — „въ духовной руководственной опытности“, съ какою врачуютъ они болѣзнующія грѣхомъ души человѣческія; паче же этотъ благодатный духъ силы — въ священнодѣйствіи „св. страшной жертвы Христа Спасителя“, приносимой священно-служителями на алтаряхъ св. храмовъ Господнихъ. Величіе благодатнаго духа служенія священническаго не во внѣшнемъ величіи священнослужителей, а въ кротости и смиреніи молчаливаго ихъ духа. „Я паче прочихъ апостоловъ потрудился, говоритъ ап. Павелъ о себѣ, но не я, а благодать Божія, яже со мною“.

Кто часто и подолгу бываетъ при царскомъ дворѣ, тотъ невольно усвояетъ придворные обычаи и приличіе. Еслибы ты, возлюбленный братъ, находился въ постоянномъ общеніи съ Господомъ, о, какъ не трудно было бы замѣтить это на тебѣ.

„Пишутъ“: Многими высокими нравственными достоинствами отличаются наши іереи и іерархи, но къ сожалѣнію довольно рѣдко встрѣчается въ духовенствѣ — „доблесть“, особенно не страдательная, а неуклонно-дѣятельная, внушаемая горячею до страстности любовью къ правдѣ, а потому и чуждая строптивости и гордости... Ни разу не измѣнить себѣ въ жизни, ни разу не покривить душею, не имѣть ни „лести“, ни „страха“...; при строгости убѣжденій и неизмѣнной ревности къ православію, имѣть строгую правдивость въ сужденіи о свойствахъ и качествахъ людскихъ, неуклонную правоту, не знающую лицепріятія, перенесеніе тяжкихъ испытаній съ благороднымъ мужествомъ, безъ малодушнаго уныній, безъ жалобъ и ропота — вотъ „доблесть“...

Что нужно спиритамъ? Они представляютъ намъ образчикъ того великаго честолюбія, которое овладѣло натуралистами: вѣдь ученые спириты почти всѣ натуралисты. Естественныя науки чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствуютъ свою силу и авторитетъ; и вотъ ученые этой области стали думать, что она составляетъ центръ всего человѣческаго вѣдѣнія, что для ихъ изслѣдованій нѣтъ ничего недоступнаго и что самое общее міросозерцаніе должно основываться на этихъ изслѣдованіяхъ. Натуралисты давно извѣстны своимъ научнымъ еретичествомъ, то есть тѣмъ, что они обыкновенно не хотятъ и знать ничего другаго и вѣрятъ только въ свои науки. Но теперь притязанія ихъ возросли непомѣрно.

Въ ученіи не нуждается одинъ только Богъ всѣческихъ, а все прочее имѣетъ нужду въ ученіи. Первые чины ангельскіе имѣютъ своимъ наставникомъ всепышнюю Троицу, вторые поучаются отъ первыхъ, а третьи—отъ вторыхъ, и такъ далѣе по порядку, до послѣднихъ. Совершеннѣйшіе въ знаніи и добродѣтели учатъ несовершенныхъ въ познаніи. Итакъ думающіе о себѣ, что не имѣютъ нужды въ наставникахъ и руководителяхъ, недугуютъ невѣжествомъ, которое есть мать гордости. Начало отпаденія—пресыщеніе наставленіемъ и отвращеніе отъ ученія, котораго всегда алчетъ душа боголюбивая.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 9 февраля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 8.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года Февраля 19-го.

Содержаніе: Разговоръ священника съ протестантомъ о поминаніи покойниковъ въ девятый, двадцатый и сороковый дни и о поминальныхъ обѣдахъ.—Воскресный день, какъ основаніе личнаго здоровья и общественнаго *благосостоянія.—Объ обращеніи* къ Церкви удаляющихся отъ нея.—Помощь пастырей прихожанамъ въ пріобрѣтеніи иконъ хорошаго письма.—На первой недѣлѣ Великаго поста.—Отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Разговоръ священника съ протестантомъ о поминаніи покойниковъ въ девятый, двадцатый и сороковый дни и о поминальныхъ обѣдахъ.

Протестантъ. Объясните мнѣ, что значитъ, или почему у васъ поминаютъ покойниковъ въ девятый, двадцатый и сороковый дни? развѣ не всѣ дни одинаковы?

Священникъ. Дни сами по себѣ всѣ одинаковы, и молиться за покойниковъ никогда не лишне; но тѣмъ не менѣе „всякой вещи“, какъ говоритъ премудрѣйшій изъ царей, есть „свое время“ (Еккл. III, 1); а потому и для совершенія молитвъ за усопшихъ должны быть, кромѣ постоянныхъ, еще особыя времена. По вѣрованію нашей Церкви, каждая вновь отходящая душа испытываетъ періоды различныхъ состояній, и вотъ, примѣни

тельно къ разности этого состоянія наша Церковь и посвящаетъ нѣкоторые изъ дней, по кончинѣ усопшаго, сугубой молитвѣ за него.

Прот. Вы говорите о мытарствахъ душъ?... Не можетъ быть, чтобы вы, образованный человѣкъ, *вѣрили въ эти мытарства!...*

Свящ. Почему же? Я напротивъ вижу въ этомъ согласіе съ естественнымъ закономъ всякаго нравственно-разумнаго существа. Представьте, что вы пріѣзжаете на житье въ совершенно новое и незнакомое для васъ мѣсто. По прибытіи на новое мѣсто, вы прежде всего стараетесь узнать свойства этого мѣста, порядки жизни въ немъ, словомъ—знакомитесь съ нимъ, а затѣмъ приравниваете къ этимъ условіямъ жизни ваши собственныя привычки и силы, причемъ въ вашей памяти съ особенною живостію воскресаютъ всѣ обстоятельства, пережитыя вами въ прежнемъ мѣстѣ. Точно также и по отношенію къ восходящей отъ земли на небо душѣ. Переходя въ другой міръ, она прежде всего удостоивается созерцанія блаженствъ того міра, и, сообразно девяти главнымъ степенямъ блаженства, которыхъ и по отношенію къ человѣкамъ въ Евангеліи указывается девять (Мѳ. V, 3—12), проводитъ въ семъ созерцаніи девять опредѣленныхъ періодовъ: отсюда у насъ особое поминовеніе усопшихъ въ девятый день, чтобы, по молитвамъ Церкви, отшедшая душа не была лишена видѣннаго ею блаженства. Затѣмъ, естественно, каждая отходящая изъ сего міра душа воспоминаетъ всю проведенную ею на землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ жизнь, сопоставляетъ свои дѣла съ дѣлами грѣшниковъ, находящихся въ аду, и—какъ сама себя присуждаетъ къ годности или негодности для жизни въ царствѣ Божіемъ, такъ выслушиваетъ праведный судъ отъ Самого Бога, который, т. е. судъ, въ нашихъ догматикахъ именуется частнымъ судомъ: отсюда особое поминовеніе въ сороковой день, когда, по вѣрованію Церкви (число 40—вообще священное число: по 40 дней Моисей трижды пробылъ на горѣ Синаѣ; 40 дней Спаситель провелъ въ пустынѣ предъ вступленіемъ въ открытое служеніе роду человѣческому;

40 дней оставался Онъ на землѣ послѣ Своего воскресенія, и др.), именно бываетъ частный судъ надъ отшедшею душою,—судъ, который не есть еще, рѣшительный и окончательный, почему Церковь молится и будетъ молиться за усопшихъ до скончанія міра. Двадцатый день есть половина священнаго числа 40, и всякая такая половина (преполовеніе), какъ въ ветхомъ завѣтѣ посвящалась, такъ и у насъ посвящается особенному молитвенному служенію.

Прот. Если, по вашему убѣжденію, молитвы за усопшихъ имѣютъ несомнѣнную силу у Бога, то значитъ всѣ тѣ, за которыхъ вы молитесь, спасутся?

Свящ. Этотъ вопросъ давнешній, и онъ давно же рѣшенъ. Рѣшеніе сіе вы можете прочитать между прочимъ въ Догматическомъ Богословіи преосвящ. Макарія. Тамъ приводятся слова еще св. Іоанна Дамаскина, который говоритъ, что спасенія-то всѣхъ и хощетъ Господь, о томъ Онъ и радуется и веселится, чтобы никто не лишился божественныхъ даровъ Его. Ибо для спасенія людей и приходилъ на землю Самъ единородный Сынъ Божій, воплотился, пострадалъ, умеръ и воскресъ;—хотя само собою разумѣется, найдется немало грѣшниковъ, для которыхъ никакія молитвы не могутъ принести пользы, вслѣдствіе ихъ крайняго развращенія и нераскаянности, „возвращаясь“, какъ учитъ Псалмопѣвецъ (Псал. XXXIV, 13; ср. Мѳ. X, 13), „въ нѣдро самихъ молящихся“ (см. Догмат. Богослов. преосвящ. Макарія т. II, стр. 604—611).

Прот. Положимъ, ваше сужденіе имѣетъ свой авторитетъ: но кто будетъ молиться за тѣхъ, которые умрутъ предъ самою кончиною міра, и еще болѣе, которыхъ застанетъ самая кончина? Если нѣкоторые изъ грѣшниковъ спасаются только по молитвамъ Церкви, то спасутся ли несчастные свидѣтели міровой кончины безъ молитвъ церковныхъ?

Свящ. Наилучшимъ отвѣтомъ на вашъ такой вопросъ я считаю слова премудраго сына Сирахова: „вышнихъ себе не ищи,

и крѣпляшихъ себе не испытуй; яже ти повелѣна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ“ (Сир. III, 21. 22). Намъ открыто, что молитвы другъ за друга угодны Богу: „Отче нашъ“ (а не „мой“), учитъ насъ молиться ежедневно Самъ Спаситель, указуя этимъ на нашу обязанность молиться за всѣхъ людей; а посему, пока Церковь земная имѣетъ возможность молиться за другихъ, до тѣхъ поръ и должна молиться. Что же будетъ тогда, когда прекратятся молитвы Церкви земной, нѣтъ особенной надобности доискиваться. Довольно быть увѣренными, что Господь „одинаково милостивъ ко всѣмъ“, какъ къ грѣшникамъ, которые отошли въ вѣчность въ самыя первыя времена человѣчества, такъ и къ грѣшникамъ, которые „измѣнятся“ по Апостолу (1 Кор. XV, 51), въ самый день кончины міра. „Благъ Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его“, исповѣдуетъ Псалмопѣвецъ (Псал. CXLIV, 9). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Господь знаетъ, чрезъ что проявить Свою богатую милость и къ грѣшникамъ послѣднихъ дней. Если для насъ и нашихъ предковъ имѣютъ силу у Бога молитвы Церкви земной, то для грѣшниковъ самыхъ послѣднихъ дней міра могутъ имѣть особенную силу у Бога молитвы Церкви небесной. Слѣдуетъ также имѣть въ виду то, что въ послѣдніе дни будутъ, какъ учитъ Евангеліе, „времена тяжкія“ (Мѳ. гл. XXIV): если что, то бѣдствія по преимуществу различаютъ пшеницу отъ плевелъ.

Прот. Я—признаюсь—во всѣхъ вашихъ поминкахъ вижу болѣе простую причину. Всѣ ваши ублаженія покойниковъ суть ни больше, ни меньше, какъ преданіе старцевъ, перешедшее изъ языческаго міра. Вы, конечно, знаете, насколько распространено было у древнихъ язычниковъ, да и у теперешнихъ тоже не прекращается поминовеніе умершихъ, обставленное безчисленнымъ множествомъ обрядовъ и выходящее изъ грубыхъ суевѣрій. Эти суевѣрія и обряды, хотя и въ очищенномъ видѣ, перешли и въ христіанство. Вѣдь многое вообще перешло изъ языческаго міра къ христіанамъ, принявши здѣсь только свой особый смыслъ: всѣ,

напр. приношенія въ церковь, какъ-то: свѣчи, ладанъ, привѣски къ иконамъ серебряныхъ ручекъ и ножекъ въ благодарность за исцѣленіе отъ боли руки или ноги, самыя иконы и проч.— развѣ это не остатокъ языческихъ жертвоприношеній и языческихъ понятій? Въ нѣкоторыхъ христіанскихъ странахъ, какъ напр. въ Грузіи, доселѣ есть обычай приводить въ монастыри и къ почитаемымъ церквамъ барановъ, которыхъ тутъ и рѣжутъ, а также приносить куръ въ монастырскія ограды и оставлять ихъ здѣсь на произволъ судьбы. Это и подобное ясно показываетъ, что и въ средѣ христіанскихъ народовъ остаются живущими доселѣ древніе языческіе обряды. И вотъ къ числу такихъ остатковъ язычества слѣдуетъ отнести и поминовенія усопшихъ. Представители христіанской Церкви,—разумѣю священниковъ и вообще церковную іерархію,—не имѣли повода уничтожить такихъ языческихъ обычаевъ, а напротивъ ихъ былъ прямой расчетъ поддерживать эти обычаи, поелику они приносили и приносятъ имъ матеріальную выгоду. Но чтобы прикрыть дѣйствительную причину, обычай поминовенія усопшихъ канонизованъ какъ догматъ...

Свящ. Слишкомъ просто объясняете дѣло, представляя дураками, если позволительно сіе выраженіе, столько поколѣній, пережившихъ со времени основанія христіанства, которыя всѣ свято чтили догматъ поминовенія усопшихъ. Неоспоримо, что покойниковъ поминали и поминаютъ и язычники; нельзя отрицать и того, что нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ перешли и въ христіанство, принявши здѣсь иную, лучшую форму и получивши свой христіанскій смыслъ; но что же изъ всего этого выходитъ? Ужели то, что и христіанская религія языческая? Приводимые вами факты изъ языческаго культа указываютъ лишь на то, что долгъ поминовенія усопшихъ есть потребность самой природы человѣческаго сердца. Вѣдь и „язычники“, какъ учитъ Апостолъ, „по природѣ законное дѣлаютъ“ (Римл. II, 14), и „необрѣзанный соблюдаетъ постановленія закона“ (ст. 26). Отсюда крайне неосновательно отрицать извѣстную истину или извѣстный обрядъ на

томъ одномъ основаніи, что они не чужды языческимъ народамъ. Все дѣло заключается въ томъ, „какъ“ что исполняется, а не въ томъ, „что“ исполняется: самое „что“—можетъ быть обще и язычникамъ и христіанамъ, но „какъ“—неминуемо должно имѣть разницу у тѣхъ и другихъ. Потому что язычники, составляя на основаніи требованій своей нравственной природы, которая по „своему существу“ у всѣхъ людей одинакова (см. вышепривед. цитаты),—составляя, говорю, извѣстныя правила и формы, подчинялись влеченію страстей, тоже „присущихъ“ грѣховной человѣческой природѣ; тогда какъ христіанство, какъ религія Богооткровенная, тѣ же требованія нравственной природы человѣка облекаетъ въ законы и формы, вполнѣ соотвѣтствующіе сей природѣ. Если слѣдовать вашему умозаключенію, то придется порицать христіанъ и за то, что они, какъ и язычники, пьютъ и ѣдятъ, спятъ и ходятъ, устрояютъ себѣ жилища и т. д. Потребность и ея выполненіе—предметы весьма различные.

Прот. И устроять обѣды по покойникамъ—тоже „потребность“, общая всѣмъ людямъ?!..

Свящ. Не затруднюсь сказать вамъ, что и обѣды, дѣлаемые въ честь и память усопшаго, имѣютъ глубокій смыслъ, если только—разумѣется—они дѣлаются не превышая средствъ того, кто ихъ устрояетъ. Въ жизни каждое выдающееся событіе невольно вызываетъ въ душѣ переживающаго его желаніе подѣлиться имъ съ другими и при этомъ раздѣлить хлѣбъ-соль. Такъ получаетъ ли кто хорошую должность, сочетается ли бракомъ, совершаетъ ли какой подвигъ и проч.—все сопровождаетъ радушнымъ приглашеніемъ къ себѣ друзей и предложеніемъ имъ посильной съ своей стороны хлѣба-соли. Только скряга или человѣкъ съ холодною душею остается одинъ съ самимъ собою, какія бы перемѣны ни происходили въ его жизни. Точно также, и провождая близкаго сердцу покойника въ иную жизнь,—что, само собою понятно, есть наиважнѣйшее событіе, какъ для самого покойника, такъ и для всѣхъ его родныхъ,—человѣкъ не можетъ, или ему неесте-

ственно остаться замкнутымъ въ одного себя, какъ бы ничего особеннаго не случилось. Любовь и уваженіе къ покойнику требуютъ самаго широкаго своего обнаруженія, которое въ трапезѣ любви и даетъ себя главнымъ образомъ понимать; ибо общительность и гостепріимство суть наивѣрнѣйшіе предикаты искренно любящаго сердца. И сколько задушевныхъ утѣшеній можетъ получить потерявшій дорогаго сердцу отъ одного присутствія въ его осиротѣвшемъ домѣ знаемыхъ и родныхъ! „На міру и смерть красна“, говоритъ пословица. Конечно, говоря такимъ образомъ, я первый отрицаю объяденіе и пьянство, которыя сами собою исключаются значеніемъ поминокъ усопшаго, и если гдѣ подобное встрѣчается, то, какъ и всякое вообще злоупотребленіе, отнюдь не должно полагать черную тѣнь на поминовеніе, какъ на добродѣтель.

Прот. Такой вашъ взглядъ на тризны удивляетъ меня въ особенности. Насколько мнѣ извѣстно, ваши священники сами тяготятся всякаго рода хожденіями по приходу, въ томъ числѣ и хожденіемъ на обѣды, какъ на одинъ изъ видовъ продовольствія „катурою“. Пора вамъ оставить нищенскій способъ для своего существованія, собирать съ прихода яйца, зерна, пироги и постоянно протягивать руку за грошами, или же вознаграждать себя за трудъ приходскими пиршествами. Не достоинъ священника такой образъ жизни. Священникъ долженъ служить примѣромъ для своихъ прихожанъ, и между тѣмъ, благодаря своему нищенскому способу жизни, многіе изъ русскихъ священниковъ оказываются невѣждами, личностями забитыми, низкопоклонниками, или наоборотъ дѣлаются вымогателями, немало бываетъ изъ нихъ пьяницъ. Вы, конечно, читаете газеты: сколько разъ приходится встрѣчать въ нихъ сообщеній о священникахъ самаго грустнаго свойства!

Свящ. Ни для кого не тайна, что положеніе нашихъ священниковъ весьма незавидное, и что поэтому сами священники тяготятся этимъ положеніемъ: но откуда вытекаетъ столь тяжелое

положеніе нашихъ священниковъ? есть ли оно результатъ собственно того способа для жизни, который вы называете, и какъ называютъ его многіе, нищенскимъ, или нужно искать „другихъ причинъ“ для объясненія тяжелаго положенія всего вообще духовенства? По моему крайнему разумѣнію, собственно способъ, которымъ приходское духовенство получаетъ свое содержаніе, не заключаетъ самъ въ себѣ ничего тягостнаго или недостойнаго священническаго сана: „служащій алтарю и проповѣдующій Евангеліе отъ алтаря и благовѣствованія долженъ и жить, разсуждаетъ Апостолъ (1 Кор. IX, 13. 14). Напрасно приношенія въ пользу священника и причта, хотя бы то яйцами и пирогами, называютъ нищенскимъ подаяніемъ: каждое приношеніе въ пользу священника и причта должно быть разсматриваемо не какъ милость бѣдняку, а какъ посильное и самое сподручное (такъ яйца и пироги для сельскаго обитателя—предметы по преимуществу сподручные, деньги напр. у него не всегда имѣются) выраженіе любви и благодарности за высокій трудъ и доставленіе душевной пользы. Если дитя отъ своего усердія приноситъ отцу или матери хотя бы горсть малины, то ужели такое его приношеніе будетъ нищенскимъ подаяніемъ? Все зависитъ отъ того, съ какою мыслію и съ какими чувствами дѣло дѣлается, а не отъ самаго дѣла. И если мы обратимъ вниманіе на эти мысли и чувства, то нигдѣ и никогда онѣ не могутъ выражаться столь глубоко и высоко, какъ именно въ „непосредственномъ общеніи“ священника съ прихожанами. Представьте себѣ добраго священника и такихъ же добрыхъ его прихожанъ. Вотъ онъ отправляется въ приходъ свой, положимъ, съ молитвою на освященіе сыра и яицъ съ брашномъ мясъ предъ праздникомъ Рождества Христова или предъ Пасхою: съ какими разнообразными нуждами прихожанъ можетъ онъ встрѣтиться при посѣщеніи каждаго ихъ дома и сколько задушевныхъ словъ онъ можетъ высказать въ эти посѣщенія! Ходя изъ дома въ домъ, онъ можетъ встрѣтить и больнаго, и обиженнаго, и счастливца, и бѣдняка, и всѣмъ имъ ска-

зать соотвѣтственное пастырское слово: рѣчь на мѣстѣ, предъ лицемъ самаго факта, хотя бы она состояла только изъ двухъ-трехъ задушевныхъ словъ, произведетъ несравнимо сильнѣйшее впечатлѣніе на душу слушателя, чѣмъ краснорѣчивѣйшая проповѣдь, произнесенная въ церкви. Посѣщенія каждаго изъ прихожанъ въ самые праздники еще болѣе могутъ принести имъ душевной пользы со стороны всего причта. А при добромъ настроеніи души не унизительны и не тягостны никакія приношенія, дѣлаемыя прихожанами для священника и всего причта. Я живо помню прекрасныя отношенія между священниками и прихожанами, которыхъ (отношеній) я былъ очевидцемъ во время моего дѣтства. Въ прежнее время вмѣстѣ съ причтомъ ходили по приходу и ихъ дѣти, въ особенности на Пасху. Какъ сынъ діакона, хаживалъ по приходу на Пасху и я. И вотъ какъ теперь вижу почтеннаго, съ просѣдью, батюшку—священника, присѣвшаго по отслуженіи молебна на лавочкѣ у стола. Хозяинъ дома предлагаетъ ему за трудъ. „Достанетъ ли, Миронычъ, у тебя зёрнушекъ до новины“, спрашиваетъ батюшка хозяина. „Достанетъ, батюшка—кормилецъ“, отвѣчаетъ мужичокъ. „Съ вашего благословенія Господь завсягды (всегда) пропитаетъ. Слава Тебѣ, Господи“! „Правда, Миронычъ, все отъ Господа Бога зависитъ“, продолжаетъ батюшка. „Не будь милости Господней, дождечка въ свое время, а равно хорошей погоды, когда нужно убирать хлѣбъ—всѣ труды человѣка останутся не причемъ. Вотъ—писали въ прошломъ году—въ Бессарабіи отличный хлѣбъ уродился; но когда приспѣвало время его убирать, пошли сильные дожди, во многихъ мѣстахъ выпалъ крупный градъ, и сколько хлѣба осталось въ полѣ! А самое здоровье наше, наши силы развѣ не отъ Бога? Нынче я здоровъ, могу работать, а завтра, можетъ быть, меня уже не станетъ на бѣломъ свѣтѣ. Словомъ: „безъ Бога—ни до порога“. Ко Господу Богу, стало-быть, мы постоянно должны обращаться съ своими теплыми молитвами и всегда быть готовыми предстать предъ Его пра-

ведный судъ, не дѣлал зла ни себѣ, ни другимъ"... Подобныя рѣчи всегда вызывали глубокій молитвенный вздохъ въ слушателяхъ. Иному, благодарящему за трудъ, бывало, скажетъ: „Не обидь, братецъ, себя". „Э, батюшка—кормилецъ,—слѣдовалъ отвѣтъ,—на вашу долю хватитъ. Ты каждень (каждый день) молишься за насъ Богу, и Богъ намъ посылаетъ". Такъ что слово „кормилецъ" было не пустымъ звукомъ въ устахъ этихъ прихожанъ: они именно видѣли въ священникѣ своего „ходатая" предъ Богомъ. Можетъ ли быть что лучше такихъ отношеній между священникомъ и прихожанами? И всѣмъ какъ-то особенно пріятно дышалось во время хожденія по домамъ со св. иконами; чувствовалось, что священными пѣснопѣніями и ношеніемъ св. иконъ самый именно воздухъ освящался во всемъ селеніи.

Протоіерей *Г. Титовъ.*

Воскресный день, какъ основаніе личнаго здоровья и общественнаго благосостоянія.

Правильное и неуклонное соблюденіе воскреснаго дня оказываетъ самое плодотворное вліяніе не только на тѣлесное здоровье, но и на духовное благосостояніе человѣка. „Духъ бодръ, а плоть немощна“, сказалъ о Себѣ Божественный Страдалецъ, показавъ святымъ ученикамъ торжество духа надъ бренною плотью. Но такая побѣда не свойственна слабымъ силамъ человѣка: она составляетъ удѣлъ не многихъ избранныхъ людей. На большинство насъ, многогрѣшныхъ, физическая усталость вліяетъ угнетающимъ образомъ и на духовныя силы. При сильной физической усталости душа теряетъ свою свѣжесть и воспріимчивость; человѣкъ утрачиваетъ бодрость духа, становится нервнымъ, раздражительнымъ, неспособнымъ къ высшему теченію мыслей. Мы

говорили о физической усталости, но напряженіе чисто духовныхъ силъ производитъ удручающее дѣйствіе на человѣка въ гораздо высшей степени. Волокна нашего мозга и нервовъ настолько нѣжны, что если они долго и сильно возбуждаются въ какомъ нибудь одностороннемъ направленіи, то они становятся на долго нечувствительными и невосприимчивыми къ продолженію той же работы. Таково дѣйствіе простой усталости. Но если чрезмѣрное напряженіе душевныхъ силъ человѣка продолжится очень долго, то оно влечетъ за собой, какъ неизбѣжное слѣдствіе, постоянное раздражительное состояніе духа, нервную слабость и сильную возбудимость отъ дѣйствія самыхъ ничтожныхъ причинъ. Такіе „нервные“ люди становятся желчны, капризны, подозрительны, не въ мѣру обидчивы и самолюбивы, и представляютъ истинное мученіе какъ для себя самихъ, такъ и для окружающихъ ихъ ближнихъ. Если такое состояніе продолжается долго, то оно не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на семейную жизнь и на общественную дѣятельность человѣка; но оно можетъ длиться и всю жизнь и весьма часто кончается умопомѣшательствомъ, не говоря уже о томъ, что у нервныхъ людей бываютъ всегда и нервныя дѣти, несущія на себѣ такимъ образомъ физіологическую отвѣтственность за грѣхи своихъ родителей. Пагубныя послѣдствія напряженныхъ, непрерываемыхъ живительнымъ отдыхомъ занятій, наступаютъ тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ однообразнѣе самъ по себѣ трудъ и чѣмъ больше носитъ онъ на себѣ печать механической работы. Подобный неблагопріятный оттѣнокъ и несетъ на себѣ трудъ современнаго рабочаго населенія большихъ городовъ. Цивилизація, которой столь гордится современное человѣчество и которая столь кичится своими результатами, поработила человѣка и нельзя не сознаться, что она сдѣлала изъ работника машину. Сильное развитіе въ наше время всевозможныхъ видовъ промышленности, вызвало какъ послѣдствіе самое дробное раздѣленіе человѣческаго труда, а это въ свою очередь не могло не повліять на одностороннее развитіе силъ и

дѣятельности человѣка, которое и оттѣснило на задній планъ всѣ другія стороны человѣческаго духа.

Такая ненормальная система дробленія человѣческаго труда не могла не повліять угнетающимъ образомъ на духовныя силы людей и не могла не вызывать въ душѣ рабочаго человѣка недовольство своимъ положеніемъ, раздраженіе и зависть къ тѣмъ болѣе обезпеченнымъ классамъ общества, которые не обречены на чисто механическій трудъ. А зависть людская—прямой путь къ возникновенію всѣхъ общественныхъ золъ и неурядицъ. Но гдѣ же исходъ изъ всего этого? спроситъ читатель.—Въ правильномъ и неуклонномъ соблюденіи воскреснаго дня, установленнаго Господомъ Богомъ на пользу людей.

Для того, чтобы живо понять плодотворное значеніе, возвратимся къ рабочему, для котораго наступилъ послѣ шести дней работы воскресный день, и посмотримъ то воздѣйствіе, которое этотъ день производитъ на мысли и чувства труженика. Это цѣлый свободный день, когда работникъ принадлежитъ уже самому себѣ и своей семьѣ. Онъ снова сознаетъ себя человѣкомъ, хозяиномъ своего времени; онъ посѣщаетъ церковь, гдѣ слышитъ не то, что приходится ему слышать каждый день: онъ слышитъ слово Божіе, зовущее его къ добру, говорящее ему о его нравственной отвѣтственности за дурные поступки, объ его обязанностяхъ по отношенію къ Богу, людямъ и государству, о его человѣческомъ назначеніи. Онъ слышитъ нѣчто „новое“, что не звучало ему во время его обыденной работы. Онъ проводитъ остальное время въ своей семьѣ и ободренный, примиренный съ невзгодами и лишеніями его тяжелой трудовой жизни, съ новыми, свѣжими силами снова принимается за свою работу.

Но и помимо всего этого, воскресный день дѣйствуетъ воспитательно на человѣка и нѣсколько инымъ путемъ. Мы говоримъ о благотворномъ, хотя и не столь замѣтномъ, вліяніи чистоты и порядка, который водворяется въ каждомъ домѣ въ

праздничные дни. Во время рабочей недѣли нашъ труженикъ покрытъ слоемъ грязи и пыли; въ воскресенье онъ сбрасываетъ свой рабочій костюмъ, моется, чешется, надѣваетъ праздничное платье и уже то довольство, которое онъ при этомъ испытываетъ при видѣ чистаго помѣщенія, собственной чистоты, одно это имѣетъ на него громадное воспитательное значеніе. Въ воскресенье онъ чувствуетъ себя человѣкомъ, а не безсознательнымъ зубцемъ въ общемъ дневномъ круговоротѣ обыденной работы. Воскресенье обновляетъ его, заставляя сознавать свое „я“, свое собственное достоинство и уважать въ себѣ „человѣка“. Въ этотъ день онъ стоитъ „выше“ обыденныхъ интересовъ и видитъ, что не въ торопливой погонѣ за наживой, не въ поклоненіи златому тельцу заключается для человѣка его истинное счастье! Цѣлый день отдыха, цѣлый „свободный“ день (какъ обыкновенно говорится въ общежитіи), день проведенный вдали отъ сустни и трескотни тяжелой рабочей жизни, даетъ возможность нашему труженику глубже вдуматься въ самого себя, собрать свои мысли и поразмыслить о томъ, что тяготитъ его душу, уяснить себѣ свои недостатки и вообще, что называется, „критически“ отнестись къ самому себѣ. Въ теплой молитвѣ, въ благоговѣйномъ возношеніи своего сердца и помысловъ къ Господу удовлетворяется глубочайшая потребность нашей природы; снова въ душѣ водворяется миръ и спокойствіе; самая работа не ощущается уже какъ тяжелое бремя, ибо молитва придаетъ новыя силы къ труду. Духъ превозмогаетъ надъ бренною плотію, а эта побѣда—величайшая изъ побѣдъ—облагораживаетъ человѣка духовно, дѣлаетъ его выше и нравственнѣе.

Но вѣдь нашъ труженикъ молится каждый день... Это такъ. И каждый день эта молитва, если она глубока и искренна, даетъ ему новыя силы для того, чтобы преодолѣть работу. Но, не смотря на это, и душа наша, равно какъ и тѣло, требуетъ воскреснаго отдыха,—отдыха впродолженіе цѣлаго, свободнаго дня для того, чтобы осмотрѣться, провести время въ своемъ семей-

комъ кругу и посвятить себя дѣламъ любви и благотворенія, на которыя найдется мало времени въ теченіи рабочей недѣли.

Воскресный день является необходимымъ для побѣды духовной природы человѣка надъ несовершествомъ земнаго; но это примиреніе человѣка съ тѣми обстоятельствами и отношеніями, въ которыя его поставила жизнь, достигается не въ работѣ и не въ одуряющемъ вихрѣ удовольствій и наслажденій, а въ теплой молитвѣ, въ тихой бесѣдѣ у домашняго очага, въ благоговѣйномъ, назидательномъ и душеполезномъ проведеніи воскреснаго дня. Такимъ-то путемъ такъ называемый рабочій вопросъ и получаетъ на христіанской почвѣ свое благополучное и окончательное разрѣшеніе.

Мы говоримъ, разумѣется, только о благотворныхъ плодахъ правильно проведеннаго воскреснаго дня. Но если воскресенье проводится не въ благоговѣйной молитвѣ, не въ душеполезныхъ занятіяхъ, приличныхъ для этого великаго для каждаго православнаго христіанина дня, а прогуливается въ пьянствѣ, кутежѣ и другихъ непотребныхъ дѣйствіяхъ, то этимъ самимъ профанируется облагораживающее душу значеніе воскресенья и его благотворное вліяніе на общественную жизнь людей. Та связь съ высокими нравственными идеалами, которую будитъ и устанавливаетъ воскресенье, расширяя мысли человѣка за предѣлы мірской суеты, обрывается. Нарушается духовная связь съ другими людьми и въ душу водворяется эгоизмъ. Цѣлью человѣческаго существованія ставится наслажденіе и грубыя чувственныя удовольствія; разъ только это случилось, разъ только подобное направленіе охватило человѣкомъ, онъ уже становится на ту наклонную плоскость, на которой начертано „недовольство всѣмъ существующимъ“—ближайшій результатъ зависти къ матеріальному состоянію другаго, происходящій отъ того, что человѣкъ забываетъ самую простую истину, что и богатство и бѣдность есть вѣдь прямой результатъ воли Божіей, Его благости и любвеобильнаго Промысла, направляющаго насъ путемъ тяжелыхъ

лишеній на путь раскаянія и спасенія нашей души. Разъ только человѣкомъ овладѣваетъ зависть и недовольство окружающимъ, онъ уже легко теряетъ равновѣсіе и становится слѣпой игрушкой различныхъ непризванныхъ реформаторовъ, преслѣдующихъ свои личныя эгоистическія цѣли вербующихъ себѣ адептовъ съ фанатическою дерзостью и настойчивостью. И человѣкъ погибаетъ для дѣла, для семьи, для всей своей настоящей и будущей жизни. Вмѣсто терпѣливаго и добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, наступаетъ пагубное отрицаніе всякаго авторитета и непокорность установленнымъ отъ Бога властямъ..., а эта дорожка и ведетъ прямымъ путемъ къ соціализму.

Такимъ образомъ тѣ господа, которые заставляютъ своихъ рабочихъ работать въ воскресенье, косвенно сами работаютъ для соціалистовъ. Да и самимъ-то работникамъ есть ли какая выгода отъ того лишняго полтинника или рубля, который онъ заработаетъ въ воскресенье. Неправедно заработанное въ прокъ не пойдетъ. Не въ семью несется этотъ кровью и потомъ заработанный рубль, а на прилавокъ кабатчика, у котораго въ одну ночь пропивается заработокъ цѣлой недѣли, который бы остался дома, еслибы воскресенье надлежащимъ образомъ праздновалось съ семьею. Разстройство здоровья идетъ рука объ руку съ гибелью семейной жизни, съ одичаніемъ нравовъ и упадкомъ общественнаго благосостоянія. Наоборотъ въ покоѣ и празднованіи воскреснаго дня мы имѣемъ наилучшее средство для того, чтобы имѣть возможность успокоиться, одуматься. Не въ кабакѣ за прилавкомъ, не въ бурной бесѣдѣ съ кабатчикомъ и собутыльниками, пересыпаемой непечатными бранными словами, не vis a vis съ полуштофомъ, но у домашняго очага, въ кругу своихъ дѣтей, онъ научается заботиться о своихъ ближнихъ и здѣсь-то и растетъ и укрѣпляется въ немъ теплое и благотворное чувство любви къ людямъ вообще, ибо тотъ, кто не любитъ свою собственную семью, естественно не можетъ любить и другихъ людей. Въ теченіе недѣли у отцевъ слишкомъ мало времени, чтобы

отдать его своимъ дѣтямъ—будущимъ людямъ и гражданамъ, пожить съ ними общими интересами, „спуститься въ ихъ міръ“, какъ выражаются глубокомысленные нѣмцы, сильная привязанность которыхъ къ домашнему очагу заслуживаетъ полной похвалы и подражанія, но которая встрѣчаетъ самое недостойное глумленіе со стороны такъ называемыхъ „образованныхъ“ людей съ сильно расшатанными нравственными и общественными понятіями...

Наступаетъ воскресенье, и дѣти чувствуютъ, что у нихъ снова есть отецъ, котораго они во время дѣловой недѣли не видали по цѣлымъ днямъ. Рано утромъ онъ идетъ уже на работу, поздно вечеромъ, когда дѣтки уже легли спать, онъ возвращается домой; такъ и не видятъ дѣти своего отца. Но вотъ онъ опять съ ними, живетъ съ ними общею жизнію, играетъ съ ними, ласкаетъ ихъ и для малыхъ, чистыхъ существъ воскресенье становится съ самой колыбели по истинѣ благословеннымъ днемъ.

Сильно погрѣшаютъ родители и противъ Бога и противъ дѣтей, если они лишаютъ ихъ единственнаго дня, который они могутъ и должны посвятить имъ всецѣло, если они проводятъ воскресный день вдали отъ своихъ дѣтей въ работѣ или перепискѣ, въ дѣлахъ, трактирахъ, театрахъ и т. д. Они забываютъ, что дома есть нѣжныя и чуткія существа, которыя должны быть для нихъ дороже всего и которыя столь нуждаются въ попеченіи. И въ этомъ отношеніи нельзя не поучиться у нѣмцевъ похвальному обычаю гулять по воскресеньямъ вмѣстѣ, всей семьей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ обращеніи къ Церкви удаляющихся отъ нея.

Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ,—благодареніе Богу,—немного встрѣчается людей, прямо выражающихъ враждебное отношеніе къ христіанству и Церкви, но, къ сожалѣнію, немало

можно встрѣтить людей, которые, поя имя христіанъ, въ тоже время удаляются отъ нея, которые забываютъ о томъ, что внѣ единой православной Церкви нѣтъ спасенія, и поэтому не исполняютъ ея заповѣдей, не посѣщаютъ воскреснаго и праздничнаго богослуженія, не принимаютъ св. таинствъ, преподаваемыхъ ея служителями, и т. под.,—и зло это, повидимому, ростетъ все болѣе и болѣе. Въ особенности оно получило сильное развитіе въ большихъ городахъ. Въ селѣ каждый житель слышитъ звукъ церковнаго колокола, видитъ въ праздничные и воскресные дни массу лицъ, стремящихся въ церковь, приглашается нерѣдко въ церковь кѣмъ либо изъ членовъ своего семейства, друзей, сосѣдей. Но городской житель большею частью предоставляется себѣ самому и не только ни отъ кого не получаетъ напоминанія объ обязанности послѣдовать зову церкви, но и встрѣчаетъ много примѣровъ вліяющихъ пагубнымъ образомъ на нравственно-религіозное настроеніе и располагающихъ къ удаленію отъ Церкви. Само собою разумѣется, что это печальное явленіе не можетъ не возбуждать глубокаго сокрушенія въ нашихъ пастырихъ, обязанныхъ заботиться объ обращеніи заблуждающихся на путь спасенія и о внушеніи имъ истинной любви ко Христу и Его Церкви. Какія же мѣры они могутъ принимать для достиженія этой спасительной цѣли?

Конечно, устраненіе этого зла въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно достигло уже полнаго развитія, дѣло весьма трудное, а иногда даже и не возможное. Поэтому вниманіе пастырей главнымъ образомъ должно быть направлено на принятіе мѣръ къ предотвращенію этого зла, къ пораженію его въ самомъ его источникѣ. Источникъ же его прежде всего скрывается въ ненормальномъ направленіи домашняго воспитанія и школьнаго образованія. Многіе родители или совсѣмъ не заботятся о нравственно-религіозномъ воспитаніи дѣтей, или же ограничиваютъ его пріученіемъ дѣтей къ чтенію молитвъ въ извѣстное время и къ посѣщенію воскреснаго и праздничнаго церковнаго богослуженія, нисколько не обращая вниманія на то, чтобы эти религіозныя упражненія не имѣли

чисто внѣшняго, механическаго характера. Имѣя это въ виду, пастырь Церкви какъ въ своихъ проповѣдяхъ такъ, и при каждомъ благопріятномъ случаѣ долженъ напоминать родителямъ о томъ, какое важное значеніе имѣетъ направленіе, даваемое человѣку въ періодъ его дѣтства, и выяснять имъ необходимость не только пріучать дѣтей къ строгому выполненію всѣхъ обрядовъ и постановленій Церкви, но и глубоко укоренять посредствомъ наставленій и собственнаго примѣра въ сознаніи дѣтей убѣжденіе въ важности и спасительности повиновенія Церкви. Безъ исполненія этого послѣдняго условія дѣти легко могутъ пріучиться лишь къ внѣшнему выполненію своихъ обязанностей относительно Церкви и съ теченіемъ времени совсѣмъ ихъ оставить, какъ ненужную, пустую формальность, въ особенности если они въ окружающей ихъ средѣ не будутъ встрѣчать побужденій къ строго церковной жизни и не будутъ въ состояніи противустать вліянію дурныхъ примѣровъ. Дѣлу нравственно-религіознаго воспитанія долженъ и непосредственно содѣйствовать пастырь Церкви: онъ долженъ при всякомъ посѣщеніи своихъ прихожанъ не только назидать взрослыхъ, но также видѣться съ дѣтьми и возбуждать въ нихъ любовь и уваженіе къ Церкви и ея служителямъ, а не быть пугаломъ для дѣтей, какъ это нерѣдко бываетъ среди нашего простонародья. Но въ особенности широкое поле для дѣятельности въ этомъ направленіи священникъ имѣетъ въ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя имѣютъ не образовательное только, но и воспитательное значеніе. На эту-то послѣднюю сторону и долженъ главнымъ образомъ обращать вниманіе священникъ—законоучитель, стараясь развивать и укрѣплять въ дѣтяхъ добрые начатки, положенные въ нихъ при домашнемъ воспитаніи. Само собою разумѣется, что заботы священника о возбужденіи и поддержаніи въ пасомыхъ любви къ Церкви не только не должны ограничиваться періодомъ ихъ дѣтства, но еще усиливаться по выходѣ ихъ изъ школы, когда вліяніе окружающей среды, отрицательной литературы и т. под., можетъ пагубнымъ

образомъ дѣйствовать на доброе направленіе, полученное человѣкомъ въ его дѣтствѣ и юности. Съ этою цѣлью пастырь Церкви долженъ насколько возможно болѣе сближаться съ своими прихожанами и чаще посѣщать ихъ, пользуясь всякимъ случаемъ для назиданія ихъ и укрѣпленія связи ихъ съ Церковію. Пастырь Церкви долженъ заботиться также о привлеченіи своихъ прихожанъ въ Церковь вполнѣ благоговѣйнымъ и возможно благолѣпнымъ совершеніемъ богослуженія и словомъ живой, дѣйственной проповѣди.

Возможно болѣе тѣсное сближеніе съ прихожанами, частое посѣщеніе ихъ и назиданіе внѣ церкви можетъ служить также наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ и для обращенія къ Церкви удаляющихся отъ нея. Въ отношеніи къ нимъ эти мѣры въ особенности важны уже потому, что священникъ не можетъ въ самой Церкви поучать ихъ, какъ не посѣщающихъ церковнаго богослуженія. И не только въ домахъ и квартирахъ своихъ *прихожанъ*, но также въ общественныхъ собраніяхъ (напр. на сельскихъ сходахъ, въ собраніяхъ членовъ церковныхъ попечительствъ и т. под.) священникъ долженъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для привлеченія къ Церкви удаляющихся отъ нея. Съ этою же цѣлью священникъ можетъ пользоваться формою публичныхъ и въ частности народныхъ чтеній и бесѣдъ, распространять книги Св. Писанія и другія нравственно-религіозныя изданія и располагать своихъ прихожанъ къ чтенію этихъ книгъ. Условія нашей общественной жизни не позволяютъ православному священнику такой широкой дѣятельности, какую мы видимъ напр. среди американскихъ миссіонеровъ, которые нерѣдко обращаются съ словомъ назиданія къ публикѣ въ ресторанахъ, въ трактирахъ, въ столовыхъ гостинницъ, на палубахъ пароходовъ и т. под., и заботятся о томъ, чтобы въ каждомъ мѣстѣ общественныхъ собраній было достаточное количество экземпляровъ Библіи для безплатнаго чтенія ихъ посѣтителями этихъ собраній; тѣмъ не менѣе и многимъ изъ нашихъ пастырей слѣдовало бы позаимствоваться у нихъ тою

энергіею, съ какою они стараются воспользоваться всякимъ случаемъ для пропагандированія истинъ христіанской вѣры и нравственности. Но главное, чѣмъ православный пастырь болѣе всего можетъ располагать къ Церкви удаляющихся отъ нея, это любовь,— любовь полная, глубокая, самоотверженная. Любовь проницательна, изобрѣтательна и могуча. Она дастъ возможность пастырю и проникнуть въ сердце заблуждающихся, и понять ихъ нужды и стремленія, она укажетъ ему тѣ пути и средства, какими слѣдуетъ воспользоваться въ томъ или другомъ случаѣ для обращенія къ Церкви удаляющихся отъ нея, она же можетъ возбудить въ нихъ любовь и благодарность къ Церкви, принимающей въ лицѣ своего служителя всѣ мѣры къ возвращенію ихъ въ лоно ея. Высокая, самоотверженная любовь даже и безъ принятія особыхъ мѣръ можетъ оказывать могущественное вліяніе: она вызываетъ невольное удивленіе и стремленіе къ подражанію въ тѣхъ, на кого она простирается. Въ доказательство этого достаточно указать на то сильное вліяніе, которое оказывали своею любовію древніе христіане на язычниковъ. Но хотя пастырь долженъ дѣйствовать въ духѣ полнаго христіанскаго миролюбія и любви и быть не строгимъ судіею и карателемъ, а любвеобильнымъ отцемъ, пекущимся о благѣ своихъ прихожанъ, какъ собственныхъ дѣтей, однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ всегда стоять на строго христіанской, православной почвѣ и быть чуждымъ всякихъ сдѣлокъ съ своею совѣстью и уступокъ, которыя нисколько не помогаютъ дѣлу, а могутъ служить лишь пагубнымъ тормозомъ. Онъ долженъ проповѣдывать имъ не то, что они хотятъ, а то, что внушаетъ ему долгъ служителя Церкви Христовой.

Мы лишь въ общемъ намѣтили тѣ пути и средства, которыя, по нашему мнѣнію, пастыри православной Церкви должны принимать для достиженія указанной нами цѣли; но не указываемъ частностей, которыя чрезвычайно разнообразны и зависятъ отъ весьма многихъ условій,—отъ характера и образованія лицъ, удаляющихся отъ Церкви, отъ образа жизни и воззрѣній того круга,

къ которому они принадлежатъ, отъ причинъ, вызвавшихъ удаленіе отъ Церкви, и т. под. Сообразно съ этимъ должны измѣняться и мѣры, направленныя къ тому, чтобы обратить къ общей нашей матери, Церкви, добровольно или невольно удаляющихся отъ нея.

П. Д.

Помощь пастырей прихожанамъ въ пріобрѣтеніи иконъ хорошаго письма.

(Указаніе священника Орловской епархіи »И. С—ва«).

Извѣстно, какого рода и вида фабрикуются во Владимірской губерніи распространяемыя по всей Россіи иконы. Необходимо принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы православные имѣли возможность пріобрѣтать иконы не такого безобразнаго и недостойнаго православной Церкви письма. Нужно дать возможность православнымъ пріобрѣтать хорошо и правильно написанныя иконы и тѣмъ устранить необходимость покупки иконъ владимірскаго писанія, такъ какъ отъ этого страдаютъ и денежные и особенно религіозные интересы нашихъ крестьянъ. Иконы владимірскаго издѣлія при всѣхъ другихъ недостаткахъ не отличаются своею прочностію, и потому убыточны для небогатыхъ крестьянъ. При сырой и грязной обстановкѣ крестьянской хаты, при дымѣ и копоти такія иконы (безъ футляра) не могутъ долго оставаться въ святомъ углѣ: отъ частыхъ перемѣнъ комнатной температуры краски иконъ начинаютъ скоро трескаться и лупиться, а къ концу года послѣ покупки иконы совершенно теряютъ свой видъ и подлежатъ выдворенію изъ святаго угла, такъ какъ представляютъ собою ни больше, ни меньше, какъ окуренныя со всѣхъ сторонъ доски съ слѣдами по мѣстамъ красокъ, но на которыхъ нѣтъ и тѣни священныхъ изображеній. Бываетъ, что въ углу иной крестьянской хаты нѣтъ ничего,

кромѣ металлическаго креста, и на вопросъ: отъ чего нѣтъ въ домѣ иконъ, получается такого рода отвѣтъ: „какъ же безъ иконъ? Иконъ у насъ, слава Богу, много, только ихъ тутъ держать нельзя, скоро портятся,—потому мы и выносимъ ихъ въ безопасное отъ порчи мѣсто". А какъ страдаютъ здѣсь религіозные интересы, объ этомъ уже и говорить пастырямъ нечего: они сами видятъ это во очію. Конечно, имѣть у себя иконы владимірскаго писанія меньшее зло, чѣмъ вовсе не имѣть никакихъ иконъ; но нужно сказать, что въ религіозной жизни зло, какъ бы мало оно ни было, непремѣнно должно пресѣкаться, а особенно, если оно развилось въ средѣ большинства вѣрующихъ и помимо ихъ воли пріобрѣло, такъ сказать, право гражданства. Какъ же можно уничтожить это зло? Для этого необходимо уяснить причины такого печальнаго явленія среди крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему крестьяне такъ падки на иконы, разносимыя владимірскими коробейниками,—по своему ли невѣжеству, или по относительной ихъ дешевизнѣ, или по другимъ причинамъ?

Нужно первѣе всего замѣтить, что крестьянинъ при всей простотѣ своей глубоко чтитъ тѣ иконы, которыя имѣютъ правильную живопись и съ большимъ усердіемъ предъ ними совершаетъ онъ свою молитву. Стало быть, для крестьянина не безразлично имѣть икону такой или иной живописи... Итакъ, что же побуждаетъ крестьянъ покупать иконы владимірскаго писанія? Дешевизна иконъ? Правда, она имѣетъ дѣйствительно нѣкоторую прелесть для деревенской массы, бѣдной матеріально, но при этомъ крестьяне сами знаютъ, что дешевыя иконы, выходятъ на дорогія, такъ какъ онѣ скоро портятся и часто покупаются; значитъ дешевизна—не прямая причина распространенія владимірскихъ иконъ въ крестьянской средѣ. Какая же главная причина, по которой крестьяне покупаютъ расхожія иконы? Не иная какая, какъ только отсутствіе въ продажѣ по деревенскимъ захолустьямъ правильно написанныхъ иконъ, невозможность для крестьянина добыть эти иконы. Очевидно, что крестьяне не могутъ сами по

себѣ выйдти изъ столь печальнаго положенія: имъ нужна сторонняя помощь; но кто имъ укажетъ, кромѣ ихъ духовныхъ пастырей?.. Но каждый въ отдѣльности священникъ безсиленъ помочь такому горю своихъ прихожанъ; вѣрнѣе всего въ такомъ случаѣ духовенству дѣйствовать корпоративно, во главѣ епархіальной власти. Чтобы снабдить крестьянъ иконами, соотвѣтствующими ихъ назначенію, для сего не мѣшало бы, по нашему мнѣнію, открыть общеепархіальный складъ иконъ, ввѣривши его наблюденію опытныхъ лицъ изъ духовенства. Само собою разумѣется, что иконы предварительно должны быть куплены оптомъ или заказаны живописцамъ большими партіями (какъ выгоднѣе будетъ) и что въ томъ и другомъ случаѣ предполагается сравнительно не дорогая цѣна иконъ. Изъ епархіальнаго склада иконы могутъ быть размѣщены по складамъ уѣздныхъ городовъ, а здѣсь ихъ могли бы получать (за деньги или подъ роспись) въ потребномъ количествѣ сельскіе священники для своихъ прихожанъ, или сами прихожане покупали бы на мѣстѣ иконы по той цѣнѣ, по какой онѣ обошлись въ покупкѣ и доставкѣ на мѣсто. Для операціи по покупкѣ иконъ нужны, конечно, денежныя средства и средства большія, но для начала можно пока ограничиться и небольшими деньгами, а въ немногомъ не откажетъ и не должна отказать каждая приходская церковь, тѣмъ болѣе, что церковь опять получитъ свои деньги по продажѣ иконъ, которыя, съ увѣренностію можно сказать, долго не залежатся въ складахъ, лишь бы онѣ были не слишкомъ дороги и по возможности задѣланы хотя въ нероскошные футляры, что для крестьянина съ его обстановкою почти необходимо. Дальнѣйшій успѣхъ дѣла могъ бы быть обезпеченъ: крестьяне, сознавши всю пользу отъ покупки правильно написанныхъ иконъ, не замедлятъ въ сборѣ денегъ на покупку новыхъ иконъ. Русскій мужичекъ отзывчивъ на доброе дѣло, и на запросъ такой святыни, какъ иконы, у него не будетъ недостатка ни въ усердіи, ни въ деньгахъ.—Предполагаемое нами предпріятіе, какъ и всякое вообще доброе и полезное дѣло, не обойдется безъ старанія и хлопотъ со стороны духовенства; но за то оно должно воодушевляться тѣмъ, что результаты этого

предпріятія могутъ быть утѣшительны: замѣною неправильныхъ иконъ правильными пріобрѣсена будетъ неоцѣненная нравственная польза нашему крестьянину, спасибо котораго для насъ будетъ дорого.

На первой недѣлѣ Великаго поста.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ вокзалѣ К.-Б. ж. дороги, у накрытаго стола сидѣла въ ожиданіи обѣда компанія, такъ называемаго, интеллигентнаго общества. На вопросъ лакея, что подавать къ обѣду, всѣ они заказали себѣ мясныя блюда. Поодаль отъ нихъ на другомъ концѣ сидѣлъ какой-то почтеннаго вида пассажиръ; у ногъ его лежала охотничья собака. На обѣдъ для себя онъ потребовалъ постныя блюда. Обѣдавшая компанія сначала молча косо посмотрѣла на своего спутника, а потомъ, пожравъ куски говядины и повеселѣвъ отъ пива, съ очевиднымъ намѣреніемъ уязвить ѣвшаго постную пищу, стала толковать, что теперь только чудаки и ханжи соблюдаютъ посты. Ободряемые его молчаніемъ, они потѣшались отъ всей души надъ уставами Церкви; обидныя сравненія и глупыя шутки сыпались безъ разбора. Вдругъ самый остроумный изъ компаніи, въ припадкѣ безумной веселости, обращается къ господину, оканчивавшему свой постный обѣдъ, и спрашиваетъ: „Можно дать вашей собакѣ эту кость, хоть сегодня и постный день“?

— „Отчего же? Дайте! Одно изъ многихъ различій между мной и моей собакой состоитъ въ томъ, что животныя могутъ ѣсть мясо во всякое время“.

Какъ выводить пятна отъ пальцевъ на книгахъ?

(Отвѣтъ на вопросъ).

Нижніе края церковныхъ, часто употребляемыхъ на клиросѣ, книгъ всегда имѣютъ, особенно по угламъ, сплошныя пятна, образовавшіяся отъ переворачиванія листовъ потными или для удобства переворачиванія послюненными пальцами. Для уничтоженія этихъ пятенъ, потрите ихъ тонкою губкою, напитанною бензиномъ или скипидаромъ и дайте просохнуть на воздухѣ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 февраля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 9.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Февраля 26-го.

Содержаніе: Долгъ церковнаго учительства, священнослужительства и управленія въ примѣненіи къ нашему времени.—Значеніе православнаго духовенства въ соціальной жизни нашего народа.—О молитвѣ, какъ пастырской добродѣтели, по примѣру Господа Іисуса Христа.—Семь міровыхъ загадокъ.—Духовникамъ по вопросамъ исповѣди.

Долгъ церковнаго учительства, священнослужительства и управленія въ примѣненіи къ нашему времени.

(Изъ перваго поученія къ одесской паствѣ преосвященнаго Никанора, епископа херсонскаго и одесскаго) [1]).

Долженъ есмь и обѣщаю, Богу содѣйствующу, служить долгу церковнаго учительства, возбуждая къ его исполненію и вѣренное моему епископству духовное пастырство, напоминая другимъ, какъ и себѣ самому, заповѣдь Апостола: „проповѣдуй

[1]) Въ предлагаемомъ отрывкѣ съ истинно ораторскимъ талантомъ въ оригинальной формѣ, похожей на присягу, необычайно мѣтко очерченъ широкій кругъ обязанностей пастырства по духу православной Церкви и по запросамъ времени. Не одни пастыри одесской, но и всей русской Церкви примутъ къ сердцу и исполненію вѣщанія архипастыря—витія и мыслителя. Это замѣчательное поученіе преосвященнаго Никанора напечатано въ 3 № Херсон. Еп. Вѣд. Ред.

слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ", подкрѣпляя эту апостольскую заповѣдь грознымъ апостольскимъ же словомъ: „аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы; горе же мнѣ, аще не благовѣствую"; разъясняя моимъ сопастырямъ постоянно, что пастырская проповѣдь, усиленная и настойчивая, стала запросомъ времени нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо; что нашъ православно-русскій народъ въ большинствѣ своемъ былъ до сего времени младенцемъ, спящимъ на лонѣ матери-церкви; что сладцѣ сердцемъ, но полу-безсознательно умомъ прислушивалсь къ священнымъ пѣснямъ своей святой матери-церкви и далеко не всегда даже понимая ихъ, онъ сладцѣ почивалъ сознаніемъ, онъ вѣрилъ, не испытуя, и тепло ему было на свѣтѣ, вкушая блаженство вѣры полной, несумнѣнной, но полусознательной; что сознаніе его относительно знанія предметовъ вѣры было неразвито до поразительнѣйшей, до почти невѣроятной степени; что теперь въ наше тревожное, скажу, критическое время, критическое въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ пробужденія всесторонней критики касательно прежнихъ вѣрованій и въ смыслѣ кризиса—перехода отъ старозавѣтныхъ преданій къ новому складу жизни и смысла, сознаніе народа пробуждается къ самодѣятельности, часто уродливой, но отважной и упрямой; что будятъ его всѣ со всѣхъ сторонъ, и особенно настойчиво будятъ такъ называемые передовики, непрошенные, незванные печальники благоденствія народа, разрушая его вѣковую сладкую дремоту; что они толкуютъ народу, что сладость его сна была сладостью не болѣе какъ чарующаго сновидѣнія, увлекающей грезы; что народъ повсемѣстно и всесторонне прислушивается къ этимъ гибельнымъ прельстительнымъ внушеніямъ и неотрезвляемый настойчивымъ вразумляющимъ голосомъ духовнаго пастырства, роетъ свои собственные кладязи ученія, знанія и мудрости,—кладязи сокрушенные, разломанные, которые вмѣсто чистой воды истиннаго здравомыслія источаютъ только муть и грязь, вонь и заразу; что именно этотъ край, можно сказать, упредилъ другіе

края Россіи въ отыскиваніи себѣ новыхъ источниковъ религіознаго ученія, помимо вѣчнаго источника воды живой и животворящей, святой православной, отце-преданной, апостолами проповѣданной, Христовой вѣры; что если мы, православные пастыри, богопризванные просвѣтители народа, не возьмемся нынѣ общими, дружными и неотступными усиліями за развитіе народнаго сознанія въ духѣ Церкви, въ духѣ Бога и отце-преданнаго намъ православія, то чрезъ какую либо четверть вѣка выпустимъ изъ рукъ и всякіе способы поправить въ народномъ убѣжденіи гибельно разрастающееся зло; что намъ крайне необходимо сознать и преступно было бы не сознать, не выполнить,—правду сказать,—значительно забытый, крѣпко упущенный изъ виду, первый долгъ духовнаго пастырства, первую основную для него заповѣдь Основателя Церкви своимъ посланникамъ, пастырямъ Церкви: „шедше, научите народы; шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари“.

Долженъ есмь и предъ Богомъ обѣщаю, пока силы служатъ, трудиться въ благочинномъ уставномъ священнослуженіи, требуя того же и отъ подвѣдомаго мнѣ сопастырства, напоминая себѣ и ему и всѣмъ, что уставы церковные писаны и чинопослѣдованія священнодѣйствій составлены и переданы намъ на соблюденіе не для того, чтобъ ихъ смѣлою рукой безнаказанно, произвольно, иногда даже по прихоти своей или другихъ широко нарушать, урѣзывать, искажать и безобразить поспѣшностью и небрежнымъ отправленіемъ, или же неосвященными церковнымъ духомъ *плеоназмами*, *искусственностію*, иногда даже уродливостью церковнаго чтенія, особенно же пѣнія; что благолѣпное, строго вѣрное духу отцовъ соблюденіе устава церковнаго вводитъ душу народа въ постиженіе несказанно высокой красоты нашего православнаго богослуженія; что строго благолѣпное, особенно въ центральныхъ храмахъ, священнодѣйствіе бываетъ видно и слышно далеко за стѣнами храма, осіявая и гармонически оглашая своимъ священнолѣпіемъ *самые* дальніе, *самые*

глухіе углы края, проникая своимъ отраженіемъ и отзвукомъ иногда даже до конецъ земли; что мы, духовные, впадаемъ въ глубокую ошибку, думая угодить прихоти будто бы общества, а въ сущности поблажая собственной немощи и небреженію, крайнимъ сокращеніемъ и поспѣшнымъ выполненіемъ церковнаго богослуженія; что общество, правда, легко и удобно устраняя себя отъ излишняго для его лѣности и холодности труда продолжительнаго отстаиванія Божіихъ службъ, въ то же время все новально соблазняется, когда и духовные чины, призванные славословить Бога непрестанно, также заботливо облегчаютъ себя въ трудѣ неустаннаго ангело-подобнаго предстоянія Богу день и нощь; напротивъ все безъ исключенія услаждается сознаніемъ, что духовный чинъ долготерпѣливо правитъ службу Божію, услаждаясь въ сердцѣ и упокоиваясь въ духѣ самымъ звукомъ церковнаго колокола, когда онъ надъ густою грѣшнаго міра и многомятежнымъ шумомъ градскимъ раздается утру глубоку или же близко къ полуночи; что среди нашего народа имѣется еще множество людей, какъ по городамъ, такъ и по селеніямъ и по разнымъ угламъ всякаго края, конечно, и этого края,—людей, которые ревниво дорожатъ святынею богослужебнаго устава, дрожа надъ каждой его буквой, легкомысленно опускаемой или же искажаемой, которые, имже образомъ елень желаетъ на источники водные, сице стремятся душею къ Богу и священнолѣпію Божіей службы нашихъ монастырей, каковы Кіево-Печерская Лавра или же святый Аѳонъ; что мѣрою святой Аѳонской или же Кіево-Печерской горы народъ мѣряетъ всякую святыню повсюднаго священнодѣйствія, и если усматриваетъ, что иное священнодѣйствіе далеко отходитъ отъ Аѳонскаго или же Кіево-Печерскаго идеала, то склоненъ чуять въ такомъ отступленіи даже не святыню, а нѣчто ей противоположное, чуть не мерзость запустѣнія, водворяющуюся на мѣстѣ святѣ; и духъ народный тогда отвращается отъ пастырства, небрегущаго о святынѣ своего долга, и оборачивая къ духовнымъ пастырямъ хребетъ, гонитъ ревни-

телей святолѣпной старины въ пустыни духовныя или даже вещественныя, гдѣ и водворяетъ ихъ, чая Бога спасающаго отъ малодушія и отъ бури и отъ смятенія помысловъ, которые не находятъ себѣ упокоенія въ непорушномъ старо-завѣтномъ благочиніи Церкви.

Долженъ и облзуюсь предъ Богомъ право править слово истины и перешедшею на мое смиреніе, другъ-другопріимательно отъ святыхъ апостоловъ властію суда и вразумленія, обращая ближайшее вниманіе на свою духовную братію, а уже чрезъ нее бодрствуя надъ соблюденіемъ заповѣдей Господнихъ и христіанскаго порядка жизни и во всей Церкви, соблюдая правомѣрность духовнаго суда, растворяя правду милосердіемъ, поддерживая немощное отеческою благоснисходительностію и воспитательною предусмотрительностію, но возбуждая ослабѣвающее или же упорное и мѣрами вразумлѣнія, щедро поощряя усердныхъ, паче же труждающихся въ словѣ и ученіи, сихъ послѣднихъ сугубымъ воздаяніемъ чести; настойчиво напоминая нашей духовной братіи, что уходитъ время неудержанныхъ обнаруженій, такъ называемой, широкой русской натуры, время русской размашистости, небреженія о своей священнической чести, время открытаго, не стѣсняющагося проявленія своихъ немощей или пороковъ; напоминая о крайней нуждѣ пещися о сохраненіи пастырской чести даже между внѣшними, о внимательномъ устраненіи нарушеній даже обычаевъ церковныхъ, объ устраненіи легкаго отношенія къ требованіямъ даже внѣшности, усвоенной временемъ и исторически воспитавшимся церковнымъ духомъ пастырямъ Церкви; напоминая, что бдительная трезвенность и достодолжное напряженіе архипастырской власти спасительны; возвышая духъ нашей братіи, огребая ее отъ тяготѣющихъ на ней укоровъ въ апатіи, небреженіи, распущенности, даже будто бы въ безнравственности, общей и повальной: „русское де-духовенство безнравственно“. Это я самъ слышалъ собственными ушами отъ одного иностраннаго брата-славянина, что повторяется изъ конца въ конецъ въ

слухъ всей Россіи, да и всего свѣта нашими врагами; что у Церкви въ наше время враговъ больше, чѣмъ было въ предшествующіе вѣка, и эти враги, пользуясь нетрезвеннымъ вниманіемъ къ себѣ и своимъ поступкамъ нашей духовной братіи, обобщаютъ иныя грустныя явленія, преувеличивая ихъ безъ конца, чтобъ ронять дѣло Церкви, которую они ненавидятъ, и вѣры, которой они отверглись; что такимъ образомъ съ одной стороны на насъ, какъ на служителей Божіихъ, падаютъ поношенія поносящихъ Бога враговъ Божіихъ, а съ другой — „насъ ради хулится имя Божіе во языцѣхъ“.

---

[1]) См. напр. статью Е. Маркова »Религія въ народной школѣ«, напечатанную въ январской кн. »Русской Рѣчи« за 1881 г. и извѣстную нашимъ читателямъ.

Значеніе православнаго духовенства въ соціальной жизни нашего народа.

Нужно ли духовенство? Не отжило ли оно свой вѣкъ? Не составляетъ ли оно нароста на организмѣ народной жизни, обязаннаго своимъ происхожденіемъ условіямъ давней некультированной жизни, но совершенно излишняго и даже вреднаго при современномъ высокомъ состояніи культуры во всѣхъ образованныхъ странахъ? Вопросъ этотъ на первый взглядъ кажется страннымъ, тѣмъ не менѣе онъ прямо ставится въ настоящее время и отрицательно рѣшается западною либеральною печатью и находитъ откликъ и у насъ въ толкахъ свѣтскаго образованнаго общества о духовенствѣ, проникающихъ иногда и въ печать [1]). Такъ какъ отрицательное рѣшеніе этого вопроса зависитъ главнымъ образомъ отъ неправильнаго пониманія соціальнаго положенія православнаго духовенства и того значенія, какое имѣетъ наше духовенство въ строѣ и развитіи общественной жизни, то мы и считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе на эту сторону вопроса.

[1]) См. напр. статью Е. Маркова »Религія въ народной школѣ«, напечатанную въ январской кн. »Русской Рѣчи« за 1881 г. и извѣстную нашимъ читателямъ.

Духовенство занимаетъ въ жизни народа совершенно особое положеніе, какого не имѣютъ другіе классы общества. Оно находится въ ближайшемъ соприкосновеніи со всѣми сферами общественной жизни и дѣятельности. Оно вмѣстѣ съ художникомъ служитъ представителемъ идеальныхъ интересовъ, вмѣстѣ съ юристомъ примѣняетъ существующій порядокъ къ отдѣльнымъ случаямъ повседневной жизни, вмѣстѣ съ государственными сановниками имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы всѣ функціи (духовной) жизни имѣли нормальный ходъ, вмѣстѣ съ учителями и педагогами заботится о воспитаніи и образованіи народа, вмѣстѣ съ врачами принимаетъ мѣры къ уврачеванію вѣренныхъ его попеченію лицъ и къ устраненію дальнѣйшихъ пагубныхъ вліяній, хотя ни въ одной изъ этихъ областей духовенство не сталкивается съ дѣятелями изъ гражданскаго общества, но имѣетъ опредѣленный кругъ дѣятельности, отграниченный ему Церковію. Такимъ образомъ ни къ одному классу общества, ни къ одному изъ свѣтскихъ общественныхъ дѣятелей не можетъ быть примѣнимо въ такой широкой мѣрѣ извѣстное выраженіе: „nil humani a me alienum puto“, какъ къ духовенству: православный священникъ имѣетъ дѣло со всѣми и всякаго рода людьми и, насколько духовная жизнь зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, не можетъ быть ни одного важнаго въ практическомъ отношеніи вопроса, который могъ бы быть вполнѣ безразличнымъ для него. Можетъ быть отсюда и происходитъ тотъ упрекъ, что духовенство иногда принимаетъ на себя заботы о томъ, что не имѣетъ прямаго отношенія къ нему, можетъ быть эта многосторонность имѣетъ и свои темныя, невыгодныя стороны, но для составленія правильнаго сужденія о соціальномъ положеніи священника весьма важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что священникъ, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ обязанностямъ его служенія, долженъ быть знакомымъ почти со всѣми сферами общественной жизни и дѣятельности, науки и искусства,—съ экономическими, юридическими и политическими вопросами, съ педагогіею, съ

философіею, съ физикою, съ медициною, съ архитектурою, съ статистикою, съ земледѣліемъ, съ финансовою частью, канцелярскими работами, съ живописью, пѣніемъ и проч. Въ особенности эта многосторонность свѣдѣній требуется отъ сельскаго священника, который обыкновенно гораздо ближе стоитъ къ своимъ прихожанамъ и гораздо болѣе близкое участіе принимаетъ во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, нежели городской священникъ, и долженъ бываетъ давать имъ совѣты и быть ихъ руководителемъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Пониманіе религіозныхъ вопросовъ жизни не даетъ еще ключа или масштаба къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ, съ которыми приходится встрѣчаться священнику, и поэтому онъ долженъ быть не только богословомъ, но также энциклопедистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и не теоретикомъ лишь, но и практикомъ.

Уже изъ сказаннаго нами видна та тѣсная, неразрывная связь, которая соединяетъ духовенство съ жизнію всего народа. Но этого мало: духовенство составляетъ „необходимое“ звѣно въ организмѣ народной жизни. Если организація народа должна удовлетворять по возможности всѣмъ его дѣйствительнымъ потребностямъ, то религіозно-нравственная жизнь требуетъ самаго тщательнаго попеченія. Если каждое государство признаетъ необходимыми разнообразныя учрежденія для огражденія права и общественной безопасности, если оно создаетъ различныя учрежденія для охраненія и врачеванія физическаго здоровья своихъ членовъ и содѣйствуетъ развитію въ нихъ эстетическаго чувства: то неужели оно можетъ предоставить игрѣ случая здоровье душевной жизни, духовное развитіе, образованіе воли? Такое отношеніе было бы возможно лишь при крайней недальновидности,—оно не допускается даже матеріалистами и пессимистами, не смотря на всю ихъ враждебность къ церковному воспитанію.

Ни одно государство не можетъ обезпечить себѣ внѣшней безопасности, если оно все вниманіе направляетъ лишь на образцовое устройство войска: гдѣ эта безопасность, если въ немъ присяга не

имѣетъ никакого значенія, если только страхъ поддерживаетъ дисциплину, если въ войскѣ царитъ духъ раздѣленія. Не можетъ государство и внутри обезпечить себѣ миръ, если оно сосредоточиваетъ все вниманіе лишь на охранѣ правъ своихъ гражданъ, къ какому бы строгому формализму оно ни прибѣгало. Государство должно быть не юридическою только и не военною общиною, а культурнымъ государствомъ, и имѣть, конечно, своею цѣлью удовлетвореніе всѣмъ существеннымъ потребностямъ человѣка и здравое развитіе всѣхъ силъ его. Но если такъ, то неужели оно можетъ все попеченіе о внутренней жизни человѣка ограничить лишь школьнымъ образованіемъ и затѣмъ всю массу населенія, прежде нежели она достигнетъ даже совершеннолѣтія, предоставить себѣ самой? Опытъ неопровержимо доказываетъ, что безъ опредѣленной формы нравственности и безъ постояннаго утвержденія и развитія основныхъ началъ религіи не возможно благопріятное правильное развитіе соціальной жизни народа, даже большинство взрослыхъ людей весьма часто служитъ игрушкою каждаго соблазнителя,—эта неустойчивая, увлекаемая всякимъ порывомъ вѣтра толпа, если она не имѣетъ нравственнаго руководства и опоры въ опредѣленномъ религіозномъ порядкѣ жизни. Не только въ низшихъ, но отчасти даже и въ высшихъ классахъ общества рѣшающее значеніе для образа дѣйствій человѣка имѣетъ обыкновенно не убѣжденіе, не разумъ и собственная воля, а взгляды, привычки и обычаи или нравы, господствующіе въ обществѣ, какъ натуральныя силы. Здѣсь воля большею частію дѣйствуетъ независимо отъ разумнаго убѣжденія, вмѣсто самостоятельнаго индивидуума является членъ стада, въ которомъ все зависитъ отъ вождей, отъ ихъ отношенія къ прочимъ членамъ. Если разлагается цѣлесообразный, направленный къ общему благу порядокъ, на чемъ бы онъ ни основывался, то индивидуумъ слѣдуетъ только своимъ чувственнымъ влеченіямъ и своекорыстнымъ эгоистическимъ разсчетамъ; облагораживающіе нравы изчезаютъ, между тѣмъ какъ грубые крѣпко дер-

жатся. Вліяніе на каждаго отдѣльнаго члена достигается въ такомъ случаѣ лишь чрезъ предоставленіе ему матеріальныхъ выгодъ или чрезъ приманку внѣшняго почета и т. под., и всякое вліяніе въ сущности можетъ оказываться на каждаго отдѣльнаго члена лишь членами того круга общества, къ которому онъ принадлежитъ. Это не пессимистическая гипотеза, а результатъ безпристрастнаго серьезнаго изученія жизни многихъ нехристіанскихъ народовъ.

Такимъ образомъ задача государства, очевидно, должна состоять въ томъ, чтобы противупоставить преграду чувственнымъ натуральнымъ силамъ и инстинктамъ, чтобы въ народной жизни, главнымъ образомъ управляемой натуральными влеченіями, была возбуждаема и духовная сила. Эта сила, которая всѣми признается, для всякаго доступна и каждому столь близка, что никто не остается безъ соприкосновенія съ нею, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что для человѣка есть высшая жизнь, нежели чувственная, матеріальная, и что на этой послѣдней основывается благо какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и цѣлаго общества. Но это вмѣстѣ служитъ доказательствомъ высокаго значенія духовенства въ соціальной жизни.

Кто знакомъ съ народною жизнію, тотъ хорошо знаетъ, что развитіе духовныхъ силъ народа не можетъ быть предоставлено себѣ самимъ, что безъ надлежащаго воспитанія ихъ онѣ могутъ глохнуть или получать превратное направленіе, пагубное для жизни всего общества. Знакомому съ народною жизнію извѣстно также и то, какое могущественное вліяніе на нее оказываетъ то, что имѣетъ общественный характеръ, что признается авторитетомъ со стороны общества. Такимъ образомъ къ организму государства необходимо принадлежитъ также организація духовныхъ силъ и именно такая, чтобы натуральныя силы, коль скоро онѣ не находятся на служеніи духовнымъ, немедленно задерживались чрезъ послѣднія въ своей свободной дѣятельности, то есть къ здравой государственной жизни необходимо принадлежитъ „тщательное

нравственно-религіозное воспитаніе народа". Но такъ какъ эта задача не можетъ быть выполняема случайно, мимоходомъ, какъ побочная, какъ бы сильно она ни занимала каждаго общественнаго дѣятеля; то въ потребности нравственно-религіознаго народнаго воспитанія лежитъ уже необходимость особаго званія. Эта насущная потребность государствъ и народовъ чувствовалась, хотя довольно смутно, и въ до-христіанскія времена. Многіе языческіе народы стремились къ удовлетворенію ея чрезъ институтъ жрецовъ: римляне — чрезъ учрежденіе цензорства, еврейскій народъ — въ миссіи пророковъ. Но вполнѣ была понята, уяснена и получила надлежащее удовлетвореніе она лишь въ христіанствѣ чрезъ учрежденіе церковной іерархіи, члены которой уже по самой идеѣ своей должны быть прежде всего духовными учителями и руководителями народа.

Что вопросъ о нравственно-религіозномъ воспитаніи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для соціальной жизни народа, это въ особенности можно видѣть изъ происходящей въ послѣднее время на Западѣ жаркой, такъ называемой, „культурной борьбы". Въ борьбѣ этой принимаютъ живое участіе люди всѣхъ партій и направленій, не исключая и матеріалистовъ, которые, стараясь совсѣмъ устранить религію изъ государственной жизни, въ тоже время, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ религіи, чувствуютъ, что нормальное направленіе воли, отъ котораго существенно зависитъ весь организмъ государственной жизни, основывается на религіозныхъ воззрѣніяхъ на жизнь, что автономной морали не существуетъ. Въ нашемъ отечествѣ подобнаго рода борьбы, при нормальномъ направленіи государственной жизни народа, не было никогда и быть не можетъ, и если иногда (напр. во время патріарха Никона и при Петрѣ I) бывали нѣкоторыя, повидимому, столкновенія между Церковію и государствомъ, то это была не борьба изъ-за власти, изъ желанія подчинить одну область другой, а изъ стремленія къ урегулированію взаимныхъ отношеній, къ устраненію тѣхъ ненормальностей, которыя возникали вслѣдствіе недостаточно

ленаго пониманія границъ вѣдомства Церкви и государства нѣкоторыми изъ нихъ представителей и вслѣдствіе общественныхъ неустройствъ, характеризовавшихъ прежнюю жизнь нашего народа. Духовенство наше всегда было чуждо того клерикализма, какой мы видимъ въ римско-католической Церкви, оно всегда жило жизнію всего народа. Наша церковная іерархія не стоитъ особнякомъ отъ свѣтской, но, признавая всякаго православнаго христіанина членомъ Церкви, она естественно во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ государственной жизни народа дѣйствуетъ совмѣстно съ свѣтскою властью. Но регулированіе собственно религіозной жизни она всегда предоставляла себѣ. Она не искала нормъ для рѣшенія вопросовъ религіи въ вопросахъ экономическихъ, дипломатическихъ и т. под., но всегда совершенно справедливо стояла на той точкѣ зрѣнія, что каждый вопросъ соціальной жизни находитъ надлежащее освѣщеніе въ религіи—въ согласіи или несогласіи съ нею. Равнымъ образомъ и свѣтская власть у насъ никогда не заявляла стремленія къ подчиненію Церкви, какъ это мы видимъ въ протестантствѣ.

Какъ же наши пастыри вели дѣло нравственно-религіознаго воспитанія? Главнымъ образомъ посредствомъ церковной проповѣди и частныхъ назиданій. Эту же цѣль имѣютъ въ виду общественное богослуженіе, св. таинства и церковные обряды. Кромѣ того, сознавая ту высокую пользу, какую въ религіозно-нравственномъ и соціальномъ отношеніи имѣетъ школьное обученіе, наше духовенство въ первыя же времена по введеніи христіанства въ Россіи положило начало школамъ и до временъ Петра I было почти единственнымъ школьнымъ учителемъ нашего народа, хотя и послѣ того продолжало принимать дѣятельное участіе въ школьномъ обученіи народа, проявивъ свою ревность къ нему въ послѣдніе годы чрезъ учрежденіе церковно-приходскихъ школъ. Свѣтское же правительство всегда оказывало и оказываетъ нашему духовенству свое сойдѣствіе въ дѣлѣ нравственно-религіознаго просвѣщенія народа, что служитъ самымъ убѣдительнымъ и красно-

рѣчивымъ доказательствомъ того высокаго значенія, какое по отношенію къ соціальной жизни приписываетъ наша свѣтская власть этой миссіи духовенства. Но перечислять всѣ тѣ пути и средства, которыми православное духовенство пользуется для нравственно-религіознаго просвѣщенія нашего народа, въ краткомъ обзорѣ не возможно, и мы по необходимости должны ограничиться указаніемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе замѣтные для посторонняго безпристрастнаго наблюдателя.

Православному пастырю всѣ члены христіанскаго общества одинаково близки; всѣ учрежденія, классы общества и факторы земной жизни важны для него: его задачею служить то, чтобы повсюду имѣлъ силу духъ Евангелія, чтобы вся жизнь народа была проникнута нравственно-религіозными мотивами, чтобы въ бѣдствіяхъ, постигающихъ нашу частную и общественную жизнь, просвѣчивали радость и благословеніе царства Божія. Поэтому пастырь имѣетъ дѣло со всѣми важнѣйшими явленіями человѣческой жизни, насколько они соприкасаются съ религіозно-нравственною областью. Нищета и болѣзнь призываютъ его къ помощи въ надлежащее время соотвѣтственными средствами, чтобы помощь въ земной нуждѣ укрѣпляла и возвышала духовную силу человѣка, чтобы участіе въ болѣзни тѣла послужило во благо и душевной жизни. Гдѣ суровый, неумолимый законъ тятотѣетъ надъ преступникомъ, грозя ему неизбѣжнымъ тяжелымъ временнымъ наказаніемъ, тамъ пастырь, примиряя совѣсть человѣка съ Богомъ, является возстановителемъ блаженнаго покоя въ душѣ раскаявшагося грѣшника. Сироты находятъ въ немъ совѣтника, малолѣтніе—заступничество, родители въ затруднительныхъ случаяхъ воспитанія—вѣрный совѣтъ, супруги—друга, умѣющаго поддерживать и укрѣплять святость и нерушимость священнѣйшаго изъ союзовъ человѣческихъ—брака. И не только различныя обстоятельства изъ жизни частныхъ лицъ, но и всѣ важнѣйшія отправленія въ государственной жизни (реформы въ положеніи различныхъ учреж-

деній и классовъ общества, война, административныя, судебныя засѣданія и т. под.), и всѣ общественныя проявленія радости и печали, происходящія по случаю событій, имѣвшихъ важное значеніе для общества (дни кончины общественныхъ дѣятелей, юбилеи государственныхъ учрежденій и т. под.), всегда находятъ живой откликъ въ сердцѣ православнаго пастыря, который старается выяснять смыслъ и значеніе этихъ явленій съ христіанской точки зрѣнія въ видахъ нравственнаго воздѣйствія на слушателей. На каждое явленіе, имѣющее важное значеніе для отдѣльнаго лица, или для извѣстнаго класса общества, или наконецъ для цѣлаго государства, онъ старается найдти отвѣтъ въ одномъ и томъ же источникѣ—въ Евангеліи, которое служитъ спасительнымъ благовѣстіемъ Божіимъ ко всѣмъ людямъ. Наши пастыри часто являются также, въ особенности для простаго народа, прямыми истолкователями разнаго рода распоряженій и мѣропріятій свѣтскаго правительства, какъ это было напр. при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости

Благотворное вліяніе религіозно-воспитательной дѣятельности нашего духовенства на соціальную жизнь народа съ особою силою обнаруживалось въ годы тяжелыхъ общенародныхъ бѣдствій, грозившихъ переворотомъ всего нашего государственнаго строя, какъ напр. въ смутныя времена междуцарствія, при татарскомъ погромѣ, при нашествіи французовъ въ 1812 году и въ послѣднее время при пагубныхъ замыслахъ соціалистовъ, встрѣтившихъ непреоборимую преграду въ руководителяхъ нашего народа, пастыряхъ, воспитавшихъ и постоянно поддерживающихъ въ народѣ на нравственно-религіозныхъ началахъ любовь къ Царю и отечеству и и повиновеніе властямъ, какъ отъ Бога узаконеннымъ, и призывавшихъ свои паствы къ борьбѣ съ врагами Церкви и государства. Неудивительно поэтому, что въ подпольной соціалистической литературѣ съ именемъ Царя и представителей свѣтской власти всегда почти соединяется и имя православнаго духовенства, какъ служащаго опорою для существующаго государствен-

наго строя. Наши пастыри чрезъ нравственно-религіозное воздѣйствіе на свои паствы всегда старались устранять и частныя неустройства или безпорядки, нарушавшіе правильный ходъ соціальной жизни народа. Они, будучи сами гражданами общаго для всѣхъ русскихъ отечества и всегда повинуясь, по божественной заповѣди, въ томъ, что не входитъ исключительно въ область религіи и нравственности, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ представителямъ свѣтской власти, учили и учатъ тому же народъ и не разъ являлись среди бунтующей народной толпы съ увѣщаніемъ,—и толпа, не слушавшаяся даже оружія, слушалась кроткаго слова своихъ духовныхъ руководителей. Въ примѣръ изъ недавняго прошлаго можно указать на бывшіе въ южной и югозападной Россіи, такъ называемые, „еврейскіе погромы“, въ предупрежденіи и прекращеніи которыхъ духовенство принимало дѣятельное участіе. Такъ таврическая губернія была спасена отъ этихъ уже начинавшихся безпорядковъ, благодаря почти исключительно вліянію духовенства на народъ, какъ это засвидѣтельствовано и свѣтскою печатью.

Многосторонняя и многоплодная дѣятельность нашего православнаго духовенства на пользу общества, представленная нами лишь въ бѣгломъ очеркѣ, очевидна для каждаго. Только тотъ, кто смотритъ на вещи сквозь призму предразсудковъ и предубѣжденій или кто намѣренно закрываетъ свои глаза, чтобы не видѣть того, что предъ нимъ происходитъ,—только тотъ можетъ не признавать того чрезвычайно важнаго значеніе, какое православное духовенство имѣетъ въ соціальной жизни нашего народа.

И. Д.

О молитвѣ, какъ пастырской добродѣтели, по примѣру Господа Іисуса Христа.

Я—Эммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ. Не забывай же, пастырь Мой о Моемъ божественномъ присутствіи,—Я, Богъ твой, всегда съ тобою.

Непостижимо для тебя Я всегда съ тобою. Блаженъ будешь ты, если дашь Мнѣ возможность обитать и въ самомъ тебѣ Моею благодатію. Если будешь всегда помнить о Моемъ божественномъ везлѣприсутствіи, то научишься цѣнить его, ибо будешь ощущать благодать Мою, вносящую миръ въ душу твою.

Помни, что нѣтъ ничего ни въ тебѣ, ни около тебя такого, что было бы къ тебѣ ближе, чѣмъ Я, Богъ твой.

Сердце твое—престолъ Моего безконечнаго величества; вѣруй сему и особенно въ молитвѣ не забывай сего: молиться отъ сего будешь внимательнѣе и усерднѣе. Тогда ты самъ будешь ощущать, чтъ Я—Богъ съ тобою.

Я указалъ тебѣ Своимъ примѣромъ, какъ ты долженъ молиться; не забывай сего примѣра.

Какъ совершать молитву общественную, тебя научаетъ сему св. Церковь. Водимая Духомъ Моимъ Святымъ, она указываетъ тебѣ, какъ, когда и о чемъ должно тебѣ молиться.

А чтобы тебѣ молиться, какъ должно, взирай на то, какъ Я молился въ саду Геѳсиманскомъ и на крестѣ вися. Зерномъ Моей молитвы была всецѣлая преданность Моей воли волѣ Отца Моего.

Въ саду Геѳсиманскомъ Я такъ молился Отцу: „не Моя, но Твоя воля да будетъ“ (Лук. 22, 42), а на крестѣ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“ (Лук. 23, 46)!

Проси у Меня всего, что находишь полезнымъ, но молись всегда съ полною преданностію волѣ Моей, съ полною преданностію вручай себя Мнѣ.

Въ саду Геѳсиманскомъ Я трижды повторялъ одну и ту же молитву, какъ сказано о Мнѣ: „молился Іисусъ въ третій разъ, сказавъ то же слово“ (Матѳ. 26, 44), и это для того, чтобы Мнѣ и тебя научить повторять молитвы, но повторяй ихъ все съ большимъ усердіемъ и съ большею покорностію Мнѣ.

Чтобъ тебя научить молиться, Я молился рано утромъ, удаляясь для сего въ мѣста уединенныя, какъ сказано о Мнѣ: „утромъ, вставъ весьма рано, Іисусъ вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился“ (Марк. 1, 35), а иногда и цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ къ Богу (Лук. 6, 12).

Старайся же и ты съ ранняго утра возноситься духомъ къ небу, избирая для сего мѣсто по возможности уединенное, дабы тебѣ что не мѣшало или не развлекало тебя. Какъ училъ Я объ этомъ, вспомни: „ты же когда молишься, говорилъ Я, войди въ комнату свою и затвори дверь свою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ“ (Матѳ. 6, 6).

Не непремѣнно требую отъ тебя проводить въ молитвѣ цѣлыя ночи; но когда пробудишься отъ сна, то по крайней мѣрѣ тогда вознесись мыслію горѣ и принеси Мнѣ сердце сокрушенное и смиренное, молитву и хвалу, какъ научаетъ тебя пророкъ: „отъ нощи воздвигните руки ваши во святая и благословите Господа“ (Пс. 133, 2).

Ты живешь среди суеты мірской, а потому долженъ беречься, какъ бы не отвлекла она мысли твоей отъ вѣчной истины и не опорочила сердца твоего.

Размышляй, каковы по своему достоинству блага земныя и каковы—небесныя, какъ первыя ничтожны и какъ напротивъ важны послѣднія. Чтеніе Св. Писанія и житій Моихъ святыхъ побудитъ тебя къ такому размышленію.

Представляя себѣ Мое вездѣприсутствіе, ты научишься бесѣдовать со Мною, сердце твое согрѣется огнемъ любви ко Мнѣ и духъ твой сольется съ духомъ Моимъ.

Къ № 9-му.

Тогда и молитва твоя будетъ возноситься ко Мнѣ, какъ благовонное кадило, подобно той молитвѣ, какую возносилъ Я къ Отцу Моему; а если при этомъ будешь желать того, чего желаю Я, то и всѣ молитвы твои будутъ услышаны.

Научайся отъ Меня и тому, чтобы приступать ко всякому доброму дѣлу, предварительно приготовившись молитвой. Какъ усердно молился Я предъ избраніемъ себѣ апостоловъ (Лук. 6, 12), а также предъ вступленіемъ Моимъ на горькій путь страданій (Матѳ. 26, 43).

Этимъ ты достигаешь того, что святыя намѣренія совершатся, и ты совершишь не малое только, но и великое, ибо не ты, а Самъ Я, призванный къ тебѣ твоею молитвою, совершу все.

Кромѣ времени, употребленнаго тобою на молитву, оставляй время и на нѣкоторый отдыхъ отъ твоихъ пастырскихъ трудовъ, дабы заняться исключительно содѣваніемъ своего собственнаго спасенія, ибо бываетъ нерѣдко, что пастырь, употребляющій всѣ усилія на то, чтобы дѣлать благо другимъ, заботу о своемъ собственномъ спасеніи оставляетъ.

Въ такихъ случаяхъ, пастырь Мой, оставляй на время мысль о ближнихъ, отдохни и займись исключительно самимъ собой.

Такъ поступать училъ Я и Своихъ апостоловъ. Когда они собрались и разсказали Мнѣ все, что сдѣлали и чему научили, Я сказалъ имъ: „пойдите вы одни въ пустынное мѣсто, и отдохните немного“ (Марк. 6, 31).

Поступай и ты такъ. Удаляйся на время въ уединеніе и тамъ предавайся духовнымъ подвигамъ.

Уединеніе обновитъ духъ твой, укрѣпитъ его, и полезно сіе будетъ не для тебя только, но и для ближнихъ твоихъ. Самъ съ новымъ усердіемъ принявшись снова за свое дѣло, ты тѣмъ самымъ возбудишь и ввѣренныхъ твоему попеченію усерднѣе работать Мнѣ.

Наконецъ помни всегда, что молитва есть средство къ достиженію всѣхъ остальныхъ добродѣтелей.

Молитва Мнѣ пріятна; но лучшая и пріятнѣйшая для Меня молитва есть принесеніе безкровной жертвы, поелику сія жертва собственнаго Моего тѣла и крови есть молитва и просительная, и умилостивительная, и хвалебная, и имѣетъ безконечно важное значеніе.

Сія молитва совершенно Моя, она—вѣнецъ Моихъ дѣлъ, въ ней наилучшимъ образомъ выразилась Моя божественная власть и сила и эта молитва приносится Мнѣ при твоемъ посредствѣ, мой пастырь!

Вспомни, что Я когда впервые имѣлъ совершить и принести жертву сію, и совершилъ ее достойнымъ Меня способомъ и въ мѣстѣ приличномъ—„въ горницѣ большой, устланной, готовой“ (Марк. 14, 15).

Такою большою, устланною, готовою горницею да будетъ твое сердце, когда имѣешь приносить Мнѣ сію жертву.

Большою горницей пусть будетъ сердце твое чрезъ твою полную довѣренность къ Моей безконечной благости; не считай никакой милости столь великою, чтобы тебѣ нельзя было надѣяться получить ее отъ Меня для себя или для другихъ.

Приступай къ Моему престолу для совершенія безкровной жертвы съ самымъ горячимъ, охватывающимъ все сердце твое желаніемъ совершать сію жертву и самому вкусить ее и говори со Мною: „очень желалъ я ѣсть сію Пасху“ (Лук. 22, 15).

Приступай съ самымъ горячимъ желаніемъ этой сладкой и питательной манны, заключающей въ себѣ всѣ блага, какихъ ни пожелаешь. Надѣйся, крѣпко надѣйся, что не только всѣ желанія твои исполнятся, но и происполнятся вслѣдствіе того благословенія, какое Я изливаю на тебя въ то время, когда приносишь Мнѣ сію святую жертву.

Приступай къ Моему алтарю для принесенія безкровной жертвы съ сердцемъ умиленнымъ, убраннымъ, достойнымъ того,

чтобы Мнѣ войти въ него и по неизреченной любви Моей къ тебѣ вечерять въ немъ съ тобою.

Всѣми прекрасными качествами должно отличаться сердце твое, когда имѣешь принести безкровную жертву Мнѣ.

Еслибы ты только разъ въ твоей жизни имѣлъ принести безкровную жертву, то и тогда ты долженъ бы приготовиться къ сему важному дѣлу святою жизнію. Какъ же велико должно быть это твое стремленіе жить свято, когда ты такъ часто приступаешь къ нему. Вѣдь ты почти ежедневно приступаешь къ Моему алтарю!

Такъ же старайся подготовлять и украшать достойно и сердца вѣрующихъ, которыхъ Я допускаю къ Моей божественной трапезѣ; помни, что и для нихъ Я есмь хлѣбъ насущный.

Помни сіе и отнюдь не поставляй никакихъ преградъ къ тому, чтобы удержать вѣрующихъ отъ частаго приступленія къ Моей трапезѣ; Я Самъ таковыхъ вѣрующихъ исполняю сильнаго желанія сей трапезы, ибо и съ ними желалъ бы Я вечерять ежедневно, какъ и съ тобою.

Для всѣхъ тѣхъ, кто съ дѣйствительнымъ отвращеніемъ относится ко грѣху, шире раскрывай дверь, ведущую въ Мою горницу. Знай и всегда помни, что Я не устраняю отъ Себя никого до тѣхъ поръ, пока сами не устраняютъ Меня.

Не относись слишкомъ строго къ недостаткамъ и несовершенству вѣрующихъ: вѣдь здѣсь они найдутъ средство избѣгать сихъ недостатковъ; знай, что есть недостатки и у тебя, и ты не совершенъ и, быть можетъ, менѣе совершенъ, чѣмъ они, однако приступаешь такъ часто.

И неужели твои недостатки менѣе извинительны только потому, что ты самъ—пастырь?

Семь міровыхъ загадокъ.

Давно уже горделивый умъ человѣческій хотѣлъ порѣшить всѣ тревожившіе его *вопросы на основаніи* извѣстныхъ ему законовъ природы. Всякія границы, какія ему представляло все необъяснимое въ природѣ (а такое всегда было и будетъ), онъ хотѣлъ переступить, все хотѣлъ объяснить и понять. Но никогда эта гордость не достигала такихъ размѣровъ, какихъ она достигла у такъ называемыхъ матеріалистовъ нашего времени. Матерія и сила — вотъ тѣ два магическія слова, которыя все рѣшаютъ, объясняютъ всѣ явленія міра видимаго и духовнаго; такъ сказать, этими двумя терминами думаютъ рѣшить всѣ вопросы, думаютъ обойтись безъ участія Высшей Творческой Силы. Другое современное намъ направленіе — позитивизмъ, находя, что такіе вопросы, какъ о началѣ міра, о его конечной цѣли и т. п., неразрѣшимы для ума человѣческаго, хочетъ совсѣмъ ихъ устранить и тѣмъ освободить мысль человѣческую отъ напрасныхъ, по его мнѣнію, безпокойствъ. Напрасныя усилія! Вопросы эти заложены въ самой природѣ ума человѣческаго и отказаться отъ нихъ значило бы отказаться отъ самаго ума позитивисты незамѣтно, разумѣется, для самихъ себя ставятъ и рѣшаютъ эти вопросы). — Но ничто такъ не опровергаетъ тѣхъ и другихъ, какъ то, что изъ среды самихъ же естествоиспытателей возвышается голосъ, доказывающій, что есть такіе вопросы, которые нельзя съ плеча рѣшать указаніемъ на матерію и силу, — вопросы, которые, можетъ быть, никогда и не будутъ рѣшены на строго научныхъ данныхъ. Это голосъ не надменнаго какого либо матеріалиста, издѣвающагося надъ всѣмъ серьёзнымъ и непостижимымъ, а голосъ глубокаго и серьёзнаго естествоиспытателя-философа Дюбуа-Реймонда. Еще въ своей классической рѣчи „о предѣлахъ естествознанія“ онъ намѣтилъ предѣлы, далѣе которыхъ уму человѣческому нельзя идти, не наталкиваясь на необъяснимое, непонятное, таинственное. И тамъ онъ съ рѣшительностью заявлялъ, что тутъ остается только сказать

ignoramus [1]), а по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ даже не только ignoramus, но и ignorabimus [2]). Такъ можетъ говорить умъ, сознающій, что есть много непостижимаго, непонятнаго для человѣка. Такимъ же серьёзнымъ и глубокимъ является предъ нами этотъ естествоиспытатель и въ изслѣдованіи, заглавіе котораго мы привели выше.

Какія же это загадки? Гдѣ предѣлъ, положенный уму человѣческому въ рѣшеніи тревожащихъ его вопросовъ?

И вотъ первая загадка: все хотятъ объяснить дѣйствіемъ двухъ факторовъ—матеріи и силы, не только явленіе міра тѣлеснаго, но и міра духовнаго (духовное есть не болѣе, какъ проявленіе матеріи); но что такое матерія и сила? какъ онѣ могутъ мыслить?—Вотъ первый вопросъ, отвѣтомъ на который должно послужить чистосердечное ignorabimus? Явленія мысли, какъ и другія явленія нашей духовной жизни, такъ рѣзко различаются отъ всего матеріальнаго, что мы никогда не поймемъ, какимъ образомъ матерія можетъ мыслить. И мы никогда не въ состояніи будемъ объяснить себѣ этихъ отличныхъ отъ всего вещественнаго явленій, пока не допустимъ особое духовное начало въ нашемъ существѣ, служащее виновникомъ этого рода явленій.

Вторая загадка—начало движенія. Мы видимъ, что движенія начинаются и оканчиваются; мы можемъ представить себѣ матерію въ состояніи покоя; движеніе есть нѣчто случайное въ матеріи. Но нашему духу присущъ законъ причинности, въ силу котораго мы каждому явленію стараемся найти причину. Духъ нашъ никакъ не можетъ помириться съ тѣмъ предположеніемъ, что матерія сама собою пришла въ движеніе; это „само собою“ служитъ явнымъ нарушеніемъ всюду прилагаемаго закона причинности. Нимало не помогаетъ уясненію дѣла и то предположеніе, что матерія отъ вѣч-

[1]) Не знаемъ.

[2]) Не будемъ знать.

ности находится въ движеніи. Тогда,—рѣшительно заявляетъ Дюбуа-Реймонъ,—мы съ самаго начала отказываемся что либо понять относительно этого предмета.

Третья загадка—происхожденіе жизни.—Не желая допустить участіе какого либо сверхъестественнаго дѣятеля въ природѣ, современные матеріалисты пытаются уяснить происхожденіе органической жизни изъ дѣйствія физическихъ и химическихъ законовъ.—Но и тутъ умъ встрѣчаетъ камень преткновенія. Какимъ образомъ изъ неорганическаго произошло органическое, изъ неживаго—живое?

Цѣлесообразность явленій природы составляетъ четвертую загадку. Если всѣ явленія природы—ничто иное, какъ результатъ дѣйствія слѣпыхъ факторовъ—матеріи и силы, то откуда такое чудное устройство видимаго нами міра? откуда такая удивительная приспособленность средствъ къ цѣлямъ, одной области къ другой? Природа не механизмъ, а проявленіе разумныхъ законовъ, данныхъ ей Создателемъ ея. Такъ называемое ученіе о естественномъ подборѣ, пытающееся уяснить цѣлесообразное устройство организмовъ изъ постепенной приспособляемости ихъ къ окружавшимъ ихъ условіямъ,—это ученіе, по заявленію Дюбуа-Реймона, не болѣе, какъ соломинка, за которую хватается утопающій.

Пятая загадка—происхожденіе ощущенія. По мнѣнію матеріалистовъ, всѣ душевныя явленія—ничто иное, какъ результатъ дѣятельности мозговыхъ частицъ. Но какъ бы мы ни дѣлили матерію, какъ бы ни утончали ее, все таки никакъ нельзя представить, чтобы то или другое движеніе атомовъ мозга, то или другое расположеніе ихъ превращалось какимъ—то образомъ въ сознаніе. Еслибы даже предположить, что мы могли бы опредѣлить всѣ молекулярныя движенія, совершающіяся въ мозгѣ такъ, какъ опредѣляемъ движенія планетъ, то это ничуть не помогло бы уясненію дѣла. Никакое движеніе атомовъ, никакое расположеніе ихъ относительно другъ друга не даетъ никакого намека

на то, чтобы изъ нихъ могло произойти то, что называется сознаніемъ. Гипотеза, предложенная Геккелемъ, не только не помогаетъ уясненію дѣла, но даже еще болѣе запутываетъ и затемняетъ вопросъ. Каждый атомъ, по Геккелю, обладаетъ своимъ сознаніемъ и своимъ желаніемъ [1]). Но если мозгъ представляетъ собою массу такихъ молекулъ, изъ которыхъ каждая обладаетъ своимъ собственнымъ сознаніемъ, то очевидно, сознаній было бы столько же, сколько этихъ атомовъ. Но единство сознанія—фактъ неоспоримый, и онъ является совершенною тайною при такой гипотезѣ. Но этотъ фактъ, продолжимъ мы не сдѣланное Дюбуа-Реймономъ заключеніе, представляется вполнѣ яснымъ при томъ предположеніи, что въ душевныхъ явленіяхъ сказывается особое, единое, недѣлимое, простое начало, которое мы называемъ обыкновенно душею.

Шестая загадка—происхожденіе рефлективнаго мышленія и языка. Это—два преимущества, возвышающія человѣка надъ всѣмъ органическимъ царствомъ. Если законы, управляющіе всѣмъ органическимъ царствомъ одинаковы, если человѣкъ—звѣно въ длинной цѣпи постепеннаго усложненія органическихъ существъ, то почему онъ не остался при томъ состояніи развитія духовнаго, въ какомъ остаются животныя? Его мысль направлена не на удовлетвореніе только жизненныхъ потребностей, въ чемъ проходитъ вся жизнь животныхъ; онъ устремляетъ свой испытующій взоръ на все окружающее, на явленія какъ внѣшнія, такъ и внутреннія; онъ познаетъ, изучаетъ.—Мало этого: результаты своего изслѣдованія онъ встрѣчаетъ въ такихъ формахъ, которыя понятны подобнымъ ему существамъ. Откуда же этотъ чудный даръ, позволяющій человѣку до мельчайшихъ подробностей выражать свои душевныя состоянія, а также результаты своихъ изслѣдованій и наблюденій? Серьёзному мыслителю и тутъ остается выразить свое чистосердечное: „не знаю“, вмѣсто того, чтобы пускаться въ ничего не объясняющія догадки.

[1]) См. его Клѣточныя души и душевныя клѣтки.

Седьмая и самая трудная загадка—это вопросъ о свободѣ человѣческой воли. Извѣстно, что этотъ вопросъ—одинъ изъ труднѣйшихъ въ области богословія и философіи. Очень многіе отцы и учители Церкви, многіе философы занимались его рѣшеніемъ. Но у нихъ вся трудность заключалась въ томъ, чтобы согласить человѣческую свободу со всемогуществомъ и всевѣдѣніемъ Божественнымъ. Въ естественныхъ же наукахъ трудность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ слѣдующемъ. Съ половины настоящаго столѣтія сталъ извѣстенъ въ наукѣ, такъ называемый, законъ сохраненія энергіи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ опредѣляетъ сущность этого закона самъ же Дюбуа-Реймонъ: „принципъ сохраненія энергіи, говоритъ онъ, означаетъ, что сила, подобно матеріи, не происходитъ и не разрушается. Состояніе цѣлаго міра, включая сюда и состояніе чьего либо мозга, есть въ каждый моментъ механическій результатъ его предшествующаго состоянія и абсолютная механическая причина его состоянія въ слѣдующій моментъ. Невозможно допустить, чтобы два событія или двѣ мысли были одинаково возможны въ данное время; мозговыя молекулы могутъ располагаться только однимъ извѣстнымъ образомъ, подобно тому, какъ выброшенныя игральныя кости могутъ расположиться только однимъ извѣстнымъ образомъ“. Повидимому, среди такого механизма не можетъ быть и рѣчи о человѣческой свободѣ. Но, не говоря уже о томъ, что съ практической точки зрѣнія свобода составляетъ общепризнанную истину (если все необходимо, то не было бы преступленій, не было бы различія между добромъ и зломъ, не могло бы быть рѣчи о вмѣняемости), и съ теоретической стороны есть много основаній въ пользу этой истины. И во 1-хъ объ этомъ свидѣтельствуетъ каждому его собственное сознаніе. Всякій убѣжденъ, что онъ воленъ пойти къ тому или другому изъ представляющихся его сознанію путей, воленъ выбрать то или другое рѣшеніе. Скажутъ: это иллюзія? Но откуда возникла эта иллюзія? Мы знаемъ нѣсколько другихъ иллюзій, но легко отъ нихъ отка-

зываемся, если намъ доказана ихъ несостоятельность. Палка въ водѣ кажется переломленною, но никто не считаетъ ее такою на самомъ дѣлѣ; древніе думали, что земля неподвижна, а солнце движется. Но какъ только доказано наукою, что нужно различать между относительнымъ и дѣйствительнымъ движеніемъ, мы уже не считаемъ кажущагося за истину. Но совсѣмъ не то здѣсь. Хотя бы насъ путемъ силлогистическихъ доказательствъ убѣдили въ томъ, что мы несвободны, мы остаемся убѣжденными въ противномъ, и первый нашъ поступокъ въ состояніи опрокинуть всѣ доводы. А почему? Да потому, что никакъ нельзя изъяснить происхожденіе этой иллюзіи; нельзя понять, какъ несвободное можетъ имѣть идею свободы? Если бѣднякъ вообразитъ себя богатымъ, щедрою рукою разсыпающимъ милости во всѣ стороны, если идіотъ вообразитъ себя геніемъ, если помѣшанный вообразитъ, что онъ можетъ повелѣвать стихіями; то всѣхъ такихъ лицъ всѣ считаютъ находящимися въ ненормальномъ состояніи. Но почему не считаютъ такимъ человѣка, который постоянно говоритъ, что свободенъ и поступаетъ какъ свободный?

Далѣе у насъ есть какая-то мѣрка, посредствомъ которой мы одни явленія, совершающіяся въ насъ, признаемъ несвободными, другія же напротивъ признаемъ вполнѣ подлежащими нашему свободному распоряженію. Мы чувствуемъ себя свободными утолить голодъ или жажду такъ или иначе, можемъ имѣть нѣкоторое вліяніе на актъ жеванія (можемъ ускорить или замедлить его), но не считаемъ себя свободными въ возникновеніи первоначальнаго ощущенія голода и жажды, въ выдѣленіи слюны и тѣхъ процессахъ, которые происходятъ въ нашемъ организмѣ послѣ того, какъ пища попала въ пищеварительный каналъ. Всякій далѣе умѣетъ различать, когда онъ вполнѣ властвуетъ надъ своими мыслями и когда, какъ бы непрошенный гость, извѣстная мысль вторгается въ нашу душу и занимаетъ собою все наше вниманіе.

Да и возможно ли было бы существованіе общества, еслибы детерминисты [1]) стали прилагать къ дѣлу свою теорію? Разсказываютъ, что Зенонъ стоикъ однажды посѣкъ своего раба за воровство.—За что ты меня бьешь, спросилъ рабъ. Вѣдь мнѣ судьбою опредѣлено воровать. Такъ отвѣчалъ бы всякій преступникъ, еслибы мы согласились съ ученіемъ детерминистовъ.

Къ указаннымъ семи загадкамъ Дюбуа-Реймона итальянскій ученый Маміани присоединяетъ еще три: о происхожденіи прекраснаго, исторіи, инстинкта.

Вѣрующій христіанинъ очень легко разрѣшаетъ всѣ указанныя тутъ загадки вѣрою во всемогущаго Творца и Промыслителя міра. Онъ создалъ матерію и надѣлилъ ее силою. Онъ же привелъ ее въ движеніе, изъ состоянія хаоса превратилъ въ чудный космосъ. Онъ же всемогущимъ словомъ повелѣлъ быть на землѣ всякой жизни. Онъ далъ человѣку вмѣстѣ съ тѣломъ разумную и безсмертную душу, которой и принадлежатъ всѣ высшія проявленія человѣческой природы. Онъ расположилъ части вселенной каждую на своемъ мѣстѣ, снабдилъ живыя существа такими нормами (инстинктами), которыя служатъ источникомъ всѣхъ цѣлесообразныхъ явленій. Онъ далъ ему способность къ языку и свободу дѣйствовать такъ или иначе.—Въ высшей степени важно, что непредубѣжденные умы высказываютъ, что не все по силамъ человѣческому уму, что есть вопросы, предъ таинственностію которыхъ нужно смиренно склониться и оставаться по крайней мѣрѣ въ сомнѣніи, а не рѣшать ихъ однимъ взмахомъ пера, произнося всѣмъ уже намозолѣвшіе уши термины „матерія и сила“!.

П. К—ій.

---

[1]) Проповѣдники ученія о несвободѣ человѣческой воли.

Духовникамъ по вопросамъ исповѣди.

1) Одинъ благочестивый христіанинъ, когда умеръ духовный отецъ его, обратился къ московскому митрополиту Филарету съ вопросомъ: надобно ли предъ новымъ духовникомъ исповѣдывать грѣхи, въ которыхъ исповѣдывался прежнему отцу духовному? На этотъ вопросъ митрополитъ далъ такой короткій отвѣтъ: „Азъ есмь заглаждаяй грѣхи твоя, глаголетъ Господь, и не помяну ихъ. Сіе найдете у Пророка, хотя не слово въ слово. Потому, кромѣ особенныхъ обстоятельствъ, и новому духовному отцу не нужно исповѣдывать исповѣданное и разрѣшенное прежде".

Жаль, что не указано на тѣ „особенныя обстоятельства", при которыхъ требуется исповѣданное прежде исповѣдывать предъ новымъ духовнымъ отцемъ.

2) Тѣмъ же христіаниномъ предложенъ былъ митрополиту другой вопросъ, касающійся исповѣди: какъ духовникамъ примѣнять строгость церковныхъ правилъ къ грѣхамъ юности, не допускающимъ до священства? Отвѣтъ былъ данъ такой: „вопросъ—не затрудняетъ ли пути будущему прошедшее?—затруднительный въ „нашей" службѣ. Правила большею частію строги, но есть въ одномъ степень къ снисхожденію. Есть и примѣры святыхъ, хотя немногіе, которые допускаютъ снисхожденіе. О владыкѣ Платонѣ [1]) слыхалъ я, что онъ завѣдомо бралъ сторону снисхожденія.

По древнимъ правиламъ крещеніе покрывало все прошедшее и строго взыскивалось за послѣдовавшее послѣ крещенія; но это—тогда, когда многіе полжизни проводили, испытывая себя и готовясь къ крещенію. Отцы послѣдующихъ временъ повторили правила предшественниковъ. Такъ ли строги были бы древніе святые съ поколѣніемъ, которое борется съ грѣхами юности и невѣденія, уже не имѣя предъ собою купели крещенія, которая ускорена спасительно для благочестивыхъ семействъ, но не безопасна для неползновенныхъ? Кто теперь можетъ спросить ихъ?...

Надобно молиться, примѣчать указанія Провидѣнія Божія, внимать сужденіямъ добрѣ подвизающихся во благочестіи. Думаю, что по любви и смиренію они не осудятъ и недостойнаго, и своимъ благословеніемъ и молитвою сдѣлаютъ его достойнымъ".

---

[1]) Прежнемъ митрополитѣ Московскомъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 февраля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 10.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Марта 4-го.

Содержаніе: Ознакомленіе пастыря съ своею паствою.—Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія.—Проповѣдническое обозрѣніе.—Разговоръ священника съ протестантомъ касательно обычая не давать родильницѣ креста для цѣлованія.—Нелишняя предосторожность.—Отреченіе невѣрующаго отъ своего ученія.

Ознакомленіе пастыря съ своею паствою.

Новый пастырь, а въ особенности молодой и неопытный, въ началѣ своего служенія обыкновенно является чуждымъ, далекимъ для своей паствы и стоитъ къ ней лишь во внѣшнемъ отношеніи. Какъ же это внѣшнее отношеніе можетъ перейдти во внутреннее, духовное? Конечно, не иначе, какъ только чрезъ внимательное изученіе ввѣреннаго новому пастырю словеснаго стада и чрезъ возможно большее сближеніе съ нимъ. Онъ долженъ быть хорошо знакомымъ съ своею паствою и въ свою очередь быть близко знакомымъ ей. Его служеніе только тогда можетъ имѣть полный успѣхъ, когда онъ будетъ слѣдовать правилу: „разумѣ разумѣвай души стада твоего, и да приставиши сердце твое къ твоимъ стадамъ“ (Притч. XXVII, 23). Примѣ-

ромъ для него долженъ служить Самъ божественный Пастыреначальникъ, Который говоритъ о Себѣ: „Азъ есмь пастырь добрый: знаю Азъ Моя и знаютъ Мя Моя“ (Іоанн. X, 14). Обоюдные интересы пастыря и паствы требуютъ, чтобы это ознакомленіе было не случайнымъ и поверхностнымъ, но многостороннимъ и основательнымъ. Чѣмъ болѣе пастырь бываетъ знакомъ съ кругомъ своей дѣятельности, тѣмъ болѣе успѣшнымъ можетъ быть его служеніе. Поэтому мы считаемъ неизлишнимъ обратить вниманіе на тѣ пути и средства, которыми пастырь можетъ пользоваться для ознакомленія съ своими прихожанами, имѣющаго весьма важное значеніе въ дѣлѣ пастырскаго служенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющаго и немало затрудненій для неопытныхъ пастырей.

Первоначальныя необходимыя свѣдѣнія о новой своей паствѣ пастырь можетъ получить отъ своего предмѣстника, отъ сосѣднихъ священниковъ, отъ членовъ своего причта, отъ членовъ церковно-приходскихъ попечительствъ и отъ нѣкоторыхъ прихожанъ, хорошо знакомыхъ съ жизнію ихъ общества и отличающихся усердіемъ къ Церкви. Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь лучше видѣть собственными глазами, нежели чрезъ глаза другихъ; лучше непосредственно самому пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія, нежели полагаться на чужія слова. Поэтому весьма полезно было бы для пастыря прежде, нежели приступить къ исполненію своихъ обязанностей, посѣщать свою новую паству и лично знакомиться съ ея религіозно-нравственнымъ состояніемъ. Конечно, при кратковременномъ посѣщеніи можно получить лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о своей паствѣ, но и эти свѣдѣнія могутъ имѣть весьма важное значеніе для перваго времени служенія пастыря среди новой паствы. Они дадутъ ему возможность составить по крайней мѣрѣ общее представленіе о паствѣ и опредѣлить нѣкоторыя стороны, на которыя онъ можетъ съ пользою направить свою дѣятельность при первомъ же появленіи среди новыхъ прихожанъ въ качествѣ ихъ пастыря. Дѣятельность пастыря лишь

въ томъ случаѣ можетъ быть вполнѣ плодотворною, если она строго примѣняется къ потребностямъ паствы. Выступленіе въ дѣятельность пастыря безъ предварительнаго ознакомленія съ новою паствою можетъ имѣть роковое значеніе не только для перваго времени служенія пастыря, но даже и для всей послѣдующей его дѣятельности. Но болѣе подробныя, необходимыя для пастыря статистическія свѣдѣнія о паствѣ (напр. о числѣ прихожанъ, не исповѣдающихся и не причащающихся св. Таинъ, о числѣ не законнорожденныхъ дѣтей и т. под.), болѣе близкое ознакомленіе съ умственнымъ и нравственно-религіознымъ состояніемъ прихожанъ, съ преобладающими среди нихъ добродѣтелями и пороками, съ мѣстными обычаями, съ отношеніемъ прихожанъ къ православной Церкви, къ иновѣрцамъ, къ сектантамъ или раскольникамъ и т. под., могутъ пріобрѣтаться, конечно, лишь путемъ долголѣтняго изученія. Главными средствами для этого могутъ служить: исповѣдь, посѣщеніе прихожанъ и учительство или по крайней мѣрѣ преподаваніе закона Божія въ школѣ.

При надлежащемъ веденіи дѣла исповѣди человѣкъ обыкновенно раскрываетъ предъ священникомъ все свое душевное состояніе, всѣ немощи своей души, врачеваніе которыхъ составляетъ прямую задачу пастырскаго служенія. Чрезъ исповѣдь пастырь Церкви лучше всего можетъ ознакомиться съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своихъ прихожанъ и опредѣлить тѣ стороны въ ихъ жизни и воззрѣнія, на которыхъ онъ главнымъ образомъ долженъ сосредоточить свое пастырское попеченіе. Но одна исповѣдь не достаточна для этого уже потому, что между прихожанами всегда встрѣчаются такіе, которые не являются къ священнику для исполненія этого христіанскаго долга. Кромѣ того на направленіе нравственно-религіозной жизни часто имѣютъ сильное вліяніе разнаго рода внѣшнія обстоятельства, знакомство съ которыми весьма важно для пастыря, но которыя большею частію не раскрываются при исповѣди. Поэтому необходимымъ восполненіемъ исповѣди въ этомъ случаѣ должно служить возможно частое посѣщеніе прихожанъ пастыремъ.

Православный священникъ въ теченіе года обыкновенно не разъ посѣщаетъ своихъ прихожанъ для совершенія въ ихъ домахъ или квартирахъ таинствъ (елеосвященія, исповѣди и причащенія больныхъ) и церковныхъ обрядовъ (молебновъ, водосвященій и т. под.). Конечно, можно и этого рода посѣщеніями пользоваться для ознакомленія съ паствою и назиданія ея. Но этого мало. Пастырь долженъ возможно ближе стоять къ своимъ прихожанамъ и возможно чаще посѣщать ихъ, являясь къ нимъ не тогда только, когда призываютъ его для исполненія пастырскихъ обязанностей сами его прихожане или мѣстные церковные обычаи, но и по собственному своему побужденію. Внѣшнимъ поводомъ для этихъ посѣщеній могутъ служить различныя обстоятельства изъ частной жизни прихожанъ, какъ напр.: болѣзнь или смерть кого нибудь изъ членовъ семьи, утрата кѣмъ либо имущества чрезъ пожаръ или кражу, предстоящій бракъ или отбываніе воинской повинности и т. под. При всѣхъ подобнаго рода обстоятельствахъ пастырь Церкви можетъ являться въ домы своихъ прихожанъ съ цѣлью дать полезный совѣтъ и утѣшеніе или выразить свое сочувствіе и чрезъ это достигать сближенія съ своею паствою. Только такимъ путемъ онъ можетъ вполнѣ ознакомиться съ своими прихожанами и съ ихъ нуждами, добрыми и дурными качествами и съ успѣхомъ исполнять обязанности своего служенія. Посѣщеніе прихожанъ есть прямой долгъ пастыря, внушаемый ему примѣромъ Спасителя и апостоловъ (Дѣян. XV, 36; 1 Сол. II, 17—18) и заповѣдями Церкви, обязывающей священника „навѣдываться о жизни пасомыхъ“ (Поуч. свят.) и, „такъ сказать, каждодневно сѣять, дабы слово ученія по крайней мѣрѣ сею непрерывностію могло удерживаться въ слушателяхъ“ (Св. Іоанн. Злат. о свящ. сл. VI), и „пріемлющихъ слово истины утверждать въ немъ своимъ посѣщеніемъ“ (Св. Вас. Вел. Нрав. Прав. 70). Для пастыря Церкви столь же необходимо внимательное, непосредственное ознакомленіе съ своею паствою, какъ для врача практическое изученіе медицины.

Пастырь, не посѣщающій своихъ прихожанъ, подобенъ врачу, который, во время свирѣпствующей эпидеміи, сидитъ въ своемъ кабинетѣ и занимается теоретическими рѣшеніями научно-медицинскихъ вопросовъ вмѣсто того, чтобы спасать жизнь погибающихъ людей. Но посѣщеніе прихожанъ пастыремъ не должно имѣть того оффиціальнаго характера, какой оно большею частію имѣетъ у протестантовъ,—оно должно носить чисто дружескій характеръ. Пастырь Церкви долженъ являться въ домы своихъ прихожанъ, какъ ихъ ближайшій другъ или любвеобильный отецъ, пекущійся о благѣ ихъ, какъ своихъ дѣтей. Само собою разумѣется, что пастырю нѣтъ нужды свои бесѣды съ прихожанами при этихъ посѣщеніяхъ ограничивать лишь тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ религіи и нравственности,—онъ можетъ говорить съ ними о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ ихъ жизни, стараясь по возможности во всемъ быть полезнымъ для нихъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ, такъ сказать, побочныхъ разговорахъ онъ иногда можетъ встрѣчать указанія на то, что можетъ имѣть примѣненіе къ пастырству, какъ напр.: причины охлажденія нѣкоторыхъ прихожанъ къ церковному богослуженію, характеръ ихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній и т. под. Только въ такомъ случаѣ прихожане не будутъ смотрѣть на посѣщеніе ихъ пастыремъ, какъ на формальное выполненіе имъ своихъ обязанностей, и будутъ относиться къ своему пастырю съ полнымъ довѣріемъ и любовію. Но усердно посѣщая людей, ищущихъ спасенія, пастырю не слѣдуетъ обременять своими посѣщеніями тѣхъ, которые упорствуютъ въ принятіи спасенія,—онъ долженъ, по заповѣди Спасителя и примѣру апостоловъ (Матѳ. X, 14; Лук. X, 10—11; Дѣян. XVII, 5—6), „удаляться тѣхъ, которые по безчувствію не пріемлютъ евангельской проповѣди“ (Кн. о должн. пресв. прих. § 39).

Наконецъ весьма важное средство для ознакомленія съ прихожанами представляетъ школа. Нигдѣ характеръ и образъ воззрѣній родителей не отражается съ такою силою и ясностію,

какъ въ дѣтяхъ. Чрезъ дѣтей пастырь Церкви можетъ знакомиться съ весьма многимъ изъ того, что ему важно знать въ видахъ пользы своего служенія объ ихъ родителяхъ. Но само собою разумѣется, что не слѣдуетъ разспрашивать дѣтей объ ихъ родителяхъ и въ особенности объ ихъ недостаткахъ, но нужно ограничиваться внимательнымъ изученіемъ лишь самыхъ дѣтей. Преподаваніе въ школѣ представляетъ также немало случаевъ для свиданія съ родителями учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для ближайшаго ознакомленія съ первыми.

Н. Д.

Воскресный день, какъ основа здоровья и общественнаго благосостоянія.

Изъ предъидущаго нашего изложенія мы убѣдились, насколько соблюденіе воскреснаго дня вліяетъ на весь ходъ личной и общественной жизни человѣка. Исторія также учитъ насъ, что тѣ народы, которые посвящаютъ одинъ день въ недѣлю на служеніе Богу, имѣютъ тѣмъ самымъ, выражаясь языкомъ современныхъ натуралистовъ, и больше шансовъ въ борьбѣ за существованіе.

Кому не извѣстны сила, богатство и умственное развитіе англичанъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ строго чтутъ религію своихъ предковъ, неукоснительно соблюдаютъ всѣ ея обряды и церковныя постановленія и почитаютъ воскресный день, какъ ни одинъ изъ народовъ современнаго міра. Въ самомъ центрѣ торговли и промышленности,—въ Лондонѣ, гдѣ въ обыкновенные дни всѣ улицы полны народомъ и все кругомъ суетится, преслѣдуя свои дѣловые интересы, по воскресеньямъ настаетъ мертвая тишина, и все время, пока длится церковная служба, на улицахъ вы буквально не встрѣтите ни одного человѣка, не говоря уже о пьяныхъ, для которыхъ въ нашемъ отечествѣ, во время цер-

ковной службы, остается къ нашему стыду широко раскрытой гостепріимная дверь кабака и гдѣ по селамъ вы зачастую близь самой церковной ограды слышите ругательства и видите сцены, далеко не соотвѣтствующія святости воскреснаго дня. Исторія еврейскаго племени, отличающагося, какъ всѣмъ извѣстно, самымъ строгимъ соблюденіемъ субботы, въ высшей степени поучительна. Она показываетъ намъ, какъ этотъ народъ, среди всевозможныхъ превратностей судебъ и всевозможныхъ гоненій и преслѣдованій, не исчезъ съ лица земли, подобно тому, какъ исчезли болѣе могущественные и сильные римляне, финикіяне и т. д., но размножился по всему свѣту и сохранилъ свой національный типъ.

Вообще на соблюденіе седьмаго дня слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ясный признакъ цивилизаціи и на точное мѣрило при опредѣленіи духовнаго и тѣлеснаго культурнаго состоянія отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ націй. Воскресенье имѣетъ самую тѣсную связь съ нашей исторіей культуры, нашимъ времясчисленіемъ, нашей религіей, нашими нравами и нашими государственными и общественными учрежденіями; оно связано неразрывною цѣпью со всѣмъ нашимъ умственнымъ развитіемъ точно также, какъ и со всѣмъ нашимъ тѣлеснымъ и національнымъ благосостояніемъ. Вотъ почему даже такой бурный и сильный ураганъ, какъ французская революція, не смотря на всѣ свои усилія дискредитировать празднованіе седьмаго дня, не могла никакъ покончить съ ненавистнымъ для нея „воскресеньемъ“. Проводя послѣдовательно принципъ разрушенія основъ всего существовавшаго строя, послѣдователи революціи очень хорошо понимали, что они наилучшимъ образомъ могутъ достигнуть этого, расшатывая тѣ столбы, на которыхъ стоитъ и зиждется христіанская вѣра. Поэтому-то они и порѣшили не только перепести день отдыха съ воскресенья на другой день недѣли, но и изгладить самое воспоминаніе о томъ семидневномъ, установленномъ Самимъ Богомъ, срокѣ, который положенъ въ основаніи седьмицы или недѣли. Вмѣсто обычнаго у всѣхъ христіанскихъ народовъ дѣленія времени на

седьмидневные періоды—седьмицы, было введено дѣленіе на „декады“, причемъ послѣ девяти дней работы предполагалось праздновать (не въ церковномъ, а, разумѣется, въ бакальномъ смыслѣ этого слова!) десятый день. Этотъ-то десятый день и предназначался для искорененія даже самаго воспоминанія о томъ, что Христосъ воскресъ! Такъ, повторяемъ, было угодно французскимъ революціонерамъ, но противъ введенія пресловутыхъ „декадъ“ возстала самая природа человѣка. Силы человѣческія оказались слишкомъ недостаточными для того, чтобы работать девять дней подрядъ и Наполеону чрезъ пять лѣтъ пришлось возстановить празднованіе воскреснаго дня во всемъ его прежнемъ значеніи. Такимъ образомъ отчаянная попытка уничтожить седьмицу, не смотря на ту упорную энергію, достойную лучшаго дѣла, съ которою она проводилась, окончилась полнѣйшимъ фіаско. Замѣчательно, что одинъ изъ тѣхъ французскихъ мыслителей отрицательной школы, который болѣе другихъ хлопоталъ о благѣ рабочаго класса, самымъ логическимъ образомъ пришелъ къ санкціи седьмицы, а не какого либо иного срока. Мы говоримъ о Прудонѣ, котораго ужъ никто не заподозритъ въ приверженности къ почитанію религіозныхъ обычаевъ или принадлежности къ той или другой церковной партіи. Но между тѣмъ тотъ же Прудонъ говоритъ слѣдующее: „Если мы сократимъ недѣлю на одинъ день, то еще далеко не почувствуется потребность въ отдыхѣ. Если же мы, наоборотъ, удлиннимъ недѣлю на одинъ день, то вызовемъ утомленіе; если же мы послѣ каждыхъ трехъ дней будемъ давать себѣ полдня отдыха, то путемъ такого частаго перерыва мы потеряемъ еще болѣе времени и искусственно уничтожимъ естественное единство дня; если же мы послѣ двѣнадцатидневной работы дадимъ работнику два праздника, то мы сперва совершенно истомимъ его непосильнымъ трудомъ, а затѣмъ уже, давъ работнику два дня отдыха, деморализируемъ его праздностью“. Поэтому-то Прудонъ, устанавливая свои идеальныя правила для рабочаго класса, безусловно стоитъ за седьмицу

въ ея христіанскомъ значеніи. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ Франціи была сдѣлана другая попытка упразднить воскресенье, какъ день отдыха. Попытка эта была сдѣлана на сей разъ уже не изъ антирелигіозныхъ стимуловъ, а преслѣдовала ложно понятыя экономическія цѣли. Фабриканты для того, чтобы не прерывать безостановочное теченіе какого нибудь производства, не останавливать, такъ сказать, хода всей рабочей машины, рѣшили разбить всѣхъ своихъ работниковъ на нѣсколько группъ, установивъ для каждой группы различные дни отдыха въ недѣлю. Такъ работники первой группы отдыхали отъ своихъ работъ въ понедѣльникъ, работники второй—во вторникъ, работники третьей—въ среду и т. д. Не говоря уже о томъ, что подобной системой совершенно уничтожалась святость воскреснаго дня, она оказалась непрактичной потому, что въ сущности отдыхъ не достигался, ибо свободные отъ занятій работники одной группы по естественной солидарности съ своими товарищами помогали работникамъ другой группы, или же наконецъ продолжали работать сами за себя съ цѣлью увеличить свой собственный заработокъ, особенно, если плата за работу была поштучная. Фабриканты, замѣтивъ всю непрактичность своей затѣи, оставили ее и вернулись къ семидневной системѣ. По этому поводу одинъ французскій писатель (Монталомберъ) совершенно справедливо замѣтилъ, что не человѣкъ созданъ для промышленности, а промышленность для человѣка.

Въ виду всего этого, если мы хотимъ, чтобы „день отдыха“ былъ таковымъ не по одному только названію, а былъ дѣйствительнымъ днемъ „отдыха“, то этотъ день долженъ быть „общимъ для всѣхъ“. Развѣ возможно отдыхать и тѣломъ, и душой, когда все кругомъ тебя работаетъ, и съ другой стороны какая тутъ пойдетъ работа въ то время, когда другіе вокругъ тебя веселятся и празднуютъ! Это понятно само собою.

Такимъ образомъ сама природа человѣка указываетъ на необходимость празднованія воскреснаго дня, а не инаго дня недѣли.

Многіе уклоняются отъ празднованія воскреснаго дня, оттовариваясь неимѣніемъ времени. „Некогда, некогда и некогда“! слышите вы почти отъ всякаго. Писателю „некогда“ потому, что онъ спѣшитъ докончить статью къ сроку; ученому—тоже „некогда“ потому, что онъ спѣшитъ проштудировать нѣсколько десятковъ страницъ живо интересующей его работы; дѣловому человѣку, разумѣется, тоже „некогда“—дѣла задерживаютъ; лавочнику опять таки „некогда“, ибо онъ очень хорошо соображаетъ, что онъ дескать лишается седьмой части всей прибыли. Всѣмъ—„некогда“ и всѣ спѣшатъ и спѣшатъ!

Но послушайте, господа, куда же мы спѣшимъ. Вѣдь всѣ говорящіе „некогда“ забываютъ ту элементарную истину, только что выведенную нами въ нашемъ предъидущемъ изложеніи, что человѣкъ, лишенный или лишающій себя воскреснаго отдыха, истощается и физически, и духовно. Они забываютъ, что человѣкъ не машина, способная къ непрерывной работѣ, что потребность въ воскресномъ отдыхѣ столь же присуща человѣку, какъ пища и питье, что игнорировать эту настоятельную и законную потребность безъ вреда для физическаго и психическаго здоровья рѣшительно не возможно; говорящіе это „некогда“ забываютъ наконецъ, что воскресный отдыхъ возвращаетъ человѣку то, что онъ потратилъ во время недѣли.

Близорукіе люди рѣшительно не понимаютъ всѣхъ этихъ простыхъ истинъ. Кратковременную выгоду они ставятъ несравненно выше, чѣмъ постоянное увеличеніе личнаго и общественнаго благосостоянія. Но вѣдь здоровье и возможно продолжительное сохраненіе силъ и способности къ труду, къ дѣятельной жизни (не говоря уже о продолжительности жизни вообще), тоже капиталъ, значительно превосходящій тѣ мелкіе заработки, которые далъ бы намъ воскресный день, употребляемый не на отдыхъ, а на работу. Воскресный отдыхъ сохраняетъ способность къ труду, здоровье и продолжительность жизни; воскресный трудъ наоборотъ преждевременно истощаетъ способность къ труду вообще,

сокращаетъ жизнь и служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что тотъ плохой хозяинъ, кому дороги гроши, а рубли не почемъ. Здоровье—вѣдь тоже богатство не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Это вѣдь знаетъ всякій; но въ томъ-то и вся бѣда, что между словомъ и дѣломъ у насъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ замѣчается великая разница.

Многіе ремесленники сдѣлали наблюденіе, что работа шла гораздо производительнѣе и въ финансовомъ отношеніи, когда воскресенье было днемъ полнаго отдыха. Оказалось, что работники за шесть дней недѣли давали гораздо болѣе заработка мастерской, чѣмъ прежде, когда они работали всѣ семь дней подрядъ. Наглядымъ доказательствомъ всего этого служила приходо-расходная книжка. Мало того: между работниками стало замѣчаться несравненно меньшее число заболѣваній и несчастныхъ случаевъ, ибо между менѣе утомленными работниками замѣчалось и менѣе разсѣянности. Многіе купцы свидѣтельствуютъ также о томъ, что послѣ того какъ по воскресеньямъ они стали запирать свои лавочки на висячій замокъ, они не только стали здоровѣе и чувствовали себя болѣе счастливыми, но и не могли не порадоваться, что торговля давала имъ больше прибыли.

Итакъ мы знаемъ теперь, что покой воскреснаго дня необходимъ для тѣлеснаго и духовнаго здравія, для способности трудиться и зарабатывать, для общаго благосостоянія и порядка въ общественной жизни, и что празднованіе воскреснаго дня влечетъ за собою всѣ матеріальныя выгоды, не говоря уже о томъ, что оно имѣетъ облагораживающее значеніе на всего человѣка; знаемъ также, что празднованіе воскреснаго дня является могущественнѣйшимъ средствомъ для исцѣленія общества отъ его соціальныхъ золъ. Полагаемъ, мы не можемъ не убѣдиться въ безусловной справедливости всего вышесказаннаго; простая сила фактовъ заставляетъ насъ это дѣлать. Всякое убѣжденіе въ чемъ либо должно вырости въ сознаніе „обязанности“ исполнять на

самомъ дѣлѣ то, въ чемъ человѣкъ убѣжденъ, и повести собственную жизнь сообразно этому убѣжденію. Человѣкъ, убѣжденный въ чемъ либо, долженъ привести всю свою жизнь въ самое гармоническое соотвѣтствіе съ своими убѣжденіями, иначе такой человѣкъ будетъ лицемѣромъ, „пророкомъ, не вѣрующимъ въ своихъ боговъ“. Но этого еще мало: истинно убѣжденный человѣкъ обязанъ словомъ и дѣломъ проводить свои убѣжденія среди другихъ людей, и собственный примѣръ будетъ въ этомъ случаѣ наилучшимъ учителемъ.

Какъ же слѣдуетъ проводить надлежащимъ образомъ воскресный день? Относительно этого мы не имѣемъ возможности установить точныхъ детальныхъ правилъ, ибо житейскія отношенія и родъ людскихъ занятій разнообразны до безконечности. Дать полную программу того, „какъ“ долженъ проводить человѣкъ воскресный день съ утра до вечера, является положительно немыслимымъ. Но тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ установить главнѣйшіе, руководящіе принципы.

Истинный, освѣжающій отдыхъ воскреснаго дня заключается не въ бездѣльи, не въ праздности, но въ полной перемѣнѣ обыденныхъ занятій въ тѣхъ предѣлахъ, которые сами собою указываются святостью воскреснаго дня. Воскресное провожденіе времени должно рѣзко отличаться отъ обыденнаго: мы должны въ этотъ день жить, дѣйствовать и думать въ совершенно другомъ кругѣ идей. Воскресенье есть „день Господень“; поэтому въ этотъ день всѣ наши мысли должны совершенно очиститься отъ треволненій обыденной жизни, освободиться отъ житейской грязи и вознестись ко Господу—началу всякой силы, истины и любви. И въ этомъ свѣтломъ Источникѣ должны мы искать своего исправленія и нравственнаго поднятія своего духа. Въ воскресный день всѣ наши помыслы должны стоять гораздо ближе къ Богу, чѣмъ во всѣ прочіе дни недѣли.

Поэтому мы прежде всего должны посѣщать домъ Божій—Его святый храмъ и общественное богослуженіе. Здѣсь, предъ

престоломъ Всевышняго, мы должны отложить всѣ наши житейскія попеченія и помышленія, и умиленнымъ сердцемъ и душой вознести всѣ наши помыслы къ Творцу-Промыслителю. Кромѣ благодатнаго чувства приближенія нашего ума и сердца къ Создателю, посѣщеніе „общественнаго богослуженія" имѣетъ и другое великое, облагораживающее значеніе. Въ храмѣ Божіемъ и богатый и бѣдный—всѣ равны между собой, ибо всѣ мы являемся братьями во Христѣ, едиными членами нераздѣльнаго тѣла—Церкви, сообщниками единой вѣры, странниками къ одной и той же обѣтованной цѣли—къ достиженію вѣчнаго блаженства. Итакъ посѣщеніе храма Божія въ воскресный день должно стоять на первомъ планѣ. Все остальное препровожденіе воскреснаго дня не должно отнюдь носить на себѣ отпечатка обыденныхъ занятій. Поэтому всякій обязательный трудъ долженъ быть безусловно устраненъ и замѣненъ свободною и непринужденною дѣятельностію, наиболѣе соотвѣтствующею святости дня. День этотъ по преимуществу долженъ быть посвященъ дѣламъ любви и благотворительности, равно какъ и нравственно-религіозному самообразованію. Что касается до перваго, то кругъ дѣятельности каждаго лица подскажетъ ему, какъ ему поступать въ данномъ случаѣ, чтобы хоть сколько нибудь помочь своимъ нуждающимся собратьямъ. Правильная раздача милостыни, посѣщеніе больныхъ и удрученныхъ, просвѣщеніе другихъ, болѣе невѣжественныхъ людей путемъ духовно-назидательной бесѣды—вотъ куда должно быть направлено дѣло любви въ воспоминаніе Того, Кто Самъ есть любовь. Духовное саморазвитіе должно заключаться въ чтеніи Евангелія и душеполезныхъ книгъ, и въ тихой назидательной бесѣдѣ съ своими домашними. Наиболѣе соотвѣтствуютъ этому дню тихія семейныя радости, невинныя удовольствія и глубоко грѣшатъ тѣ противъ Бога и противъ самихъ себя, которые превращаютъ день Господень въ день пьянства и всевозможныхъ шумныхъ удовольствій.

Лордъ Шэфебери справедливо называетъ воскресенье „сберегательною кассою человѣчества“. Поэтому ясно, что этотъ святой день долженъ стоять подъ охраною не только Церкви, но и общества, и государства.

---

*) См. Екатериносл. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

Проповѣдническое обозрѣніе.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ новаго 1884 года; нѣкоторыя редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей успѣли уже выпустить по два и болѣе номеровъ своихъ изданій, но какъ мало въ нихъ матеріала для „Проповѣдническаго обозрѣнія“ за текущій годъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ №№, какіе получены до сихъ поръ! Въ иныхъ изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей нѣтъ ни одной проповѣди, въ другихъ помѣщены проповѣди не только изъ произнесенныхъ въ прошломъ 1883 г., но даже изъ произнесенныхъ нѣсколько, а то и цѣлые десятки лѣтъ тому назадъ, и только въ весьма немногихъ находимъ проповѣди на день новаго года (4). Такая скудность количественная напечатанныхъ проповѣдей мало выкупается и качествомъ ихъ: только 3—4 изъ нихъ могутъ считаться дѣйствительнымъ вкладомъ въ проповѣдническую литературу. Такъ изъ 4 „новогоднихъ“ проповѣдей можно остановиться развѣ лишь на словѣ прот. М. Разпогорскаго [1]). Удачнѣе выбрать тему для дня новаго года, пожалуй, даже трудно. „Обычною, равномѣрною чредою,—говоритъ проповѣдникъ,—совершается теченіе времени человѣческой жизни. Дни идутъ за днями, годы за годами. Дѣтство смѣняется отрочествомъ, отрочество уступаетъ мѣсто юности, юность пріуготовляетъ возрастъ мужескій, за крѣпостію мужа наступаетъ дряхлость старца. А общій видимый удѣлъ всѣхъ людей—возвращеніе въ землю“. Но уже одинъ указанный порядокъ, одна эта равномѣрность теченія времени человѣческой жизни

[1]) См. Екатериносл. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

сильно говоритъ противъ ея случайности какъ по происхожденію, такъ равно и по назначенію. Какъ бы невольно поэтому проповѣдникъ въ день наступающаго новаго года и задается рѣшеніемъ важнаго вопроса: „что же за цѣль существованія каждаго человѣка въ частности и всего человѣчества вообще? Какой именно законъ проливаетъ свѣтъ на исторію жизни человѣчества“? Тема слова, какъ видите, самая жизненная, самая подходящая для перваго дня новаго года; безъ сомнѣнія, она заставила поближе подойти къ каѳедрѣ оратора даже самаго предубѣжденнаго противъ церковной проповѣди слушателя. Но раскрытіе этой прекрасной темы оставляетъ желать много лучшаго. Начинается раскрытіе темы опроверженіемъ—предполагается—господствующаго въ настоящее время, „согласно съ нѣкоторыми мыслителями“, взгляда на цѣль жизни человѣка, какъ на „возможное на землѣ, постепенно достигаемое его совершенствованіе“,—и опроверженіемъ якобы вытекающаго отсюда, какъ почему-то думаетъ о. Разногорскій, ученія о безличномъ безсмертіи предковъ въ благодарной памяти ихъ потомковъ. Здѣсь, очевидно, какое-то совершенно непонятное для насъ недоразумѣніе. Взглядъ на цѣль жизни человѣческой, какъ на возможное постепенное усовершенствованіе, впервые вполнѣ ясно высказанъ и научно обоснованъ Эмм. Кантомъ въ его „Критикѣ практическаго разума“; изъ этого взгляда не только не вытекаетъ ученіе объ „историческомъ“ безсмертіи предковъ въ благодарной памяти ихъ потомковъ, напротивъ на немъ основывается извѣстное „нравственное“ доказательство безсмертія души человѣческой—безсмертія, слѣдовательно, „личнаго“. У отца же Разногорскаго, какъ мы видѣли, выходитъ какъ-то совсѣмъ не такъ.—Заканчивается слово о. Разногорскаго изложеніемъ откровеннаго ученія о цѣли и назначеніи жизни человѣческой и увѣщаніемъ слушателей къ посильному стремленію къ этой цѣли жизни и возможному выполненію назначенія ея.

Объ остальныхъ 3-хъ „новогоднихъ“ проповѣдяхъ и того нельзя сказать, такъ что волей-неволей приходится перенести

центръ тяжести настоящаго „Проповѣдническаго обозрѣнія“ на проповѣди прежнихъ лѣтъ, помѣщенныя на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за текущій годъ. Здѣсь прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасное слово прот. П. Лосева въ день святит. Николая „о чествованіи людей“ [1]), затѣмъ—слово въ день Рождества Христова преосв. Варлаама, епископа минскаго [2]), слово въ день Покрова пресв. Богородицы прот. С. Андріевскаго [3]) и слово предъ панихидою въ сороковый день по кончинѣ высокопреосв. Димитрія прот. Г. Селецкаго [4]).

Въ приступѣ къ своему слову о. Лосевъ указываетъ на практикуемый во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ обычай „хранить въ своей памяти лица, которыя въ какомъ бы то ни было отношеніи заслуживаютъ подражанія“. Какіе же собственно поступки даютъ право предкамъ на благодарную память о нихъ потомковъ? Такъ какъ у каждаго народа и у всякаго времени есть свои, часто очень своеобразныя, представленія и понятія о человѣческомъ достоинствѣ и о добродѣтеляхъ, то для всѣхъ временъ трудно указать одинъ общій критерій въ этомъ отношеніи. Только при свѣтѣ уже христіанскаго ученія явилась для людей возможность вполнѣ вѣрно опредѣлять, „что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно и что составляетъ добродѣтель и похвалу“ (Фил. 4, 7). Наичаще впрочемъ ореоломъ историческаго безсмертія окружаются имена великихъ, искусныхъ и храбрыхъ завоевателей и полководцевъ. Описаніемъ подвиговъ ихъ наполняются цѣлые томы. „Имъ удивляются и прославляютъ ихъ, имена ихъ крѣпко усвояются памятію во всѣхъ школахъ, и незнаніе ихъ считается признакомъ необразованности или низкаго сословія людей. Имъ ставятъ монументы и въ память ихъ нерѣдко учреждаются общественныя празднества,

---

[1]) См. Волог. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

[2]) См. Минск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

[3]) См. Полтавск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 2.

[4]) См. Херсонск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

къ которымъ приглашаются всѣ отъ малаго до великаго". И затѣмъ проповѣдникъ съ большимъ искусствомъ проводитъ параллель между этими прославляемыми у людей „воинами міра" и прославленными у Бога „воинами Христовыми", взвѣшивая подвиги тѣхъ и другихъ на вѣсахъ „общечеловѣческой" пользы подъ угломъ зрѣнія христіанскаго ученія о превосходствѣ души предъ тѣломъ, высшихъ духовныхъ стремленій и благъ предъ стремленіями и благами низшими, тѣлесными, грубо-матеріальными. Перевѣсъ остается на сторонѣ „воиновъ Христовыхъ", вооружавшихся не „тѣлесными оружіями", но „духовнымъ мечемъ слова Божія" (2 Кор. 10, 4), облекавшихся не въ латы и панцыри, но въ „броню праведности", держа въ „правой и лѣвой рукѣ оружіе и щитъ вѣры" (Еф. 6, 14. 17), и покорявшихъ подъ свою власть людей не военными громами, не страшными угрозами и мученіями, но любовію, мольбою, безпримѣрною кротостію и милосердіемъ. Вотъ истинные благодѣтели человѣчества, принесшіе ему столько пользы, сколько не принесетъ „воинамъ міра", устилающимъ побѣдоносный путь свой горемъ, бѣдствіями, кровію и слезами! Но въ то время, какъ всѣ почти безъ исключенія до мельчайшихъ подробностей могутъ пересказать біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Македонскомъ, Ганнибалѣ, Наполеонѣ I и другихъ прославленныхъ міромъ полководцахъ, рѣдко кто знакомъ даже въ общихъ чертахъ съ біографіями, напр., божественныхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, которые, въ качествѣ Христовыхъ воиновъ, оказали при распространеніи царства Божія несравненно болѣе величія, твердости духа, равно и подвиговъ самоотверженной любви къ человѣчеству. Въ этомъ именно забвеніи славнаго сонма Христовыхъ страстотерпцевъ проповѣдникъ склоненъ видѣть главнѣйшую причину той умственной дряхлости, того холоднаго равнодушія къ высшимъ вопросамъ жизни, того усиленнаго стремленія къ матеріальнымъ интересамъ, замкнутаго, узкаго эгоизма, развитія низкаго вкуса къ чувственнымъ удовольствіямъ, той наконецъ унылой безнадежности когда нибудь и въ чемъ нибудь

найти истинное счастіе, которые составляютъ болѣзнь нашего времени: „когда общества человѣческія не имѣютъ предъ собою примѣровъ, возвышающихъ и вдохновляющихъ душу премірными чаяніями и духовными благами, тогда они естественно привязываются къ матеріи, а затѣмъ обрекаются терпѣть крушеніе духа отъ земной суеты. Ихъ жизнь становится мрачною, скучною, безотрадною, какъ жизнь обитателей подземныхъ пещеръ, куда не заходитъ свѣжія струи животворнаго воздуха, и откуда не видно свѣтлыхъ, услаждающихъ взоръ, картинъ природы".

Такую же несообразность, такое же несоотвѣтствіе замѣчаетъ проповѣдникъ и въ другихъ сферахъ человѣческой жизнедѣятельности: „во главѣ учительства ставятся не тѣ люди, которыхъ прославляетъ Церковь, какъ образцы, достойные подражанія, но большею частію лица независимыхъ отъ божественнаго ученія убѣжденій. Достоинство идей цѣнится не столько по духу истины и силѣ правды, сколько потому, насколько онѣ отвѣчаютъ современному вкусу читающей публики, насколько стройны по изложенію, насколько замысловаты и красивы формы, въ которыя онѣ облекаются, и наконецъ насколько ласкаютъ воображеніе и страсти" и т. п.— Въ заключеніи слова проповѣдникъ приглашаетъ слушателей къ благоговѣйному воспоминанію, чествованію и подражанію жизни прославляемыхъ Церковію святыхъ Божіихъ; потому что не всѣмъ суждено занимать важное положеніе „на военномъ или политическомъ поприщѣ, а также въ литературной и художественной дѣятельности", тогда какъ богоугодную жизнь проводить всѣ призваны и обязаны. Особенно обыкновенные люди—люди простые „никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не найдутъ для себя столько утѣшительныхъ, ободряющихъ и возвышающихъ примѣровъ, какъ въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Тутъ они увидятъ, что для достиженія истинной чести и славы вовсе не нужно имѣть ни знаменитаго рода, ни удивительныхъ природныхъ талантовъ, ни высокаго положенія въ мірѣ, ни богатства, ни обширной учености, а достаточно одной вѣры въ Бога и дѣтскаго послушанія Его волѣ, чтобы получить почести горняго званія".

Въ своемъ словѣ на день Рождества Христова преосв. Варлаамъ, яркими красками изобразивши картину постепеннаго упадка богопознанія и богопочтенія въ родѣ человѣческомъ отъ изгнанія первыхъ людей изъ рая и до самаго пришествія въ міръ Христа Спасителя, историческимъ, такимъ образомъ, путемъ рѣшаетъ вопросъ: для чего Спаситель явился въ міръ?

Слово прот. С. Андріевскаго произнесено имъ еще въ 1837 г., въ день открытія Лубенскаго духовнаго училища; открыто же и напечатано оно теперь редакціею Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, можетъ быть, въ виду близкаго юбилея о. Андріевскаго. Объяснивши въ нѣсколькихъ словахъ сущность праздника Покрова пресв. Богородицы (проповѣдь произнесена въ день праздника Покрова пресв. Богородицы), проповѣдникъ тотчасъ же переходитъ къ главной матеріи своего слова—къ „озаренію душъ“ слушателей „свѣтомъ той истины, что ходатайствомъ Богоматери присно текутъ на насъ милости небесныя“, и напоминаетъ имъ, что „сіи милости изливаются“ только „на достойныхъ“. Въ самомъ раскрытіи избранной матеріи проповѣдникъ избѣгаетъ сухаго догматизма; онъ больше говоритъ историческими фактами и старается никого не оставить словомъ назиданія въ могущихъ случиться съ каждымъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, прерывая по временамъ свои увѣщанія теплыми молитвенными обращеніями къ пресв. Богородицѣ. Вообще слово написано довольно живо и бойко и читается, можно сказать, съ удовольствіемъ.

Памяти высокопреосв. Димитрія посвящены собственно два слова: слово прот. Г. Селецкаго предъ панихидою въ 40-й день (23 дек.) по кончинѣ архипастыря и слово свящ. И. Ливанскаго „блаженной памяти высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Димитрія, преосвященнѣйшаго епископа Хрисанѳа и др.[1]).“ Чрезъ все слово о. Селецкаго идетъ біографія высокопреосв. Димитрія, причемъ проповѣдникъ останавливаетъ свое вниманіе только на

[1]) См. Орловск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

болѣе важныхъ событіяхъ въ жизни почившаго архипастыря, напоминаетъ слушателямъ только о выдающихся, дѣйствительно рѣдкихъ и достойныхъ подражанія душевныхъ качествахъ его; оттого безъискусственное, теплое, задушевное слово о. Селецкаго какъ нельзя болѣе отличается характеромъ назидательности. Слово же о. Ливанскаго все состоитъ изъ „общихъ мѣстъ“ и какъ будто имѣетъ цѣлію не столько назиданіе слушателей, сколько желаніе проповѣдника публично заявить предъ слушателями о томъ, какъ онъ старательно, внимательно слѣдитъ за газетными сообщеніями о смерти всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей и представителей науки.

Вообще впрочемъ „общія мѣста“ — существенный недостатокъ большинства проповѣдей, напечатанныхъ въ первыхъ №№ Епархіальныхъ Вѣдомостей за текущій годъ. Изъ проповѣдей собственно къ простому народу пока напечатаны только два поученія: поученіе о полунощницѣ неизвѣстнаго проповѣдника [1]) такого же характера, какъ и всѣ предъидущія поученія того же неизвѣстнаго проповѣдника по изъясненію богослуженія, о которыхъ мы въ свое время высказались уже въ „Проповѣдническомъ обозрѣніи за 1883 г.“ [2]), — и поученіе на новый годъ свящ. П. Александровскаго [3]), по школьному, туманному языку своему не вполнѣ пригодное для простаго народа.

І. Булашевъ.

---

[1]) См. Рязанск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

[2]) См. Руковод. для сельск. паст. 1884 г., № 3.

[3]) См. Кавказск. Еп. Вѣдом. 1884 г., № 1.

Разговоръ священника съ протестантомъ касательно обычая не давать родильницѣ креста для цѣлованія [1]).

Протестантъ. Скажите, пожалуйста, почтеннѣйшій батюшка, что за странный законъ въ вашей православной Церкви — не давать родильницѣ креста для цѣлованія?.. Какъ вамъ извѣстно, я живу въ православномъ семействѣ, состоя при дѣтяхъ гувернеромъ. 5-го Января у васъ обыкновенно бываетъ такъ называемое освященіе воды, по совершеніи котораго священникъ ходитъ по домамъ своихъ прихожанъ, кропя ихъ жилища освященною водою. Для такого кропленія священникъ прибылъ и въ домъ того семейства, у котораго я живу. Мать этого семейства незадолго до дня освященія воды, т. е. до 5-го Января, разрѣшилась отъ бремени, но къ означенному дню она уже вставала съ постели и только еще не выходила никуда изъ своей комнаты. Пришедшій для кропленія священникъ, окропивши другія комнаты, явился, разумѣется по приглашенію, и въ комнату разрѣшившейся матери, и что же? Тогда какъ вся прислуга имѣла право подходить ко кресту, эта набожнѣйшая женщина, при появленіи въ ея комнату священника, стояла въ силу какого-то закона вашей Церкви на почтительномъ разстояніи отъ него и потомъ приняла одно только кропленіе, но ко кресту не посмѣла приложиться! Ужели это не странно?! Какая нибудь грязь, негодяи (разумѣется прислуга) свободно подходятъ ко кресту, а образцовая мать семейства, строжайшая христіанка не допускается къ нему!.. Что за странность такая?! — повторю еще разъ. Повѣрьте, я изъ-за одного такого закона никогда бы не пошелъ въ вашу церковь и никогда бы не принялъ къ себѣ православнаго священника...

---

[1]) Изъ книги »Разговоръ между православнымъ священникомъ и протестантомъ раціоналистомъ о нѣкоторыхъ обрядахъ, уставахъ, догматахъ и обычаяхъ св. православной Церкви. Свящ. Г. Т—ва«.

Священникъ. Напрасно вы такъ возмущаетесь однимъ изъ содержательнѣйшихъ обрядовъ нашей православной Церкви. Отвѣтъ на ваше возраженіе и ваше крайнее недоумѣніе я постараюсь начать съ вашихъ же словъ. Вы искренно говорите, что мать того семейства, при которомъ вы живете,—образцовая мать и набожнѣйшая и строжайшая христіанка?

Прот. Да, если что я говорю, то говорю прямо; я—господинъ своему слову.

Свящ. Вотъ потому-то достойно уважаемая вами мать близкаго вамъ семейства и не подошла ко кресту, когда къ ней вскорѣ послѣ ея родовъ вошелъ въ комнату со св. водою и со св. крестомъ священникъ, потому-то, говорю, она и не подошла ко св. кресту, что она образцовая мать семейства и набожнѣйшая и строжайшая христіанка. Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ Евангеліемъ и знаете содержаніе его?..

Прот. Я знакомъ съ Евангеліемъ еще съ моего дѣтства и теперь по временамъ прочитываю его.

Свящ. Въ такомъ случаѣ вамъ долженъ быть извѣстенъ евангельскій разсказъ объ одномъ чудесномъ ловѣ рыбъ. Разсказъ объ этомъ ловѣ рыбъ (позвольте, я пріищу) находится въ Евангеліи отъ Луки (V гл. 4—11 ст.). Здѣсь, изволите видѣть, между прочимъ сообщается, что когда Симонъ Петръ увидѣлъ великое множество пойманной, по слову Спасителя, рыбы, между тѣмъ какъ предъ этимъ ловомъ онъ и его товарищи всю ночь трудились и ничего не поймали; то „припалъ къ колѣнамъ Іисуса, и сказалъ: выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный“ (ст. 8). Не иное что, какъ сознаніе „грѣха и недостоинства“ предъ Богомъ побуждаетъ и каждую истинно христіанскую мать лишать себя въ извѣстные періоды времени прикосновенія къ святынѣ. Этимъ каждая истинно христіанская мать выражаетъ съ своей стороны истинно христіанское смиреніе предъ Святѣйшимъ Госпо-

домъ, и какъ смиреніе предъ Господомъ Іисусомъ апостола Петра не удалило сего высокаго ученика отъ его Учителя, а напротивъ оно-то и содѣлало его ученикомъ Христовымъ: „и сказалъ Симону Іисусъ: не бойся; отнынѣ будешь ловить человѣковъ (ст. 10); такъ и смиреніе каждой матери-христіанки не удаляетъ ее отъ Бога, а напротивъ приближаетъ ее къ Нему и низводитъ на нее и на родившееся отъ нея дитя милость Божію.

Прот. Да почему же именно при разрѣшеніи отъ бремени мать—христіанка должна смиряться, и притомъ до того, чтобы считать себя недостойною прикасаться святынѣ? Развѣ рожденіе дѣтей есть что нибудь недостойное человѣка?..

Свящ. Рожденіе дѣтей само въ себѣ есть величайшій даръ Божій человѣку и высочайшая тайна. Самъ Богъ благословилъ первую сотворенную Имъ чету и сказалъ: „плодитесь и размножайтесь“ (Быт. I, 28). Отсюда всякій законный бракъ, какъ говоритъ Апостолъ, „честенъ“ (Евр. XIII, 4). И Спаситель признаетъ рожденіе дитяти большою радостію для матери: „женщина“, говоритъ Онъ, „когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“ (Іоан. XVI, 21). Но именно потому-то, что рожденіе дѣтей есть величайшая тайна, что рождается „человѣкъ въ міръ и своимъ рожденіемъ приноситъ или долженъ приносить одну только „радость“,—каждой серьёзной матери необходимо, „дабы радость ея была совершенна“ (Іоан. XV, 11), „полагать душу свою“ за родившееся дитя (ст. 13). Извѣстно, что человѣкъ сотворенъ Богомъ „по образу Божію и по подобію Божію“ съ назначеніемъ „господства и блаженства“ (Быт. I, 26—28); между тѣмъ вмѣсто блаженства онъ испытываетъ на землѣ всевозможныя бѣдствія и скорби. Почему же? прежде всего вслѣдствіе грѣха своихъ прародителей и родителей. Ребенокъ еще

не умѣетъ ни мыслить, ни говорить, ни сознавать, но онъ уже „плачетъ," какъ только появляется на Божій свѣтъ;—съ первой же минуты своего появленія на свѣтъ онъ уже испытываетъ вліяніе и холода, и голода, и различныхъ болѣзней... Какъ же приэтомъ не смиряться матери, которая, давая жизнь ребенку, вмѣстѣ съ тѣмъ является причиною и его страданій, каковыхъ, по намѣренію Творца, не должно быть? какъ ей для предотвращенія, или по крайней мѣрѣ для уменьшенія сихъ страданій не наложить на себя нѣкоторыхъ лишеній и тѣмъ обезпечить свою радость?.. „Передъ паденіемъ возносится сердце человѣка, а смиреніе предшествуетъ славѣ", говоритъ премудрѣйшій изъ людей и болѣе другихъ испытавшій въ жизни и радости, и скорби царь Соломонъ (Притч. XVIII, 13). На совершеннѣйшую умѣстность смиренія разрѣшившейся отъ бремени матери указываетъ послѣдней и самое физическое состояніе ея организма, продолжающееся извѣстный, болѣе или менѣе опредѣленный періодъ времени.

Прот. Да разумѣемое вами состояніе каждой родильницы есть совершенно естественное состояніе...

Свящ. Едва ли естественное. Что естественно намъ, того мы не стыдимся и не отвращаемся отъ него; а каждая родильница стѣсняется своимъ состояніемъ. Болѣзненное состояніе всякой разрѣшающейся отъ бремени матери, очевидно, есть слѣдствіе того приговора Божія, который былъ изреченъ первой согрѣшившей женѣ: „въ болѣзни будешь рождать дѣтей" (Быт. III, 16): какъ слѣдствіе „грѣха", оно, очевидно, столько же „не естественно" женѣ, сколько „не естественъ" намъ грѣхъ.

Прот. Пусть будетъ по вашему; но я желалъ бы еще разъ обратиться къ первому нашему вопросу. Если вы объясняете, что разрѣшившаяся отъ бремени мать не должна прикасаться ни къ чему священному по своему смиренію, которое внушается ей самою болѣзненностію ея состоянія, то почему же отецъ не лишается права

на означенное прикосновеніе къ святынѣ, когда у него рождается сынъ или дочь? Вѣдь и онъ также виновникъ грѣховнаго состоянія своихъ дѣтей?

Свящ. Думаю, потому, что мужу за первородный грѣхъ назначено Богомъ иное наказаніе, чѣмъ женѣ: „въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ", сказано было Богомъ согрѣшившему Адаму (Быт. III, 19), а слѣдовательно и смиреніе мужа или отца должно выражаться инымъ образомъ и въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ смиреніе жены или матери.

Прот. Ужъ чрезъ-чуръ тонкое объясненіе.

Свящ. Отчего же оно кажется вамъ тонкимъ? Я разсуждаю на основаніи данныхъ Библіи. Если вы не признаете этихъ данныхъ, тогда, конечно, трудно вамъ принять и мое объясненіе.

Прот. Но вотъ еще вопросъ: если родильница умираетъ и васъ пригласятъ причастить ее; то вы дадите ей причастіе или нѣтъ?

Свящ. Безъ всякаго сомнѣнія, я долженъ напутствовать св. Тайнами каждаго умирающаго съ вѣрою и покаяніемъ, какою бы болѣзнію онъ ни былъ боленъ.

Прот. Какъ же теперь соглашается вашъ законъ о недозволеніи разрѣшившейся отъ бремени матери прикосновенія даже ко кресту только съ самымъ причастіемъ, когда она умираетъ? Вѣдь въ причастіи хлѣбъ и вино вы признаете за самое Тѣло и Кровь Христову? Если каждая родильница вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія своего не должна прикасаться вообще ни къ какой святынѣ, хотя бы то къ иконѣ, то какъ же вы позволяете той же родильницѣ не прикасаться только, а даже „принимать, вкушать" наивысочайшую святыню—Тѣло и Кровь Христову,—принимать, вкушать, не смотря на то, что при смерти родильницы ея болѣзненное состояніе, имѣющее по вашему тѣсную связь съ изреченнымъ

Богомъ первой женѣ наказаніемъ за грѣхъ, и потому оскверняющее ее, понятно усиливается, а не ослабѣваетъ? Не очевидна ли во всемъ этомъ крайняя нелогичность и нетолковость?

Свящ. Прежде чѣмъ называть что-либо нелогичностью и нетолковостію, надобно хорошенько подумать о томъ, что намъ иногда представляется такимъ съ перваго взгляда. Болѣзненность не къ смерти и болѣзненность къ смерти—состоянія неодинаковыя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ не лишается самообладанія и имѣетъ полную возможность соблюдать то, что ему внушаетъ его совѣсть. При смерти же каждый человѣкъ есть сосудъ немощной, отъ котораго уже не естественно требовать какихъ-либо сдержекъ или самоограниченій, но ему необдимо только одна сторонняя помощь и во всемъ снисхожденіе. Такъ и въ отношеніи къ матери-родильницѣ. Коль скоро она не испытываетъ ничего особеннаго въ своемъ состояніи, кромѣ обычной болѣзненности вслѣдствіе родовъ, то ей вполнѣ естественно благоговеніе по отношенію ко всему священному, и если бы она безразлично относилась къ этому священному, то показала бы въ себѣ горделивость и неуваженіе или даже презрѣніе къ святынѣ. Но когда она находится въ опасности смерти, тогда само собою понятно, съ ея стороны не будетъ никакого неуваженія къ святынѣ, если она, какъ истинная христіанка, напутствуетъ себя въ вѣчность святыми Христовыми Тайнами. Всякій поступокъ и всякое дѣло имѣютъ свою оцѣнку, смотря по тому, съ какими мыслями и при какихъ обстоятельствахъ они совершаются. Въ виду послѣдняго соображенія я могу допустить то, что родильница не сдѣлаетъ смертнаго грѣха, если она, почему либо не сознавая значенія ея болѣзненности при разрѣшеніи отъ бремени, позволитъ себѣ приложиться, напр., ко св. кресту съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ нему и съ теплою вѣрою въ его спасительную силу, т. е. приложится съ достойными того мыслями. Но наша Церковь всегда и во всемъ даетъ такія установленія,

которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ природѣ человѣка, вслѣдствіе чего каждому благоразумнѣе держаться именно ея уставовъ, а не своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, хотя бы таковыя и не казались предосудительными сами по себѣ.

Протоіерей *І. Титовъ.*

Нелишняя предосторожность.

Газетѣ „Кіевлянинъ“ когда-то былъ сообщенъ изъ м. Гоголева Остерскаго уѣзда слѣдующій печальный случай: Одинъ изъ зажиточныхъ мѣстныхъ крестьянъ вздумалъ на свой счетъ приготовить артосъ для освященія въ церкви. Для украшенія его обычными св. изображеніями усердный прихожанинъ обратился къ проживающему въ мѣстечкѣ „маляру изъ москалей“, который не пожалѣлъ красокъ, въ особенности мѣдной яри. Въ результатѣ оказалось отравленіе семи человѣкъ, которымъ достались верхнія частицы артоса. Только экстренное прибытіе врача спасло пострадавшихъ отъ опасности умереть въ припадкахъ отравленія мѣдянкою. Въ виду приближающихся дней праздника Пасхи мы сочли неизлишнимъ припомнить этотъ случай и выразить желаніе, чтобы сельское духовенство обратило вниманіе на этотъ случай и приняло какія нибудь мѣры къ предотвращенію подобныхъ случаевъ, легко могущихъ повторяться при невѣжествѣ крестьянъ. Какъ простѣйшую мѣру, можно рекомендовать то, чтобы окрашенная корка артоса не съѣдалась, а срѣзывалась и сожигалась.

Отреченіе невѣрующаго отъ своего ученія.

Страшный, мучительный, смертельный недугъ сводилъ свои послѣднія счеты съ молодою жизнію прекрасной, умной пятнадцатилѣтней дѣвочки. Бѣдному дитяти оставалось жить лишь нѣсколько минутъ. Она попросила позвать своего отца невѣрующаго, атеиста, и взяла его за руку.

— „Милый папа, я скоро умру: скажите мнѣ совершенно серьёзно, должна ли я вѣрить тому, что вы такъ часто говорили въ моемъ присутствіи, что нѣтъ ни Бога, ни рая, ни ада; или же мнѣ вѣрить тому, что я учила въ Катихизисѣ и что подтверждала мнѣ моя покойная мама“?

Отецъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ; потомъ наклонившись къ постели больной, сказалъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— „Дитя мое, доброе дитя мое, вѣрь „только“ тому, что говорила тебѣ мать и что ты учила въ Катихизисѣ“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 февраля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 11.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Марта 11-го.

Содержаніе: Наставленіе приходскимъ священникамъ о церковномъ обученіи дѣтей вѣрѣ и благочестію.—Нѣчто о средствахъ къ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь.—Притча.—Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.—Проповѣдническое зеркало.

Наставленіе приходскимъ священникамъ о церковномъ обученіи дѣтей вѣрѣ и благочестію.

(Высокопреосвященнаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго)[1]).

Самыми надежными школами для обученія вѣрѣ и благочестію дѣтей являются храмы Божіи, а учителями—священники. Вліяніе ихъ простирается не на однихъ дѣтей школьнаго возраста, а на всю массу грамотныхъ и неграмотныхъ, съ самаго

[1]) Наставленіе это, призывающее пастырей Иркутской епархіи къ обученію дѣтей вѣрѣ и благочестію въ храмѣ во внѣбогослужебное время, мы увѣрены, будетъ принято во вниманіе и по возможности къ исполненію приходскими пастырями всѣхъ другихъ епархій. Практичность и цѣлесообразность предлагаемыхъ способовъ обученія подрастающаго поколѣнія христіанской вѣрѣ и жизни могутъ служить основаніемъ къ предпочтенію внѣбогослужебныхъ занятій священника съ дѣтьми такимъ же занятіямъ, вводи

нѣжнаго возраста и до глубокой старости; и какое вліяніе?—облеченное авторитетомъ божественнымъ и безусловно признаваемое всѣми, на кого оно должно простираться. О безусловной обязательности для всякаго священника-пастыря быть такимъ учителемъ я не говорю, потому что она извѣстна всякому священнику. Могутъ быть сомнѣнія только относительно того, какъ привлечь дѣтей къ обученію и какъ совмѣстить эту обязанность съ другими обязанностями священника. Для иныхъ родителей обученіе дѣтей въ храмѣ во внѣбогослужебное время можетъ показаться новостію, незнакомою ни имъ, ни ихъ отцамъ и дѣдамъ, и потому ненужною и ихъ дѣтямъ. И сами дѣти, не знающія другихъ занятій, кромѣ игръ, могутъ съ дѣтскою дикостію уклоняться отъ непріятнаго ученія. Въ такомъ случаѣ пусть священникъ изберетъ на первый разъ немного дѣтей, живущихъ ближе къ храму и на нихъ покажетъ пользу такого обученія. И изъ родителей пусть обратится съ предложеніемъ сначала къ тѣмъ, которые охотнѣе отдадутъ и приведутъ дѣтей учиться въ храмѣ. Во всякомъ случаѣ стыдно было бы священнику, еслибы онъ не имѣлъ и настолько вліянія на своихъ прихожанъ, чтобы убѣдить родителей на такое полезное для ихъ дѣтей дѣло. Нѣсколько основательнѣе могутъ быть возраженія со стороны трудности совмѣстить обученіе дѣтей въ храмѣ съ другими обязанностями приходскаго священника. Обученіе дѣтей въ храмѣ можетъ совершаться только въ воскресные и праздничные дни, а къ этимъ днямъ прихожане преимущественно пріурочиваютъ свои христіанскія требы. Однако же требы не мѣшаютъ священнику въ эти дни совершать утреню и литур-

---

мыя и введенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со взрослыми, если нельзя совмѣстить тѣхъ и другихъ въ одно время. Во всякомъ случаѣ характеръ практикуемыхъ кое-гдѣ внѣбогослужебныхъ чтеній для взрослыхъ, съ принятіемъ рекомендуемыхъ высокопреосвященнымъ Вениаминомъ наставленій, долженъ измѣниться; тамъ же, гдѣ внѣбогослужебныя чтенія доселѣ не вводились, естественно начать тѣмъ, что рекомендуется Иркутскимъ архипастыремъ. Ред.

гію. Также не помѣшаютъ онѣ и обученію дѣтей, когда оно обязательно будетъ происходить въ эти дни, тѣмъ болѣе, что для утрени и литургіи требуется по крайней мѣрѣ два часа, тогда какъ на обученіе, особенно на первый разъ, достаточно будетъ и полчаса. Для этого нужно только назначить извѣстное время, до обѣдни или послѣ обѣдни, и прихожане, зная это, всегда съ уваженіемъ отнесутся къ требованію священника предоставить ему свободу на это короткое время. Назначить время обученія предоставляется самому священнику, также и способъ собранія дѣтей чрезъ звонъ колокола, или чрезъ повѣстку другимъ какимъ нибудь способомъ. Скорѣе непривычка къ такому занятію можетъ служить причиною неисполненія столь существенной пастырской обязанности. Но если священникъ обучаетъ молитвамъ и главнымъ истинамъ вѣры собственныхъ дѣтей, если онъ при великомъ удобномъ случаѣ найдется дать наставленіе прихожанину, почему же онъ не можетъ дѣлать того же въ нарочно установленное время для чужихъ дѣтей въ своемъ приходскомъ храмѣ? Чтобы пріобрѣсти привычку учить публично, пусть два, три урока дастъ гдѣ нибудь въ домѣ, а потомъ перейдетъ съ дѣтьми въ церковь, но непремѣнно долженъ перейти въ церковь, потому что только въ церкви его наставленія могутъ приносить ту спасительную пользу, какая отъ нихъ ожидается.

Чему священникъ долженъ учить дѣтей въ храмѣ?

Предполагая, что придутъ учиться дѣти самаго нѣжнаго возраста, не знающія ни одной молитвы, священникъ прежде всего долженъ обратить вниманіе на то, умѣютъ ли они правильно креститься, и если замѣтитъ неправильность въ сложеніи перстовъ, или въ знаменованіи себя крестомъ, долженъ научить, какъ дѣлать то и другое, заставляя повторять это нѣсколько разъ, такъ какъ у дѣтей слишкомъ коротка память, и они легко могутъ забыть, что имъ разъ показано. Поклоны надобно пріучать дѣлать не одною головою, какъ дѣлаютъ многіе, но съ участіемъ и спины, чѣмъ выражается глубина нашего смиренія предъ Тѣмъ, Кому

дерзаемъ молиться. Притомъ не излишне посмотрѣть, есть ли на всѣхъ дѣтяхъ шейные кресты, и внушить имъ, чтобы съ благоговѣніемъ носили ихъ и, когда ложатся спать, цѣловали съ крестнымъ знаменіемъ.

Приступая къ обученію молитвамъ, священникъ долженъ подвести дѣтей къ иконѣ Спасителя и сказать имъ, кто Тотъ, Кому они должны молиться. Много говорить не нужно, чтобы не обременить дѣтей излишними объясненіями и не спутать ихъ понятій, а довольно сказать, что Спаситель, ликъ Котораго они видятъ на иконѣ, есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Богъ. Когда они усвоятъ это первоначальное свѣдѣніе, учить ихъ, обращая взоръ ихъ на икону, такъ называемой Іисусовой молитвѣ; „Господи Іисусе Христе“... Произносить эту молитву священникъ долженъ вмѣстѣ съ дѣтьми съ чувствомъ умиленія, которое могло бы отзываться и въ ихъ дѣтскомъ сердцѣ, и каждый разъ съ поклономъ предъ иконою. Чтобы надежнѣе подѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе, священникъ долженъ предварительно внушить имъ, что они будутъ не просто учиться, а молиться, чтобы такимъ образомъ ученье и молитвы были не раздѣльны. Священникъ всегда долженъ помнить, что его священная обязанность—пріучить своихъ духовныхъ дѣтей молиться, а не читать только молитвы, что такъ называемыя молитвы суть только молитвенныя формулы, руководствующія неопытныхъ къ настоящей молитвѣ, какъ внутреннему движенію души, и что лучше съ сердечнымъ сокрушеніемъ произносить одну краткую молитву: „Господи помилуй“, чѣмъ съ холодностію читать многія молитвы.

Когда молясь такимъ образомъ съ произнесеніемъ въ слухъ молитвы, дѣти выучатъ первую молитву, священникъ подведетъ ихъ къ иконѣ Божіей Матери и также объяснитъ имъ, Кто Она есть, заимствуя, какъ и при объясненіи молитвы Іисусовой, названія ей изъ той молитвы, которой хочетъ учить. Напримѣръ, если хочетъ учить „Богородице Дѣво радуйся“, то долженъ сказать дѣтямъ, что Божія Матерь, предъ иконою которой они

теперь стоятъ, есть Богородица, Дѣва Марія, родившая Спасителя душъ нашихъ. Но прежде долженъ научить дѣтей молиться Божіей Матери краткою молитвою: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“.

Къ осьмилѣтнему или по крайней мѣрѣ, десятилѣтнему возрасту всѣ дѣти, кромѣ двухъ краткихъ молитвъ Господу Іисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ, обязательно должны знать слѣдующія повседневныя молитвы: „Слава тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ и Царю небесный по Отче нашъ“ включительно, „Богородице Дѣво радуйся, Достотойно есть“, молитвы предъ обѣдомъ и послѣ обѣда и по одной утренней и на сонъ грядущимъ. При этомъ священникъ долженъ внушать дѣтямъ, чтобы утромъ и вечеромъ во время молитвы они прочитывали всѣ заученныя молитвы съ прибавленіемъ соотвѣтствующей времени молитвы, то есть, утренней или вечерней, а предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ положенныя на сіи случаи молитвы. Молитва Іисусова, сокращеніе ея „Господи помилуй“ и краткая молитва Божіей Матери должны служить выраженіемъ молитвеннаго духа при всякомъ пробужденіи религіознаго чувства, независимо отъ опредѣленныхъ для молитвы временъ.

При заучиваніи каждая молитва должна произноситься предъ соотвѣтствующей иконою, съ крестнымъ знаменіемъ и поклономъ при каждомъ повтореніи молитвы. При объясненіи каждой иконы священникъ долженъ обращаться къ ней съ благоговѣніемъ и, поставивъ дѣтей предъ святою иконою въ молитвенное положеніе, самъ молиться съ ними словами заучиваемой молитвы. Тѣ молитвы, которыя поются въ церкви, пусть священникъ пріучаетъ пѣть и дѣтей, также вмѣстѣ съ ними стоя благоговѣйно предъ иконою и заканчивая каждый разъ пѣніе молитвы поклономъ.

Объясненіе каждой молитвы священникъ долженъ дѣлать послѣ того, какъ дѣти хорошо заучатъ ее. Предварять объясненіемъ незаученную молитву—только тратить напрасно слова: дѣти не поймутъ такого объясненія. Объясненіе молитвъ должно быть воз-

можно краткое, не многословное и самое простое, доступное дѣтскому пониманію. Но такъ какъ говорить просто не такъ легко, какъ можетъ казаться, то священнику надобно напередъ позаботиться о пріисканіи такихъ выраженій для объясненія молитвъ, которыя и точно выражали бы смыслъ молитвъ и ясно были бы поняты малолѣтними дѣтьми, а чего нельзя объяснить просто (напримѣръ „благодатная"), то лучше совсѣмъ не объяснять, пока съ возрастомъ они не сдѣлаются способны къ пониманію таинъ вѣры. Нѣкоторое разумѣніе такихъ словъ можетъ дать дѣтямъ то чувство, съ какимъ произносится молитва. Еще болѣе можетъ помогать такому разумѣнію пѣніе молитвы, которое, вызывая въ душѣ ребенка чувство благоговѣнія къ существу Высочайшему, дѣлаетъ молитву болѣе понятною для дѣтскаго сердца, чѣмъ словесныя толкованія, обращенныя къ уму.

Усвоеніе указанныхъ молитвъ съ возможнымъ для дѣтскаго возраста пониманіемъ послужитъ для дѣтей перваго возраста средствомъ и къ достаточному для нихъ Богопознанію. Изъ нихъ они научатся, что Богъ одинъ и что Онъ есть Троица—Отецъ и Сынъ и Святый духъ. Этого для нихъ на первый разъ и довольно. Богопросвѣщенный катихизаторъ св. Кирилъ Іерусалимскій находитъ неполезнымъ вообще людей непросвѣщенныхъ вводить въ подробныя объясненія такихъ тайнъ вѣры, какъ догматъ Пресв. Троицы. Воспринятое чрезъ молитву болѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ, пониманіе такихъ таинъ вѣры послужитъ для нихъ лучшимъ залогомъ благочестія въ послѣдующей жизни. Поэтому я нахожу неполезнымъ въ слѣдъ за молитвами заставлять дѣтей учить символъ вѣры, требующій пониманія умомъ, болѣе къ тому подготовленнымъ. Гораздо полезнѣе, послѣ того какъ дѣти выучатся читать и пѣть молитвы и давать хотя краткій и поверхностный отчетъ въ пониманіи ихъ, преподавать имъ христіанскія истины въ историческихъ разсказахъ, тѣмъ болѣе, что тайна искупленія, эта средоточная истина христіанства, составляетъ предметъ болѣе исторіи, чѣмъ отвлеченнаго богословія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ сюда отно-

сится исторія творенія міра и человѣка, грѣхопаденіе человѣка и обѣтованія искупленія чрезъ Христа. Затѣмъ могутъ прямо слѣдовать разсказы изъ Новаго Завѣта о самомъ совершеніи искупленія Христомъ Спасителемъ міра. Что относится здѣсь къ догматическому ученію объ искупленіи, то составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ главныхъ христіанскихъ праздниковъ: Благовѣщенія, Рождества Христова, Богоявленія, Страстей Христовыхъ, Воскресенія, Вознесенія, Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, съ присовокупленіемъ разсказа о второмъ пришествіи Христовомъ и славномъ и страшномъ судѣ Его. Когда все это хорошо усвоится дѣтьми изъ простыхъ разсказовъ, тогда они съ большимъ разумѣніемъ могутъ заучить и символъ вѣры, содержащій тѣже истины съ немногими дополненіями, тогда и священнику легче будетъ изъяснять его ссылкою на свои историческіе разсказы. Изучившимъ символъ священникъ долженъ внушить прочитывать его ежедневно послѣ утренней молитвы съ сердечнымъ исповѣданіемъ своей вѣры предъ Богомъ.

Что касается нравственнаго ученія, то, вмѣсто заучиванія заповѣдей десятословія наизусть, я нахожу болѣе полезнымъ доступное для дѣтскаго возраста объясненіе ихъ нагорною проповѣдію Господа Іисуса Христа (Матѳ. гл. 5, 6 и 7. Лук. гл. 6). Но ограничивши теоретическое ученіе христіанской нравственности ветхозавѣтными заповѣдями десятословія и новозавѣтнымъ объясненіемъ ихъ нагорной проповѣди, священникъ всегда долженъ помнить, что онъ не учитель только своей паствы, но и руководитель въ жизни, отвѣтственный за нее предъ Богомъ; поэтому на немъ лежитъ обязанность слѣдить за поведеніемъ дѣтей и примѣненіемъ къ практикѣ жизни дѣлать для нихъ болѣе ясными и нравственно-христіанское ученіе. Для этого все, что замѣтитъ онъ за дѣтьми худаго въ теченіе недѣли, пусть подвергаетъ строгому осужденію, какъ недостойное христіанина и оскорбляющее Господа, любящаго ихъ и изъ любви къ нимъ пролившаго за нихъ драгоцѣнную кровь свою. Подобныя серьёзныя, съ сердечнымъ

участіемъ дѣлаемыя, внушенія навсегда останутся въ памяти дѣтей и будутъ служить для нихъ предостереженіемъ отъ грѣховъ на будущее время.

Всѣ эти предметы, которыми священникъ долженъ занимать дѣтей, составляютъ сущность религіознаго воспитанія, и желательно, чтобы каждый христіанинъ не только зналъ, но и, такъ сказать, чувствовалъ все это. Но священникъ не долженъ стѣснять себя, ограничивая свои бесѣды и наставленія только этими предметами. Для разнообразія и чтобы не утомлять дѣтей однимъ заучиваніемъ преподаваемаго, священникъ можетъ занять ихъ, кромѣ пѣнія, которое существенно необходимо на каждой бесѣдѣ, еще какими нибудь назидательными разсказами изъ житій святыхъ, или изъ духовныхъ журналовъ, нерѣдко помѣщающихъ на своихъ страницахъ очень назидательные разсказы. Но самымъ лучшимъ предметомъ такихъ разсказовъ должны служить евангельскія повѣствованія, сообщеніе которыхъ будетъ для дѣтей и нѣкоторымъ объясненіемъ читаемыхъ въ церкви воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Весьма умѣстно также знакомить дѣтей съ содержаніемъ храма, въ которомъ они поучаются вѣрѣ и благочестію чрезъ наглядное объясненіе частей храма и священныхъ принадлежностей его, равно и съ особенно торжественными обрядами богослуженія, при которомъ присутствуютъ дѣти. Но дѣлать это надобно съ благоговѣйною осторожностію, какъ при ученіи дѣтей молиться. Насколько благоговѣйное посвященіе въ тайны христіанскихъ священнодѣйствій, какъ и въ тайны вѣры, полезно въ дѣлѣ благочестія, настолько же неблаговѣйное раскрытіе ихъ можетъ порождать къ нимъ холодность и неблаговѣніе: лучше пусть прикрытое покровомъ тайны поддерживаетъ хотя безсознательное благоговѣніе, чѣмъ неблаговѣйно раскрытому дѣлаться предметомъ равнодушія. И вообще о чемъ бы ни говорилъ священникъ въ церкви на урокѣ съ дѣтьми, онъ долженъ быть внимателенъ къ каждому своему слову, чтобы вмѣсто пользы не принести вреда. Собственное благоговѣніе должно сопровождать каждое слово священника и тѣмъ возбуждать

чувство благоговѣнія къ нему и въ слушателяхъ. При неравныхъ успѣхахъ въ наукахъ принято возбуждать соревнованіе въ отстающихъ похвалами особенно успѣшнымъ. Ничего подобнаго не должно быть при церковномъ обученіи, на которое надобно пріучать дѣтей смотрѣть не какъ на ученье, а какъ на молитву предъ лицемъ Божіимъ. Еще вреднѣе были бы похвалы за хорошее поведеніе. Развитое такими похвалами самомнѣніе и самолюбіе далеко перевѣситъ то добро, которое думаютъ поддержать такимъ образомъ; преждевременно захваленныя дѣти въ послѣдствіи оказываются самыми испорченными людьми. Тѣмъ непростительнѣе было бы пастырю позволять себѣ при церковномъ ученіи какія либо шутки. Кромѣ того, что онѣ противорѣчили бы серьёзному и благоговѣйному настроенію учащаго и слушающихъ, отнюдь не слѣдуетъ допускать ихъ и потому, что малолѣтнія дѣти не всегда способны отличить шутку отъ серьезнаго слова, особенно, когда слышатъ ее изъ устъ священника. Но этому требованію не будетъ противорѣчить, напротивъ будетъ совершенно согласно съ христіанскимъ благочестіемъ, если священникъ съ отеческою любовію будетъ обращаться къ дѣтямъ съ своими разъясненіями и даже будетъ вызывать ихъ безъ всякой боязни обращаться къ нему съ вопросами.

Чтобы дѣти лучше усвояли и глубже прочувствовали преподаваемое имъ, при каждой новой бесѣдѣ надобно повторять пройденное прежде, начиная съ молитвъ. Повтореніе должно происходить въ томъ же духѣ благоговѣнія, какъ и первоначальное обученіе; притомъ повтореніе молитвъ можетъ служить и обязательною предъ всякимъ ученіемъ молитвою. Повтореніе и весьма тщательное должно дѣлаться каждый разъ и потому, что слушатели не всегда будутъ одни и тѣже, и что для однихъ будетъ повтореніе, то для другихъ можетъ быть первымъ урокомъ. Кромѣ того, между дѣтьми всегда будутъ слабые способностями, съ которыми повтореніе существенно необходимо. Спѣшить обученіемъ нѣтъ необходимости, такъ какъ малыя дѣти не одинъ годъ

должны слушать такія бесѣды. Лучше меньше пройти, но съ основательностію, чѣмъ многое безъ благотворныхъ послѣдствій. Не слѣдуетъ обременять дѣтей и продолжительностію бесѣдъ, особенно на первый разъ, чтобы не отбить охоты къ ученію.

Какъ ни просто кажется обученіе дѣтей и какъ ни превосходятъ свѣдѣнія каждаго священника предлагаемую нами программу обученія, тѣмъ не менѣе каждый священникъ долженъ напередъ обдумать, что онъ намѣренъ говорить на бесѣдѣ, иногда даже напередъ пріискать и болѣе подходящее слово для выраженія извѣстной мысли. Подобное обдумываніе при благоговѣйномъ отношеніи къ предмету дастъ ему случай самому глубже прочувствовать предметъ бесѣды и тѣмъ сдѣлаетъ слово его болѣе дѣйственнымъ на сердца слушателей. Священникъ всегда долженъ помнить, что творитъ дѣло Божіе, за небреженіе о которомъ слово Божіе угрожаетъ проклятіемъ небрегущему (Іер. 48, 20).

Утѣшаю себя надеждою, что если священники съ усердіемъ и любовію поведутъ дѣло церковнаго обученія дѣтей, за дѣтьми пойдутъ на бесѣды ихъ и взрослые, особенно матери обучающихся. Не легко взрослаго человѣка заставить стать въ положеніе ученика, но свободнымъ слушателемъ онъ всегда согласится быть при умѣньи священника дать пищу его уму и сердцу. Къ этому, то есть, къ привлеченію всего прихода на церковныя бесѣды и долженъ стремиться всякій священникъ, какъ къ конечной цѣли взятаго имъ на себя дѣла Божія. Когда это благое стремленіе увѣнчается успѣхомъ въ приходской церкви, тогда онъ можетъ съ тѣмъ же успѣхомъ распространить свою благоплодную дѣятельность на приписныя церкви и на часовни. Любовь к усердіе къ дѣлу легко устранятъ и всѣ воображаемыя препятствія, какія не испытавшимъ могутъ представляться на пути къ столь святому дѣлу.

Зато принявшійся съ усердіемъ за дѣло скоро увидитъ и плоды своихъ трудовъ на себѣ самомъ. Этимъ онъ упрочитъ нераз-

рывную связь съ своею паствою и пріобрѣтетъ надъ нею авторитетъ, какого не дадутъ ему никакія служебныя отличія и никакое матеріальное состояніе. Связь эта и вліяніе гораздо прочнѣе улучшатъ и самый матеріальный бытъ его, чѣмъ всѣ правительственныя мѣры. Тогда онъ съ утѣшеніемъ будетъ видѣть и приходскій храмъ свой всегда полный народомъ, тогда мало по малу ослабѣетъ и та нравственная распущенность, которая замѣчается всюду, какъ слѣдствіе отчужденія народа отъ церкви и слабаго вліянія на него духовенства.

Молю Господа, да возбудитъ Онъ Своею благодатію въ пастыряхъ ревность и бдѣніе о своей паствѣ, а въ пасомыхъ вниманіе и усердіе къ предлагаемому ученію.

Нѣчто о средствахъ къ искорененію грѣховъ въ приходящихъ на исповѣдь.

Таинство покаянія или исповѣдь имѣетъ цѣлію возвратить христіанину невинность, пріобрѣтенную во св. крещеніи; почему оно и называется еще *вторымъ крещеніемъ*. Потерянное и возвращенное всякій старается покрѣпче держать за собою. Возвращенную чрезъ покаяніе невинность тоже нужно сохранить, избѣгая прежнихъ грѣховъ и стараясь исправить пороки. Чтобы *достигнуть этого, необходимо* знать начало, источникъ или корень грѣховъ, или пороковъ и опредѣлить вѣрнѣйшія противъ нихъ врачевства, найти лучшія средства для исправленія жизни и душевнаго спасенія. Чтобъ врачеваніе было не только не безполезно, но и дѣйствовало бы благотворно на раны грѣховныя, для сего нужно еще узнать причинную связь въ исторіи нашихъ грѣхопаденій, которая лучше всего покажетъ и степень нравственной порчи и большую или меньшую виновность во грѣхахъ.

Корень всему злу—самолюбіе, виды котораго, или отъ котораго происходятъ гордость, любостяжаніе или корыстолюбіе и сластолюбіе или плотоугодіе, а отъ нихъ уже и всѣ прочіе грѣхи и пороки. И въ паденіи нашихъ прародителей обнаружились гордость, любостяжаніе и сластолюбіе. Гордость—будто вкушеніе запрещенныхъ плодовъ произведетъ знаніе и сравнитъ съ Богомъ („*будете яко бози*"); *любостяжаніе—плоды пріятны для глазъ*; сластолюбіе—они хороши въ снѣдь (Быт. III, 6). Діаволъ, искушая Іисуса Христа въ пустынѣ, имѣлъ въ виду эти же три порока: плотоугодіе (Матѳ. IV, 3), гордость (—5, 6) и любостяжаніе (—8, 9). И слово Божіе прямо указываетъ на нихъ, какъ главнѣйшіе (1 Іоан. II, 16).

Гордость, корыстолюбіе и плотоугодіе есть у всякаго грѣшника, но только не у всѣхъ въ одинаковой степени. У одного преобладаетъ гордость, у другаго корыстолюбіе, у иного плотоугодіе. И гордецъ не безъ корыстныхъ видовъ и не безъ наслажденій чувственныхъ; но легко одолѣваетъ ихъ, если удовлетвореніе имъ можетъ унижать его. Когда же гордецъ слишкомъ прилѣпится къ любостяжанію, тогда оно заглушаетъ гордость и становится первымъ двигателемъ жизни. Такъ у всякаго человѣка одна которая либо страсть господствуетъ, а другія какъ бы подчиняются ей и управляются ею. Эту-то главную страсть и надобно открыть, чтобъ противъ нея болѣе всего и ратовать. Оставь ее въ покоѣ: будешь всегдашній грѣшникъ. Строй церкви, дома призрѣнія несчастныхъ—богадѣльни, да не трогай гордости: все будетъ тщетно. Будь ревностнымъ молитвенникомъ, обхаживай мѣста святыя, да не имѣй цѣломудрія, что пользы? Постись хоть до крайняго изнеможенія, да любуйся копящимся у тебя золотомъ, или серебромъ, вообще капиталомъ, или имѣй злобное сердце: ничто постъ твой.

Исповѣдь только тогда будетъ благотворна, когда за нею послѣдуетъ исправленіе жизни. Но съ чего начать это исправленіе и какъ продолжать его? Взявшись разомъ за многое, ничего

не исполнишь, и будешь такимъ же грѣшникомъ, каковъ былъ прежде. Для сего-то именно и необходимо открыть главнѣйшій корень или источникъ грѣховъ, чтобъ изсушить его, также и причинную связь ихъ и поводы къ нимъ. Какъ открыть этотъ источникъ грѣховъ, или пороковъ и причинную связь грѣхопаденій? Можно открыть чрезъ слѣдующіе вопросы источникъ грѣховъ. Что болѣе всего непріятно и прискорбно для тебя: *а)* то ли, когда обезчестятъ тебя какъ нибудь, или *б)* когда обокрадутъ, или помѣшаютъ умножать капиталъ, или *в)* когда отнимутъ у тебя возможность угождать твоей плоти или вообще чувственнымъ удовольствіямъ? Или—чрезъ слѣдующіе: что сильнѣе всего желаешь себѣ: *а)* быть ли у всѣхъ въ чести и уваженіи, или *б)* нажить богатство и *в)* наслаждаться чувственными удовольствіями? Вопросы подъ буквою *а* укажутъ на гордость, подъ *б* на любостяжаніе, подъ *в* на плотоугодіе. Или—чрезъ одинъ общій вопросъ: о чемъ ты прежде и болѣе всего заботишься, или чѣмъ занимаешься съ особенною силою и рвеніемъ и какіе грѣхи чаще всѣхъ и съ особенною любовію повторяютъ? А затѣмъ предложить исповѣднику вопросъ: не доводилъ ли кого до злобы и мщенія, или до печали и даже слезъ, и изъ-за чего именно? И самъ не злобишься ли на кого либо, и за что именно? Утвердительный и точный отвѣтъ укажетъ тоже или на гордость, или на любостяжаніе, или на плотоугодіе и подтвердитъ отвѣты подъ *а*, или *б*, или *в*. Потомъ слѣдуетъ прежде всего спрашивать исповѣдника о грѣхахъ, происходящихъ отъ главнаго источника, дабы по возможности раскрыть причинную связь ихъ. Если, напримѣръ, главнымъ источникомъ порочной жизни исповѣдника будетъ гордость, то спросить его: не величался ли, не хвастался ли предъ кѣмъ своею силою, или благоразуміемъ, добродѣтелями, успѣхами, красотою, или другимъ чѣмъ, относя это единственно къ себѣ самому, а не къ благости и промыслу Божію? Если такъ, то вѣроятно не считалъ нужнымъ прибѣгать къ Богу съ молитвою о помощи, или къ заступленію Богоматери, ангелу хранителю и угодникамъ

Божіимъ, также ходить къ богослуженіямъ и благодарить Бога, или благодѣтелей, равно какъ каждогодно причащаться св. Таинъ? Постоянно ли имѣлъ крестъ на груди? Не допускалъ ли какихъ либо неодобрительныхъ средствъ, чтобы возвыситься, прославиться предъ другими (славолюбіе—видъ гордости), напримѣръ: величаваго, напыщеннаго тона рѣчи, или тѣлодвиженія (надмѣнность), или чрезмѣрнаго и не по состоянію щегольства (тщеславіе)? Или не лицемѣрилъ ли, старался только казаться честнымъ, или благочестивымъ, разсказывая о небывалыхъ своихъ заслугахъ, или добродѣтеляхъ, или разукрашая и увеличивая свою доброту? Не скрывалъ ли какихъ либо грѣховъ, или пороковъ своихъ на исповѣди, чтобъ не унизить себя предъ духовникомъ, и какихъ именно? Не безславилъ ли и не позорилъ ли кого либо? Не насмѣхался ли надъ кѣмъ нибудь? Не клеветалъ ли на кого съ намѣреніемъ унизить его, или отомстить? Не соблазнялъ ли кого на какой нибудь грѣхъ, или дѣло позорное? Не чванился ли? Не требовалъ ли когда, чтобы другіе унижались предъ тобою и кланялись тебѣ (честолюбіе—видъ гордости), также, чтобы непремѣнно исполняли твои приказанія, не имѣя права приказывать? (Властолюбіе—видъ гордости). Въ случаѣ же неповиновенія, или нанесенія тебѣ безчестія обиднымъ словомъ, или дѣломъ, не допускалъ ли чего либо неодобрительнаго въ отношеніи къ ближнему, напримѣръ: побоевъ, сквернои брани, проклятій, и под.? Не желалъ ли обидчику твоему какого либо зла? Не радовался ли его несчастію? Не имѣешь ли къ нему ненависти, или презрѣнія? Не старался ли чего дѣлать по своему упрямству, и именно наперекоръ ближнему, или своей совѣсти и разуму? Не противился ли какимъ либо распоряженіямъ начальниковъ, родителей? Не грубилъ ли съ ними? Не хулилъ ли, или не отвергалъ ли какое либо царское, или церковное узаконеніе, правило, или учрежденіе? Не побуждалъ ли когда кого нибудь къ дѣйствіямъ противъ властей? Не упорствовалъ ли когда въ своихъ мнѣніяхъ ложныхъ и ничѣмъ недоказанныхъ? Не отвергалъ ли когда какую либо

очевидную истину, особенно истину евангельскую, или утвержденную св. Церковію? Не придерживаешься ли какихъ либо ученій, непринятыхъ св. православною Церковію, и не распространялъ ли ихъ между православными? Не осмѣивалъ ли чего либо священнаго? Не произносилъ ли какихъ либо дерзкихъ, хульныхъ словъ противъ Бога, или угодниковъ Его? Гордецъ бываетъ раздражителенъ и часто предается гнѣву. Онъ и злопамятенъ и непримиримый ненавистникъ и мститель, даже иной человѣкоубійца, если жестоко оскорбляется его гордость. (Спросить и объ этихъ грѣхахъ и порокахъ)[1]). Если главнымъ источникомъ грѣховной жизни будетъ любостяжаніе, то грѣховная жизнь любостяжателя проявляется прежде всего въ недовольствѣ иногда съ ропотомъ на Бога, или даже въ безвѣріи, а затѣмъ въ зависти, или даже ненависти къ богачамъ и зложелательствѣ. Любостяжатель, конечно, не чуждъ и пособій къ любостяжанію, какъ-то: лихоимства или незаконнаго приращенія капитала, лжи и обмана при сдѣлкахъ, куплѣ и продажѣ, также божбы и непочтенія праздниковъ, ложной клятвы и клятвопреступленія, иногда воровства, даже грабительства и убійства. При обиліи богатства бываетъ скупость, или роскошь, неразлучная съ тщеславіемъ, самонадѣянность,

---

[1]) Къ большей части вопросовъ, смотря по ихъ содержанію, и особенно указывающихъ на грѣхи тяжкіе, нужно присоединять, конечно не для любопытства, а для опредѣленія силы и тяжести грѣха, или для вѣрнѣйшаго открытія его источника, причины, поводы, съ цѣлію дать пригодный совѣтъ, или назначить благоплодную эпитимію, еще слѣдующіе: часто ли такъ бывало? Давно ли началось пристрастіе ко грѣху? Гдѣ грѣшилъ? При какомъ случаѣ, или пособіи? Явно, или тайно? Съ намѣреніемъ ли и обсужденіемъ, или необдуманно и ненамѣренно? Въ какое время? Почему? Для чего? и нѣкоторые другіе. Благоразуміе и опытность пастыря должны быть главнымъ руководствомъ при его вопросахъ о жизни исповѣдника. Духовникъ долженъ помнить, что своими вопросами онъ долженъ споспѣшествовать отчетливому и полному раскрытію жизни исповѣдника, дабы раскаяніе было искреннее и всестороннее.

отверженіе промысла Божія, хотя болѣе практическое, нежели теоретическое, плотоугодіе въ нѣкоторыхъ видахъ и лѣность, честолюбіе и надменность. (Предложить исповѣднику соотвѣтствующіе сему вопросы, отвѣты на которые укажутъ порядокъ вопросовъ). Если источникъ порочной жизни—плотоугодіе, то оно проявляется прежде всего въ чревоугодіи, объяденіи и лѣности, даже въ совершенной безпечности какъ о духовныхъ, такъ и о тѣлесныхъ потребностяхъ, въ несоблюденіи постовъ, въ различныхъ увеселеніяхъ; у многихъ въ пьянствѣ и сладострастіи, у безбрачныхъ въ дѣтоубійствахъ; затѣмъ холодности и неуваженіи ко св. вѣрѣ; иногда въ кощунствѣ; а при высшей степени въ крайнемъ развращеніи сердца, въ упадкѣ вѣры и наконецъ въ отчаяніи.

Впрочемъ человѣкъ, зашедшій во глубину золъ, нимало не радитъ о своемъ спасеніи и даетъ полный просторъ всѣмъ своимъ грѣховнымъ влеченіямъ. Жизнь его можно уподобить грязному, наполненному гадами, болоту съ разными нечистотами, въ которомъ не различишь предметовъ. Потому весьма трудно отыскать у него главнѣйшій источникъ порочной его жизни и связь грѣховъ. Сегодня онъ гордецъ, завтра любостяжатель, въ другое время сластолюбецъ. Кромѣ того нѣкоторые грѣхи и пороки имѣютъ такую тѣсную между собою связь, что очень трудно разобрать, что отъ чего произошло и къ чему поведетъ. Возьмемъ въ примѣръ ложь. Этотъ грѣхъ можетъ происходить и отъ гордости, и отъ любостяжанія, и отъ плотоугодія, и отъ множества частныхъ источниковъ, каковы: легкомысліе, суетность, ласкательство, человѣкоугодіе, страхъ, малодушіе, лукавство, празднословіе; и самъ, въ свою очередь превратившись въ навыкъ, можетъ быть источникомъ многихъ грѣховъ, напримѣръ: обмана, запирательства, измѣны или вѣроломства, ложной клятвы, клятвопреступленія. Источниковъ гнѣва можетъ быть и бываетъ также много, и самъ онъ бываетъ источникомъ несмѣтныхъ золъ, особенно, когда превращается въ ярость. Иные

пороки обусловливаютъ одинъ другой, напримѣръ: зависть—ненависть, и наоборотъ, ненависть—зависть; гнѣвъ—ненависть, и наоборотъ; любостяжаніе—гордость, гордость—любостяжаніе; или, зависть—любостяжаніе, и наоборотъ, любостяжаніе—зависть. Такимъ образомъ связь или развитіе грѣховъ, или пороковъ, много подобно новой, изорванной и починенной сѣти, у которой множество связей, или узловъ; и трудно узнать, гдѣ, что и какъ, прежде, или послѣ вязано. Это и еще болѣе скрытность, столь обыкновенная у нынѣшнихъ христіанъ, много затрудняютъ духовнаго врача въ распознаваніи нравственныхъ духовныхъ болѣзней, ихъ источниковъ, связи, и въ указаніи вѣрнѣйшихъ средствъ или способовъ къ исправленію порочной жизни.

Вслѣдъ за исповѣдію для исправленія грѣховной жизни нужно назначить кающемуся эпитимію, которая или преграждала бы главный источникъ такой жизни и пріучала бы къ противоположной этому источнику добродѣтели, или была бы въ нѣкоторомъ смыслѣ наказаніемъ за грѣхъ, добрымъ занятіемъ, трудомъ, или даже подвигомъ, свидѣтельствующимъ объ искренности и глубинѣ покаянія. Она для большей ея благоплодности должна быть въ связи со грѣхомъ, или порочнымъ навыкомъ, и должна продолжаться дотолѣ, пока не изсякнетъ источникъ порочной жизни. Потому изъ поклоновъ ли однихъ будетъ состоять она, или какого либо молитвеннаго правила, изъ благотвореній ли какихъ, изъ поста ли, изъ благочестивыхъ ли упражненій, или подвиговъ, и пр. и пр., но, будучи назначена противъ источника грѣховъ, должна подлежать исполненію не одновременно—за-разъ, а въ нѣсколько разовъ, въ точности опредѣленное и указанное время и лучше всего до слѣдующей исповѣди и говѣнія.

На исповѣдника сперва нужно наложить эпитимію, служащую къ ослабленію главнаго порока, или страсти, если они слишкомъ сильны, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ удаленію случаевъ, располагающихъ къ ихъ удовлетворенію, а потомъ и къ ихъ искорене-

нію, далѣе же къ насажденію добродѣтели. И никакъ не должно ожидать и требовать внезапной перемѣны жизни порочной на безпорочную; ибо такая перемѣна возможна только при чрезвычайномъ дѣйствіи благодати Божіей, естественнымъ же путемъ не возможна; потому что, какъ человѣкъ дѣлается порочнымъ не вдругъ, но постепенно, такъ и порокъ уничтожается не вдругъ, а мало по малу, и то съ большимъ трудомъ. Преподобная Марія египетская 17-ть лѣтъ боролась съ своими похотьми, какъ съ лютыми звѣрями, и только по прошествіи этого немалаго времени плотскія страсти оставили ее (Чет. Мин. апр. 1 д.). Страсти же и пороки наслѣдственные, прирожденные, искореняются еще труднѣе. Итакъ съ порочнаго человѣка должно требовать сначала исполненія того, что болѣе для него возможно, и съ чего удобнѣе можетъ начать онъ исправленіе своей грѣховной жизни, которое состоитъ въ томъ, чтобы полюбить добродѣтель. И когда кающійся будетъ „ревновать о дарованіяхъ большихъ“, тогда уже „показывать ему путь по превосходенію“ (1 Кор. XII, 31). Для питающихся „млекомъ“ твердая пища не по силамъ (—III, 2; Евр. V, 12—14), и не только *безполезна, но даже* вредна. „Никто же вливаетъ вина нова въ мѣхи ветхи“ (Матѳ. IX, 17; Іоан. XVI, 12). *Надобно имѣть* въ виду духовныя силы кающагося. Не всѣ могутъ приносить одинаковый плодъ. Иной „плодъ приноситъ во сто крать“, иной въ „шестьдесятъ“, а иной въ „тридцать“, какъ засвидѣтельствовалъ и Самъ Іисусъ Христосъ (Матѳ. XIII, 23). Кто не привыкъ еще прощать, тотъ не можетъ воздавать добромъ за зло; неспособный воздавать добромъ за зло не можетъ любить враговъ своихъ. Кто крайне любостяжателенъ, тотъ не скоро приметъся за щедрую милостыню. Для чревоугодника, непривыкшаго прежде къ обыкновенному воздержанію, не возможенъ строгій постъ. Для крайне безпечнаго какія либо не отложно обязательныя дѣла благочестія должно назначить какъ эпитимію, и именно такія изъ нихъ, которыя служили бы источникомъ другихъ добродѣтелей, наприм.:

терпѣніе, производящее опытность—„искусство“ во спасеніи, отъ котораго происходитъ „упованіе“—надежда (Римл. V, 4), указавъ притомъ опредѣленно случаи и время для терпѣнія. Вообще же всякій пусть начинаетъ дѣло душевнаго спасенія со внимательнаго и точнаго исполненія обыкновенныхъ своихъ дѣлъ и христіанскихъ обязанностей и обязанностей своего званія. Ктожъ въ этомъ не успѣшенъ, на того нечего налагать эпитиміи, обязательно къ нему не относящіяся.

Вовсе освобождать кающихся отъ эпитиміи не должно. „Аще кто исповѣдуетъ грѣхи своя отцу своему духовному, и той не свяжетъ его эпитиміею въ малѣ, или въ велицѣ грѣхѣ, или по невѣденію, или усрамяся кого, таковый попъ нѣсть пастырь, но губитель золъ. Аще бо не свяжетъ эпитиміею кающагося, то предастъ его вѣчной муцѣ“ (Истинно-древняя церковь, 4 изд. ч. I, стр. 181). „Кто подъ видомъ человѣколюбія и кротости снисходитъ порокамъ своихъ подчиненныхъ, тотъ въ то время, когда они отходятъ отъ житія сего, доводитъ ихъ до того, что они ужасно его проклинаютъ“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ (Кн. къ паст. гл. XIV). „Не должно ниже гнати по стремнинамъ отчаянія, ниже опускати бразды къ разслабленію жизни и къ небреженію“, пишутъ св. Отцы шестаго вселенскаго собора (прав. 102): „но должно непремѣнно которымъ либо образомъ, или посредствомъ суровыхъ и вяжущихъ, или посредствомъ болѣе мягкихъ и легкихъ врачебныхъ средствъ, противодѣйствовать недугу и къ заживленію раны подвизатися“. Значитъ и на кающихся съ сильнымъ сердечнымъ сокрушеніемъ и уже вступившихъ на путь добродѣтели, ревностно противящихся пороку, но еще не очистившихся отъ него, тоже нужно налагать эпитимію или въ предостереженіе отъ новыхъ паденій, или недужную къ большему христіанскому совершенству. Если Спаситель (Іоан. V, 14), св. Іоаннъ Креститель Господень (Лук. III, 12—14) не требовали особенныхъ дѣлъ благочестія и богоугожденія отъ кающихся, кромѣ исполненія своихъ обыкновенныхъ дѣлъ и обя-

занностей; если и св. апостолъ Павелъ заповѣдывалъ, напримѣръ, вору не красть, а лучше трудиться, „дѣлая своими руками благое“ (Еф. IV, 28), и не указалъ временнаго наказанія за воровство: то изъ сего еще не слѣдуетъ, что эпитиміи не нужны, хотя и не будетъ преступленіемъ, если ограничишься однимъ выговоромъ при исповѣданіи людей, наприм. совѣстливыхъ и стыдливыхъ, или однимъ увѣщаніемъ и вразумленіемъ—при исповѣди людей благоразсудительныхъ, или даже однимъ простымъ наставленіемъ людей простыхъ и добросердечныхъ, и притомъ если всѣ таковые не были великими преступниками, и если съ усердіемъ ревнуютъ о благочестіи. Тотъ же Апостолъ неоднократно налагалъ и эпитиміи, напр.: на Именея и Александра (1 Тим. I, 20), на кровосмѣсника (1 Кор. V, 1, 5).

Эпитимію нужно предложить въ опредѣленныхъ, ясныхъ и точныхъ словахъ, такъ, чтобы относительно времени, средствъ и способовъ къ ея исполненію, совершенно ничего не было неяснаго и неопредѣленнаго.

Каноны отцевъ и соборовъ о продолжительномъ отлученіи отъ св. Таинъ должны быть принимаемы нынѣ духовникомъ только въ руководство для опредѣленія тяжести грѣха. Они не были и не могли остаться неизмѣнными во всѣхъ случаяхъ и на всѣ времена. Отцы соборовъ (1 всел. пр. 12) постановили при наложеніи эпитимій „пріимати въ разсужденіе расположеніе и образъ покаянія“ исповѣдника, также „качество его грѣха и готовность къ обращенію, и тако употребляти приличное недугу врачеваніе“ (102 пр. VI всел. соб.). А потому отлученіе отъ св. причащенія, кромѣ величайшихъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ, можетъ быть замѣнено эпитиміею или назначеніемъ дѣлъ, подвиговъ, свидѣтельствующихъ о любви ко Христу и пролагающихъ путь къ нравственному съ Нимъ единенію, напримѣръ: оказаніемъ какого либо вида любви къ ближнимъ и особенно ко врагамъ; ибо безъ любви къ ближнимъ не можетъ быть любви ко Христу (1 Іоан. I, 6, 7; IV, 13, 20, 21); или продолжи-

тельнымъ богомысліемъ и молитвою, или какимъ либо выраженіемъ глубочайшаго смиренія, съ которымъ было бы неразлучно послушаніе. Для примѣра укажемъ эпитиміи противъ гордости, любостяжанія и плотоугодія, и нѣкоторыя другія.

„Противъ гордости". 1) Если, чувствуя въ себѣ сильное превозношеніе какими нибудь дарованіями, или своими преимуществами (нужно опредѣленно указать на то, чѣмъ гордится исповѣдникъ), горделъ съ услажденіемъ будетъ занятъ разговорами о нихъ, то, оставивъ такіе разговоры, пусть говоритъ въ слухъ такъ: „земля и пепелъ (Быт. XVIII, 27), и червь (Псал. XXI, 7), считаютъ себя высокою тварію: не глупо ли это"? или: „приставникъ Господа достояніе и даръ Его считаетъ своею собственностію: справедливо ли это"? 2) Такъ какъ горделъ любитъ все и всѣхъ осуждать, то за такія о комъ бы то ни было рѣчи и отзывы, которыхъ не хочетъ и не любитъ онъ слушать о себѣ самомъ, пусть живущимъ, или находящимся съ нимъ скажетъ, что онъ по гордости и несправедливо осудилъ ближняго. И въ обоихъ случаяхъ, т. е. за превозношеніе, или осужденіе, пусть объявитъ тому, предъ кѣмъ возносился, или кого лично осуждалъ и позорилъ, какой нибудь тайный грѣхъ свой (указать на тотъ изъ нихъ, который не такъ позоренъ, или на который согласится самъ исповѣдникъ). Св. Іоаннъ Лѣствичникъ для гордыхъ и высокомѣрныхъ назначаетъ врачевствомъ „строжайшее послушаніе (Книга къ пастырю, гл. VII); ибо угожденіе своему хотѣнію всегда человѣка надмити и вознести можетъ", говоритъ онъ (—гл. XIV). Итакъ 3) если горделъ кому въ чемъ либо будетъ противиться, или ослушаться, нарушая тѣмъ законы вѣры, или нравственности, или какія либо обязанности общественныя, или семейныя; то за каждый такой случай противленія, или осужденія, соединенныхъ со враждою, пусть при вечернихъ молитвахъ „творитъ 50 земныхъ поклоновъ", пока не исправитъ ослушанія послушаніемъ (Требн. Номокан. прав. 122).

Замѣтимъ, что исправлять гордеца столь же трудно, сколь трудно приводить въ чувство находящагося въ сильномъ обморокѣ. Ибо гордецъ рѣшительно есть духовный мертвецъ. Онъ не живетъ и не можетъ жить христіанскою жизнію, пока не начнетъ смиряться.

Гордецъ неохотно приметъ эпитимію, особенно тяжелую. Потому духовникъ долженъ сказать ему, что эпитимія налагается на него по необходимости, ибо гордость, удаляя отъ Бога, нравственно соединяя съ діаволомъ и, ввергая въ вѣчную погибель, требуетъ неотложнаго исправленія, и что на духовникѣ лежитъ страшная отвѣтственность за небреженіе въ руководствѣ ко спасенію своихъ пасомыхъ.

Если гордецъ откажется отъ исполненія эпитиміи и не обнаружитъ никакихъ признаковъ сокрушенія, то его слѣдуетъ оставить безъ разрѣшенія. „Предъ Богомъ гордыня возненавидѣна“ (Сир. X, 7); потому „Богъ гордымъ противится“ (Іак. IV, 6; 1 Пет. V, 5); и гордецъ не спасется тѣмъ, что будетъ разрѣшенъ духовникомъ, который за несправедливое разрѣшеніе самъ будетъ возненавидѣнъ Богомъ. Священникъ, какъ посланникъ Божій и исполнитель св. воли Божіей, долженъ дѣйствовать за-одно съ этою волею, какъ бы отъ лица Самаго Бога. Потому, если онъ не противостанетъ гордости, которой Богъ „противится“, то будетъ общникъ діаволу и противникъ Богу.

Если гордецъ будетъ исправляться и начнетъ смиряться, исполняя данную ему эпитимію, то назначить ему другую, а именно: или отправлять благодарные молебны за случаи, когда кто либо будетъ публично унижать, или злословить его, или при вечернихъ молитвахъ класть по 12 земныхъ поклоновъ за злословца въ теченіи недѣли.

„Противъ любостяжанія“. Нужно прежде узнать о причинѣ любостяжанія. Если причина его — излишняя заботливость объ обезпеченіи своего семейства, то нужно возбудить любовь болѣе къ Богу, чѣмъ къ семейству. Возбудить же ее можно нежначе,

какъ дѣлами милосердія; ибо другимъ путемъ нельзя возвыситься до любви къ Богу. А нетлѣнное и неоцѣненное обезпеченіе для дѣтей—надлежащее христіанское воспитаніе во „благочестіи“, которое „на все полезно есть“ (1 Тим. IV, 8).

Такъ какъ „приращеніе богатства болѣе и болѣе возжигаетъ пламя страсти“ (Злат. на Матѳ. бес. 63), то любостяжателю нужно назначить эпитимію или преграждающую беззаконное приращеніе, или уменьшающую богатство, напримѣръ: назначить пожертвованіе на какое либо богоугодное дѣло, или заведеніе, такъ какъ этого требуетъ долгъ любви къ Богу и ближнему. А чтобы эпитимія была точною и опредѣленною, для сего можно назначить опредѣленное количество процентовъ съ движимаго ли имѣнія или денегъ на какое либо благотвореніе.

Кто пристрастился къ любостяжанію по склонности къ жизни роскошной, тому назначить отдать нищимъ или на богоугодныя заведенія извѣстное количество процентовъ съ денегъ, употребленныхъ на предметъ роскоши. Если же источникомъ любостяжанія—плотоугодіе, то назначить эпитимію противъ того вида плотоугодія, къ которому кающійся имѣетъ сильную страсть. Если же—скряжничество, съ укладкою денегъ безъ всякаго употребленія, то дать совѣтъ непремѣнно употребить деньги въ оборотъ и прибыль или проценты на какое либо богоугодное дѣло и стараться убѣдить скрягу въ оставленіи слѣпой и безсмысленной привязанности и любви къ деньгамъ, развивающейся идолопоклонству (Ефес. V, 5).

Если для умноженія богатства было допущено воровство, или какое либо хитрое и незаконное присвоеніе чужой собственности, то, по требованію Номоканона (Требн. пр. 46; Іезек. XXXIII, 14, 15), нужно „платить татьбу“; при невозможности же платы назначить въ продолженіе года или и болѣе каждый день, или каждую недѣлю, класть по такому количеству земныхъ поклоновъ о здравіи и о спасеніи обокраденнаго, сколько рублей украдено, или на какое количество украдено.

Законное скопленіе богатства, конечно, не должно подлежать эпитиміи, если богачъ не скряга, удерживающій свое богатство въ кладовыхъ безъ всякаго употребленія, и если благоразумно употребляется оно.

„Противъ сладострастія“. Если случится безъ нужды, а особенно по сладострастнымъ расчетамъ, быть сладостраному наединѣ съ женщиною, или дѣвицею, и разговоръ съ нею, хотя бы не сладострастный; то за каждый такой случай, подверженный сладострастію, пусть кладетъ отъ 40 до 100 земныхъ поклоновъ, смотря по степени сладострастія и теплотѣ покаянія. Еслижъ случился притомъ плотской грѣхъ, то согрѣшившему совѣтовать полагать по понедѣльникамъ, средамъ и пяткамъ по 50 земнымъ поклоновъ съ молитвою: Господи, помилуй мя блуднаго! и назначить сухоядѣніе въ тѣ дни до извѣстнаго времени. Если плотской грѣхъ будетъ допущенъ вновь, то кромѣ этого назначить класть въ тотъ же день или слѣдующую ночь отъ 50 до 300 земныхъ поклоновъ, смотря по тому, съ кѣмъ совершенъ грѣхъ (со скотомъ ли, съ мущиною ли и пр.), касаясь при поклонахъ земли, съ произношеніемъ той же молитвы.—Нечистое и оскверненное тѣло пусть и терпитъ нечистоту, а молитвою очищается душа.

Имѣющій наложницу долженъ разлучиться съ нею, или вступить въ бракъ.

„Противъ пьянства“. При позывѣ на винопитіе совѣтовать тотчасъ же заняться какимъ либо дѣломъ, работой, и по усталости обѣдать или ужинать. При неотступности такого позыва—отправиться къ духовнику.

Не исполнившій или не исполняющій эпитиміи, особенно легкой, независимо отъ непремѣннаго исполненія оной, если таковое возможно, пусть въ продолженіе 40 дней кладетъ по 40 земныхъ поклоновъ съ молитвою: „помилуй мя Боже, помилуй“! Притомъ внушить кающемуся, что, если и еще не будетъ онъ исполнять эпитиміи, то во грѣхахъ не будетъ разрѣшенъ; ибо разрѣшеніе отъ грѣховъ, безъ заботы и старанія объ исправленіи грѣховной

жизни, не только не принесетъ пользы, но причинитъ еще вредъ грѣшнику тѣмъ, что онъ, надѣясь на разрѣшеніе, будетъ прилагать грѣхи ко грѣхамъ, а духовнику тѣмъ, что онъ подвергается строжайшей отвѣтственности предъ Богомъ.

Священникъ *Іоаннъ Шастинъ.*

ПРИТЧА.

Вліяніе добраго примѣра жизни пастырей.

Въ древніе годы жилъ одинъ святой человѣкъ. Святость его была такъ велика, что ей удивлялись даже ангелы и сходили нарочито съ неба, чтобы посмотрѣть, какъ, живя на землѣ, можно такъ уподобляться Богу. А онъ просто жилъ себѣ, распространяя вокругъ себя добро, какъ звѣзда распространяетъ свѣтъ, какъ цвѣтокъ распространяетъ ароматъ, самъ этого не замѣчая. Каждый день его жизни можно опредѣлить двумя словами: онъ благотворилъ и прощалъ. Никогда объ этомъ ни слова онъ не говорилъ, но это выражалось въ его улыбкѣ, въ его привѣтливости, добродушіи и ежечасной благотворительности.

И сказали ангелы Богу: „Господи, даруй ему даръ чудесъ“!

— „Я согласенъ. Спросите у него, чего онъ хочетъ“, отвѣчалъ Господь.

И спросили ангелы Святаго: „Желаешь ли ты прикосновеніемъ твоихъ рукъ подавать больнымъ здоровье“?

— „Нѣтъ“ отвѣчалъ Святой: „пусть лучше Самъ Господь творитъ это“.

— „Не желаешь ли ты имѣть такой даръ слова, силою котораго ты обращалъ бы грѣшниковъ на путь истины и добра“?

— „Нѣтъ, сказалъ Святой, это дѣло ангеловъ, а не слабаго человѣка; я молюсь объ обращеніи грѣшниковъ, а не обращаю".

— „Можетъ быть, ты хочешь сдѣлаться образцомъ терпѣнія, привлекать къ себѣ сіяніемъ добродѣтелей и этимъ прославлять Бога"?

— „Нѣтъ, сказалъ Святой, привлекая къ себѣ вниманіе другихъ, я тѣмъ буду отвлекать ихъ отъ Бога. У Господа же много другихъ средствъ къ прославленію Себя".

— „Но чего же ты наконецъ хочешь"? спросили ангелы.

Святой отвѣчалъ съ улыбкой: „чего мнѣ хотѣть? Да не лишитъ меня Господь милости Своей! Съ нею у меня будетъ все".

Но ангелы продолжали настаивать: „все таки нужно, чтобы ты испросилъ себѣ даръ чудесъ, или мы дадимъ тебѣ его насильно".

„Хорошо, отвѣтилъ Святой, я хочу творить добро такъ, чтобы самому о томъ не вѣдать".

Смущенные этой просьбой ангелы стали совѣтоваться между собой и остановились на томъ, чтобы тѣнь Святаго и позади и по сторонамъ его, не видимая имъ, имѣла даръ исцѣлять больныхъ, облегчать скорби и утѣшать печали.

Такъ и было.

Когда проходилъ Святой, его тѣнь, отражаясь по сторонамъ и позади его, покрывала зеленью утоптанныя дороги, украшала цвѣтами увядшія растенія, возвращала чистую воду изсохшимъ ручьямъ, свѣжій цвѣтъ лица—блѣднымъ малюткамъ и тихую радость плачущимъ матерямъ.

А Святой попрежнему просто проходилъ свою жизнь, распространяя вокругъ себя добро, какъ звѣзда испускаетъ свѣтъ, какъ цвѣтокъ—ароматъ, самъ этого не зная. И народъ, почитая его смиреніе, молча слѣдовалъ за нимъ, ничего не говоря ему о чудесахъ его и, забывъ даже настоящее его имя, сталъ называть его „Святою Тѣнью".

Если мы будемъ жить свято, то доброе назиданіе, подобно тѣни, повсюду будетъ слѣдовать за нами и вездѣ творить чудеса, о которыхъ мы узнаемъ только въ день суда.

Назидательныя для пастырей Церкви изреченія св. Отцевъ.

Нѣтъ ничего лучше и надежнѣе для малоопытныхъ людей, какъ имѣть старшихъ и учителями въ своей жизни, и свидѣтелями оной; посему и въ клирѣ—младшій пусть слушается старшаго, а старшій во всемъ повинуется старѣйшему—епископу, какъ представителю Церкви и раздаятелю божественной благодати.

Не презирай мнѣнія другихъ о себѣ, а въ особенности людей добрыхъ и почтенныхъ: чрезъ это ты научишься воздавать каждому должное и уважать добродѣтель. Но обращать вниманія на мнѣніе и совѣты добрыхъ людей есть признакъ гордости или глубокой нравственной испорченности.

Слава учителя всегда зависитъ не отъ него самаго, а отъ поучающихся у него; пусть же хвалятъ учителя Церкви уста пасомыхъ, а не собственныя уста его.

Одна и таже трава для однихъ животныхъ служитъ пищею, а для другихъ ядомъ; одна и таже пища для взрослыхъ здорова, а младенцамъ и дѣтямъ вредна. Пусть же пастырь Церкви младенцевъ о Христѣ питаетъ словеснымъ млекомъ, а болѣе зрѣлымъ предлагаетъ твердую пищу духовную.

Слово наше—зеркало, видимое обнаруженіе нашего ума, а потому пастырю Церкви и въ словахъ необходимо наблюдать

благоразумную мѣру, чтобы по ошибкѣ не сказать чего либо неблагопристойнаго или нескромнаго.

Самое произношеніе словъ должно быть проникнуто у пастыря скромною учтивостію, дабы грубо выговоренная рѣчь не наскучила и не оскорбила слуха другаго.

Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть. Прекрасное дѣло, если тотъ, кто учитъ, и творитъ. „Одинъ“ только „Учитель“, Который „сказалъ и исполнилось“.

Если ты будешь молчать на злословіе врага, то другіе, замѣтивъ это, скажутъ о тебѣ: „такой-то злословилъ его, а онъ и не обратилъ на это вниманія: брань его наказалъ презрѣніемъ“. Если же ты на злословіе и оскорбленіе взаимно отвѣтишь тѣмъ же, то скажутъ: „они оба другъ друга поносили и злословили; оба достойны осужденія; ни одинъ изъ нихъ не правъ“!

Дѣти обыкновенно скоро сердятся другъ на друга, но также скоро и мирятся; не презирай же, а учись у нихъ незлобію (Матѳ. гл. 18 ст. 3).

Проповѣдническое зеркало.

Знаменитому проповѣднику Массильону сказалъ однажды Людовикъ XIV: „когда я слушаю другихъ проповѣдниковъ, часто получаю при этомъ удовольствіе; когда же слушаю васъ, я чувствую одно неудовольствіе—на себя самаго“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 марта 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 12.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Марта 18-го.

Содержаніе: Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.—О пастырской ревности по примѣру Господа Іисуса Христа.—Недоброе вліяніе на поселянъ со стороны солдатъ, возвращающихся на родину по билетамъ.—Что нужно для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ?

Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.

ПИСЬМО 3-е.

О вѣчности мученій.

Изъ вашего послѣдняго [1]) письма видно, что въ области религіозныхъ вопросовъ вы еще не зашли такъ далеко въ своихъ заблужденіяхъ, чтобы даже сомнѣваться, напр., въ существованіи Бога. „Никогда, пишете вы, не ломалъ я себѣ голову надъ доказательствомъ бытія Божія. Исторія, природа, размышленіе даютъ все нужное для него; но признаюсь, что для своего убѣжденія я не нуждаюсь въ научномъ подтвержденіи сей истины. Вотъ мое доказательство: я вынимаю изъ кармана часы, разсматриваю ихъ механизмъ и правильное движеніе, и меня никто, конечно, не станетъ увѣрять, что это—дѣло случая, а не орга-

[1]) См. Руководство для сельск. паст. 1883 г., № 52.

низующаго ума часоваго мастера. Но міръ представляетъ собою еще нѣчто бо́льшее, чѣмъ часы; онъ свидѣтельствуетъ, что долженъ быть единый всесильный Творецъ. Атеисты признаютъ вмѣсто Бога случай; говорятъ о какихъ-то комбинаціяхъ атомовъ, о натуральныхъ силахъ и, Богъ знаетъ, о чемъ только ни говорятъ, но всѣ ихъ слова—слова безъ смысла". Радуюсь, что вы признаете первую и основную религіозную истину, безъ которой мы и шагу не могли бы сдѣлать дальше; съ удовольствіемъ читаю ваши простыя, но справедливыя слова, въ которыхъ вы съ рѣдкимъ и вѣрнымъ тактомъ оцѣниваете матеріалистическіе взгляды.

Перехожу теперь къ тому предмету, о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы вы прямо перешли къ вопросу о „вѣчности мученій". Этотъ вопросъ вы возбуждаете безъ вниманія къ той связи, въ какой онъ находится съ другими; но вѣдь для полнаго и основательнаго разъясненія христіанскихъ догматовъ неудобно брать ихъ отрывочно. Христіанскіе догматы образуютъ собою такое цѣлое, въ которомъ одно тѣсно связано съ другимъ, и ничего нельзя брать безъ связи съ цѣлымъ. Между тѣмъ противники догматовъ обыкновенно берутъ что нибудь одно и разсматриваютъ его отрывочно, а потомъ, собравши всѣ происходящія отсюда недоумѣнія, восклицаютъ: „это непонятно; религія, которая такъ учитъ,—неистинная". Но можно ли высказывать столь поспѣшныя сужденія и непонятное для насъ признавать за неистинное? Если мы читаемъ или слушаемъ разсказъ о какомъ либо явленіи, фактѣ, то мы прежде всего освѣдомляемся объ умѣ и правдивости писателя, или разсказчика, и когда съ этой стороны намъ ничего не остается болѣе желать, то мы по необходимости должны бываемъ признать дѣйствительнымъ разсказываемое событіе, какъ бы страннымъ оно ни казалось намъ. Прежде чѣмъ совершено было въ первый разъ кругосвѣтное путешествіе, только весьма немногіе могли понять, какъ это корабль, кото-

рый идетъ на западъ, можетъ возвратиться съ востока. Но кажущаяся невозможность такого факта не могла служить основаніемъ—отвергнуть разсказъ Себастіана-де-Эллкано, когда онъ довелъ до конца предпріятіе несчастнаго Магеллана. Еслибы кто изъ нашихъ предковъ возста́лъ изъ гроба и услышалъ повѣсть о чудесахъ науки въ цивилизованныхъ странахъ, то неужели онъ сначала долженъ бы провѣрить въ частности разсказъ о дѣйствіяхъ той или другой машины, о силахъ, какія ее приводятъ въ движеніе,—продуктахъ, которые она производитъ, и затѣмъ все, что покажется ему невозможнымъ, отвергнуть? Конечно, нѣтъ. Для здраваго изслѣдователя довольно было бы убѣдиться въ правдивости и честности свидѣтелей, и еслибы онъ увѣрился, что свидѣтели не заблуждались и не имѣли интереса обмануть его, то онъ безъ дальнѣйшаго колебанія могъ бы согласиться съ тѣмъ, что слышалъ отъ нихъ, какъ бы это ни казалось ему страннымъ и непонятнымъ. Подобнымъ образомъ надо поступать и въ разсужденіи предметовъ религіозныхъ; здѣсь прежде всего нужно изслѣдовать, существуетъ ли божественное откровеніе, или нѣтъ,—есть ли Церковь хранительница откровенныхъ истинъ, или нѣтъ? Когда эти вопросы рѣшены въ смыслѣ положительномъ, тогда остается еще убѣдиться только въ томъ, дѣйствительно ли занимающая насъ истина содержится въ Божественномъ Откровеніи и преподается Церковію—хранительницею и истолкователь ницею сего Откровенія. Вотъ вѣрный путь и способъ, который ведетъ къ истинному рѣшенію недоумѣній религіозныхъ; все другое будетъ уклоненіемъ отъ дѣла и только потерею времени.

Этими замѣчаніями впрочемъ я не желаю обойти суть затрудненія, а только нахожу нелишнимъ и даже необходимымъ съ этого именно замѣчанія начать свое разсужденіе о предметѣ вѣры. Итакъ къ дѣлу.—„Вамъ кажется совершенно невѣроятнымъ то, что говорятъ проповѣдники о мукахъ адскихъ; вамъ часто приходилось слышать на счетъ этого даже прямо вещи

смѣшныя".—Мнѣ думается, что васъ смущаютъ и даже кажутся смѣшными собственно подробности въ изображеніи адскихъ мученій. Не зная, что препятствуетъ вамъ принять эти частности, ограничусь пока изложеніемъ христіанскаго догмата объ адскихъ мученіяхъ въ главныхъ чертахъ. Сущность догмата такова: грѣшники, не получившіе оправданія на послѣднемъ праведномъ судѣ Божіемъ, подвергаются наказаніямъ, которымъ не будетъ конца: „идутъ сіи въ муку вѣчную". Это догматъ; все прочее, всякія подробности, напр. касательно мѣста, качества мученій, относятся къ области тѣхъ предметовъ, о которыхъ позволяется имѣть различныя мнѣнія, лишь бы только они вообще были согласны съ ученіемъ православной Церкви. Изъ Свящ. Писанія мы положительно узнаемъ только то, что наказанія будутъ безконечны, ужасны... и что еще нужно?! Ужасныя, безконечныя мученія!... Развѣ этой одной идеи не довольно для вашего любопытства?

„Какъ возможно", говорите вы, „чтобы безконечно милосердый Богъ такъ жестоко наказывалъ Свое твореніе"?—Какъ возможно, скажу и я вамъ, чтобы безконечно праведный Богъ наказывалъ не съ такою строгостію, если Онъ призвалъ насъ ко спасенію такими чудно великими средствами, которыя притомъ сохраняетъ и прощаетъ намъ въ теченіе всей нашей жизни? Если человѣкъ оскорбляетъ Бога, если тварь возстаетъ противъ Творца, конечное существо противъ безконечнаго, то это требуетъ и безконечнаго наказанія. И по мѣрѣ человѣческой правды противленіе наказывается въ большей или меньшей степени, смотря по положенію лица, противъ котораго оно обнаруживается. Какъ ужасно смотрѣть на сына, который возстаетъ противъ своихъ родителей! Есть ли болѣе тяжелое, удручающее явленіе, чѣмъ то, когда человѣкъ наноситъ оскорбленіе своему щедрому благодѣтелю? Обратите вниманіе на эти идеи и вспомните, что Бога оскорбляетъ человѣкъ, противъ безконечнаго Существа возстаетъ ничтожество, къ Отцу оказываетъ неблагодарность сынъ, противъ

своего высочайшаго Владыки возмущается подданный, противъ Господа неба и земли—слабое твореніе: какія сильныя побужденія—увеличить вину? какія основанія—умножить наказаніе? За нѣкоторыя преступленія даже противъ человѣка законъ человѣческій наказываетъ виновнаго смертною казнію, т. е. величайшимъ изъ всѣхъ наказаній, какія существуютъ на землѣ, потому что это наказаніе есть въ своемъ родѣ вѣчное наказаніе: преступникъ „навсегда“ лишается всѣхъ благъ временной жизни; почему же только высочайшій небесный Судія не долженъ подвергать грѣшниковъ такимъ наказаніямъ, которыя продолжались бы вѣчно? Замѣтьте еще, что человѣческая правда не удовлетворяется раскаяніемъ преступника: разъ совершено преступленіе, затѣмъ непремѣнно слѣдуетъ наказаніе, хотя бы виновный измѣнилъ между тѣмъ всю свою жизнь. Богъ же напротивъ требуетъ сокрушеннаго и смиреннаго сердца; Онъ не хочетъ смерти грѣшника, не наноситъ грѣшнику окончательнаго удара, не указавъ ему на жизнь и смерть и не подавъ ему напередъ руки помощи для избавленія отъ вѣчной погибели. На кого же послѣ этого пенять человѣку какъ не на самаго себя: не воспользовался спасительными средствами, а потому и остался внѣ спасенія, т. е. подвергся вѣчному наказанію. Что же тутъ противорѣчиваго или ужаснаго? Благость Божія все сдѣлала въ отношеніи къ грѣшнику, все, что можно безъ насилія его свободы; затѣмъ и правда Божія вступаетъ въ свои права. Нѣтъ, я вижу, что и на васъ отразилось господствующее направленіе нашего вѣка: это—такъ называемый сентиментализмъ. Вы, какъ и многіе другіе, обращаетесь къ сердцу тамъ, гдѣ слѣдуетъ имѣть лишь дѣло съ разумомъ.

„Какъ можетъ чувствительное сердце вынесть ужасный видъ несчастнаго, приговореннаго къ вѣчному мученію“? Правда, что чувство во многихъ вещахъ есть наилучшее средство основательно понять истину; но столь же вѣрно и то, что его никогда нельзя дѣлать главнымъ руководителемъ, никогда нельзя

предоставить ему господства надъ разумомъ въ области вѣковѣчныхъ вопросовъ. Права и обязанности родителей и дѣтей, мужа и жены, и вообще всѣ семейныя отношенія никогда не могутъ быть вполнѣ поняты при свѣтѣ одного только разума, если въ тоже время не будутъ внимать и голосу сердца; но и наоборотъ: извратились бы самые здравые принципы морали и былъ бы внесенъ безпорядокъ въ семейную жизнь, еслибы захотѣли, независимо отъ строгихъ требованій разума, руководствоваться одними только внушеніями измѣнчиваго чувства. Это-то послѣднее обстоятельство и есть, кажется, обильный источникъ заблужденій нашего вѣка. Въ настоящее время въ развитіи человѣческаго духа замѣчается преобладаніе именно чувства или чувствительности надъ разумомъ, а потому рѣдко правильно оцѣниваются основныя положенія вѣчной морали. Изнѣженное чувство пытается обожествить удовольствіе, ищетъ извиненія для всѣхъ превратныхъ и преступныхъ дѣйствій, называетъ только слабостью постыднѣйшія паденія, только заблужденіемъ—ужаснѣйшія преступленія, стремится изгнать изъ міра всякую идею строгости, заглушаетъ укоры совѣсти и дѣлаетъ для человѣка единственнымъ кумиромъ—удовольствіе, единственнымъ правиломъ—эгоизмъ. Вы видите, что съ такимъ моднымъ воззрѣніемъ, конечно, не можетъ мириться существованіе ада; но заблужденіе людское не уничтожаетъ горькой дѣйствительности. Богъ смотритъ на вещи не человѣческими очами, и Его неизмѣнныя рѣшенія не подчинены прихотямъ нашего болѣзненнаго духа. Если адъ существовалъ во времена нашихъ отцевъ, то онъ не перестанетъ существовать и въ наше время; фактъ нисколько не измѣняется ни строгостію прежнихъ, ни изнѣженностію нашихъ временъ. Когда человѣкъ со смертію окончитъ свое земное поприще, онъ явится предъ лицемъ высочайшаго Судіи и туда не возьметъ себѣ въ защитники здѣшняго міра. Онъ явится лишь съ обнаженною совѣстію и предъ очами Того, для Кого „вся нага и объявлена“.

Конечно, и послѣ сего люди, мало разсуждающіе, могутъ считать догматъ о вѣчности адскихъ мученій жестокимъ и ужаснымъ и говорятъ, „что адскія вѣчныя и ужасныя наказанія не совмѣстны съ божественнымъ милосердіемъ“; но мы въ свою очередь отвѣтимъ, что и отсутствіе такихъ наказаній также мало совмѣстно съ божескою правдою и добрымъ порядкомъ всей вселенной. Міръ подвергся бы случайности; въ его явленіяхъ по большей части господствовала бы несправедливость, еслибы не было карающаго Бога, Который ожидаетъ преступника по ту сторону гроба, чтобы потребовать отъ него отчета въ его превратной дѣятельности за дни его земнаго странствія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, какъ торжествуетъ неправда и смѣется надъ честностію и благоразуміемъ, какъ въ своей роскоши и расточительности люди издѣваются надъ бѣдностію и несчастіемъ многихъ несчастныхъ жертвъ своихъ обмановъ и хищеній? Развѣ съ ужасомъ не видимъ мы многихъ безчувственныхъ отцевъ, которые своею безшабашною жизнію повергаютъ въ несчастье семью, главою которой поставилъ ихъ Богъ, во гробъ вгоняютъ добродѣтельныхъ супругъ и покидаютъ дѣтей своихъ въ крайней нищетѣ, не оставивъ ничего для нихъ, кромѣ печальнаго воспоминанія и несчастныхъ послѣдствій своего соблазнительнаго образа жизни? Развѣ не встрѣчаемъ мы такихъ уродливыхъ, жестокихъ сыновей, которые безумно смѣются надъ сѣдинами давшихъ имъ жизнь, которые не только не служатъ утѣхой для своихъ родителей, но своею безпорядочностію и грубою жестокостію только еще сокращаютъ дни ихъ печальной старости? И сколько другихъ есть преступленій и беззаконій, о которыхъ и говорить то страшно, то срамно! Честолюбіе, вѣроломство, презрѣніе, обманъ, прелюбодѣяніе, клевета и многіе другіе пороки пользуются часто въ этомъ мірѣ совершенною безнаказанностію... Неужели не должно быть для нихъ праведнаго возмездія? Неужели никого нѣтъ на небѣ, кто бы слышалъ вопли невинныхъ обитателей земли?! Но гдѣ же тогда

была бы справедливость? Гдѣ провидѣніе? Гдѣ побужденіе къ добродѣтели и узда для пороковъ?...

Вы возражаете: нельзя понять цѣль, съ какою Богъ подвергаетъ грѣшника наказаніямъ именно на всю вѣчность? Вы находите недостаточнымъ для этого то основаніе, по которому, какъ выше показано, „божественная правда только этимъ можетъ быть удовлетворена и только страхомъ ужасныхъ наказаній люди обращаются отъ порочнаго пути жизни своей“. Вы говорите, что „никакъ нельзя понять основанія такой строгости, даже взявъ во вниманіе отношеніе между вѣчностію наказанія и безконечностію оскорбленія“. Но вы очень ошибаетесь, если думаете, что иначе бываетъ въ другихъ случаяхъ; извѣстно, что разумъ человѣческій всегда омрачается, какъ скоро вступаетъ въ область безконечнаго. Мы не постигаемъ съ полною ясностію истинъ, относящихся къ этой области, но крайней мѣрѣ несомнѣнно, что какую бы ясность и очевидность онѣ ни имѣли для насъ, мы не можемъ обольщать себя мыслію, будто познаемъ ихъ также, какъ и истины, принадлежащія конечному и чисто человѣческому порядку вещей. Это въ особенности справедливо въ отношеніи къ догмату о вѣчности мученій. Впрочемъ неясность сего догмата, происходящая сколько отъ слабости нашего разума, столько же и отъ возвышенности самаго предмета, нисколько меня не смущаетъ: иначе я долженъ бы отказаться не только отъ догмата объ адскихъ мученіяхъ, но и отъ многихъ другихъ истинъ. Такъ, напр., мнѣ извѣстна истина творенія,—извѣстна не только изъ Божественнаго Откровенія, но и на основаніи естественнаго разума; однако, если я хорошенько поразмыслю объ этомъ предметѣ, если пожелаю составить себѣ ясную и отчетливую идею объ этомъ возвышенномъ актѣ, при которомъ Богъ говорилъ: „да будетъ свѣтъ и сталъ свѣтъ“, то я буду не въ состояніи вполнѣ постигнуть переходъ отъ небытія къ бытію.—Знаю я, равно какъ и вы, о бытіи Божіемъ, Его безконечности, вѣчности, неизмѣримости и о всѣхъ другихъ свойствахъ; но развѣ дано намъ

составить вполнѣ ясныя идеи о томъ, что выражается этими словами? Конечно, нѣтъ; если вы прочтете все, что объ этомъ писали богословы и философы, то легко поймете, что всѣ они болѣе или менѣе страдаютъ тою же слабостію, какою и мы.— Но если объ этихъ истинахъ, какъ и о многихъ другихъ, мы не пріобрѣли „достаточной“ ясности, то неужели должны отвергнуть ихъ за то только одно, что онѣ оставляютъ нѣкоторое затрудненіе для разума? Но потому-то онѣ и называются истинами вѣры. Я могъ бы здѣсь представить вамъ тысячу примѣровъ такой несостоятельности нашего разума даже въ области физической природы и обыденной человѣческой жизни; но боюсь уклониться отъ предмета и утомить ваше вниманіе.

Теперь касательно того, что вѣчныя наказанія необходимы для обузданія страстей и пороковъ, вы утверждаете, „что и не вѣчныя, но болѣе или менѣе продолжительныя и ужасныя мученія достаточны для той же цѣли“, и этимъ думаете ниспровергнуть нашъ догматъ. Но мнѣ кажется: вы еще не вполнѣ изслѣдовали предметъ сей. Если идея страданія и дѣйствительно устрашаетъ насъ и возбуждаетъ въ насъ ужасъ, то она все-таки сравнительно производитъ слабое впечатлѣніе, если не простирается на „всю“ будущую жизнь. Въ этомъ убѣдиться не трудно, если внимательно присмотрѣться даже къ явленіямъ обыденной жизни. Ежедневный опытъ показываетъ, какъ часто низшая, чувственная природа человѣка подчиняетъ себѣ, подавляетъ и заглушаетъ высшія, духовныя его потребности.—Существуетъ адъ для устрашенія и небо для надежды; но все это лежитъ въ другомъ мірѣ, принадлежитъ иному, совершенно отличному порядку жизни, въ который мы твердо вѣруемъ, но отъ котораго не получаемъ никакихъ прямыхъ, сильныхъ впечатлѣній; поэтому мы должны употребить все напряженіе духа, чтобы проникнуться безконечнымъ интересомъ горняго міра, въ сравненіи съ которымъ—ничто все, окружающее насъ.—Положимъ, мы и употребляемъ такое напряженіе; но тутъ фантазія направляетъ наше чувство къ земному,

живо рисуя намъ то удовольствіе, ту пріятность, какими мы тотчасъ же можемъ воспользоваться; и вотъ горній духовный міръ исчезаетъ предъ нашими глазами, подобно тому, какъ иногда теряемъ мы изъ глазъ нѣкоторые предметы здѣшняго міра. Разумъ какъ бы ослѣпленѣваетъ, воля впадаетъ въ какую-то сонливость, и грѣхъ торжествуетъ побѣду. Еще: человѣкъ почти всегда руководится впечатлѣніями минуты; онъ приноситъ будущее въ жертву настоящему, и если на вѣсахъ своего разсудка онъ взвѣшиваетъ прибыль или убытки, какіе можетъ принести ему извѣстное дѣло, то отдаленность или близость достиженія этихъ прибылей и убытковъ есть обстоятельство, которое имѣетъ огромное вліяніе на его выборъ. Почему же иначе должно быть въ отношеніи къ событіямъ другой жизни, если такъ бываетъ въ дѣлахъ настоящей жизни?—Какъ много есть людей, которые приносятъ въ жертву минутному удовольствію богатство, честь, здоровье, жизнь! А почему? потому что возбуждающій предметъ существуетъ на лице, а несчатіе представляется отдаленнымъ, и человѣкъ впадаетъ въ самообольщеніе, что несчастье онъ можетъ еще отклонить, или рѣшается претерпѣть его, подобно тому, какъ еслибы кто нибудь съ завязанными глазами бросился въ бездну. Изъ всего этого слѣдуетъ несправедливость вашего мнѣнія, будто и „продолжительное“ наказаніе достаточно произвесть такое же или подобное дѣйствіе, какъ и „вѣчный“ адъ.—Напротивъ можно съ увѣренностію сказать, что какъ скоро наказанія не вѣчны, они теряютъ большую часть своего ужаса и своей дѣйственности на людей. Чтобы наказанія другаго міра сильны были удерживать отъ пороковъ и преступленій, они должны быть ужасны и именно „вѣчны“, они должны быть таковы, чтобы одно воспоминаніе о нихъ вызывало такой спасительный трепетъ, который не прекращается и среди „шума“ разсѣянной жизни, подобно звуку сильно звучащаго металла, который (звукъ) и послѣ удара еще долго не прекращается.

Нужно ли еще говорить вамъ, что вѣра въ вѣчность адскихъ мученій есть общее достояніе даже языческихъ народовъ?—Ее мы находимъ у персовъ, халдеевъ, ассиріянъ, римлянъ, греческихъ поэтовъ и философовъ и американскихъ народовъ. Едва ли можно вообразить себѣ болѣе ужасную картину ада, чѣмъ какую, напр., находимъ мы у Виргилія; и не только адъ у него, но и самый путь къ аду представляетъ неописанные ужасы.—Это показываетъ, что мысль о вѣчности мученій не только не противна, но и удобопріемлена для разума.

Конечно, и послѣ всего этого, вы можете, какъ угодно, думать о мукахъ адскихъ, я же отъ всей души желаю и молю Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ васъ, прежде чѣмъ наступитъ день Его праведнаго гнѣва, когда ангелъ хранитель вашъ долженъ будетъ закрыть свои взоры, не имѣя что представить въ ваше оправданіе, чтобы освободить васъ отъ ужаснаго приговора.

Б.

О пастырской ревности по примѣру Господа Іисуса Христа.

1) Ревность ко храму Божію.

Ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня“ (Псал. 68, 10), говорилъ нѣкогда пророкъ отъ Моего имени.

Я достаточно наглядно показалъ, какая ревность по храмѣ обитала во Мнѣ. Съ необычнымъ для Меня негодованіемъ Я дважды изгонялъ изъ храма тѣхъ, которые осквернили его, и повелѣвалъ удалить изъ него все, что не мирилось съ святостью этого мѣста.

Подражай Моей ревности и отнюдь не допускай ничего такого, что можетъ осквернить домъ, въ которомъ Самъ Я обитаю въ святѣйшемъ таинствѣ.

Какъ часто могъ бы Я негодовать на Моихъ пастырей отчасти за то, что они вслѣдствіе малодушія своего не противятся оскверненію храма, отчасти и за то, что они относятся ко всему богослужебному небрежно.

Изъ превратно понимаемой вѣжливости и изъ ложнаго благоразумія они, видя осквернепіе храма, молчатъ, а потомъ уже спокойно привыкаютъ смотрѣть на то, какъ въ Моемъ собственномъ, святомъ домѣ, въ Моемъ присутствіи Меня позорятъ.

Еслибы люди, оскверняющіе домъ Мой, видѣли, что пастыри Мои—стражи ревностные и бдительные, то они навѣрно оставались бы внѣ дома Моего, а Я не такъ часто былъ бы осмѣиваемъ.

И не негодовать ли Мнѣ еще и за то, что только въ Моихъ храмахъ часто недостаетъ и приличнаго украшенія?

Въ своихъ собственныхъ домахъ многіе пастыри Мои не потерпѣли бы никакого безпорядка, никакой нечистоты, а въ церкви они часто не смотрятъ за этимъ.

Въ своихъ собственныхъ помѣщеніяхъ они не держали бы такихъ бѣдныхъ, запыленныхъ сосудовъ, а для Моего алтаря часто и таковые—хороши.

Своихъ собственныхъ столовъ они, конечно, не покрывали бы такими часто загрязненными и порванными покрывалами, какими часто покрывается святый престолъ, на которомъ предлагаются Мое святѣйшее Тѣло и Кровь.

Пусть въ этомъ случаѣ пастыри Мои не извиняются бѣдностію храма: опрятность не требуетъ большихъ расходовъ, а пастыри, ревнующіе по домѣ Моемъ, не будутъ терпѣть недостатка.

Или, быть можетъ, они ищутъ оправданія себѣ въ томъ, что при церкви ихъ есть другія лица, обязанныя наблюдать за внѣшнимъ храма? Но если такъ, то будь, пастырь Мой, тѣмъ ревностнѣе самъ, удаляй все, что служитъ соблазномъ для народа и вредитъ его живой вѣрѣ.

Итакъ, пастырь Мой, подражай Моей ревности; всею силою вооружайся противъ осквернения храма Моего и заботься о чистотѣ и красотѣ его. Такъ долженъ ты поступать, если, конечно, вѣруешь, что храмъ—Мой домъ, въ коемъ всегда обитаю Я.

2) Ревность къ проповѣди слова Божія.

Обнаруживай святую ревность твою о спасеніи ввѣренныхъ твоему попеченію людей особенно въ постоянномъ проповѣданіи слова Божія. А какъ тебѣ проповѣдывать это слово Божіе, это ты знаешь изъ Моего примѣра!

Размысли сначала, какъ удивлялись народныя массы ученію Моему; это потому, что Я „училъ ихъ, какъ власть имѣющій“ (Мато. 7, 29). Эта власть принадлежала Мнѣ не только какъ Учителю божественному, но главнымъ образомъ эта власть происходила отъ того, что и самая жизнь Моя была для нихъ примѣромъ: всѣ видѣли, что Я требую отъ другихъ того, что исполняю сначала и Самъ. Вотъ почему и должно было быть написано обо Мнѣ: „начатъ Іисусъ творити же и учити“ (Дѣян. 1, 1).

И ты, пастырь Мой, имѣешь совершенную власть возвѣщать людямъ слово Божіе. Самое пастырство твое даетъ тебѣ сію власть и должно дѣйствовать на сердца вѣрующихъ.

Но этой власти недостаточно для того, чтобы проповѣдь твоя принесла обильные плоды, если самъ ты не привлечешь къ себѣ примѣрною, добродѣтельною жизнію.

Если самъ не соблюдаешь того, что соблюдать внушаешь вѣрующимъ, что могутъ и что будутъ думать вѣрующіе о проповѣди твоей?

Они будутъ думать, что ученіе, которое возвѣщено другимъ, для себя ты считаешь необязательнымъ, что, можетъ быть, считаешь его и для другихъ необязательнымъ, что ты слѣдовательно лицемѣръ, изъ устъ котораго исходятъ слова, стоящія въ противорѣчіи съ сознаніемъ собственнаго сердца.

Какъ жалка такая проповѣдь, когда гордецъ проповѣдуетъ о смиреніи, скупецъ—о щедрости, невоздержный—о воздержаніи!

Потому-то такъ строго устами пророка Я и вопрошаю грѣшныхъ пастырей: „что ты проповѣдуешь уставы Мои и берешь завѣтъ Мой въ уста твои“ (Псал. 49, 16)!

„И всѣ засвидѣтельствовали Мнѣ и дивились словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Моихъ“ (Лук. 4, 22).

Полны благодати были слова Мои по двумъ причинамъ: они были сладки и плѣняли вниманіе народа и были исполнены духа дѣйственной любви. Заботься и ты о томъ, чтобы плѣнять сердца людей словами любвеобильными и утѣшительными: слова, дышащія любовію и утѣшеніемъ, невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе.

Если люди охотно слушаютъ проповѣдника, то легче извлекаютъ изъ нихъ и пользу для себя.

Не подражай тѣмъ, которые любятъ только громить достойныхъ сожалѣнія грѣшниковъ и которые не умѣютъ преподать людямъ сладкаго хлѣба слова Моего, не обливъ его напередъ горечью.

Говори, какъ отецъ, какъ братъ, какъ другъ, тогда слова твои будутъ полны благодати и легко восприняты будутъ вѣрующими.

Но проповѣдь твоя должна быть исполнена святой ревности, дабы ты, когда она станетъ привлекать къ себѣ вниманіе людей, могъ плѣнить и сердца ихъ.

Не достаточно сказать нѣсколько вѣскихъ словъ; ревность твоя дастъ тебѣ слова, а любовь воспламенитъ ихъ; всѣ должны видѣть, что въ тебѣ говоритъ не столько языкъ, сколько твое пламенѣющее любовію сердце.

Но чтобы тебѣ, пастырь мой, достигнуть сего, есть только одно средство: чистое твое и святое сердце; если нѣтъ у тебя его, то и проповѣдь твоя не достигнетъ необходимой силы.

Не воображай, что ты могъ бы пріобрѣсти такую ревность искусственнымъ способомъ говоренія, подражаніемъ извѣстнымъ ораторамъ!

Изображенный на картинѣ огонь можетъ ли такое же имѣть дѣйствіе, какъ и дѣйствительный огонь? Настоящій огонь и дрова сожигаетъ и металлы расплавляетъ, а огонь, изображенный на картинѣ, и картинѣ самой не вредитъ.

Искусственная ревность безплодна; на сценѣ она еще имѣетъ мѣсто, но не въ храмѣ.

Искренно старайся освятить свое сердце, очистить его и любовію воспламенить его, тогда слова твои, какъ сѣмена, брошенныя въ сердца вѣрующихъ, принесутъ и плодъ сторицею.

Мое возвѣщеніе истины было исполнено власти и благодати; но Я возвѣщалъ сію истину просто; открой святое Евангеліе и убѣдишься въ этомъ.

Мои слова были понятны для всѣхъ, даже и для самыхъ бѣдныхъ и необразованныхъ людей, почему за Мною и слѣдовала всегда народная толпа, и бѣднѣйшіе извлекали изъ словъ Моихъ особенную пользу: „нищіи, сказано, благовѣствуютъ“ (Матѳ. 11, 5).

Хотя многіе служители Мои и награждены богатыми дарами, при помощи которыхъ слова Мои въ устахъ ихъ могли бы приносить прекраснѣйшіе плоды, однако всѣ слова ихъ, къ сожалѣнію, остаются безполезными; это потому, что они остаются непонятыми народомъ.

Тщеславное желаніе прославиться ослѣпляетъ ихъ; они, правда, говорятъ, что желаютъ поддержать честь проповѣдника, а Я взираю на сердце и тамъ усматриваю одно лишь стремленіе къ славѣ человѣческой и мірской славѣ.

Старайся говорить такъ просто, чтобы всякая простая женщина понимала, что ты говоришь и чувствуешь; питай всѣхъ нуждающихся въ помощи людей питательнымъ хлѣбомъ слова Моего.

Предлагая тебѣ проповѣдывать просто, Я не поучаю тебя тѣмъ самымъ подражать нерадѣнію многихъ Моихъ служителей, которые мало или вовсе не подумаютъ, о чемъ имъ придется говорить въ храмѣ своей паствѣ и которые вслѣдствіе этого часто говорятъ народу то, что имъ взбредетъ на умъ, слѣдовательно питаютъ паству свою одними только пустыми словами.

Тѣ, кто слышали Меня, не зная, кто Я, удивленно вопрошали: „откуда у Него такая премудрость и силы“ (Матѳ. 13, 54)?

Твоя проповѣдь должна быть простою, но исполненною мудрости и силы.

Прежде чѣмъ проповѣдывать, обдумай то, о чемъ желаешь говорить народу и найди самыя сильныя и дѣйствительныя основанія, чтобы тебѣ подвинуть сердце твоихъ слушателей, убѣдить ихъ.

Адвокатъ, имѣющій защищать какое либо великой важности дѣло, никогда, не обдумавъ хорошо, не станетъ говорить, а говоритъ, всегда зрѣло обдумавъ и усердно подготовившись. Дѣло, которое защищаешь ты,—дѣло въ высшей степени важное, дѣло спасенія людей, которое Мнѣ стоило крови.

Не оставляй такого приготовленія даже и тогда, когда тебѣ самому кажется, что можешь говорить легко, ибо достаточно уже упражнялся.

Если будешь смотрѣть на дѣло безпристрастно, то найдешь, что проповѣдуя безъ зрѣлой обдуманности и безъ приготовленія, ты обладаешь только относительною легкостію говорить о предметахъ священныхъ и говоришь не такъ надлежащимъ образомъ, какъ бы слѣдовало. И сколько безполезныхъ словъ найдешь ты въ твоей проповѣди! Сколько необдуманныхъ выраженій, какъ много неточныхъ и иногда неправильныхъ мыслей!

Многіе служители Мои и преимущественно сельскіе, полагая, что слушатели ихъ не слишкомъ взыскательны, извращаютъ Мои слова.

Они и не помышляютъ, что Я все слышу и что потребую нѣкогда отчета „за всякое праздное“, необдуманное, невѣрное „слово, какое скажутъ“ (Матѳ. 12, 36) они по своему нерадѣнію.

---

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что такая испорченность совершается всецѣло не во время отбыванія воинской повинности... Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что въ послѣднее время деревенская молодежь, поступающая въ военную службу, особенно изъ грамотныхъ, въ громадномъ большинствѣ скоро попадаетъ въ число штрафованныхъ. Военное начальство заявляетъ, что прежде этого не было. Значитъ, задатки испорченности принесены изъ деревни... Ред.

Къ № 12-му.

Недоброе вліяніе на поселянъ со стороны солдатъ, возвращающихся на родину по билетамъ.

Огульное отсутствіе молящихся на вечернемъ богослуженіи предъ воскресными и праздничными днями и нехристіанское время-провожденіе нашимъ крестьянскимъ людомъ не только вечера, но даже цѣлой ночи до разсвѣта, на канунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней къ несчастію обществъ, пишетъ священникъ Полтавской епархіи, поддерживается въ нихъ, развивается въ селахъ и мѣстечкахъ элементомъ пришлымъ въ село, людомъ побывавшимъ въ городахъ, на далекихъ окраинахъ нашей обширной родины,—словомъ, видавшимъ виды и прошедшимъ, какъ говорятъ, сквозь огонь и мѣдныя трубы. Этотъ элементъ въ наше время составляетъ силу, весьма вліятельную на молодое сельское юношество, не успѣвшее еще укорениться въ добрѣ. Мы разумѣемъ нашихъ солдатъ, возвращающихся по билетамъ на родину. О нихъ дѣйствительно умѣстно сказать: „отъ насъ вышли, но не наши“ [1]). Не беремся съ надлежащею полнотою представить картину того высокомѣрія и чванства, коими до мозга и костей зараженъ нашъ солдатъ, особенно, если онъ еще унтеръ-офицеръ!... Онъ считаетъ все

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что такая испорченность совершается всецѣло не во время отбыванія воинской повинности... Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что въ послѣднее время деревенская молодежь, поступающая въ военную службу, особенно изъ грамотныхъ, въ громадномъ большинствѣ скоро попадаетъ въ число штрафованныхъ. Военное начальство заявляетъ, что прежде этого не было. Значитъ, задатки испорченности принесены изъ деревни... Ред.

и всѣхъ за что-то далеко низшее себя, за что-то обязанное его только слушать и ему во всемъ вѣрить. Вотъ одинъ изъ многихъ фактъ, вполнѣ доказывающій справедливость нашего мнѣнія. Женился одинъ унтеръ-офицеръ, и когда, по принятому обычаю, женихъ долженъ былъ кланяться въ ноги своимъ родителямъ, во время обряда благословенія родителями молодыхъ предъ вѣнцемъ,—нашъ унтеръ отказался отъ исполненія этого праотеческаго обычая на отрѣзъ, сказавъ при этомъ видимо къ возвеличенію своей личности: „я никогда не кланялся въ ноги Государю Императору, а то буду кланяться мужикамъ! Вотъ выдумали мужицкія глупости!“ Вотъ какъ зацивилизовывается нашъ мужичекъ въ военной службѣ!... Эти-то именно господа и сѣютъ свои плевелы на духовной нивѣ нашего сельскаго молодаго поколѣнія. Не прибавлю ни іоты, если скажу, что въ послѣднее время въ нашей мѣстности, что прежде было за рѣдкость, канунъ воскресныхъ и праздничныхъ дней проводитъ все молодое поколѣніе въ пеистовыхъ крикахъ, съ такими высвистываніями, которыя только можно слышать въ солдатскихъ ротахъ послѣ ученія. И эти плевелы такъ удачно прививаются въ народѣ, что всякій даже десятилѣтній мальчишка уже отлично знаетъ всѣ солдатскія поговорки, прибаутки и залихвацкія пѣсни... На горе намъ, пастырямъ Церкви, волостные урядники, мнящіеся быти видящими, не только не оказываютъ содѣйствія въ дѣлѣ нравственнаго развитія того невѣжественнаго класса людей, которому еще пока полезенъ страхъ, а не одно слово любви; а напротивъ, облекшись въ права власти, позволяютъ себѣ даже выраженія того игнорированія по отношенію къ священникамъ, которое допускается интеллигентами. Такъ волостной старшина, вчера еще бывшій добрый и почтительный къ священнику прихожанинъ, который при встрѣчѣ съ священникомъ просилъ у него благословенія, на утро другого дня, сдѣлавшись старшиною, или засѣдателемъ, уже высокомѣрно протягиваетъ священнику руку и самодовольно говоритъ ему: „мое почтеніе, батюшка“! За глаза же иначе и не скажетъ,

какъ „попъ"!... Что же касается до солдатъ, то на счетъ сего послѣдняго класса людей позволяю себѣ привести слѣдующій фактъ, вполнѣ характеризующій внутреннее содержаніе солдата по отношенію къ священнику. На дняхъ одинъ солдатъ, засватавшійся въ сосѣднемъ приходѣ, приходитъ за совѣтомъ: можно ли ему вѣнчаться по временному свидѣтельству, выданному ему изъ полиціи, и обращается ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: „батюшка, можно ли по этому виду съ попомъ договариваться за вѣнчанье"? Слово попъ, употребляемое большинствомъ нашей полуграмотной интеллигенціи сельской, въ родѣ гласныхъ изъ мѣщанъ-кулаковъ, дало мнѣ поводъ узнать солдату его невѣжественное отношеніе къ священнику, хотя онъ и далеко хаживалъ, и много видовъ видывалъ. О, какъ много бываетъ со стороны служивыхъ случаевъ и поводовъ къ тому, чтобы унизить авторитетъ священника предъ сѣрымъ людомъ и на счетъ сего униженія возвыситься въ глазахъ простодушныхъ и легкомысленныхъ! Какихъ прибаутокъ и поговорокъ, предразсудковъ и суевѣрій не существуетъ на счетъ священника!... И сѣютъ вотъ такъ-то всѣ и всякъ, кто сколько возможетъ и съумѣетъ, подрывая авторитетъ священника, а затѣмъ и авторитетъ его священнаго служенія. Что же можетъ сдѣлать тутъ одинъ нерѣдко бѣдный, даже нуждающійся въ насущномъ хлѣбѣ, сельскій священникъ, если въ этомъ его подвигѣ онъ не найдетъ себѣ поддержки со стороны представителей цивилизующей силы.

Священникъ *Іоаннъ Костенко.*

Что нужно для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ?

Знаменитый Россійскій проповѣдникъ Иннокентій Херсонскій, въ бытность свою ректоромъ Кіевской Академіи, рѣшалъ этотъ вопросъ такимъ образомъ. Чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ, для этого требуется немногое. Пишите во-первыхъ просто, безъ всякихъ умствованій: это не въ духѣ евангельскихъ истинъ. Видите, какъ онѣ просты и доступны для каждаго и какъ обильны мыслями! Читаешь и не начитаешься! Пишите во-вторыхъ не съ тѣмъ, чтобы показать себя, или, такъ сказать, блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе далеко уклонитесь отъ цѣли. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника! Но главное вы сами должны быть прежде всего убѣжденными въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ; а для этого нужны твердая вѣра и доброе сердце. Третье—касательно слушателей: принимайте ихъ, кто бы они ни были, не болѣе какъ за вашихъ учениковъ, и вы будете говорить смѣло и свободно; говорите, а не читайте; старайтесь говорить наизусть, и слушатели всегда останутся довольными. Наконецъ, въ четвертыхъ, помните, что, исходя на средину церкви для проповѣдыванія, вы выходите какъ бы на всемірную апостольскую проповѣдь,—что вы—то же, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возблагоговѣете предъ своимъ высокимъ назначеніемъ и произнесете проповѣдь прекрасно...

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 марта 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 13.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Марта 25-го.

Содержаніе: Священникъ.—Разговоръ священника съ протестантомъ о сожиганіи труповъ.—Письма о значеніи обрядовой стороны христіанства для нравственнаго совершенствованія человѣка.—Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.—Афоризмы.

Священникъ.

Въ дѣлѣ пастырскаго служенія личность пастыря не отдѣлима отъ его должности. Священное дѣло, возлагаемое на пастыря Церкви, непремѣнно требуетъ, чтобы онъ своимъ личнымъ характеромъ и поведеніемъ вполнѣ отвѣчалъ своему высокому призванію. Частная жизнь священника и его служебная дѣятельность стоятъ въ неразрывной связи, и при сужденіи о томъ, отвѣчаетъ ли священникъ своему званію, смотрятъ не на то только, какъ онъ исполняетъ свои обязанности и какимъ является въ сферѣ своей служебной дѣятельности, но и на то, каковъ онъ самъ въ себѣ, въ своемъ личномъ нравственномъ характерѣ и въ своемъ поведеніи. Въ другихъ сферахъ и состояніяхъ частная жизнь и служебная дѣятельность могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой, и недостатки, замѣчаемые въ первой, не вредятъ существенно достоин-

ству второй. Напримѣръ можно быть великимъ полководцемъ и въ тоже время дурнымъ семьяниномъ и человѣкомъ сомнительной нравственности; можно быть хорошимъ градоначальникомъ и вообще администраторомъ, и не отличаться ни религіозностію, ни добродѣтелію; можно быть сильнымъ, краснорѣчивымъ адвокатомъ и искуснымъ врачемъ, и въ тоже время въ частной жизни служить предметомъ соблазна и нареканія. Репутація, снисканная профессіональною дѣятельностію въ указанныхъ нами званіяхъ и состояніяхъ и другихъ подобныхъ имъ, не страдаетъ отъ недостатковъ личнаго характера человѣка и его частной жизни. Совершенно не такія отношенія тамъ, гдѣ является служитель Божій и пастырь душъ. Каждый частный его нравственный недостатокъ— непосредственное противорѣчіе той должности, которую онъ занимаетъ, и что роняетъ его во мнѣніи, какъ частнаго человѣка или семьянина, служитъ къ униженію того званія, которое онъ на себѣ носитъ, и заставляетъ другихъ говорить, что онъ не достоинъ своего мѣста. Напротивъ доброе, честное поведеніе и безупречный личный характеръ священника не только способствуютъ возвышенію его званія, но и требуются отъ него, какъ непремѣнная принадлежность его служебнаго положенія. Значеніе личности, личнаго характера и поведенія въ дѣлѣ пастырскаго служенія заставляетъ людей, берущихся за это дѣло, быть крайне внимательными къ себѣ въ своей частной жизни, и всѣхъ, думающихъ о возвышеніи пастырскаго званія, побуждаетъ заботиться объ уясненіи того характера и того образа жизни, какой должны осуществлять, или по крайней мѣрѣ къ какому должны приближаться носящіе званіе священника. Святые отцы, писавшіе о пастырскомъ служеніи и желавшіе руководить служителей Церкви на избранномъ ими поприщѣ (св. Іоаннъ Златоустъ, св. Григорій Богословъ, св. Григорій Двоесловъ и св. Амвросій Медіоланскій), изъясняли не только то, что они должны дѣлать въ предѣлахъ своей должности, но и то, каковы они должны быть по своимъ нравственнымъ качествамъ, и каково должно быть ихъ поведеніе,

пускаясь иногда въ подробности касательно внѣшняго ихъ благоприличія, выражающагося въ тѣлодвиженіяхъ, одеждѣ, разговорѣ и т. под. Извѣстны тѣ требованія, съ какими они обращаются къ людямъ, призваннымъ къ пастырскому служенію. Мы считаемъ не безъизлишнимъ, руководствуясь ихъ замѣчаніями, нарисовать идеальный портретъ пастыря Церкви и попытаться раскрыть, каковъ онъ долженъ быть въ своей жизни, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, какія предъявляетъ ему наше время.

Идеальный портретъ священника, какой мы предположили начертить, былъ бы не полонъ, еслибы мы взяли пастыря Церкви въ одинъ опредѣленный моментъ и раскрыли то, что онъ долженъ дѣлать и чего долженъ избѣгать, чтобы отвѣчать своему званію. Желая показать жизнь пастыря въ свѣтѣ идеи, не образъ его только мы хотимъ написать, а прослѣдить исторію образованія живой личности, достойной пастырскаго служенія, и отмѣтить то, чѣмъ она должна заявлять себя среди разныхъ обстоятельствъ, ею переживаемыхъ.

Лице, избирающее своимъ жребіемъ пастырское служеніе, подпадаетъ нашему вниманію не съ той поры, когда оно, получивъ священное рукоположеніе, является на извѣстномъ приходѣ среди пасомыхъ, а гораздо раньше. Квинтиліанъ, предположивъ въ своихъ „Ораторскихъ наставленіяхъ“ начертить идеалъ оратора и указать правило къ надлежащему развитію способностей, данныхъ ему природою, начинаетъ слѣдить за своимъ идеальнымъ ораторомъ, можно сказать, съ самыхъ первыхъ дней раскрытія его самосознанія: онъ говоритъ о томъ, съ чего должно начинаться его ученіе и какъ должно вестись оно въ самые юные годы, чтобы изъ него вышелъ впослѣдствіи полезный и сильный на ораторскомъ поприщѣ. Но служеніе пастыря Церкви гораздо важнѣе, труднѣе и отвѣтственнѣе служенія свѣтскаго оратора. Потому, при мысли объ идеальномъ священникѣ, естественно не опускать изъ вниманія и тѣхъ лѣтъ его жизни, въ какія только намѣчивается и приготовляется буду-

щій дѣятель Церкви. Первый вопросъ, который самъ собою напрашивается, когда вы думаете о томъ, чтобы на постѣ пастыря Церкви являлись лица, вполнѣ достойныя своего званія,—это вопросъ о приготовленіи къ пастырскому служенію.

А. Приготовленіе къ священству.

I. Необходимость приготовленія.

Въ виду особенной важности и трудности пастырскаго служенія, казалось, не возможно отрицать нужды тщательнаго приготовленія къ нему со стороны тѣхъ, которые избираютъ его своимъ жребіемъ. Между тѣмъ встрѣчаются люди, и такихъ не мало, которые не считаютъ нужнымъ нарочитаго приготовленія къ священству, и то долговременное ученіе, какое нынѣ проходятъ кандидаты священства, имъ представляется дѣломъ не цѣлесообразнымъ. Благочестіе, говорятъ, требуется прежде всего и болѣе всего отъ пастыря Церкви; а оно не снискивается предварительнымъ образованіемъ, даваемымъ школою. Недостатокъ научнаго знанія можетъ возмѣстить божественная благодать или божественная мудрость, испрашиваемая и подаваемая чрезъ таинственное рукоположеніе. Намъ случалось слышать отъ лицъ, преданныхъ Церкви и полныхъ заботы о ея благѣ, что не ученаго нужно выбирать въ священники, а человѣка ревностнаго, и чтобы быть ему достойнымъ пастыремъ, отвѣчающимъ желаніямъ народа, ему нужны только ноги, голосъ и свой домъ,—ноги для того, чтобы онъ могъ пойти, куда его позовутъ для исправленія какой либо требы, голосъ для того, чтобы онъ могъ совершать богослуженіе, и свой домъ для того, чтобы онъ могъ содержать себя и свое семейство и не былъ въ тягость своимъ прихожанамъ. Въ первыя времена христіанства въ служители Церкви избирались и поставлялись люди, не получившіе нарочитаго спеціальнаго образованія; напримѣръ въ третьемъ вѣкѣ въ клиръ приняты и почтены саномъ пресвитера Фирмъ купецъ, суконщикъ Северъ и уголь-

щикъ Александръ, между тѣмъ эти и имъ подобные люди въ званіи пресвитеровъ удовлетворяли своему назначенію. И нынѣ въ Америкѣ, въ методистскихъ обществахъ, носильщикъ тяжестей или сторожъ, метущій улицы, вдругъ дѣлается иногда религіознымъ учителямъ народа и производитъ благотворное вліяніе на другихъ.

Подобныя представленія противорѣчатъ исторіи, не находятъ подтвержденія у св. отцовъ, писавшихъ о священствѣ и опредѣлявшихъ условія достойнаго совершенія священническаго служенія, и не сообразны съ существомъ дѣла.

Обстоятельства первенствующей Церкви были исключительныя. То было время первоначальнаго насажденія Церкви, когда не было еще возможности думать о способахъ приготовленія служителей Церкви и организовать институты, въ которыхъ бы приготовлялись эти служители. Сила Божія привлекала новыхъ людей къ созиданію царства Божія, и Господь Іисусъ Христосъ рыбарей и простыхъ людей, полныхъ вѣры въ Него, избралъ апостолами и имъ поручилъ дѣло служенія по устроенію Церкви. То было время гоненій, когда стѣсненная Церковь не могла свободно развивать и совершать свои отправленія и по нуждѣ должна была довольствоваться въ своемъ устроеніи не тѣмъ, чего хотѣла и что считала полезнымъ, но что находила возможнымъ при данныхъ условіяхъ. Трудно, даже не возможно было ожидать, чтобы въ эти исключительныя времена дѣло приготовленія пастырей поставлено было въ Церкви такъ, чтобы въ этомъ отношеніи тѣмъ временамъ подражали послѣдующіе вѣка и съ нихъ брали примѣръ для себя. Между тѣмъ необходимость приготовленія достойныхъ служителей Церкви всегда сознавалась въ христіанствѣ, и всегда мы видимъ, что стоящіе во главѣ христіанскаго общества заботятся о томъ, чтобы найти и приготовить для священнаго служенія лицъ, къ тому способныхъ, и снабдить ихъ знаніемъ, необходимымъ для пастыря Церкви.

Господь Іисусъ Христосъ изъ простыхъ и неученыхъ людей избралъ себѣ апостоловъ. Но они не тотчасъ же отъ своихъ прежнихъ занятій перешли къ трудамъ апостольства. По зову Господа и Учителя, они оставили все и послѣдовали за Нимъ, и это съ тою цѣлію, чтобы приготовиться къ будущему служенію, какое указывалъ имъ Господь. И вотъ, въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ, они были въ ближайшемъ общеніи съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, слышали всѣ Его бесѣды, въ какихъ Онъ раскрывалъ Свое ученіе народу, и получили отъ Него особыя наставленія, которыми Онъ хотѣлъ освятить ихъ сознаніе и укрѣпить ихъ вѣру. Ненапрасно они называли Его словомъ: „равви“, что значитъ учитель. Ненапрасно Онъ Самъ называлъ ихъ Своими учениками, и такими считалъ ихъ весь народъ. Многія изъ тѣхъ наставленій, какія сообщалъ Господь Своимъ ученикамъ, записаны въ Евангеліи, но гораздо больше такихъ, какія слышали они отъ Него устно и какихъ они не записали въ Евангеліи, слагая ихъ въ сердцѣ своемъ. Явившись имъ по воскресеніи, Онъ напомнилъ имъ о томъ, о чемъ говорилъ имъ, еще бывъ съ ними,—именно, что надлежитъ исполниться всему, написанному о Немъ въ законѣ Моисеевомъ, и въ пророкахъ и въ псалмахъ (Лук. 24, 44). Видно отсюда, что въ Своихъ частныхъ бесѣдахъ съ учениками Господь разъяснялъ имъ все Ветхозавѣтное Писаніе, вводилъ ихъ въ духъ его и старался довести ихъ до яснаго пониманія его. Но эти частныя бесѣды не сохранены до насъ, равно какъ не сохранены и тѣ бесѣды, какія Онъ имѣлъ съ ними о царствіи Божіемъ, являясь имъ въ теченіе сорока дней послѣ Своего воскресенія (Дѣян. 1, 3). Видно, что ученіе, и ученіе продолжительное считалось необходимымъ для апостоловъ со стороны Господа, избравшаго ихъ служителями и строителями Церкви Своей.

Апостолы, вѣрные завѣтамъ своего Учителя и Господа, въ управленіи ввѣренною имъ Церковію шли путемъ, указаннымъ имъ ея Основателемъ. Подобно Ему, они болѣе или менѣе про-

должительнымъ ученіемъ приготовляли избранныхъ изъ общества вѣрующихъ къ служенію слова, и званіемъ пастырей Церкви облекали тѣхъ, кого находили наиболѣе искуснымъ въ вѣрѣ и лучше приготовленнымъ къ выполненію пастырскаго служенія. Напримѣръ Тимоѳея апостолъ Павелъ избралъ въ служители Церкви послѣ того, какъ онъ „наученъ“ былъ всему, нужному ко спасенію (2 Тим. III, 14), и вниманіе Апостола на немъ остановилось потому, что онъ „изъ дѣтства зналъ Священныя Писанія, могущія умудрить во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса (2 Тим. III, 15), и потому, что ему извѣстна была „нелицемѣрная вѣра“ и благочестіе бабки Тимоѳея Лоиды и матери Евникіи, которыя ручались за доброе и тщательное воспитаніе избранника Павлова (2 Тим. I, 5). И не одного Тимоѳея приготовлялъ онъ къ достойному совершенію высокаго служенія пастырскаго. Въ рѣчи пресвитерамъ Ефесскимъ, которыхъ онъ созвалъ въ Милетъ предъ послѣднимъ отправленіемъ въ Іерусалимъ, онъ ихъ самихъ призываетъ въ свидѣтельство того, „какъ онъ не пропустилъ ничего полезнаго, чему бы не училъ ихъ, и старался возвѣстить имъ всю волю Божію“, и призываетъ ихъ бодрствовать въ дѣлѣ своего служенія, „памятуя то, что онъ три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждаго изъ нихъ“ (Дѣян. 20, 20. 27. 31). Смыслъ рѣчи и тѣ обстоятельства, среди которыхъ сказана она, даютъ намъ право видѣть въ этомъ свидѣтельствѣ Апостола объ ученіи, такъ тщательно и полно сообщенномъ имъ окружавшимъ его пресвитерамъ, ясное указаніе не на общее наставленіе въ вѣрѣ, какое давалъ онъ вездѣ вѣрующимъ, благовѣствуя о Христѣ Іисусѣ, а особенное и нарочитое, приспособленное къ потребностямъ избранныхъ служителей Божіихъ и руководителей вѣрующаго общества. Какъ апостолъ Павелъ поступалъ по отношенію къ Тимоѳею и къ пресвитерамъ Ефесскимъ, такъ точно поступали и другіе апостолы, избирая и приготовляя споспѣшниковъ и преемниковъ своего служенія. Что дѣлали апостолы сами при устроеніи Церкви, тоже самое исполнять они

внушали своимъ преемникамъ. Тимоѳею апостолъ Павелъ пишетъ: „руки скоро не возлагай ни на кого же“ (1 Тим. 5, 22). Опредѣляя тѣ свойства, какими долженъ отличаться желающій пресвитерскаго сана, и на какія нужно обращать вниманіе при выборѣ служителей Церкви, Апостолъ въ посланіи и къ Тимоѳею (1 Тим. 14, 2), и къ Титу (1, 3) указываетъ на то, что такому „подобаетъ быть учительну, держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати въ здравомъ ученіи и противящіяся обличати. Само собою понятно, что для снисканія учительной способности, для пріобрѣтенія силы сообщать другимъ здравое ученіе и обличать заблуждающихся и противляющихся слову вѣры нужно время, нужно, если не формальное школьное приготовленіе, то все таки нарочитое приготовленіе посредствомъ человѣческихъ средствъ, и Апостолъ, очевидно, имѣетъ въ виду это приготовленіе, когда указываетъ выше приведенными словами Тимоѳею и Титу, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ другимъ правителямъ Церкви, кого они должны избирать въ пресвитеры. „И сіи (прибавляетъ Апостолъ) да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще“ (1 Тим. 3, 10).

Послѣ временъ апостольскихъ, предстоятели Церкви руководились тѣми наставленіями, какія оставили своимъ преемникамъ святые апостолы. Практика Церкви первыхъ вѣковъ христіанства, какъ видно изъ Апостольскихъ Постановленій [1]), установила и требовала, чтобы пастырь былъ, „если возможно, образованный“, т. е. надлежащимъ образомъ приготовленъ къ своему высокому служенію, „а если онъ будетъ не ученъ, то да будетъ по крайней мѣрѣ искусенъ въ словѣ (въ ученіи христіанскомъ)“. Трудно было во времена гоненій всякій разъ находить надлежащимъ образомъ приготовленнаго кандидата для несенія тяжелаго пастырскаго долга; но выборъ и епископа и общины всегда останавливался на тѣхъ, въ комъ замѣчали и знаніе Писанія, и ясное

[1]) Кн. 2, гл. 1.

пониманіе предметовъ вѣры, и въ комъ предполагали умѣнье утверждать другихъ въ здравомъ ученіи. Угольщикъ Александръ, напримѣръ, не по одной прихоти или случайности, призванъ былъ къ пастырскому служенію,—но потому, что видѣли въ немъ человѣка, болѣе другихъ просвѣщеннаго въ вѣрѣ. И его избрали въ пресвитеры послѣ того, какъ онъ держалъ общинѣ христіанской разумную и впечатлительную рѣчь. При стѣснительныхъ обстоятельствахъ Церкви, не было въ обществахъ христіанскихъ организованныхъ институтовъ для нарочитаго приготовленія пастырей—руководителей вѣрующаго народа. Но на мысли предстоятелей Церкви лежала забота объ устраненіи этого дѣла, и мы не можемъ сказать, чтобы эта забота изъ области желаній не переходила въ практику. Нынѣшнія школы, въ которыхъ получаютъ образованіе будущіе кандидаты священства, тогда замѣняло воспитаніе въ клирѣ епископа. Въ клиръ епископа въ древнее время привлекались многіе молодые люди, обѣщающіе быть достойными служителями Церкви, и между ними часто видны были получившіе широкое свѣтское образованіе. Состоя на низшихъ степеняхъ епископскаго клира, они какъ бы проходили приготовительную школу къ пастырскому служенію. Они поручались ближайшему попеченію образованнѣйшихъ и опытнѣйшихъ изъ пресвитеровъ, состоявшихъ при епископѣ, и эти были ихъ руководителями въ пріобрѣтеніи ими необходимыхъ для нихъ христіанскихъ знаній,—читали съ ними Священное Писаніе, раскрывали предъ ними смыслъ его и вводили ихъ въ духъ его пониманія, вели съ ними бесѣды о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности и вообще сообщали имъ науку благочестія въ дополненіе къ тѣмъ знаніямъ, съ какими они вступали въ составъ клира. Усерднѣйшіе изъ епископовъ сами приближали къ себѣ этихъ молодыхъ клириковъ, и изъ ихъ устъ будущіе пастыри слышали слово опытности, знанія и вѣры, подкрѣпленное ихъ высокимъ авторитетомъ и потому глубоко западавшее въ ихъ душу. Къ этимъ словеснымъ наставленіямъ, получаемымъ молодыми клириками отъ епископа и

его пресвитеровъ, нужно присоединить живое назиданіе примѣра. Постоянно обращаясь съ опытными, искусными и просвѣщенными служителями Церкви, они изъ образа ихъ дѣятельности получали для себя такіе впечатлительные уроки, которые дѣйствовали не менѣе сильно, какъ и мудрыя наставленія, имъ сообщавшіяся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разговоръ священника съ протестантомъ о сожиганіи труповъ.

Протестантъ. Въ разсужденіи мертвыхъ меня занимаютъ прежде всего ваши обряды при и по отправленіи покойниковъ на тотъ свѣтъ. Какъ и во всемъ другомъ, вы налагаете здѣсь излишнее бремя на себя, на другихъ и, можно сказать, на самихъ покойниковъ.

Священникъ. Вся обрядность въ отношеніи къ усопшимъ заключается въ погребеніи ихъ и поминовеніи, и выражаетъ собою вѣру въ загробную жизнь умирающихъ. Если не надобны погребеніе и поминки, то нѣтъ, стало быть, и загробной жизни. Такъ дѣйствительно и не вѣрятъ въ будущую жизнь всѣ тѣ, которые завѣщеваютъ хоронить себя „безъ отпѣванія“ (напр. французскіе атеисты). Но неужели и вы отрицаете загробную жизнь?

Прот. Загробной жизни отрицать не слѣдуетъ, только ее надобно понимать раціонально, не такъ, какъ вы ее разумѣете, по преданію бабушекъ, которыя не прочь увѣрять, что душа покойника въ видѣ сизаго голубка или ласточки прилетаетъ въ домъ своихъ родныхъ напиться водицы и т. п. и сообразно съ раціональнымъ пониманіемъ, проще обращаться съ трупомъ покойника: зарыть его въ землю, и больше ничего; а еще лучше— сжечь, чтобы земля не пропитывалась трупнымъ ядомъ и не заражала воздуха вредными міазмами, какъ объ этомъ и начи-

наютъ толковать въ образованныхъ государствахъ. Въ послѣднемъ случаѣ есть еще та выгода, что желающій можетъ имѣть у себя на память пепелъ своего друга, тогда какъ въ землѣ трупъ изъѣдается червями—честь не очень завидная...

Свящ. Мы понимаемъ загробную жизнь такъ, какъ учитъ Слово Божіе и Церковь, именно, что по смерти человѣка душа его не разрушается и не умираетъ, оставаясь съ полнымъ сознаніемъ себя и своихъ дѣлъ и по ту сторону жизни; чтобы она прилетала домой напиться—такого ученія вы въ нашихъ догматикахъ не найдете: повѣствованія бабушекъ не суть ученіе нашей вѣры и Церкви. Затѣмъ мы исповѣдуемъ, что настанетъ время, когда и тѣла умершихъ воскреснутъ и соединятся опять съ своими душами для вѣчной и безсмертной жизни. Вѣруя въ догматъ воскресенія мертвыхъ, мы воздаемъ должную честь и самымъ тѣламъ усопшихъ, какъ существенной части человѣческой природы и личности, а не „зарываемъ“ ихъ подобно трупу животнаго неразумнаго, еще менѣе согласны „сожигать“ ихъ, какъ полѣно дровъ. Вы, слѣдуя заграничнымъ проповѣдникамъ—либераламъ, рекомендуете сожиганіе тѣлъ усопшихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы земля не пропитывалась трупнымъ ядомъ и воздухъ не заражался вредными міазмами? Какъ не химикъ и не діагностъ, я не берусь судить о томъ, что дѣйственнѣе уничтожаетъ трупный ядъ—сожиганіе ли тѣлъ, или естественное разложеніе ихъ въ нѣдрахъ земли. Полагаю на основаніи простаго вѣковаго опыта, что погребаемыя на должной глубинѣ въ нѣдрахъ земли тѣла усопшихъ нимало не причиняютъ вреда находящимся близъ нихъ селеніямъ, тогда какъ сожиганіе труповъ, если оно будетъ производиться „повсемѣстно“ и съ неумолимымъ для „каждаго“ умирающаго обязательствомъ,—думается,—скорѣе можетъ заразить воздухъ вредными міазмами; ибо всякій смрадъ, часто повторяющійся, надолго оставляетъ свои слѣды въ воздушномъ пространствѣ. Во всякомъ случаѣ погребеніе тѣлъ усопшихъ въ землю согласно съ опредѣленіемъ Самого Бога: „земля если, и въ землю

отъидеши", сказано Богомъ согрѣшившему Адаму (Быт. III, 19), а не въ воздухъ и не въ урну съ вазою. Вы смущаетесь тѣмъ, что тѣла усопшихъ изъѣдаются червями,—честь—говорите—не завидная; а въ пеплѣ развѣ нѣтъ червей? Посмотрите на него чрезъ микроскопъ, и вы увидите въ немъ гадовъ еще похуже червей; да въ насъ и въ живыхъ имѣется кое-что не лучше могильныхъ червей. Нѣтъ, все насильственное никогда не можетъ сдѣлаться лучше естественнаго. И никогда пепелъ, какъ безвидное вещество, не дастъ вамъ того святаго воспоминанія объ усопшемъ, какое даетъ могила покойника или покойницы. Что такое пепелъ сожженнаго тѣла? Вещество, не заключающее въ себѣ ни малѣйшаго отображенія самаго тѣла, отъ котораго оно осталось; если вашъ слуга по какой нибудь неосторожности опрокинетъ вазу съ пепломъ вашего покойника на полъ, и, видя, что дующій чрезъ окно вѣтеръ разсѣялъ пепелъ по всей комнатѣ, всыплетъ въ вазу простой золы изъ печи, дабы не подвергнуться вашему гнѣву; то вы навѣрно будете считать эту золу остаткомъ вашего покойника... такъ многозначущъ пепелъ для воспоминанія о покойникѣ!... Между тѣмъ какъ, стоя у могилы, вы живо воспоминаете послѣдній моментъ сокрытія отъ васъ тѣла любимаго вами человѣка, тѣла цѣльнаго, которое и покрываетъ могила отъ головы и до ногъ, какъ своего дорогаго гостя (въ нашихъ селахъ кладбища и называются „погостами", отъ слова: „погостить"), пока оно не возстанетъ для новой вѣчной жизни. Ко всему сказанному добавлю, что сожиганіе тѣлъ покойниковъ не признается дѣломъ гуманнымъ и большинствомъ западныхъ народовъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ не содрогнуться при мысли, что мой отецъ, мать, братъ, сестра, жена, я самъ будемъ по смерти брошены въ печь въ огонь!! Такъ могли поступать лишь нѣкоторые изъ язычниковъ, и то подъ вліяніемъ своей религіи, которая, хотя сама по себѣ, конечно, ложная, но тѣмъ не менѣе препобѣждала въ нихъ естественное чувство любви къ тѣлу усопшаго.

Прот. Религія человѣка должна быть религіею совѣсти. Нѣтъ ничего хуже, когда „заставляютъ“ вѣровать такъ, а не иначе. Вы напр. говорите, что нельзя не содрогнуться при мысли о бросаніи тѣлъ покойниковъ въ огонь, а я напротивъ не могу не содрогаться при мысли о зарытіи моего тѣла въ землю на смрадное разложеніе его въ ней. Поэтому лучше всего предоставить каждому поступать такъ, какъ онъ находитъ приличнѣе, согласно его собственной волѣ.

Свящ. Воля человѣка крайне не постоянна и погрѣшима. Если всякое дѣло предоставить на волю каждаго изъ насъ, тогда мы не могли бы жить мало-мальски порядочною жизнію,—тогда вмѣсто закона былъ бы во всемъ безалаберный произволъ. Вы и сами, очевидно, противъ этого произвола, когда желаете, чтобы и другіе вѣровали и поступали такъ, какъ вы сами вѣруете и поступаете: иначе вы не возставали бы съ такою горечью на уставы и ученіе нашей православной Церкви. Истина можетъ быть только одна,—не возможно, чтобы бѣлое было вмѣстѣ и чернымъ, и нашъ непремѣнный долгъ знать, гдѣ ее искать. Вы между прочимъ указали на совѣсть, говоря, что религія человѣка должна быть религіею совѣсти. Совѣсть наша дѣйствительно есть вѣрный указатель всего истиннаго: еще древніе называли ее голосомъ Самого Бога (Сенека); но къ сожалѣнію этотъ голосъ часто совершенно заглушается въ насъ присущими намъ страстями, вслѣдствіе чего очень многіе именемъ совѣсти дѣлаютъ такія дѣла, предосудительность которыхъ ясна всѣмъ и каждому. Чтобы ссылаться на совѣсть, нужно прежде хорошенько изслѣдовать и опредѣлить природу совѣсти; у насъ въ сужденіяхъ о совѣсти обыкновенно смѣшиваютъ ее съ убѣжденіями разума, которыя между тѣмъ далеко не одно и тоже съ свидѣтельствомъ совѣсти: свидѣтельство совѣсти есть непосредственное и неизмѣняемое въ своемъ существѣ, а убѣжденія ума добываются чрезъ рядъ суж-

деній и умозаключеній, которыя бываютъ „то обвиняющими, то оправдывающими“ одни другія (см. Римл. 2, 15).

Протоіерей *Г. Титовъ.*

Письма о значеніи обрядовой стороны христіанства для нравственнаго совершенствованія человѣка.

I.

Меня крайне удивляетъ твоя непослѣдовательность. Ты еще недавно, разсуждая о своихъ школьныхъ занятіяхъ, высказалъ мнѣ, что признаешь наглядные пріемы необходимымъ условіемъ нормальнаго воспитанія и единственнымъ ручательствомъ образованія у воспитанника ясныхъ и раздѣльныхъ понятій, единственно плодотворныхъ и въ наукѣ, и въ жизни, а теперь, касаясь пріемовъ нравственнаго воспитанія, которые, надо замѣтить, наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ принципу наглядности, пишешь, что они пропитаны буквализмомъ, мертвою обрядностію, лишены разумныхъ началъ, не даютъ надлежащаго развитія и др. т. п. Очевидно, что въ этихъ твоихъ разсужденіяхъ высказывается не что другое, какъ протестъ противъ внѣшней обрядовой стороны христіанства, которая будто бы, какъ буква, отталкиваетъ и мертвитъ, тогда какъ въ дѣлѣ религіи важенъ духъ, который одинъ только привлекаетъ и живитъ.

Въ отвѣтъ на это я и всякій другой можемъ противопоставить тебѣ не только собственный опытъ сердца и жизни, но и прямыя доказательства, что обрядовая сторона христіанства имѣетъ глубочайшій смыслъ и значеніе, что въ основаніи ея лежатъ глубочайшія раціональныя начала.

Безспорно, что благочестивыя мысли и чувствованія, въ которыхъ заключается внутреннее богопочтеніе наше, составляютъ главное

достоинство человѣка и опредѣляютъ цѣну внѣшняго его служенія Богу; но однако человѣкъ не есть существо чисто духовное. Еслибы онъ не имѣлъ тѣла, то богооткровенныя истины сообщались бы ему въ ихъ чистомъ видѣ, независимо отъ всякаго сторонняго покрова; но такъ какъ душа его соединена съ тѣломъ, то и нужно нѣчто чувственное, какъ средство, чрезъ которое могла бы благотворно дѣйствовать религія на его умъ и сердце. Этого требуетъ порядокъ самой природы. Ничто не входитъ въ душу нашу отъ міра внѣшняго безъ посредства чувствъ; отсюда и произошло школьное положеніе: „nihil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu“. Съ другой стороны тѣснѣйшій союзъ, въ какомъ находятся между собою душа и тѣло наши, взаимно дѣйствуя другъ на друга, служитъ причиною того, что всякое болѣе или менѣе сильное движеніе души стремится проявиться вовнѣ и выразиться въ соотвѣтственныхъ словахъ или другихъ внѣшнихъ знакахъ и дѣйствіяхъ. Что дѣйствительно всякое движеніе человѣческой души, или всякое состояніе ея имѣетъ свойственное ему внѣшнее проявленіе, свойственную ему внѣшнюю форму,—этого никто не можетъ отвергнуть, потому что это для каждаго очевидно и каждый испыталъ это на себѣ. Никто не станетъ также отвергать и того, что эта внѣшняя форма, или внѣшнее обнаруженіе душевныхъ состояній столь необходимо, что мы подчиняемся ему часто даже противъ нашего желанія, напр. въ состояніи сильнаго гнѣва, великой печали. Точно также и внутреннее богопочтеніе, какъ извѣстное состояніе души, непремѣнно должно имѣть свое обнаруженіе, свое проявленіе вовнѣ, или, иначе сказать, должно имѣть свою внѣшнюю форму, которая, какъ и форма всѣхъ другихъ движеній, или состояній души, также естественна и необходима. Силы этого довода нельзя ослабить тою высказанною тобою мыслію, будто Богъ, какъ духъ чистый и всевѣдущій, читающій въ глубинѣ сердецъ нашихъ, не имѣетъ нужды въ употребленіи съ нашей стороны чувственныхъ знаковъ для выраженія предъ Нимъ нашего внутренняго благоговѣйнаго чествованія

Его безпредѣльнаго величія. Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, нуждается ли Богъ въ нашемъ внѣшнемъ служеніи Ему, а о томъ, что самъ человѣкъ по собственной природѣ имѣетъ нужду служить Богу и духомъ, и тѣломъ, точно такъ же, какъ онъ имѣетъ настоятельную нужду выражать во внѣшнихъ знакахъ то, что онъ чувствуетъ,—говорить о томъ, что онъ думаетъ.

Исторія и опытъ свидѣтельствуютъ, что у всѣхъ народовъ во всѣ времена и на всѣхъ степеняхъ образованности внутреннее чувство любви, уваженія, признательности, благодарности, чувство зависимости въ отношеніи къ людямъ необходимо выражалось и выражается тѣми или другими внѣшними знаками, имѣетъ ту или другую внѣшнюю форму. Люди, признательные къ своимъ благодѣтелямъ, при жизни послѣднихъ старались и стараются оказывать имъ всевозможные внѣшніе знаки своего внутренняго сердечнаго уваженія и любви, а по смерти въ честь ихъ устанавливали и устанавливаютъ празднества или торжества, и въ память ихъ воздвигали и воздвигаютъ статуи и памятники, или по крайней мѣрѣ пріобрѣтаютъ ихъ портреты, которые хранятся, какъ нѣчто священное, и уваженіе къ нимъ переходитъ часто изъ поколѣнія въ поколѣніе. Между тѣмъ, выходя изъ той точки зрѣнія, что внѣшняя форма внутренняго состоянія души не обходима, мы должны отказаться отъ всѣхъ внѣшнихъ знаковъ, въ которыхъ проявлялось и до сихъ поръ проявляется внутреннее состояніе нашей души, движимой тѣми чувствами, на которыя мы указали, и только въ душѣ чувствовать любовь и уваженіе къ извѣстнымъ лицамъ. Но въ томъ-то и дѣло, что эта точка зрѣнія не вѣрна, и что мы никакъ не можемъ отказаться отъ тѣхъ внѣшнихъ знаковъ, которые составляютъ необходимое внѣшнее выраженіе, необходимую внѣшнюю форму того внутренняго чувства души, которое мы питаемъ къ извѣстнымъ людямъ.

Если такъ не обходимо внѣшнее почитаніе людей, какъ внѣшняя форма того или другаго нашего къ нимъ чувства, то что же сказать о необходимости внѣшняго богослуженія съ его обрядами,

какъ внѣшней формы внутренняго состоянія души, проникнутой чувствомъ благоговѣнія, всецѣлой преданности и любви нашей къ Богу! Если такъ велика бываетъ наша любовь и признательность къ людямъ, что она не ограничивается однимъ только внутреннимъ чувствомъ нашей души, а проявляется и вовнѣ, то тѣмъ больше должно быть чувство нашей любви къ Богу, о Которомъ, по слову Апостола, „мы живемъ и движимся и есмы“ (Дѣян. 17, 28), и тѣмъ глубже должна быть проникнута этимъ чувствомъ наша душа. А при такой глубинѣ чувства души не обходима и внѣшняя форма его, которая и есть внѣшнее богослуженіе съ его обрядами. Такимъ образомъ, если не обходимы внѣшніе знаки почитанія по отношенію къ людямъ, примѣры чего мы видимъ и въ древнія времена, и въ настоящее, то тѣмъ болѣе не обходимы внѣшніе знаки богопочтенія, или, другими словами, необходимо внѣшнее богослуженіе. И дѣйствительно, исторія и опытъ показываютъ, что нигдѣ и никогда не было на землѣ ни одного благоустроеннаго общества, которое не имѣло бы внѣшняго богослуженія. У языческихъ народовъ были также свои празднества, совершавшіяся при многочисленномъ стеченіи народа. Самые тѣ, которые возстаютъ противъ церковной внѣшности и проповѣдуютъ одно поклоненіе духомъ, какъ напр. духоборцы, квакеры и др., имѣютъ у себя своего рода внѣшніе знаки и обряды, какъ выраженіе мысли и чувства.

Внѣшнее богослуженіе православной Церкви, служа выраженіемъ нашего внутренняго богопочтенія, нашихъ благочестивыхъ мыслей, чувствъ и движеній душевныхъ, способно вызывать въ свою очередь тѣже самыя состоянія нашего духа, быть источникомъ ихъ, и поэтому представляетъ незамѣнимое средство для внутренняго развитія и усовершенствованія человѣка. Говоря о томъ, что внѣшнее богослуженіе способно вызывать душевныя состоянія, породившія его, я сослался на эмпирическій фактъ. Не мѣшаетъ однако уяснить тебѣ теоретически, какимъ именно образомъ внѣшнее богослуженіе, служа выраженіемъ благочестивыхъ чувство-

ваній, мыслей и желаній, можетъ возбудить подобныя же душевныя состоянія. Для болѣе обстоятельнаго рѣшенія этого вопроса разсмотримъ съ этой точки зрѣнія главнѣйшія принадлежности христіанскаго общественнаго богослуженія: храмъ, иконы, пѣніе, чтеніе и дѣйствія священнослужителей.

Еще въ глубокой древности установилось сознаніе, что искусство, равно какъ и науки, возникая изъ возвышенныхъ стремленій человѣчества, могутъ и должны обратно на него производить сильнѣйшее вліяніе, которое будетъ тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ вѣрнѣе направленіе ихъ самихъ. Съ тѣхъ поръ никогда не оскудѣвало убѣжденіе, что высшая цѣль искусства заключается въ цѣли земнаго бытія человѣчества, что художественныя произведенія тѣ наиболѣе оправдываютъ назначеніе искусства въ жизни народовъ, которыя прямѣе содѣйствуютъ совершенствованію духовной ихъ природы, возбуждая въ ней возвышенные помыслы, очищая ея чувствованія и вызывая возвышенныя стремленія. Что храмы, какъ художественныя архитектурныя произведенія, могутъ выражать собою тѣ или другія чувства и настроенія, а слѣдовательно и возбуждать въ насъ по сочувствію подобныя же чувства и настроенія,—это съ перваго взгляда представляется довольно непонятнымъ и загадочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ та или другая форма, то или другое внѣшнее очертаніе можетъ служить выраженіемъ нашего душевнаго настроенія? Рѣшая этотъ вопросъ, я сдѣлаю прежде всего то общее замѣчаніе, что всякое душевное настроеніе составляетъ причину какой либо потребности. Такъ, напр., гнѣвное настроеніе возбуждаетъ потребность излить гнѣвъ, грустное настроеніе вызываетъ потребность уединенія и спокойствія, веселое—потребность движенія, общества, шума и т. д. Но всякая потребность для удовлетворенія своего нуждается въ соотвѣтствующей внѣшней дѣятельности. Для послѣдней же имѣетъ весьма важное значеніе внѣшняя форма и очертаніе предмета. Если кто чувствуетъ, напр., потребность въ мясной пищѣ, то для того весьма важно,

чтобы желѣзо имѣло форму ножа, ружья или иного орудія, такъ какъ иначе онъ не можетъ убить животнаго и такимъ образомъ удовлетворить этой потребности. Такимъ образомъ внѣшняя форма предметовъ имѣетъ непосредственное соотношеніе съ потребностями человѣка, послѣднія же соотносятся съ его душевнымъ настроеніемъ, а слѣдовательно внѣшняя форма имѣетъ посредственное соотношеніе съ душевнымъ настроеніемъ. Возьмемъ въ примѣръ какой нибудь образчикъ зодчества. Положимъ, замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи Страсбургскій соборъ. Внѣшняя форма и очертанія этого собора удовлетворяютъ потребностямъ, которыя въ свою чередь вызваны духовнымъ настроеніемъ среднихъ вѣковъ. Духовное настроеніе среднихъ вѣковъ вызвало соотвѣтствующія потребности; но не поддерживаютъ ли и не развиваютъ ли послѣднія въ свою очередь первоначально вызвавшее ихъ настроеніе? Дѣйствительно, здѣсь происходитъ такое дѣйствіе и взаимодѣйствіе. То, что было сначала причиною, становится слѣдствіемъ, а первоначальное слѣдствіе становится причиной. Настроеніе вызываетъ потребность, но удовлетвореніе потребности усиливаетъ самое настроеніе, его вызвавшее. Страсбургскій соборъ, который долженъ былъ только удовлетворять потребностямъ, вызваннымъ средневѣковымъ настроеніемъ духа, на самомъ дѣлѣ сталъ кромѣ того въ свою очередь вызывать это настроеніе духа. Такимъ образомъ внѣшняя форма этого собора, преобразившись изъ слѣдствія въ причину, стала стимуломъ, возбуждающимъ средневѣковое настроеніе духа. Въ этомъ-то и состоитъ непосредственная связь между внѣшнею формою и психическимъ настроеніемъ,—связь, ясно показывающая намъ, что внѣшняя форма предметовъ можетъ возбуждать то или другое психическое настроеніе. Этимъ-то закономъ дѣйствія и взаимодѣйствія и объясняется вся выразительная сила и воспитательное значеніе архитектурныхъ произведеній вообще и храмовъ въ частности.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ иконы, какъ произведенія живописи, могутъ выражать наши внутреннія состоянія,

естественно обратиться къ тому же процессу, путемъ котораго этого достигаютъ внѣшняя форма и очертаніе предметовъ. Таже самая причина, которая обращаетъ форму предметовъ въ средство выраженія психическаго настроенія,—таже самая причина дѣлаетъ также и цвѣта предметовъ орудіемъ выраженія нашего духа. Съ другой стороны выразительная сила произведеній живописи объясняется отчасти и иначе, а именно тѣмъ, что разное количество и качество цвѣта оказываетъ непосредственное вліяніе на наши физіологическія отправленія; послѣднія же въ свою очередь оказываютъ могущественное вліяніе на настроеніе духа. Такъ, напр., отсутствіе свѣта даже относительное (а слѣдовательно всѣ мрачные цвѣта вообще) понижаетъ самымъ непосредственнымъ образомъ энергію всѣхъ жизненныхъ функцій организма. Но всякое умеяьшеніе нормальной энергіи жизненныхъ отправленій отражается въ духовной сферѣ подъ видомъ апатіи. Послѣдняя же характеризуетъ собою состоянія грусти, тоски, скуки и тому подобныхъ угнетенныхъ психическихъ настроеній. Вотъ почему всѣ подобныя настроенія выражаются мрачными красками. Наоборотъ сильный свѣтъ и яркія окраски повышаютъ норму жизненной энергіи. Но всякое повышеніе жизненной энергіи выражается въ духовной сферѣ общимъ подъемомъ психической энергіи, характеризующимъ всѣ дѣятельныя и возбужденныя состоянія духа, каковы—радость, веселье, счастье, любовь и т. п. Вотъ почему обиліе свѣта и яркія окраски служатъ естественнымъ выраженіемъ всѣхъ подобныхъ психическихъ настроеній. Такимъ образомъ я показалъ, что иконы, какъ произведенія живописи, могутъ выражать психическія настроенія двояко, а именно—разнообразіемъ формъ съ одной стороны,—богатствомъ цвѣтовъ съ другой. Отсюда уже само собою становится понятнымъ, какимъ образомъ, т. е. въ какомъ смыслѣ иконы служатъ выраженіемъ настроенія человѣка и имѣютъ возможность въ свою очередь вызывать подобное же настроеніе и въ другихъ людяхъ.

Что пѣніе можетъ выражать психическое настроеніе человѣка— это общеизвѣстный эмпирическій фактъ. Не лишне однако показать теоретически, какимъ именно образомъ тѣ или другіе звуки голоса могутъ выражать тѣ или другія чувства и настроенія, а слѣдовательно и возбуждать въ насъ по сочувствію подобныя же чувства и настроенія. Прежде всего мы должны замѣтить ту общую физіологическую истину, что существуетъ строгое соотвѣтствіе между нашими чувствами и дѣятельностью нашихъ мышцъ. Всякое чувство имѣетъ стремленіе перейдти въ сокращеніе мышцъ (разрядиться), т. е. въ рефлексъ. На этомъ и основана возможность выражать, т. е. обнаруживать внѣшнимъ образомъ различныя психическія настроенія. Если теперь мы вспомнимъ, что голосовые звуки управляются голосовыми связками, послѣднія же приводятся въ игру мышечнымъ аппаратомъ, то для насъ становится яснымъ, что должна существовать самая полная зависимость между психическимъ настроеніемъ человѣка и издаваемыми имъ звуками,—для насъ становится яснымъ, что различнымъ измѣненіямъ чувства должны соотвѣтствовать различныя модуляціи голоса. Что это такъ—убѣдиться не трудно. Съ этою цѣлію Спенсеръ разсматриваетъ всѣ музыкальныя особенности человѣческаго голоса, какъ-то: силу звука, его высоту, тембръ, интервалы, ритмъ и т. п., причемъ показываетъ, какъ всѣ музыкальныя особенности эти прямо зависятъ отъ специфической игры голосовыхъ мышцъ; послѣднія же возбуждаются къ той или другой дѣятельности различными чувствами. Такъ, напр., тоны высокіе и низкіе зависятъ отъ сильнаго сокращенія извѣстныхъ мышцъ, тогда какъ тоны средніе соотвѣтствуютъ ослабленному (относительно) состоянію этихъ мышцъ; но сильное чувство вызываетъ сильное сокращеніе мышцъ: вотъ почему сильныя чувства выражаются либо очень высокими, либо очень низкими тонами. Подобнымъ образомъ Спенсеръ разсматриваетъ всѣ музыкальныя особенности человѣческаго голоса, что и составляетъ для насъ теоретическое доказательство выразительности голосовыхъ

звуковъ, т. е. ихъ свойства выражать психическое настроеніе (такъ какъ между послѣднимъ и голосовыми звуками существуетъ по доказанному строгая зависимость).

О выразительности чтенія можно сказать только то, что слова, служа выраженіемъ чувствъ и мыслей, въ тоже время бываютъ источникомъ ихъ и потому представляютъ незамѣнимое средство для нравственнаго и умственнаго развитія. Выразительная сила словъ объясняется тѣми же началами, какими и выразительность пѣнія. Рѣчь глубоко чувствующаго человѣка очень близко подходитъ къ пѣнію.

Что касается наконецъ дѣйствій священнослужителей, то онѣ составляютъ наилучшій проводникъ вліянія на чувство и волю. Выразительность ихъ всецѣло зависитъ отъ участія сердца.

Никита Соколовъ.

Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.

Пастырямъ и наставникамъ повиновеніе.

Великое есть зло, ежели не имѣетъ Церковь начальника и правителя; но не меньше и сіе зло, ежели подручные его не повинуются ему. Народъ, не повинующійся правителю своему, подобенъ есть тому, который не имѣетъ правителя, или еще и хуже того. Ибо непорядки тѣхъ, кои не имѣютъ правителя, могутъ быть простительны; а тѣ, кои правителямъ не повинуются, вовсе прощенія не достойны. Ко спасенію во-первыхъ принадлежитъ почитать наставниковъ и повиноваться священникамъ.

Хотя бы и порочнаго житія были наставники, не должно оныхъ ученія презирать; ибо они не свое, но Божіе преподаютъ ученіе, что̀ Самъ Христосъ повелѣваетъ, сказуя: „на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи; вся убо, елика еще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите“.

Проповѣдникъ слова Божія не погубитъ мзды своея, хотя слушатель не пріиметъ слова его и не будетъ ему повиноваться.

Разсужденіе о повиновеніи пастырямъ и наставникамъ.

Дѣятельность пастырская.

Первая: Пастырь долженъ учить, наставлять, пороки обличать и къ покаянію приводить людей.

Вторая: Чего учитъ, дѣломъ самымъ на себѣ показывать, то есть, образъ добрыхъ дѣлъ являть.

Слѣдственно:

Первое: Кто не учитъ, грѣшитъ противу званія своего.

Второе: Кто не учитъ и живетъ худо, дважды грѣшитъ: и самъ идетъ въ погибель, другихъ влечетъ за собою.

Афоризмы.

Матеріалистъ: „Попробуйте доказать мнѣ, что Богъ существуетъ“.

Вѣрующій: „Попробуйте еще больше доказать мнѣ случай; потому что Богъ непостижимъ, а случай—нелѣпость“.

Матеріалистъ: „Ни я и никто не видѣлъ Бога, значитъ и нѣтъ Его“.

Вѣрующій: „Ни вы, ни я не можемъ видѣть вашего ума; неужели это значитъ, что у васъ и совсѣмъ нѣтъ его“!

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;

Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры..., но о ней не проситъ.
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему безвѣрью“!

„Понять вѣру“?! Да вѣдь это въ родѣ того: „достать луну“! И когда бы вы достали ее съ выси небесной, луна перестала бы быть свѣтиломъ, озаряющимъ мракъ земной ночи; а сдѣлалась бы она въ рукахъ вашихъ игрушкою прихоти, въ родѣ мячика забавляющихся дѣтей. И даже немножко совѣстно указывать на логическую безсмыслицу самаго требованія „пониманія вѣры“ когда это два понятія не только противоположныя, а взаимно уничтожающія другъ друга, такъ что если гдѣ есть одно, тамъ уже, по не преложному закону самой простой логики, не можетъ быть другаго. Зачѣмъ „вѣра“, когда есть „знаніе“ — пониманіе всей сущности предлагаемаго предмета? Во что мнѣ вѣровать, когда я „знаю“? И когда я „вѣрую“ — что мнѣ еще остается „знать“? Я все знаю духомъ самой Божественной Истины, открывающейся моей вѣрѣ и любви въ единствѣ Церкви Христовой.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 марта 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 14.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Апрѣля 1-го.

Содержаніе: Церковно-приходскія школы въ Россіи.—Необходимость приготовленія къ пастырскому служенію.—Изъ разговора священника съ протестантомъ о воскресеніи мертвыхъ.—Обращеніе къ настоятелямъ церквей касательно богослужебныхъ чтеній.—Какъ освящать иконы?

Церковно-приходскія школы въ Россіи.

Церковно-приходскія школы представляютъ древнѣйшія училища, изъ которыхъ народъ русскій черпалъ духовное просвѣщеніе съ первыхъ временъ введенія христіанства въ Россіи. Изъ лѣтописей извѣстно, что первыя училища на Руси возникли при церквахъ, первыми учителями народа были лица духовныя. Славянскій апостолъ былъ изобрѣтателемъ славянской грамоты. Св. Писаніе и богослужебныя книги были первыми книгами славянъ, которыя принесены въ Россію,—съ чтенія ихъ и начиналась наша грамотность. Митрополитъ Михаилъ далъ совѣтъ Владиміру св. „устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ ученіе; и тако Владиміръ повелѣ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникомъ съ причтомъ

въ ученіе книжное. Прежде бо, не вѣдуще закона, не слыхали словесъ книжныхъ". Лѣтописецъ, передавъ свѣдѣнія объ устроеніи Ярославомъ церкви св. Софіи и училища на 300 человѣкъ, прибавляетъ: „и ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди". Церковь ученіе распространяла и на дѣвочекъ. Въ 1086 г. при Андреевскомъ монастырѣ было основано училище на 300 дѣвицъ, гдѣ обучались онѣ „писанію, такожъ ремесламъ, швенію и инымъ полезнымъ".

Школа церковная, давшая великихъ духовныхъ свѣтилъ русской землѣ, была усвоена народомъ, и благотворное вліяніе ея на него сохранилось до нашихъ дней въ его религіозно-нравственномъ взглядѣ на образованіе.

Минуя подробную исторію этихъ школъ, нельзя не остановиться на выдающемся фактѣ утвержденія ихъ на Московскомъ соборѣ 1551 г., какъ поучительномъ для нашего времени.

На этомъ соборѣ было заявлено объ оскудѣніи на Руси училищъ, которыхъ прежде было много, а вслѣдствіе того „грамотѣ и писати, и пѣти, и чести гораздыхъ было много; тако чтецы и доброчтицы бывали по всей земли".

Въ соборномъ опредѣленіи по сему поводу „о училищѣхъ книжныхъ по всѣмъ градомъ" было изложено слѣдующее: „и мы о томъ, по царскому совѣту, соборнѣ уложили: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ (и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ), протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ, и со всѣми священники и діаконы, кійждо въ своемъ городѣ, избрати добрыхъ священниковъ и діаконовъ, дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ страхъ Божій, могущихъ и инѣхъ пользовати, и грамотѣ, и чести, и писати гораздыхъ; у тѣхъ священниковъ, и у дьяконовъ, и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы, и діаконы, и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ ученіе грамотѣ и ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія, псалтырнаго и чтенія

налойнаго, и тѣ бы священники и діаконы, дьяки избранные, учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, напаче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы ихъ отъ всякаго растлѣнія".

Такъ разсуждали умудренные опытомъ во благо Церкви и отечества наши предки, начертывая способъ учрежденія училищъ и образъ ученія въ нихъ. Соборное опредѣленіе Стоглава было разослано въ „наказы" по всей Руси, церковно-приходскія училища были поддержаны и стали во главу угла зданія народнаго образованія.

Слѣдовавшія затѣмъ бѣдствія, смуты и нестроенія въ „безгосударную пору", поглощавшія всѣ силы государства, привели возникшія школы въ упадокъ, хотя несомнѣнно, что именно это церковное просвѣщеніе, какъ сила живая, объединяющая и укрѣпляющая, помогло перенести русскому народу тяжкія невзгоды и испытанія. Съ умиротвореніемъ государства, когда опять возникъ вопросъ о школахъ, мужи разума и совѣта желали школъ церковныхъ; о нихъ убѣдительно просилъ Алексѣя Михайловича ученый Паисій Лигаридъ, желавшій, чтобы „подъ крѣпкою царскою рукою" издано было повелѣніе, дабы все духовенство, „по мѣрѣ своихъ приходовъ, только имѣло питомцевъ, и то будетъ, говорилъ онъ, народное добродѣтельство".

Школа народная до Петра была школа церковно-приходская, руководимая духовенствомъ, и ей наше отечество обязано неисчислимыми благодѣяніями.

Съ эпохи Петра 1-го, начинается преобладаніе начала государственнаго, которое хотя и не могло стать въ борьбу съ духовнымъ началомъ (ибо таковой борьбы наша исторія не знаетъ), но тѣмъ не менѣе церковно-приходская школа была забыта, и вѣдомая только народу, который никогда не покидалъ церкви и и ея учителей, лишена была необходимой поддержки и попеченій и поддерживалась только духовенствомъ.

Существованіе крѣпостнаго права связывало просвѣтительную дѣятельность духовенства, хотя она не прекращалась и въ самыя тяжелыя эпохи нашей государственной жизни.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, первымъ на призывъ правительства къ просвѣщенію народа явилось православное духовенство. Внимая голосу своихъ архипастырей, жертвуя безмездно временемъ и трудомъ, само стѣсняемое скудостію и нуждами, духовенство съ поразительною энергіей посвятило себя просвѣтительной дѣятельности.

По оффиціальнымъ даннымъ, собраннымъ Высочайше утвержденнымъ присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, въ 1863 году на 32,010 приходовъ Имперіи приходилось 21,420 церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ обучалось 413,524 дѣтей обоего пола; тогда какъ въ тоже время во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ состояло всего 14,046 начальныхъ школъ, включая сюда еврейскія, магометанскія и другія инородческія школы.

Если даже допустить, какъ говорятъ нѣкоторые, что иныя училища духовенства значились только въ отчетахъ (что нельзя признать за безусловно достовѣрное, какъ предположеніе и притомъ еще недоказанное), то въ виду массы школъ, гдѣ обученіе производилось дѣйствительно, нельзя не признать за духовенствомъ важной заслуги въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно если взять во вниманіе, что ему приходилось дѣйствовать среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, каковы: бѣдность самого духовенства, обремененнаго семействами, недостатокъ досуга среди занятій по приходу и по хозяйству, зависимость и стѣсненіе духовенства отъ свѣтскихъ начальствъ, бѣдность народа и равнодушіе крестьянъ къ грамотности, неудобства или даже отсутствіе помѣщеній для школъ и средствъ для ихъ содержанія, недостатокъ пособій и книгъ для обученія и вообще правильной организаціи школьнаго дѣла, отсутствіе всякой помощи, поддержки и поощренія, и многія другія препятствія успѣшному веденію дѣла.

Духовенство учило народъ безмездно, учило въ домахъ своихъ, въ трапезахъ и церковныхъ сторожкахъ, въ темныхъ и тѣсныхъ избахъ крестьянъ; на свои средства пріобрѣтало книги, пособія и все потребное для школъ.

Начавъ столь успѣшно великое дѣло, духовенство съ упованіемъ ожидало помощи, поощренія и поддержки; но высокій, самоотверженный порывъ, какъ извѣстно, не встрѣтилъ отзыва, и духовенству оставалось смиренно покориться своей участи въ ожиданіи, когда придетъ пора и снова призовутъ его къ дѣятельности. Церковно-приходскія школы стали закрываться, уступивъ мѣсто земскимъ и правительственнымъ школамъ.

Было бы не справедливо ставить закрытіе школъ въ вину духовенству, а еще болѣе не справедливо видѣть въ этомъ фактѣ доказательство неспособности духовенства къ обученію народа. Помимо того, что церковно-приходскія школы и по нынѣ существуютъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, многія изъ этихъ школъ перешли въ земскія. Когда земства задумали открывать свои школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были уже основаны церковно-приходскія школы, вмѣсто того, чтобы идти на помощь этимъ послѣднимъ, то духовенство, скудное средствами, по необходимости должно было уступить богатому сопернику и передало ему свои школы. Бывали, конечно, случаи, что духовенство, открывъ школу и не имѣя матеріальныхъ средствъ поддержать ее, начинало тяготиться непосильнымъ дѣломъ и закрывало школу. Когда къ этому присоединились еще многоразличныя притязанія, произвольная требовательность, а иногда и неуважительное отношеніе къ духовенству со стороны разныхъ лицъ и вѣдомствъ и другія неблагопріятныя условія, то никѣмъ неподдержанное духовенство постепенно отстранялось отъ дѣла, соединеннаго не только съ матеріальными утратами, но и съ нравственными непріятностями. Такимъ образомъ большинство церковно-приходскихъ школъ мало по малу обратилось въ земскія, правительственныя, а нѣкоторыя школы закрылись, и отъ 20,000 школъ 1863 года къ 1883 году осталось всего 4,348.

Между тѣмъ существенный характеръ этихъ школъ, ихъ благотворное вліяніе на народъ, помимо сравнительной дешевизны ихъ учрежденія, требуютъ подъема, обезпеченія правильной организаціи, возможно широкаго распространенія ихъ въ будущемъ. И теперь *это* благовременно болѣе, чѣмъ когда либо.

Народъ пробужденъ и жаждетъ образованія, но школы казенныя и земскія мало удовлетворяютъ этой потребности и мало внушаютъ къ себѣ довѣрія. Народъ видитъ въ нихъ оскуденіе религіозно-нравственнаго ученія, упраздненіе церковности. Замѣчая вокругъ себя упадокъ добрыхъ нравовъ, ослабленіе семьи, развитіе въ дѣтяхъ самоволія, непослушанія, нетрезвость и всякую распущенность, народъ начинаетъ усвоять ихъ тому обстоятельству, что въ нынѣшнихъ школахъ, которыя выступили взамѣнъ старыхъ, учатъ разному и многому, но не тому, чему подобало бы учить, и чему народъ желалъ бы учиться: въ новой школѣ рѣдко является священникъ, не слышно ничего божественнаго, нѣтъ церковнаго пѣнія и чтенія, которое народъ такъ чтитъ и любитъ.

Возрожденія своего народъ чаетъ отъ иной школы, и съ упованіемъ ждетъ ее, предпочитая отдавать дѣтей своихъ на выучку за деньги дьячку, чѣмъ даромъ пользоваться школами благоустроенными.

Съ церковно-приходскою школою народъ соединяетъ дорогія преданія и питаетъ къ нимъ полное довѣріе. Школа эта, учившая *по* Часослову и Псалтири, утверждала въ народѣ начатки христіанскаго ученія, внушала ему вѣру въ Бога и святой промыслъ, воспитала въ немъ любовь къ церковному богослуженію, преданность и вѣрность уставамъ Церкви, ту живую, простодушную набожность, которую народъ сохраняетъ и доселѣ. Подъ вліяніемъ этой школы слагалось, развивалось и крѣпло великое царство русское. Народъ чувствуетъ, что здѣсь его нравственная и политическая сила, его утвержденіе въ духѣ вѣры и Церкви православной. Слѣдуетъ сказать, что церковно-приходская школа, оказавшая и оказывающая столь цѣнныя услуги, есть въ

тоже время самая дешевая изъ школъ, требующая наименьшихъ расходовъ. Поэтому повсемѣстное учрежденіе церковно-приходскихъ школъ представляетъ самое простое и естественное рѣшеніе трудной задачи народнаго образованія. Число существующихъ народныхъ школъ крайне не достаточно сравнительно съ населеніемъ Имперіи, а содержаніе ихъ крайне дорого. Земства въ настоящее время дошли, по видимому, до крайняго предѣла расходованія имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствъ на школы; потребность же образованія въ народѣ растетъ съ каждымъ годомъ, и народъ жаждетъ удовлетворенія этой потребности. Правительство, еслибы оно пожелало слѣдовать примѣру земствъ—устраивать дорого стоющія школы, не въ силахъ было бы выполнить этой задачи. Между тѣмъ, съ небольшими сравнительно пожертвованіями, сразу можно имѣть десятки тысячъ школъ и въ нихъ готовыхъ и вполнѣ благонадежныхъ учителей въ лицѣ духовенства. Если этому типу начальной школы будетъ оказана своевременно матеріальная и нравственная поддержка, то можно надѣяться, что со временемъ школы другихъ наименованій и вѣдомствъ преобразуются сами собою въ приходскія, какъ учрежденія наиболѣе цѣлесообразныя и выгодныя, причемъ правительство будетъ вполнѣ обезпечено въ добромъ направленіи дѣла начальнаго народнаго образованія.

---

[1]) См. № 13-й.

Необходимость приготовленія къ пастырскому служенію [1]).

Въ четвертомъ вѣкѣ, когда настали мирныя времена для Церкви, заботы о достойномъ приготовленіи пастырей заявляются больше и яснѣе. Способы приготовленія, практиковавшіеся прежде, получили болѣе широкое примѣненіе, и, при важнѣйшихъ епископ-

[1]) См. № 13-й.

скихъ каѳедрахъ, увеличивалось число клириковъ, готовящихся къ будущему священническому служенію. Напримѣръ въ клирѣ Мелетія Антіохійскаго въ одно время мы видимъ и Іоанна Златоуста, впослѣдствіи архіепископа Константинопольскаго, и Василія, впослѣдствіи епископа Рафалы Сирской, и Ѳеодора, впослѣдствіи епископа Мопсуетскаго, и многихъ другихъ. Они были уже юноши образованные, прошедшіе свѣтскую школу. Но съ ними нарочито занимаются въ видахъ ихъ будущаго служенія пресвитеръ Діодоръ, впослѣдствіи епископъ Тарскій, и Флавіанъ, поставленный на второмъ вселенскомъ соборѣ преемникомъ Мелетія на антіохійской каѳедрѣ: къ ихъ широкому свѣтскому образованію они присоединяютъ образованіе христіанское, духовно-религіозное, и св. Іоаннъ Златоустъ многимъ былъ обязанъ Діодору въ своемъ разумѣніи Священнаго Писанія; подъ его вліяніемъ въ немъ утвердилась та нравственно-практическая метода толкованія Писанія, которая, при его талантѣ, сдѣлалась такъ плодотворною для цѣлей гомилетическихъ. Замѣчательный примѣръ изъ исторіи Церкви четвертаго вѣка представляетъ изъ себя св. Амвросій Медіоланскій. Онъ неожиданно для самаго себя попалъ въ епископы, не готовясь предварительно къ этому званію. Но именно это обстоятельство послужило для него побужденіемъ къ тому, чтобы не пренебречь дѣломъ приготовленія достойныхъ служителей Церкви. Очутившись на такомъ постѣ, о какомъ прежде не думалъ, святой Отецъ увидѣлъ большіе пробѣлы въ своемъ знаніи и не находилъ въ себѣ ни силъ, ни опытности, чтобы безъ стѣсненія совершать съ успѣхомъ возложенное на него служеніе. Онъ усиленно началъ заниматься священною наукою на первыхъ порахъ своего пастырскаго служенія и даже пригласилъ къ себѣ пресвитера Симпликіана, чтобы тотъ давалъ ему наставленія въ вѣрѣ, желая пріобрѣсть и восполнить то необходимое, безъ знанія чего нельзя приступать къ служенію Церкви. Испытавъ на себѣ невыгодныя слѣдствія приступленія къ священству безъ достаточнаго приготовленія, онъ не желаетъ, чтобы

другіе оказывались въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ себя видѣлъ, и для устраненія этого собираетъ при своей каѳедрѣ молодыхъ людей и, зачисливъ ихъ въ клиръ, и самъ и чрезъ другихъ наставляетъ ихъ въ вѣрѣ, бесѣдуетъ съ ними о всемъ, касающемся ихъ будущаго служенія и заблаговременно пріучаетъ ихъ ходить достойно будущаго своего званія. Каковы были эти наставительныя бесѣды, какія велъ ревностный епископъ съ молодыми клириками, будущими пастырями Церкви,—показываетъ его книга „О должностяхъ священнослужителей (de officiis ministrorum)". Она составлена именно изъ тѣхъ наставленій, какія въ разные годы считалъ нужнымъ преподать св. Амвросій людямъ, предназначавшимся къ служенію Церкви. Содержаніе ея показываетъ, что святой Отецъ, прежде общаго разъясненія предметовъ вѣры и нравоученія христіанскаго, сообщалъ будущимъ пастырямъ много подробностей касательно вопросовъ практическаго свойства, опредѣляющихъ лучшую постановку пастырскаго дѣла и составляющихъ предметъ науки, нынѣ извѣстной подъ именемъ „Пастырскаго богословія". Онъ говорилъ съ ними и о тѣхъ обязанностяхъ, какія Церковь возлагаетъ на своихъ служителей, говорилъ и о томъ нравственномъ характерѣ, какой они должны осуществлять въ своей жизни, и указывалъ имъ, въ чемъ должны выражаться у нихъ требованія главныхъ добродѣтелей, составляющихъ сущность нравственнаго закона, опредѣлялъ и разъяснялъ ихъ отношенія къ обществу людей и къ міру внѣшнему, и даже находилъ умѣстнымъ дѣлать замѣчанія касательно ихъ внѣшняго благоповеденія и соблюденія приличія въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ вообще, разговорѣ и голосѣ, въ выборѣ знакомствъ, и въ отношеніи къ пиршествамъ и разнаго рода забавамъ и увеселеніямъ.

Отцамъ четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ не разъ приходилось касаться вопроса о приготовленіи къ пастырскому служенію, и лучшіе изъ нихъ, бывшіе руководителями общественнаго мнѣнія Церкви, настоятельно требовали самаго тщательнаго приго-

товленія къ своей должности отъ лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, и считали большимъ дерзновеніемъ со стороны не приготовленныхъ брать на себя бремя священническаго служенія. Дѣло пастырскаго служенія они находили дѣломъ слишкомъ труднымъ, важнымъ, отвѣтственнымъ, чтобы зря, безъ всякаго приготовленія, приступать къ нему, и потому многіе изъ нихъ уклонялись отъ него изъ боязни, что они не могутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія налагаетъ на человѣка званіе пастыря. Были примѣры въ ихъ время, что иные люди прямо отъ свѣтскихъ занятій вступали на высокія степени клира, но они отнюдь не находили, чтобы это было въ порядкѣ вещей; напротивъ видѣли и указывали въ этомъ злоупотребленіе и не находили словъ, чтобы достойно осудить это злоупотребленіе. „Нѣтъ ни врача (читаемъ мы въ надгробномъ словѣ св. Григорія Богослова св. Василію Великому), ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А предсѣдатель въ Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы въ святые, и велимъ быть мудрыми тѣмъ, которые ничему не учились, и, кромѣ одного произволенія, ничего не имѣютъ, восходя на степень“ [1]).

Самое обстоятельное разсужденіе объ этомъ предметѣ мы встрѣчаемъ въ словѣ св. Григорія Богослова, въ которомъ онъ оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ послѣ рукоположенія своего противъ воли въ пресвитера [2]).

У насъ требуютъ благочестія отъ кандидатовъ священства, и иные въ этомъ требованіи сосредоточиваютъ всѣ условія, какимъ

---

[1]) Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. V, стр. 83.

[2]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I. Григ. Бог. арх. конст. слово 3, стр. 16—83.

долженъ удовлетворять желающій священства. Лишь бы былъ благочестивый человѣкъ (говорятъ): такой будетъ отвѣчать своему званію, если нѣтъ у него чего другаго, требуемаго отъ священника. Конечно, благочестіе—чрезвычайно важная вещь, и оно весьма необходимо для человѣка, избирающаго для себя священнѣйшее изъ служеній. Но и съ этой стороны требуется приготовленіе для преуспѣянія въ благочестіи отъ желающаго занять мѣсто священника. „Мнѣ стыдно за другихъ (говоритъ св. Григорій Назіанзенъ), которые, будучи ничѣмъ не лучше прочихъ (если еще не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло и прежде, нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются во святилище, тѣснятся и толкаются вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцемъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета“ [1]).

Но св. Григорій Богословъ одного благочестія считаетъ недостаточнымъ для достойнаго приступленія къ священству; онъ требуетъ отъ кандидата священства значительнаго приготовленія теоретическаго, основывая свое требованіе на томъ, что священническое служеніе труднѣйшее изъ служеній. „Положимъ (говоритъ онъ), что иной не пороченъ и взошелъ на самый верхъ добродѣтели; все еще не вижу, какимъ запасшись знаніемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ, въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе души сравнить съ леченіемъ тѣлъ,—извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее, и разберетъ, сколько наше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтительнѣе и по свой-

[1]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 21.

ству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія“ [1]). Кромѣ врачеванія духовныхъ болѣзней, на пастырѣ Церкви лежитъ долгъ учительства, или, какъ выражается св. Григорій, раздаянія слова, что, по его указанію, составляетъ первую „нашу“ (пастырскую) обязанность. А чтобы быть учителемъ, для этого необходимо долгое предварительное ученіе. „Ежели другой кто (говоритъ онъ) приступаетъ къ сему дѣлу съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ—каждому „даяти во время житомѣріе“ (Лук. 12, 42) слова и съ разсужденіемъ вести домостроительство истинъ нашихъ догматовъ... Брать на себя трудъ учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и по пословицѣ на большомъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію, свойственно только людямъ, крайне неразумнымъ и дерзкимъ,—неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества,—дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло“... Проникнутый сознаніемъ высокихъ требованій отъ пастыря Церкви, какъ учителя, онъ сильнымъ словомъ поражаетъ тѣхъ, которые возлагаютъ на себя пастырство, вовсе не помышлял объ этихъ требованіяхъ, и немало изумляется тому, что находятся люди, не считающіе нужнымъ предварительнаго ученія для предназначаемаго въ учители другихъ. „Мы такъ худо поступаемъ (замѣчаетъ онъ), что большая часть изъ насъ (чтобъ не сказать: всѣ) почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде, нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованіе священныхъ книгъ, научимся распознавать письмена и писателей Ветхаго и Новаго Завѣта..., если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги,

[1]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 26—7.

если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса походить на философа...: мы уже и мудры, и учители, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ „зватися отъ человѣкъ: учителю“! нимало не смотримъ на букву, все хотимъ разумѣть духовно (сколько грезъ! какое обширное поле пустословія!), и мы стали бы негодовать, еслибы насъ не очень хвалили. Таковы тѣ изъ насъ, которые еще скромнѣе и простѣе другихъ: каковы же болѣе духовные и благороднѣйшіе? Они, если заблагоразсудится имъ, подвергнувъ насъ многимъ осужденіямъ и испытаніямъ и поставивъ ни во что, удаляются отъ насъ съ презрѣніемъ даже къ сообществу съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь къ кому изъ нихъ, спокойно и въ логическомъ порядкѣ спросимъ такъ: скажи мнѣ, дивный мужъ, ты почитаешь за что нибудь пляску и игру на свирѣли? Отвѣтятъ, можетъ быть: конечно, почитаемъ.—А также почитаешь за что нибудь мудрость и быть мудрымъ, то есть, какъ мы полагаемъ, имѣть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ?—И въ семъ уступятъ намъ.—Что же назовешь лучшимъ и высшимъ? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость несравнено выше сихъ искусствъ? Очень знаю, они будутъ столько добродѣтельны, что даже скажутъ: мудрость выше и всѣхъ искусствъ.—Но для пляски и игры на свирѣли есть наука, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилія, иногда надобно тратить деньги, пріискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать далекія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всѣ блага... ужели почтемъ для себя столь легкимъ и незатруднительнымъ дѣломъ, что всякому стоитъ только захотѣть, и будетъ мудрымъ? Большое невѣжество такъ думать.—Но если мы (или кто другой ученѣе и умнѣе насъ) начнемъ говорить съ ними такимъ образомъ, чтобы понемногу разсѣять

ихъ заблужденіе; то все сіе будетъ тоже, что и сѣять на камнѣ, или говорить въ уши глухому. Такъ мало въ нихъ мудрости даже на то, чтобы сознать свое невѣжество! И мнѣ кажется, прилично сказать о нихъ Соломоново слово: „есть лукавство, еже видѣхъ подъ солнцемъ, мужа помышевша себе мудра быти“ (Еккл. 10, 5. Притч. 26, 2), и, что еще хуже, получившаго право учить другихъ, когда не чувствуетъ собственнаго невѣжества. Если какой недугъ, то сей именно достоинъ слезъ и рыданія“ [1]).

Но довольно. Изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ слова св. Григорія Назіанзена, полагаемъ, достаточно ясна мысль святаго отца, настаивающая на необходимости болѣе или менѣе долговременнаго и обстоятельнаго приготовленія къ священству. Желающіе видѣть болѣе подробное и доказательное развитіе его мысли могутъ обратиться къ самому его слову и изъ него убѣдиться въ той важной истинѣ, какую онъ защищаетъ.

Св. Григорій Назіанзенъ не единственный отецъ, такъ разсуждавшій о необходимости тщательнаго приготовленія къ священству людей, желающихъ взять на себя это званіе. Вы найдете подобныя замѣчанія въ словахъ св. Златоуста о священствѣ. Или раскрывайте „Правило пастырское“ или книгу „О пастырскомъ служеніи“ св. Григорія Двоеслова, папы Римскаго, имѣвшую долгое время руководственное значеніе для пастырей Церкви всего Запада и нынѣ пользующуюся большимъ авторитетомъ не только въ западной, но и въ восточной Церкви. Первыя слова первой главы этой книги говорятъ о томъ, что безъ приготовленія никто да не дерзнетъ принимать на себя званіе пастырскаго служенія. „Никто (такъ начинаетъ свою книгу „О пастырскомъ служеніи“ св. Григорій Двоесловъ) въ мірѣ не берется учить другихъ какому либо искусству, не изучивъ его самъ напередъ съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно посту-

[1]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ Т. I, стр. 36—48.

паютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, нисколько не приготовившись къ этому служенію, между тѣмъ какъ управленіе душами человѣческими есть искусство изъ искусствъ"!...

Нужно ли прибавлять что къ тѣмъ вѣскимъ доказательствамъ необходимости тщательнаго приготовленія къ священству, какія мы встрѣчаемъ у отцовъ, и въ частности у св. Григорія Богослова? У насъ въ обществѣ существуетъ фальшивое представленіе: въ священникѣ иные хотятъ видѣть не болѣе, какъ простаго совершителя церковно-богослужебныхъ требъ, какимъ можетъ-де быть человѣкъ и безъ особеннаго образованія. Но совершеніе богослуженія и церковныхъ требъ только одна сторона пастырскаго дѣла, далеко не обнимающая всей широты его обязанностей, хотя и для разумнаго совершенія требъ необходимо пониманіе таинъ вѣры, пріобрѣтаемое образованіемъ. Пастырь Церкви, по долгу своего званія, есть учитель народа, долженствующій ввести его въ познаніе вѣры и научить его всѣмъ тайнамъ благочестія. Онъ высшій руководитель ввѣренныхъ ему душъ на путяхъ спасенія. Ввѣряя ему пасеніе духовныхъ овецъ, Церковь ожидаетъ отъ него, что онъ съумѣетъ преподать имъ все полезное для нихъ и предохранить ихъ отъ такихъ путей, гдѣ они могутъ найти для себя погибель. Если же отъ его небреженія или отъ его неумѣлости загрязнетъ во тьмѣ невѣдѣнія и погибнетъ какая либо изъ нихъ, онъ будетъ отвѣчать за нее предъ Богомъ, и кровь ея будетъ взыскана отъ руки его. Само собою понятно, что это служеніе учителя и руководителя людей ко спасенію одно изъ самыхъ высокихъ по цѣли, одно изъ самыхъ трудныхъ по свойству и назначенію занятій, съ нимъ соединенныхъ, требующее отъ приступающаго къ нему, для успѣха въ дѣлѣ, большаго, точнаго знанія, практическаго благоразумія и значительной опытности. У насъ въ обществѣ готовятся заблаговременно и часто довольно продолжительное время ко всѣмъ профессіямъ, ко всѣмъ разнообразнымъ отправленіямъ, какихъ требуетъ полнота граж-

данской жизни. Ужели же къ самому труднѣйшему и самому высокому изъ нихъ, къ служенію высшаго учительства и руководительства людей ко спасенію, можно приступать прямо, безъ приготовленія, лишь бы захотѣть? Такъ думать значитъ показывать крайнее легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебреженіе къ тѣмъ высокимъ обязанностямъ, какія налагаетъ на человѣка званіе пастыря Церкви, если не прямое непониманіе ихъ.

Можно поступать въ сословіе пастырей Церкви въ зрѣлые годы, отъ другихъ должностей и занятій, и изъ таковыхъ людей, перемѣняющихъ какое либо мірское служеніе на служеніе Церкви, часто выходятъ усерднѣйшіе и вліятельнѣйшіе пастыри. Не оспариваемъ, что это вещь возможная: благодать можетъ избирать и уготовлять достойныхъ служителей Церкви среди разныхъ общественныхъ положеній. Но не можемъ не замѣтить, что по обыкновеннымъ человѣческимъ соображеніямъ подобныя явленія принадлежатъ къ разряду чрезвычайныхъ. Странно и трудно ожидать лучшихъ дѣятелей для церковнаго служенія изъ среды людей, готовившихся быть адвокатами, врачами, чиновниками, земледѣльцами или агрономами, купцами, военными и т. под., и начавшихъ уже избранную ими карьеру. Изъ такихъ будутъ избирать пастырское служеніе тѣ, которые испытаютъ неудачу на томъ поприщѣ, къ которому прежде стремились: не имѣя успѣха въ одномъ родѣ дѣятельности, къ которому они готовились, едва ли могутъ они обѣщать успѣхъ въ другомъ родѣ служенія, для котораго, кромѣ желанія испробовать его, они ничего не принесли съ собою. Могутъ они усиленно заняться предметами, необходимыми для пастыря Церкви, въ зрѣлые годы, задумавъ перемѣнить избранный ими родъ служенія, или уже поступивъ въ священники. Но не легко наверстать и восполнить опущенное въ юности,—въ тѣ годы, когда люди запасаются знаніями, наиболѣе необходимыми и полезными для того рода жизни, какой они имѣютъ въ виду для себя. Не всѣ же могутъ съ успѣхомъ послѣдовать примѣру св. Амвросія Медіоланскаго и, подобно

ему, въ относительно короткій срокъ покрыть тѣ пробѣлы знаній, какіе неизбѣжно окажутся у нихъ, если они перейдутъ къ пастырскому служенію отъ другихъ родовъ дѣятельности, прежде ими изученныхъ и извѣданныхъ.

Изъ разговора священника съ протестантомъ о воскресеніи мертвыхъ.

Прот. Воскресеніе мертвыхъ я понимаю въ широкомъ смыслѣ.

Свящ. Въ какомъ же это именно?

Прот. Подъ воскресеніемъ я разумѣю нравственное возрожденіе человѣчества, которое въ будущемъ вѣкѣ, благодаря именно отрѣшенію духа отъ тѣла, какъ отъ тяжелаго своего ярма, достигнетъ, какъ говорится, своего высшаго апогея. Чтобы быть совершеннымъ, какъ совершенъ Самъ Отецъ небесный, понятно, нужно быть только духомъ, а не и тѣломъ вмѣстѣ. И какъ можно говорить о воскресеніи тѣла, которое, во время напр. войны, разрывается бомбою на мельчайшіе кусочки, или которое, будучи съѣдено хищнымъ животнымъ, превращается въ тѣло этого животнаго, а животное въ свою очередь переходитъ въ другое тѣло и т. д. безъ конца? Понимать воскресеніе, какъ оживленіе самаго тѣла умершаго, можетъ только тотъ, кто не имѣетъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ. Познакомьтесь хотя отчасти съ естественными науками, и тогда вы увидите всю несостоятельность ученія о воскресеніи нашихъ тѣлъ.

Свящ. Человѣческій умъ, вслѣдствіе своей ограниченности, можетъ во многомъ недоумѣвать, что не укладывается въ его тѣсныя рамки; но, и при зараженіи духомъ свободомыслія, нужно быть особенно смѣлымъ, чтобы измѣрять на свой собственный аршинъ такія истины, которыя составляютъ алфу и омегу всей нашей жизни, т. е. смотря по такому или иному отношенію къ которымъ человѣкъ долженъ разомъ показать себя или „столпомъ

въ храмѣ Бога“ своего (Апок. III, 12), или „несчастнымъ, и жалкимъ, и нищимъ, и слѣпымъ, и нагимъ“ (ст. 17). Таковъ именно догматъ нашего воскресенія. Если нѣтъ воскресенія, то къ чему всѣ тѣ лишенія, которымъ подвергаетъ себя человѣкъ? „Станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“! какъ отвѣчаетъ Апостолъ всѣмъ отрицателямъ воскресенія (1 Кор. XV, 32). „Тѣло, какъ вы разсуждаете, для будущей жизни не нужно“: потому значитъ—„пусть оно наслаждается, какъ ему угодно, не отказывая никакой своей потребности, пока не обратится въ пепелъ, или пока не будетъ изъѣдено червями. А духъ будетъ достигать своего высшаго апогея уже помимо тѣла, и что онъ такое безъ тѣла, останется ли духомъ человѣческимъ, или превратится въ духа ангельскаго, или же сольется съ духомъ Самого Бога, на подобіе кирваны—неизвѣстно. Не надобно посему много заботиться и о духѣ, пока мы находимся въ тѣлѣ“... Какъ ни прикрывайте своихъ мыслей кажущеюся идеальностію взглядовъ, въ сущности вы приближаетесь къ эпикурейству. Но разсмотримъ-же самые доводы вашего отрицанія воскресенія мертвыхъ. Вы прежде всего говорите, что для того, чтобы быть совершеннымъ, какъ совершенъ Отецъ небесный, понятно, нужно быть только духомъ, а не и тѣломъ вмѣстѣ?... Короткимъ опроверженіемъ такого вашего тезиса можетъ служить то, что тѣло человѣческое не послужило препятствіемъ къ ипостасному соединенію съ нимъ Самого Сына Божія: тѣмъ способнѣе оно для новаго по воскресеніи соединенія съ душею человѣка, и тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ служить къ нашему богоподобію, къ которому мы предназначены самымъ сотвореніемъ нашимъ (Быт. I, 26. 27). Затѣмъ: вы почитаете неосновательнымъ ученіе о воскресеніи тѣлъ потому, что оно будто бы противорѣчитъ даннымъ естествознанія, и указываете именно на то, что наши тѣла по смерти входятъ въ составъ другихъ тѣлъ?... Но развѣ наши тѣла не превращаются въ другія тѣла еще при ихъ жизни? Тѣ же естественныя науки, на которыя вы съ такимъ самодовольствомъ ссылаетесь, говорятъ

намъ, что въ каждомъ изъ насъ, по истеченіи семи лѣтъ, не остается ни одной частички изъ тѣла, бывшаго въ этотъ періодъ времени, такъ что если человѣкъ переживетъ, положимъ, семь семилѣтнихъ періодовъ, то въ немъ семь разъ перемѣнится его тѣло. Да и безъ науки каждый можетъ знать, что его тѣло постоянно мѣняется. Возьмите напр. ногти на рукахъ. Мы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю обрѣзаемъ ихъ, вслѣдствіе чего чрезъ полгода вотъ „этого" моего ногтя у меня уже не будетъ на моемъ пальцѣ,—я постепенно его срѣжу. Между тѣмъ останусь ли я чрезъ полгода безъ ногтей на рукахъ? Конечно, нѣтъ (если только жизнь моихъ пальцевъ будетъ идти своимъ чередомъ, т. е. по законамъ, которые даны Творцемъ моему организму и которые хотя въ этой жизни могутъ быть, такъ сказать, пресѣкаемы,—напр. у меня ноготь можетъ быть совершенно сорванъ съ пальца и—другаго на его мѣсто уже не выростетъ; но въ отношеніи къ будущему нашему воскресенію никакія теперешнія паралиціи законовъ нашихъ тѣлъ не должны быть мыслимы,—по воскресеніи „ни смерти, ни болѣзни уже не будетъ; *ибо прежнее уже прошло*" (Апок. XXI, 4). И ногти на пальцахъ моихъ рукъ и чрезъ полгода будутъ „мои же" ногти,—не получу я напр. „вашихъ" ногтей. Точно также чрезъ каждыя семь лѣтъ у меня остается все вообще тѣло „мое же", а не сдѣлается оно тѣломъ „Ивана, Сидора" и т. д., такъ что вы и чрезъ семь лѣтъ, встрѣтясь со мною, увидите „меня же", а не Поликарпа, Трофима и др. Отсюда что же значатъ ваши, или вѣрнѣе, естественно-научныя указанія, что тѣла усопшихъ переходятъ въ иныя, пожалуй, противоположныя имъ тѣла? Сколько бы ни было этихъ переходовъ, „сущность каждаго отдѣльнаго тѣла человѣческаго" не теряется отъ того. „Безразсудный"! отвѣчаетъ Апостолъ отрицателямъ истины воскресенія мертвыхъ, „то, что ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло" (1 Кор. XV, 36—38). Вотъ вамъ объясненіе изъ естест-

венныхъ наукъ самое простое и въ то же время самое убѣдительное! Какъ брошенное въ землю сѣмя, по своемъ разложеніи въ ней, не уничтожается, но произращаетъ изъ себя то же по своему существу тѣло; такъ и каждое человѣческое тѣло, умирая, не обращается въ совершенное ничто, но, подобно истлѣвшему сѣмени, сохраняетъ свою сущность до дня общаго суда, когда, силою Божьяго всемогущества, возстановится во всѣхъ своихъ частяхъ, и каждое тѣло соединится опять съ своею душею. „Всѣ, находящіеся въ гробахъ“ (чтобы ни было этимъ гробомъ, могила ли земная, утроба ли звѣря, или волны морскія и проч.), „услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія“, говоритъ Самъ Спаситель (Іоан. V, 28. 29. ср. ст. 25). Вообще истина воскресенія нашихъ тѣлъ такъ ясно открыта въ Словѣ Божіемъ, что я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ, признавая это Слово именно за слово Божіе, можно приходить къ столь безотрадному отрицанію ея. Что нибудь одно: или безусловно принимать Божественное Откровеніе и твердо слѣдовать его ученію, или—зачеркнуть отъ начала и до конца всѣ книги Писанія и жить и мыслить „по стихіямъ міра сего“...

Прот. Я не отрицаю воскресенія мертвыхъ; но объясняю себѣ это воскресеніе, какъ мнѣ думается, болѣе согласно съ истиною.

Свящ. Въ томъ-то и дѣло, что истина-то не въ нашихъ личныхъ и произвольныхъ думахъ, а въ Богѣ и Его св. Откровеніи. „Какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли Мои выше мыслей вашихъ“, говоритъ Господь чрезъ одного ветхозавѣтнаго Пророка (Ис. LV, 9). Высказываемое вами понятіе воскресенія противорѣчитъ самой терминологіи воскресенія ἀνάστασις, resurrectio).

Прот. Но неужели я долженъ думать, что и въ будущемъ вѣкѣ будутъ хромые, слѣпые, колѣки и прочіе уроды, такъ какъ по вашему у каждаго будетъ „его же“ тѣло?

Свящ. Когда умремъ и воскреснемъ, все узнаемъ; а пока живемъ въ этомъ мірѣ, будемъ лучше твердо и постоянно помнить слова Спасителя: „что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда“ (Мѳ. XII, 36), и еще: „если не обратитесь, и не будете какъ дѣти“ (которыя не входятъ въ горделивыя словопренія, а принимаютъ сообщаемыя имъ спасительныя истины съ сердечною простотою и послушаніемъ), „то не войдете въ царство небесное“ (Мѳ. XVIII, 3).

Протоіерей *І. Титовъ.*

Обращеніе къ настоятелямъ церквей касательно богослужебныхъ чтеній.

„Настоятели церквей, обратите вниманіе на наше церковное чтеніе, позаботьтесь объ его улучшеніи: это вашъ долгъ, ваша обязанность; дайте возможность вашимъ прихожанамъ учиться въ храмѣ вѣрѣ въ Бога, Которому вы служите, и благочестію". Такъ „Одинъ изъ прихожанъ" взываетъ чрезъ „Церковный Вѣстникъ" (№ 10) къ настоятелямъ церквей. Воззваніе это мотивировано у него тѣмъ, что „духовенство мало думаетъ о чтеніи" и что „чтеніе въ большинствѣ столичныхъ церквей, не говоря уже о сельскихъ, далеко не въ блестящемъ состояніи и очень нуждается въ улучшеніи"; указываются при этомъ и извѣстные всѣмъ недостатки церковныхъ чтецовъ: „это большая быстрота и неясность (неотчетливость). Псаломщики читаютъ такъ скоро, что за ними, какъ говорятъ, и на тройкѣ не успѣть. Слѣдить за содержаніемъ при такомъ чтеніи, конечно, очень трудно, если только возможно. Кромѣ того на помощь чрезмѣрной скорости приходитъ и неясность—неотчетливость. Оба эти недостатка вмѣстѣ способны обезкуражить самаго терпѣливаго, самаго внимательнаго слушателя—молящагося. У большинства нашихъ псаломщиковъ языкъ, какъ говорятъ, перебитъ. Они

часто скрадываютъ слова и постоянно сокращаютъ ихъ, проглатывая послѣдніе звуки, отдѣльныя слова, часто сливаютъ, и все это въ ущербъ вразумительности чтенія". Указывая на печальные результаты такого чтенія, „Одинъ изъ прихожанъ" говоритъ святую истину, что для огромнаго большинства храмъ Божій есть „единственное училище вѣры въ истиннаго Бога и вмѣстѣ училище истиннаго христіанскаго благочестія" какъ для безграмотнаго, такъ и грамотнаго народа, а равно и для интеллигентнаго класса общества, посѣщающаго церковь. Естественно поэтому желать и требовать, прибавлю отъ себя, чтобы именно первѣе всего „богослужебныя чтенія не оставались присутствующимъ въ храмѣ непонятными", иначе всякія „внѣбогослужебныя чтенія" будутъ въ существѣ дѣла безплодными... Только какъ этого достигнуть? „Одинъ изъ прихожанъ", котораго нельзя не благодарить за добрыя желанія, къ сожалѣнію, не указываетъ никакихъ средствъ къ искорененію указываемаго имъ недостатка (въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" не разъ впрочемъ писано было объ этомъ недостаткѣ) и проистекающаго изъ него зла; онъ говоритъ только, „что эти средства и просты, и не трудны для достиженія; все зависитъ отъ настоятеля"... О, еслибы такъ! Но можно ли указать такого настоятеля, который не желалъ бы, чтобы въ церкви его было хорошее чтеніе и пѣніе? Многимъ ли извѣстно, сколько самыхъ тяжелыхъ непріятностей приходится испытывать священнику, если онъ позволитъ себѣ иногда сдѣлать самое обыкновенное, самое деликатное замѣчаніе псаломщику, особенно изъ „богослововъ"? Выходили и выходятъ нерѣдко ссоры и распри, разбираемыя даже начальствомъ. Нѣтъ, не только „не все зависитъ отъ настоятеля", но весьма и весьма немногое, пока не приготовитъ онъ себѣ въ своей церковно-приходской школѣ хорошихъ чтецовъ... Пока же выростутъ такіе чтецы, въ высшей степени полезно было бы знать тѣ „простыя и нетрудныя средства", которыми можно искоренить непригодное ни къ чему во многихъ храмахъ церковное чтеніе. Читатели „Руковод-

ства для сельскихъ пастырей", какъ болѣе всего заинтересованные въ этомъ, готовы ожидать указанія такихъ средствъ и съ искреннею благодарностію воспользуются ими.

Одинъ изъ настоятелей.

Какъ освящать иконы?

Въ общеупотребительныхъ Требникахъ—Маломъ и Большомъ нѣтъ никакихъ указаній относительно освященія иконъ, а потому нѣкоторые священники спрашиваютъ насъ: какъ имъ освящать новыя иконы?

Недоумѣнія относительно способа освященія новыхъ иконъ возникаютъ у нѣкоторыхъ священниковъ, очевидно, вслѣдствіе незнакомства ихъ съ такъ называемымъ „Дополнительнымъ Требникомъ“ и неимѣнія этого Требника подъ руками. Между тѣмъ въ „Дополнительномъ Требникѣ“, изданномъ Кіево-Печерскою Лаврою (въ 1863, 1866 и 1871 гг.) съ благословенія Св. Прав. Синода и преосвященнаго Арсенія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, содержится нѣсколько чиновъ освященія иконъ. Такъ есть особый „чинъ благословенія и освященія новосооруженнаго креста“; положенъ особый „чинъ благословенія и освященія иконы Пресв. и Живоначальныя Троицы“; указанъ особый „чинъ благословенія и освященія иконы Христовы, праздниковъ Господскихъ, единыя или многихъ“; есть особый „чинъ благословенія и освященія иконы Пресв. Богородицы, единыя или многихъ“; изложенъ и „чинъ благословенія и освященія иконы Святаго единаго или многихъ“. Всѣ эти чины по своему внѣшнему порядку сходны между собою, хотя по содержанію и различны. Внѣшній порядокъ всѣхъ этихъ чиновъ такой: иконы, которыя должны быть освящены, полагаются на столѣ, „честно покровенномъ“, и священникъ, облачившись въ епитрахиль и фелонь и крестооб-

разно окадивъ новыя иконы, совершаетъ обычное начало—произноситъ: „Благословенъ Богъ нашъ“; по обычномъ начальномъ возгласѣ поется „Царю небесный“, читается „Трисвятое“, „Отче нашъ“, „Господи помилуй“ 12 разъ, „Слава и нынѣ“ и „Пріидите поклонимся“ трижды; затѣмъ полагается одинъ или нѣсколько избранныхъ псалмовъ, двѣ молитвы, произносимыя священнослужителемъ (первая велухъ, а другая тайно); совершается троекратное окропленіе иконы св. водою съ произношеніемъ словъ: „освящается“ крестное сіе знаменіе или образъ или икона „благодатію Пресвятаго Духа, окропленіемъ воды сія священныя, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь“; по окропленіи иконы св. водою, бываетъ крестообразное кажденіе предъ нею, а затѣмъ, при пѣніи избранныхъ стихиръ или тропарей,—земное поклоненіе предъ иконою и цѣлованіе ея, и наконецъ—отпустъ. Какъ псалмы, такъ и молитвы, стихиры, тропари и отпусты по своему содержанію примѣнены къ тѣмъ именно иконамъ, какія освящаются. Входить въ подробное и точное изложеніе всѣхъ этихъ псалмовъ, молитвъ и пѣснопѣній не позволяютъ намъ ограниченные предѣлы нашей замѣтки, да и по существу дѣла нѣтъ нужды въ такомъ изложеніи. Своею настоящею замѣткою мы желали бы только указать священникамъ, недоумѣвающимъ относительно способа освященія иконъ, на необходимость запастись „Дополнительнымъ Требникомъ“, въ которомъ изложены разные чины освященія тѣхъ или другихъ иконъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 марта 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 15.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Апрѣля 8-го.

Содержаніе: Пастырское служеніе, по письмамъ св. Исидора Пелусіота.—Чему и кому учить въ церковно-приходскихъ школахъ?—О развлеченіяхъ, доступныхъ для пастыря Церкви.—О пастырскомъ обращеніи съ грѣшниками, по примѣру Господа Іисуса Христа.

Пастырское служеніе, по письмамъ св. Исидора Пелусіота.

Длинная исторія христіанскаго пастырскаго служенія предлагаетъ современнымъ пастырямъ богатый и назидательный матеріалъ, могущій уяснять имъ существо ихъ обязанностей и указывать возможныя уклоненія отъ надлежащаго исполненія ихъ. Въ этой исторіи видное мѣсто въ указанномъ отношеніи принадлежитъ пресвитеру Исидору Пелусіоту, умершему въ половинѣ пятаго вѣка или немного ранѣе (ок. 434 г.). Въ его многочисленныхъ письмахъ (до нашего времени сохранилось болѣе двухъ тысячъ) разсѣяно множество превосходныхъ сужденій о пастырскомъ служеніи, основанныхъ на глубокомъ знаніи Св. Писанія и исторіи священническаго служенія и на личномъ опытѣ самаго Исидора. Конечно, эти сужденія имѣютъ въ виду главнымъ образомъ со-

временное Исидору состояніе церковнаго клира; но ихъ интересъ не умаляется отъ этого, ибо жизнь и характеръ дѣятельности церковнаго клира временъ Исидора представляютъ немало аналогическаго съ современнымъ состояніемъ клира. Кромѣ того сужденія св. Исидора о священникахъ и священническихъ обязанностяхъ, какъ основанныя на Св. Писаніи и постиженіи духа христіанскаго пастырства, не теряютъ своего значенія для всѣхъ временъ. Въ виду указаннаго значенія сужденій св. Исидора о пастырскомъ служеніи, и представляется здѣсь въ рядѣ небольшихъ статей изложеніе этихъ сужденій. Но такъ какъ характеръ ученія Исидора о пастырствѣ опредѣляется между прочимъ и личностію самаго учителя, то не будетъ излишнимъ знакомство съ его жизнію и его отношеніями къ церковнымъ интересамъ.

Очень мало сохранилось извѣстій о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни св. Исидора. Ничего опредѣленнаго не извѣстно относительно года рожденія, родителей и воспитанія Исидора. Позднѣйшія извѣстія о томъ, что онъ родился отъ знатныхъ и богатыхъ родителей и состоялъ въ родствѣ съ александрійскими патріархами Ѳеофиломъ и Кирилломъ, не подтверждаются ни письмами самаго Исидора, ни свидѣтельствами древнихъ церковныхъ писателей. Не сомнѣнно только то, что онъ родился (во второй половинѣ 4-го в.) въ Александріи и въ широкихъ размѣрахъ воспользовался тѣми богатыми образовательными средствами, какія предлагалъ тогда этотъ городъ, бывшій однимъ изъ главныхъ центровъ тогдашняго христіанскаго просвѣщенія. Письма св. Исидора обнаруживаютъ въ немъ основательное знакомство съ исторіей, греческою философіею и классическою литературою. Но тѣже самыя письма показываютъ, что онъ съ бо́льшимъ прилежаніемъ изучалъ Свящ. Писаніе и отеческія творенія, нежели мірскія науки. Ибо софистическая словесность по Исидору только ласкаетъ и нѣжитъ слухъ краснословіемъ; пророческая же уцѣломудриваетъ и увеселяетъ души и, будучи сама полна жизни, вдохновляетъ на дѣла и говорящаго (5, 201). Его знаніе Св. Писанія было настолько

велико, что многія лица, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, обращались къ нему за разъясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Свящ. Писанія. Есть извѣстіе (Никифора Каллиста), что св. Исидоръ былъ ученикомъ Іоанна Златоустаго, но это извѣстіе не подтверждается письмами самаго Исидора. Онъ можетъ быть названъ ученикомъ Златоустаго въ томъ смыслѣ, что прилежно изучалъ творенія великаго константинопольскаго іерарха, восхищался ими. (2, 42), совѣтовалъ другимъ назидаться чтеніемъ ихъ (4, 224), сильно порицалъ враговъ Златоустаго и особенно „неистоваго любителя камней и поклонника золоту Ѳеофила Александр. (1, 152). О сочиненіи Златоуста „О священствѣ“ Исидоръ говоритъ: „нѣтъ такого сердца, на которое не подѣйствовало бы чтеніе этой книги и не уязвило бы его божественною любовію, показавъ, сколько священство досточтимо и не приступно, и научивъ, какъ проходить оное неукоризненно“ (1, 156). Изученіе сочиненій Златоустаго несомнѣнно отразилось на образѣ мыслей св. Исидора и примѣтно въ его сужденіяхъ о пастырскомъ служеніи.

Полученное Исидоромъ блестящее образованіе открывало ему дорогу къ видному общественному положенію. Но онъ, чувствуя нерасположеніе къ суетѣ земной, рѣшился посвятить себя монастырской жизни и уединенному любомудрію. Богатство, красота, сила, слава, владычество—мнимыя блага, говоритъ онъ, и разсѣваются, какъ дымъ (5, 3); только добродѣтель и любомудріе (тогда словомъ φιλοσοφια обозначали подвижническую жизнь) возвеличиваютъ человѣка (3, 25). Мѣстомъ своей подвижнической жизни Исидоръ избралъ монастырь, расположенный на горѣ, недалеко отъ города Пелузіи (при устьѣ Нила), откуда и произошло наименованіе Исидора Пелусіотомъ.

Изъ многихъ писемъ Исидора видно, что онъ, поселившись въ монастырѣ, предался строгой подвижнической жизни. Примѣромъ для себя онъ избралъ Іоанна Крестителя, подражая ему въ пищѣ и одеждѣ (1, 5) и осуществляя „законъ его“ о неимѣніи двухъ одеждъ. Получивъ отъ пресвитера Зинона новую одежду,

Исидоръ отослалъ ему свой единственный власяной хитонъ, ибо, говоритъ онъ, исполняемъ Крестителя, не имѣя у себя двухъ ризъ (1, 216). И этотъ законъ исполнялся имъ во всю жизнь (1, 475). Исидоръ, пишетъ Евагрій (церк. историкъ 6-го в.), „такъ измождалъ свою плоть трудами и такъ утучнялъ душу возвышенными помыслами, что на землѣ пріобщился жизни ангельской и постоянно былъ живымъ памятникомъ монашескаго житія и богомыслія". Изъ письма Исидора къ пресвитеру Зинону видно, что нѣкоторые столь глубоко чтили въ Пелусіотѣ благочестіе, что даже считали священными тѣ вещи, которыя были у него въ употребленіи (1, 216). За благочестивую жизнь Исидоръ почтенъ былъ саномъ пресвитера и сдѣланъ начальникомъ монастыря, въ которомъ жилъ.

Благочестіе, ученость и ревнованіе о благѣ Церкви стяжали Исидору большое уваженіе среди современниковъ и дали ему возможность простирать свою учительскую дѣятельность на всю Церковь и на всѣ классы тогдашняго общества. Онъ писалъ письма къ императ. Ѳеодосію (Младшему), высшимъ сановникамъ, епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ, ученымъ, врачамъ, воинамъ, земледѣльцамъ и др. Содержаніе этихъ писемъ чрезвычайно разнообразно. Исидоръ выступаетъ въ нихъ то защитникомъ христіанства противъ язычниковъ, іудеевъ, еретиковъ, то изъяснителемъ Свящ. Писанія, догматическаго и нравственнаго ученія, то совѣтникомъ и защитникомъ несчастныхъ, то строгимъ обличителемъ неправды и грѣха. Въ своихъ обличительныхъ письмахъ Исидоръ, не взирая на лица, не стѣснялся въ выборѣ укорительныхъ выраженій; радовался, если его совѣты и обличенія исправляли худыхъ людей и проливалъ слезы надъ грѣховною закоренѣлостью ихъ. „Узналъ, пишетъ онъ пресвитеру Зосимѣ, что ты предаешься тѣмъ же сквернамъ, я заплакалъ, потомъ сказалъ себѣ: для чего ты, Исидоръ, утруждаешься напрасно, сѣя на камняхъ? Для чего стараешься принести пользу тому, кто не желаетъ себѣ этой пользы?... Перестань трудиться попусту, мыть

Ефіопа... варить камни. Но какъ скоро насытился я этими упреками самому себѣ,—снова возникла добрая надежда, побудившая невольно начертать опять и эти письмена“ (3, 7). Суровыя обличенія Исидора вооружали противъ него обличаемыхъ, и самъ говоритъ, что ему много приходилось терпѣть отъ нечестивыхъ людей (5, 131). Но всегда утѣшался тѣмъ, что и апостолы много вынесли браней за славу Господню (2, 58).

Но особенно сильно и часто Исидоръ обличалъ людей, почтенныхъ саномъ священства. Въ ихъ дурномъ нравственномъ поведеніи, несовмѣстимомъ съ обязанностями священства, онъ усматривалъ главную причину нестроеній въ Церкви и обществѣ. Въ письмѣ къ еписк. Леонтію Исидоръ пишетъ: „подлинно, какъ написалъ ты, много смущеній вторглось въ церкви. Гдѣ имя міра, тамъ ликуютъ дѣла брани. Происходитъ же это отъ того, что во многомъ и различномъ погрѣшаютъ тѣ, кому вручено учительское достоинство“ (3, 53). „Одни дѣлаютъ то, о чемъ говорить не смѣю; другіе говорятъ то, что и думать не позволительно“. Епископы пустили въ продажу „божественные приговоры“, священство сдѣлалось предметомъ купли и продажи, вслѣдствіе чего въ клиръ проникли люди безнравственные, священство перестало быть величайшимъ служеніемъ, паства позабыта или о ней помнили лишь настолько, насколько она могла служить средствомъ къ обогащенію и къ роскоши и т. п. Въ виду забвенія нѣкоторыми пастырями своихъ обязанностей, св. Исидоръ старался выяснять сущность пастырскаго служенія и обозначить условія прохожденія этого служенія. Къ изложенію сказаннаго имъ въ этомъ отношеніи мы и приступаемъ.

1. Важность священническаго служенія.

Во многихъ своихъ письмахъ св. Исидоръ разъясняетъ пастырямъ и мірянамъ величайшую важность священническаго служенія, называя его страшнымъ по отвѣтственности, налагаемой имъ на пастырей, свѣтоноснымъ, превышающимъ всякую человѣ-

ческую почесть и всякій санъ, даже царскую власть (5, 422), всякій родъ жизни и всякое достоинство (4, 219), драгоцѣннѣйшимъ всякаго имущества (2, 52). Эта важность и величіе священническаго служенія открываются изъ цѣли его учрежденія и того положенія, какое оно занимаетъ между Богомъ и людьми. Цѣль божественнаго учрежденія священства—„спасеніе“ людей (3, 239). Для достиженія этой цѣли священству придано значеніе органа, посредствующаго между Богомъ и людьми. „Между божественнымъ естествомъ, говоритъ Исидоръ, и человѣческимъ священство поставлено какъ бы въ срединѣ, чтобы оно служило первому и во второмъ производило наилучшую перемѣну“ (3, 20), т. е. улучшало нравственно человѣческую природу для приближенія ея къ божественной благодати. Значеніе священства, какъ служенія посредствующаго между Богомъ и людьми въ дѣлѣ спасенія послѣднихъ, доказывается Исидоромъ слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ таинствахъ сообщается людямъ спасительная благодать Божія. Но доступъ къ этимъ таинствамъ открываетъ священство, облекающее пастырей властью совершать таинство и пріобщать людей божественной благодати, изливающейся чрезъ таинство. „Пусть, говоритъ св. Исидоръ въ письмѣ къ еп. Ѳеодосію, прославятъ священство и увѣнчаютъ, какъ воздающее всѣмъ то, что кому слѣдуетъ. Ибо при его содѣйствіи и возраждаемся, и причащаемся божественныхъ таинъ, безъ которыхъ не возможно имѣть участія въ небесныхъ наградахъ, по неложнымъ изреченіямъ самой Истины, говорящей въ одномъ мѣстѣ: „аще кто не родится водою и духомъ, не войдетъ въ царствіе небесное“ (Іоан. 14, 5); и въ другомъ: „кто не ѣстъ плоти Моей и не піетъ крови Моей, тотъ не имѣетъ части со Мною“ (Іоан. XIV, 18). Поэтому, если безъ этихъ таинствъ нельзя удостоиться божественнаго жребія, а таинства эти совершаются не инымъ кѣмъ, какъ священствомъ, то какъ же тотъ, кто пренебрегаетъ священство, не оскорбляетъ божественнаго и не пренебрегаетъ душу свою (2, 52)?

К. П.

Чему и кому учить въ церковно-приходскихъ школахъ?

Не отличаясь по предметамъ обученія отъ другихъ начальныхъ училищъ, церковно-приходскія школы должны въ характерѣ обученія приближаться къ древнему образцу ихъ. Школы сіи, какъ мы видѣли, представляли двѣ существенныя черты—преобладаніе въ нихъ духа церковности и ознакомленіе учащихся съ источниками ученія вѣры и нравственности христіанской. Поэтому преподаваніе Закона Божія не должно ограничиваться предѣлами программы, одобренной для начальныхъ училищъ Святѣйшимъ Синодомъ, а законоучители должны пріучать учениковъ къ чтенію Слова Божія, отеческихъ Писаній и богослужебныхъ книгъ.

Особенно важное значеніе въ народной школѣ имѣетъ церковно-славянское чтеніе. При должномъ вниманіи къ сему со стороны законоучителей, при частомъ чтеніи славянскаго текста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, ученики не только пріобрѣтутъ добрый навыкъ въ самомъ чтеніи, но постепенно проникнутся духомъ его, достигнутъ пониманія читаемаго и будутъ съ разумѣніемъ относиться къ молитвамъ и богослуженію, въ которомъ сами могутъ принимать участіе. Столь же высокое нравственно-воспитательное значеніе въ духѣ церковности нужно признать и за церковнымъ пѣніемъ, которое должно быть предметомъ первой необходимости въ народной школѣ. Нужно желать, чтобы при каждой школѣ по возможности учреждались церковные хоры, дабы родители имѣли утѣшеніе видѣть своихъ дѣтей поющими при богослуженіи, а учащіеся проникались духомъ его.

Само собою разумѣется, что Законъ Божій долженъ будетъ занимать въ церковно-приходской школѣ преобладающее положеніе. Согласно съ симъ учащіеся должны быть пріучаемы къ исполненію всѣхъ христіанскихъ обязанностей, къ храненію преданій и обычаевъ Церкви. Всѣ остальные предметы убученія въ церковно-приходской школѣ должны имѣть лишь второстепенное,

вспомогательное значеніе. Можно быть увѣреннымъ, что усиленіе духа церковности въ школахъ и возстановленіе добрыхъ преданій старины встрѣчено будетъ народомъ съ полнымъ сочувствіемъ и что появленіе въ числѣ учебныхъ книгъ Часослова и Псалтири, по коимъ учились наши предки, составятъ для народа духовную радость, утвердятъ довѣріе и любовь его къ школѣ. И еслибы для прохожденія полнаго курса начальной школы назначено было 4 года, то учащіеся не только могли бы основательно усвоить Законъ Божій, но твердо навыкнули бы въ чтеніи, письмѣ и счетѣ.

Учителями въ церковно-приходскихъ школахъ должны быть по возможности священники и другіе члены причтовъ; затѣмъ могутъ быть допускаемы учители и учительницы, но не иначе, какъ подъ руководствомъ священниковъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть законоучителями.

Затрудненія существуютъ, но не повсюду одинаковыя и не въ такой степени, чтобы ихъ считать непреодолимыми.

Богослуженіе въ селеніяхъ, какъ извѣстно, совершается лишь по праздникамъ, слѣдовательно въ дни, когда въ школѣ занятій не бываетъ; если бываетъ богослуженіе въ будніе дни, то оно обыкновенно совершается очень рано и къ 7—8 часамъ утра, слѣдовательно до начала школьныхъ занятій, оканчивается; церковныя требы, кромѣ неотложныхъ (каковы напр. напутствованіе умирающихъ), могутъ быть совершаемы, по окончаніи школьныхъ занятій; крестные ходы учреждаются обыкновенно въ лѣтнее время, или въ большіе праздники, когда ученія не бываетъ, и сельскохозяйственныя занятія одинаково отвлекаютъ отъ школы учениковъ и учителей.

Итакъ немного сравнительно отнимутъ времени у священника требы неотложныя; но въ сихъ случаяхъ можетъ замѣнить его кто либо изъ причта, наконецъ жена или дочь, если онѣ получили образованіе въ епархіальномъ училищѣ, каковыхъ нынѣ не мало.

Можно быть увѣреннымъ, что если священникамъ—учителямъ оказана будетъ должная помощь и нравственная поддержка, то многіе изъ нихъ найдутъ возможность сохранить за собою и учительство.

Этого надлежитъ желать по многимъ уважительнымъ основаніямъ.

Кандидаты священства, въ теченіи десятилѣтняго курса, по составу своему выше гимназическаго, получаютъ вполнѣ основательную подготовку къ учительству; изучая педагогику и дидактику, они практически ознакомляются съ улучшенными способами преподаванія въ воскресныхъ школахъ; если же къ этому присоединить богословское образованіе, то нельзя не признать, что священники представляютъ незамѣнимый запасъ учителей высокаго достоинства въ религіозно-нравственномъ и педагогическомъ отношеніяхъ.

Священники близки къ народу, они знаютъ семейную жизнь крестьянъ и, какъ духовные отцы и наставники, могутъ располагать ихъ къ школѣ.

Бывъ призваны къ сему самымъ званіемъ своимъ, священники пользуются довѣріемъ народа, каковое упрочитъ положеніе школы и увеличитъ ея обезпеченіе. Наконецъ они представляютъ безусловно прочное обезпеченіе добраго направленія школъ и ученія въ нихъ.

Желательно учительство священниковъ и въ интересахъ самаго духовенства, ибо оно пробудитъ его къ жизни, дастъ новыя побужденія къ самоусовершенствованію, предохранитъ отъ праздности и умственнаго застоя, возвыситъ его нравственный авторитетъ, поставитъ его въ тѣсную связь съ прихожанами. Впрочемъ желаніе, чтобы священники занимали учительскія должности, не есть настоятельное требованіе; тутъ не нужно и вредно стѣсненіе, а дѣло должно быть предоставлено доброй волѣ самихъ священниковъ быть учителями по мѣрѣ возможности. Что же касается до законоучительства, то это должно быть для священниковъ обязательнымъ.

Совершенно неосновательно высказывается многими, что священники ненадежные законоучители, ибо они-де уклоняются отъ преподаванія Закона Божія, не хотятъ учить въ школѣ и оставляютъ дѣтей безъ религіознаго назиданія.

Возможны, конечно, отдѣльные прискорбные случаи и такихъ уклоненій, но въ цѣломъ взятое обвиненіе духовенства въ нежеланіи учить народъ не справедливо.

Существуетъ много неблагопріятныхъ условій и препятствій, кои если не оправдываютъ, то объясняютъ уклоненіе духовенства отъ законоучительства совсѣмъ съ иной стороны.

Къ числу причинъ охлажденія духовенства къ школамъ принадлежатъ: а) Неправильное положеніе Закона Божія въ школѣ, гдѣ онъ является не первенствующимъ предметомъ, а лишь придаткомъ, вводимымъ ради необходимости. б) Неправильное положеніе законоучителя въ школѣ, гдѣ хозяиномъ является свѣтскій учитель, а священникъ находится въ положеніи какъ бы подчиненнаго, при чемъ бывали случаи, что учителямъ ввѣрялся нѣкоторый контроль за священникомъ, въ видѣ записыванія его посѣщеній и отмѣтокъ случаевъ его отсутствія;—при такомъ положеніи законоучитель не обезпеченъ отъ придирчивости, невѣжливости и даже грубости со стороны учителя. в) Неправильное отношеніе къ законоучителямъ со стороны инспекціи. Послѣдняя весьма многообразна: школы надзираются предводителями дворянства, земствомъ, училищными совѣтами, гражданскими властями и особыми инспекторами. По справедливости нельзя сказать, чтобы всѣ эти лица были проникнуты сознаніемъ важности положенія священника въ школѣ и чтобы они старались поддержать его авторитетъ; напротивъ бывали случаи, что инспектирующія лица, не стѣснялись ни саномъ, ни лѣтами и положеніемъ священника, позволяли себѣ дѣлать ему публично выговоры, замѣчанія, давать наставленія, а иногда высказывать и угрозы. Таковая притязательность и неуважительность естественно оскорбляла священниковъ и побуждала ихъ уклоняться отъ школы, дабы избѣжать

непріятныхъ столкновеній. Положеніе священника въ семъ отношеніи тѣмъ болѣе тяжело, что лица свѣтскія въ Законѣ Божіемъ не спеціальны, а иногда и малосвѣдущи, а потому священникъ можетъ получать внушенія, замѣчанія и выговоры за то, что въ сущности правильно и разумно. г) Наконецъ крайняя бѣдность сельскаго духовенства и нерѣдко совершенное отсутствіе всякаго вознагражденія за трудъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ нравственной поддержки и поощренія, также не могли располагать священниковъ къ труду нелегкому, требующему постоянства и времени. Съ устраненіемъ указанныхъ условій, нѣтъ сомнѣнія, духовенство приметъ живое и дѣятельное участіе въ обученіи народа.

Но возможны, конечно, и такіе случаи, когда являются дѣйствительныя препятствія къ занятію законоучительскихъ должностей священниками, каковы: преклонныя лѣта, болѣзненность, ослабленіе дара слова и голоса, епархіальныя порученія и должности, особыя семейныя обстоятельства и т. под., — во всѣхъ подобныхъ случаяхъ было бы несправедливо обвинять священниковъ въ намѣренномъ нежеланіи выполнять долга своего призванія. Но случаи таковы не часты, и ихъ нельзя возводить въ какое либо правило. Правильный исходъ изъ затрудненій въ указанныхъ случаяхъ изъясняется въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 4-го мая 1871 г. № 28, коимъ допускаются къ исправленію законоучительскихъ должностей діаконы и окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ семинарій, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

Рядомъ съ священникомъ стоитъ причтъ, который является ему естественнымъ помощникомъ. Разсуждая по сему предмету, нельзя не выразить сожалѣнія, что упразднены должности діаконовъ при сельскихъ церквахъ. По преданіямъ Церкви и первыхъ временъ христіанства, діаконы служили помощниками въ наставленіи оглашенныхъ начальнымъ истинамъ вѣры. Святѣйшій Синодъ уполномочиваетъ (указомъ отъ 4 мая 1871 г.) ихъ быть помощниками законоучителей; имѣя же надлежащее образованіе, они съ удобствомъ могли бы занимать и мѣста учителей въ школахъ.

Возстановленіе діаконовъ, столь желательное народомъ ради благолѣпія церковнаго богослуженія, не представило бы особенныхъ затрудненій, еслибы назначаемыя на сіи должности лица изъ окончившихъ семинарскій курсъ были назначаемы вмѣстѣ съ тѣмъ на учительскія должности въ церковно-приходскія школы съ приличнымъ вознагражденіемъ, чему и прихожане не отказались бы въ содѣйствіи, ибо народъ, привыкшій къ богослуженію съ возглашеніями діаконскими, до нынѣ еще живо хранитъ о нихъ воспоминаніе и скорбитъ о ихъ отсутствіи.

Засимъ въ средѣ клира помощниками священнику въ дѣлѣ обученія являются псаломщики, имѣющіе на то право по своему образованію.

Допускаемые въ школы учители и учительницы должны избираться преимущественно изъ лицъ духовнаго образованія, наиболѣе благопадежныхъ, имѣющихъ живую связь съ духовенствомъ и получившихъ достаточную подготовку.

О развлеченіяхъ, доступныхъ для пастыря Церкви.

Въ послѣднее время многіе изъ молодыхъ людей, получившихъ богословское образованіе, отказываются по различнымъ причинамъ отъ принятія духовнаго сана. Въ числѣ этихъ причинъ нерѣдко указывается между прочимъ и на затруднительность для каждаго, а въ особенности для молодаго человѣка, отказаться отъ свѣтскихъ развлеченій и исключительно посвятить себя исполненію высокихъ обязанностей пастырскаго служенія. Но дѣйствительно ли для священника обязательно отреченіе отъ всякаго рода развлеченій? Вѣдь никто не можетъ постоянно съ одинаковымъ напряженіемъ посвящать себя духовной дѣятельности. Такихъ избранниковъ, которые могли бы всецѣло посвящать свои силы духовной дѣятельности и никогда не нуждались бы въ отдыхѣ, въ оразноображеніи занятій, въ какихъ либо развлеченіяхъ, найдется слиш-

комъ мало. Для этого требуется чрезвычайно высокая степень нравственнаго совершенства и силы духа, могущая служить для пастыря Церкви лишь идеаломъ, къ которому онъ долженъ стремиться по мѣрѣ своихъ силъ, но который достижимъ далеко не для каждаго. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ"; но и не могущій достигнуть этого идеала не будетъ лишенъ праведнаго воздаянія, если добросовѣстно, по мѣрѣ своихъ силъ, будетъ исполнять обязанности, лежащія на немъ, какъ на христіанинѣ и какъ на пастырѣ. Зная слабость обыкновенныхъ силъ человѣческихъ, наша Церковь и не требуетъ со стороны своихъ служителей, за исключеніемъ высшихъ представителей іерархіи, аскетической жизни и въ частности отреченія отъ узъ семейной жизни съ ея радостями и наслажденіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволяетъ имъ и развлеченія.

Но, конечно, не всякія развлеченія священникъ можетъ позволять себѣ, а лишь такія, которыя вполнѣ приличны всякому истинному христіанину, которыя нисколько не оскорбляютъ ни религіи, ни нравственнаго чувства. Такъ какъ священникъ, уже вслѣдствіе своего сана, стоитъ выше мірянъ и долженъ по возможности служить въ нравственно-религіозномъ отношеніи образцомъ для своей паствы, то онъ долженъ съ большею строгостію, нежели міряне, относиться къ своему поведенію и быть весьма осторожнымъ, при выборѣ развлеченій. Въ особенности эта осторожность требуется отъ священника въ отношеніи къ общественнымъ развлеченіямъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ священникъ долженъ удаляться если не изъ каноническихъ основаній, то вслѣдствіе утвердившагося обычая, какъ напр.: отъ баловъ, общественныхъ гуляній съ танцами и пѣніемъ, театра и т. под., чтобы не подать кому либо повода къ соблазну и осужденію. Намъ нерѣдко приходилось встрѣчать священниковъ на духовныхъ концертахъ, на публичныхъ лекціяхъ, на художественныхъ выставкахъ, на общественныхъ гуляньяхъ, не имѣющихъ увеселительнаго характера, и т. под., и присутствіе служителей Церкви въ этихъ мѣстахъ

какъ бы совсѣмъ не замѣчалось публикою, ни для кого, повидимому, не казалось неумѣстнымъ. Но мы никогда не можемъ забыть того жалкаго положенія, которое долженъ былъ испытать одинъ священникъ, попавшій какими-то судьбами на общественное гулянье, сопровождавшееся музыкою, танцами, пѣніемъ шансонетокъ и т. под. Хотя онъ старался держаться вдали отъ публики и отъ той эстрады, дѣйствующія лица на которой составляли главную приманку для большинства гулявшихъ; однако не могъ ускользнуть отъ вниманія публики, изъ которой многіе обращали на него укоризненные взгляды, а нѣкоторые дѣлами рѣзкія замѣчанія на его счетъ или по крайней мѣрѣ выражали удивленіе, по поводу присутствія его на этомъ гуляньѣ. Долгъ благоразумія долженъ внушать священнику избѣгать не только тѣхъ развлеченій, которыя могутъ имѣть опасное вліяніе на его нравственно-религіозное настроеніе или которыя прямо воспрещаются каноническими постановленіями, но также и тѣхъ, которыя признаются неприличными для него обществомъ.

Впрочемъ отреченіе отъ большей части общественныхъ развлеченій не составляетъ для священника важнаго лишенія. Въ общественныхъ собраніяхъ лишь тотъ можетъ получать дѣйствительное развлеченіе и удовольствіе, кто проводитъ на нихъ время въ обществѣ близкихъ знакомыхъ или находитъ осуществленіе особыхъ какихъ либо интересовъ. Достаточно присмотрѣться къ тѣмъ свѣтскимъ людямъ, которые часто разъѣзжаютъ по баламъ, маскарадамъ, карточнымъ вечерамъ и т. под., чтобы убѣдиться, какую скуку они нерѣдко испытываютъ здѣсь вмѣсто удовольствія. Исключеніе, повидимому, составляютъ общественныя развлеченія, имѣющія чисто эстетическій характеръ (театръ, концерты и т. под.). Но такъ какъ они нерѣдко служатъ къ возбужденію грубыхъ, чувственныхъ инстинктовъ, то и удаленіе отъ нихъ не составляетъ значительной потери для священника, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ находить удовлетвореніе эстетическому вкусу въ своемъ домашнемъ кругу или въ частныхъ, скромныхъ, семейныхъ собраніяхъ. Да и

вообще частныя, семейныя собранія, состоящія изъ людей, связанныхъ узами родства, знакомства или общихъ взаимныхъ интересовъ, могутъ гораздо болѣе доставить развлеченія и болѣе быть полезными, нежели свѣтскія общественныя собранія. А частныя скромныя собранія доступны для каждаго священника.

Будучи ограниченъ въ пользованіи общественными развлеченіями, священникъ въ отношеніи къ частнымъ развлеченіямъ имѣетъ даже и преимущества, какихъ никто, кромѣ него, не имѣетъ. Какъ руководитель своихъ пасомыхъ и какъ непосредственный свидѣтель ихъ совѣсти, священникъ долженъ быть близокъ каждому изъ нихъ. Поэтому онъ всегда имѣетъ возможность пріятно и полезно проводить время, свободное отъ исполненія прямыхъ обязанностей своего званія или отъ своихъ домашнихъ занятій, среди своихъ прихожанъ, то дѣлая кому либо нравственное наставленіе, то дѣлясь съ кѣмъ либо своими познаніями и опытами своей жизни. Для него доступны также и тѣ скромныя развлеченія, которыми каждый другой человѣкъ можетъ пользоваться въ обществѣ своихъ сослуживцевъ и среди собственнаго домашняго семейнаго кружка. Онъ можетъ заниматься и чтеніемъ литературныхъ произведеній, и не только духовныхъ, но, безъ сомнѣнія, и свѣтскихъ. Если отцы и учители Церкви (напр. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, блаженные Іеронимъ и Августинъ) находили полезнымъ читать и изучать произведенія даже языческихъ писателей, то тѣмъ болѣе священникъ можетъ извлекать пользу изъ сочиненій христіанскихъ свѣтскихъ писателей. Чтеніе составляетъ для священника даже гораздо болѣе пріятное и полезное занятіе, нежели еще для кого либо; потому что чрезъ чтеніе священникъ можетъ знакомиться съ понятіями и образомъ жизни людей извѣстнаго круга общества, примѣнять свои свѣдѣнія къ дѣлу назиданія и дѣлиться познаніями съ сотнями лицъ изъ своей паствы. Для сана священника нисколько не оскорбительны и эстетическія удовольствія, не выходящія изъ границъ скромности и приличія, какъ-то: пѣніе, музыка и живопись. Высокое значеніе пѣнія и живописи признано и хри-

стіанскою Церковью, допустившею ихъ въ богослуженіе; а музыка не только употреблялась при ветхозавѣтномъ богослуженіи, но и въ христіанскія времена служила вмѣстѣ съ живописью предметомъ занятій для многихъ служителей Церкви. Хотя главное вниманіе, при своихъ эстетическихъ занятіяхъ, священникъ долженъ сосредоточивать на церковныхъ пѣснопѣніяхъ и иконописаніи, чтобы умѣть хорошо пѣть въ Церкви и отличать хорошо написанныя иконы отъ плохихъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ посредствомъ пѣнія, музыки и живописи выполнять также и свѣтскія произведенія, лишь бы они не нарушали требованій скромности и строгаго приличія. Есть наконецъ также между сельскохозяйственными и ремесленными занятіями не мало такихъ, которыя могутъ служить приличнымъ для священника развлеченіемъ, какъ напр.: садоводство, рыбная ловля, переплетное, столярное, токарное мастерство и т. под.

Такимъ образомъ есть не мало развлеченій, доступныхъ для священника. Но въ чемъ бы они ни состояли, они всегда должны быть таковы, чтобы отъ нихъ не труденъ былъ переходъ къ выполненію высокихъ обязанностей пастырскаго служенія. Священнику никогда не слѣдуетъ забывать, что развлеченія должны служить для него не непосредственнымъ предметомъ удовольствія, а лишь средствомъ къ поддержанію пастырской энергіи, къ подкрѣпленію силъ и къ возбужденію свѣжести духа.

Н. Д.

О пастырскомъ обращеніи съ грѣшниками, по примѣру Господа Іисуса Христа.

Особенно убѣждаю тебя, пастырь Церкви Моей, любвеобильно обращаться съ грѣшниками; привѣтствуй ихъ словами любви, дабы грѣшники не боялись и не пугались тебя, и не бѣгали отъ тебя—своего врача.

Смотри, съ какою любовію принималъ Я Закхея, грѣшницу, помазавшую Меня муромъ въ домѣ Симона прокаженнаго, жену Самарянку и жену, лтую въ прелюбодѣяніи.

Послѣдняя, стыдясь страшнаго своего проступка, трепетала въ ожиданіи исполненія надъ нею страшнаго приговора закона; но Я посрамилъ ложную ревность обвинявшихъ ее, такъ что послѣдніе молча ушли. Я спросилъ грѣшницу, осудилъ ли ее кто, и на отвѣтъ ея: „никто, Господи"! сказалъ: „и Я тебя не осуждаю. Иди и впредь не грѣши" (Іоан. 8, 11).

И ты—самъ грѣшникъ и нуждаешься въ Моей милости.

По обѣщанію Моему, Я окажу тебѣ столько же милости, сколько и ты окажешь ея грѣшнымъ братіямъ твоимъ. „Ибо, какою мѣрою мѣрите, отмѣрится и вамъ" (Лук. 6, 38).

О снисхожденіи, какое должно оказывать немощнымъ.

Я наставлялъ людей стремиться къ жизни совершенной, но и несовершеннымъ Я сострадалъ и умѣлъ снисходить къ слабостямъ человѣческимъ, дабы исцѣлить сіи ихъ недостатки.

Никодимъ высоко цѣнилъ Мое ученіе, но онъ опасался и на себя навлечь гнѣвъ Моихъ враговъ.

Дабы не быть никѣмъ замѣченнымъ, онъ пришелъ ко Мнѣ ночью, ибо еще не осмѣливался открыто объявить себя Моимъ ученикомъ (Іоан. 3, 2).

Это была слабость, недостатокъ, страхъ человѣческій, но Я снизошелъ къ нему и не отклонилъ его отъ Себя; напротивъ Я старался наставить его, дабы привлечь къ Себѣ сердце его. Когда онъ научился лучше знать Меня, то уже и открыто сталъ говорить въ Мою пользу въ собраніи фарисеевъ. По смерти Моей любовь и привязанность его ко Мнѣ возросла настолько, что онъ не побоялся уже муромъ помазать мертвое тѣло Мое и подвергнуться самымъ преслѣдованіямъ ради имени Моего.

Снисходи и ты къ недостаткамъ твоихъ собратій; этимъ ты мало по малу научишь ихъ любить Меня.

Время таково, что многіе, изъ страха подвергнуться наёмѣникамъ со стороны Моихъ враговъ, стыдятся Меня. Таковыхъ не легко можно привлечь ко Мнѣ тѣми скромными упражненіями, которыя сами по себѣ хороши и похвальны, но не необходимы.

Таковые люди хотятъ быть Моими учениками, но тайными; и еслибы потребовать отъ нихъ исполненія всего того, что дѣлаютъ усердные Мои ученики, то грозила бы опасность, что они совершенно удалятся отъ всего добраго.

Довольствуйся, если таковые будутъ сначала дѣлать лишь то, что безусловно необходимо христіанину; а затѣмъ уже приводи ихъ мало по малу къ сознанію необходимости побѣдить въ себѣ страхъ человѣческій, пока наконецъ, при помощи благодати Моей, не достигнешь того, что они изъ боязливыхъ станутъ мужественными Моими борцами.

Съ особенною любовію принимай грѣшниковъ, сознающихъ свои проступки на исповѣди; если они и не такъ, повидимому, подготовлены къ таинству исповѣди, и хотя бы и грѣхи ихъ были слишкомъ велики, ты принимай ихъ съ любовію, какъ того требуетъ ихъ печальное состояніе.

Когда грѣшникъ приходитъ на исповѣдь въ дурномъ или печальномъ настроеніи, то пастыри иногда обращаются съ ними особенно сурово, такъ что грѣшникъ, замѣтивъ сію суровость пастыря въ обращеніи съ нимъ, теряетъ уже и всякую мысль объ исправленіи.

Служители Мои должны помнить, что грѣшникъ заслуживаетъ тѣмъ большей любви и состраданія, чѣмъ тяжелѣе бремя грѣховъ, лежащихъ на немъ, и чѣмъ въ большемъ заступленіи онъ нуждается, и что отъ рукъ ихъ (пастырей Моихъ) Я нѣкогда потребую (взыщу) души людей, погибшихъ по ихъ винѣ.

Забота пастыря о своихъ пасомыхъ и въ особенности о дѣтяхъ.

Ты, пастырь Мой, долженъ застраивать и обдѣлывать виноградникъ Мой, который Я не только потомъ Своимъ, но и особенно кровію Своею сдѣлалъ плодоноснымъ.

Этотъ виноградникъ есть Мой народъ, о спасеніи котораго ты долженъ стараться всѣми твоими силами, дабы всѣ богатые плоды приносили въ жизни вѣчной.

Съ особенною заботою ухаживай за нѣжными вѣтвями въ Моемъ виноградникѣ, которыя и нуждаются въ твоемъ особомъ за ними уходѣ,—это дѣти.

Смотри, съ какою любовію Я принималъ дѣтей. Когда ученики Мои, дабы не утруждать Меня, устраняли ихъ отъ Меня, Я строго повелѣвалъ имъ пустить ихъ ко Мнѣ, говоря: „пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ“ (Матѳ. 19, 14).

Я возложилъ Свои божественныя руки на невинныя головки ихъ и благословилъ ихъ, какъ сказано о Мнѣ Евангелистомъ: „Іисусъ, возложивъ на нихъ руки, благословилъ ихъ“ (Матѳ. гл. 19).

Особенно заботься о дѣтяхъ, терпѣливо наставляй ихъ въ истинахъ святой вѣры и доброй нравственности.

Съ самаго начала раскрытія въ дѣтяхъ способности пониманія, научай ихъ познавать Меня; сообразуясь съ ихъ способностями, уясняй имъ, кто Я, какъ Я добръ, какъ много слѣдуетъ любить Меня, что Я сдѣлалъ для ихъ спасенія, какія блага готовъ Я даровать имъ и въ жизни земной, и особенно въ жизни небесной.

Наставляй ихъ, какъ за все сіе они всѣмъ сердцемъ своимъ должны быть привязаны ко Мнѣ, какъ должны они любить Меня болѣе, чѣмъ отца и матерь свою; научай ихъ чаще возбуждать въ сердцахъ своихъ такія живыя чувства любви ко Мнѣ.

Что пользы наставлять человѣка, пришедшаго уже въ возрастъ полнаго раскрытія въ немъ его способностей,—показывать Свою любовь къ Творцу, когда не стараетесь внушить сего дѣтямъ, а оставляете ихъ внѣ всякой помощи?

Ты сдѣлаешь дѣло для Меня чрезвычайно пріятное, если воспламенишь въ ихъ чистыхъ и непорочныхъ сердцахъ любовь ко Мнѣ, дабы чувство любви ко Мнѣ было первымъ чувствомъ сердца ихъ.

Эта любовь ко Мнѣ—первые и лучшіе плоды, какихъ Я желаю; заботься же, чтобы плоды сіи Мнѣ были приносимы въ свое время.

Внушай дѣтямъ отвращеніе отъ грѣха, представляй дѣтямъ грѣхи зломъ величайшимъ и единственнымъ и опаснѣйшимъ.

Этимъ ты много поможешь дѣтямъ, если сохранишь одежду ихъ невинности во всей ея драгоцѣнной и блестящей цѣлости; одежда невинности, сохраненная незапятненною въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, не такъ легко уже можетъ быть ими запятнена и въ ихъ зрѣломъ возрастѣ.

Посуди же самъ теперь, какъ не разумны въ глазахъ Моихъ тѣ гордецы, которые думаютъ, что слишкомъ унижаютъ себя, когда заботятся о малыхъ дѣтяхъ. А есть, есть и такіе среди пастырей Моихъ!

Замѣть, что совершить такое важное дѣло лучше сможешь, если привлечешь къ сему и родителей или тѣхъ, кому порученъ особый надзоръ за дѣтьми. Позаботься о семъ!

Если видишь, что нѣкоторыя дѣти не имѣютъ своихъ родителей и даже лицъ, могущихъ по возможности замѣнять имъ родителей, то найди таковыхъ среди твоихъ пасомыхъ.

Чаще вспоминай, что дѣти—это плодоноснѣйшее поле для посѣванія добрыхъ сѣмянъ. Здѣсь особенно широко поле твоей апостольской дѣятельности.

Пастырская заботливость о людяхъ, стремящихся къ совершенству духовной жизни.

Бери съ Меня *примѣръ*, какъ обходиться съ тѣми, кто ищетъ христіанскаго совершенства.

Такъ именно наставлялъ Я Своихъ учениковъ, когда имъ особенно открывалъ тайны царствія Божія, когда осторожно порицалъ ихъ заблужденія и когда ученіемъ Своимъ старался подѣйствовать болѣе на нихъ, нежели на толпу народную.

Имъ Я разъяснялъ Свои притчи, имъ говорилъ Я: „вамъ дано знать тайны царства небеснаго“ (Матѳ. 13, 11).

Я обращалъ вниманіе ихъ на ихъ самомалѣйшія ошибки, хотя бы послѣднія происходили отъ ихъ простоты, или ревности и даже любви ко Мнѣ. Такъ поступилъ Я, когда они спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ больше (Марк. 9, 35).

Обрати особенное вниманіе на то, какъ на послѣдней вечери Я подготовлялъ ихъ къ переходу Моему изъ жизни сей то увѣщаніями, то обѣтованіями и пророчествами, какъ Я просвѣщалъ и укрѣплялъ ихъ.

Я внушалъ слова жизни Маріи, которая, сидя у ногъ Моихъ, слушала Меня, и защищалъ ее предъ многозаботливою Маѳѳой, которая недовольна была тѣмъ, что Марія, оставивъ ее одну служить, сама слушала слова Мои.

Потому же Я допускалъ и смиренныхъ женъ слѣдовать за Мной, во время путешествій Моихъ,—тѣхъ женъ, коихъ Я исторгъ изъ власти злыхъ духовъ, или коихъ Я исцѣлилъ отъ болѣзней (Лук. 8, 2. 3).

Я дозволилъ имъ слѣдовать за Собою даже на самое Лобное мѣсто и тамъ вмѣстѣ съ Матерію Моею видѣть кончину Мою (23, 27. 55).

Помни, что о людяхъ кроткихъ и смиренныхъ тебѣ должно особенно заботиться, и увидишь тогда, что забота твоя простирается именно на тѣхъ, кого Я люблю больше, и которые и Меня любятъ больше.

Тамъ ты навѣрно найдешь и плоды трудовъ твоихъ, ибо эти люди составляютъ почву, часто приносящую вѣрную и обильную жатву.

Обрати и еще на одно преимущественно твое вниманіе. Если среди людей молодыхъ найдешь такихъ, которые хранятъ себя въ чистотѣ и готовы оставаться дѣвственниками, то поощряй таковыхъ выполнить эту прекрасную ихъ рѣшимость и служить Мнѣ этимъ пріятнымъ Мнѣ образомъ.

Въ дѣвственномъ состояніи лучше достигается то совершенство, какое только можно найти на землѣ: такое состояніе служитъ самымъ пригоднымъ средствомъ къ достиженію другихъ добродѣтелей.

Если чистота вѣрно соблюдена, то она одѣяна блескомъ и другихъ добродѣтелей. Воспитай Мнѣ цѣломудренныхъ служителей, тогда ты воспитаешь Мнѣ святыхъ.

Я совѣтовалъ вести такую святую жизнь и такой совѣтъ Мой апостолы Мои возвѣстили всему міру. Какъ же происходитъ то, что многіе служители Мои другимъ боятся предлагать Мой совѣтъ?

А если желаешь, чтобы сія прекрасная добродѣтель процвѣтала, то старайся о томъ, чтобы тайна любви Моей была насущнымъ хлѣбомъ для этихъ людей. Ибо чрезъ это они прежде всего достигнутъ истинной чистоты,—эта небесная пища отвратитъ ихъ отъ всего того, что плотяно, чувственно.

Забота пастыря о ищущихъ духовнаго званія и готовящихся къ оному.

Съ особеннымъ усердіемъ заботься о тѣхъ юношахъ, которые стремятся въ то же званіе, въ какомъ находишься ты.

Этимъ юношамъ нужна большая святость и великое совершенство: оно нужно имъ не для нихъ только самихъ, но и для того народа, коимъ они, по достиженіи своей цѣли, должны руководить и коихъ должны наставлять.

Замѣть же, какъ Я воспитывалъ Своихъ учениковъ и приготовлялъ быть добрыми пастырями. Они должны были всегда находиться при Мнѣ, дабы всегда слушать Мои наставленія,

видѣть всѣ чудеса Мои и отъ Меня научиться всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя такъ необходимы были для нихъ.

Такъ трудись и ты надъ усовершенствованіемъ тѣхъ, которые желаютъ быть Моими служителями, дабы они все болѣе и болѣе отрѣшались отъ міра и дабы постоянно возрастала любовь ихъ ко Мнѣ и сильное желаніе сдѣлаться самимъ святыми и трудиться къ освященію другихъ. Для этой цѣли чаще питай ихъ Моими божественными тайнами. Они должны вести на землѣ жизнь ангельскую, а потому и питаться хлѣбомъ ангельскимъ и имъ подкрѣплять себя, и чѣмъ чаще они приступаютъ теперь къ сей святой трапезѣ, тѣмъ достойнѣе потомъ будутъ приступать къ ней ежедневно.

Тяжедая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, кто путеводитъ Моихъ юныхъ левитовъ, и строгаго отчета потребую Я отъ тѣхъ, кто по своей винѣ отвлечетъ ихъ отъ ихъ цѣли.

О необходимости пастырю знать духовную жизнь.

Дабы тебѣ успѣшно руководить людей богобоязненныхъ, какого бы возраста и состоянія они ни были, ты долженъ основательно ознакомиться съ духовною жизнію; иначе ты будешь для нихъ не только безполезенъ, а послужишь имъ къ паденію, а, быть можетъ, даже и къ вѣчной погибели.

Посему учись у тѣхъ, кои уже отличились въ знаніи сей высокой науки, особенно учись сей жизни у Моихъ святыхъ, которые вникали въ пути Моего провидѣнія и глубоко проникались мыслію о всегдашней неизреченной Моей милости къ людямъ.

Но съ этимъ занятіемъ соединяй и молитву, и совѣтуйся съ *тѣми изъ сослужителей твоихъ, которые* уже пріобрѣли большую опытность въ столь трудной, но при этомъ столь пріятной Мнѣ обязанности руководить людей.

Если ты съ своей стороны исполнишь свою обязанность, то Я буду при тебѣ Своею всемогущею благодатію, и твоею награ-

дою будутъ богатыя утѣшенія, изливаемыя Мною на тебя. Тогда ты увидишь и чудесныя дѣйствія благодати Моей въ людяхъ и познаешь, что Я руки Своей не удерживаю для изліянія благодати Моей.

Я всегда желалъ и нынѣ еще не пересталъ желать, чтобы Церковь Моя все болѣе обогащалась людьми святыми и этимъ украшена невѣста Моя, хотя сіе украшеніе свое она не всегда носитъ на себѣ видимо для всѣхъ.

Пастыри Мои должны быть водителями людей по тѣмъ путямъ, по которымъ, по указанію Моему, шествуютъ люди для достиженія совершенства. Но въ этомъ именно многіе пастыри Мои дѣйствуютъ Мнѣ напротивъ. Не обладая знаніемъ сей великой науки, они презираютъ все; они думаютъ, что они люди безъ предразсудковъ и дѣйствія благодати Моей въ людяхъ, нѣсколько отличныя отъ прочихъ, считаютъ проявленіемъ болѣзненности духа человѣческаго.

Я всегда одинъ и тотъ же, и милости, какія изливалъ Я въ прежнія времена, могу и нынѣ изливать обильно; мѣрою служитъ только Моя божественная мудрость и всякій, на кого Я изливаю особенную благодать Свою, долженъ въ пастыряхъ Моихъ находить себѣ руководителей, способныхъ водить его по сему вышеземному пути.

Усвой же себѣ сію святую науку, дабы тебѣ быть руководителемъ достойнымъ того, чтобы ввѣрить твоей охранѣ избранныхъ Мною людей.

И еслибы Я и никого не ввѣрилъ такому твоему особенному руководительству, то все-таки знаніе сей науки тебѣ самому принесетъ обильные плоды. Ты самъ неожиданно просвѣтишься; ты наравнѣ съ тѣми ищущими Меня все болѣе и болѣе будешь познавать любовь и щедроты Мои; и чѣмъ болѣе будешь стараться познавать Меня, тѣмъ пламеннѣе будешь и любить Меня.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 23 марта 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 16.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Апрѣля 15-го.

Содержаніе: Равенство людей и распредѣленіе между ними матеріальныхъ благъ, по ученію Новозавѣтнаго Откровенія.—Объ утѣшеніи скорбящихъ, находящихся на одрѣ болѣзни.—Какъ понимать прошеніе Великой эктеніи о соединеніи Церквей.—Пастырь и паства, по ученію св. Тихона Задонскаго.

Равенство людей и распредѣленіе между ними матеріальныхъ благъ, по ученію Новозавѣтнаго Откровенія.

I

Современный соціализмъ проповѣдуетъ всеобщее равенство людей и на этомъ принципѣ основываетъ ученіе о равномѣрномъ распредѣленіи между людьми матеріальныхъ благъ. Существующія политико-соціальныя отношенія людей онъ находитъ ненормальными и въ высшей мѣрѣ несправедливыми, и задается цѣлію урегулировать ихъ, сдѣлать ихъ отношеніями вполнѣ естественными, правильными, справедливыми и для всѣхъ безобидными. Доброе дѣло! Кто изъ честныхъ людей не желаетъ этого? Кто не желаетъ того, чтобы на землѣ водворилась правда, любовь и миръ, чтобы явилось всеобщее благо, и всѣ люди были довольными и счастливыми? Всѣ этого желаютъ, и христіанское ученіе

между прочимъ преслѣдуетъ эту же цѣль. Всѣ желаютъ; но пути и средства для достиженія своихъ желаній избираютъ различныя, а въ данномъ случаѣ это-то и важно. Мало того, чтобы имѣть благія намѣренія и цѣли, нужно употреблять и цѣлесообразныя средства для выполненія ихъ; иначе намѣренія и цѣли могутъ остаться неосуществленными, и въ худшемъ случаѣ вмѣсто предполагаемаго добра можетъ явиться зло.

Соціализмъ хочетъ уничтожить всѣ различія между людьми и стремится къ тому, чтобы всѣмъ и каждому доставить одинаковыя права на пользованіе матеріальными благами (блага духовно-нравственныя онъ большею частію игнорируетъ), чтобы изъ всѣхъ людей составить одно общество, члены котораго ни въ чемъ не имѣли бы другъ предъ другомъ преимуществъ. Въ слѣдствіе этого соціалисты желаютъ уничтожить политическую власть и начальство и всякую частную собственность обратить въ имущество всего общества, отъ котораго должно зависѣть и распредѣленіе труда между членами его и распредѣленіе матеріальныхъ благъ и наслажденій. А такъ какъ всего этого нельзя достигнуть путями добровольнаго соглашенія, то соціалисты и дѣйствуютъ чрезъ революцію и терроръ. Находя главное препятствіе къ осуществленію своихъ утопій въ существующей власти, они первѣе всего стараются дѣйствовать противъ нея возмутительными прокламаціями къ народу, револьверомъ и разрывными снарядами, полагая, что съ уничтоженіемъ ея дѣло ихъ станетъ двигаться, какъ по маслу, и тогда-то наступитъ царство всеобщаго мира, любви и полнаго блага. При этомъ соціалисты утверждаютъ, что въ своихъ затѣяхъ они вполнѣ солидарны съ христіанскимъ ученіемъ, проповѣдующимъ также, какъ и они, всеобщее равенство людей и равномѣрное распредѣленіе между ними жизненныхъ благъ, и что Самъ Христосъ Спаситель былъ первый соціалистъ. Многіе малознакомые съ ученіемъ Новозавѣтнаго Откровенія вѣрятъ имъ, въ особенности потому, что они, въ подтвержденіе своихъ положеній, нерѣдко приводятъ тексты, выдернутые изъ Евангелій и Апостольскихъ посланій.

Въ виду того, чтобы Новозавѣтное Откровеніе не служило притчею во языцѣхъ, и мнимая солидарность его съ затѣями соціалистовъ не сбивала съ толку неутвержденныхъ въ христіанской истинѣ, мы сочли нелишнимъ изложить въ краткомъ очеркѣ ученіе Его о соціальныхъ отношеніяхъ между людьми. Чтобы быть болѣе авторитетными, мы будемъ говорить преимущественно словами самаго Новозавѣтнаго Откровенія, приводя въ систему и комбинируя разныя изрѣченія его о данномъ вопросѣ, и, гдѣ необходимо, изъясняя ихъ согласно контексту рѣчи.

I.

Правда ли, что христіанское ученіе проповѣдуетъ всеобщее равенство людей? Правда. Но вопросъ-то въ томъ: на чемъ оно основываетъ это равенство? въ чемъ его поставляетъ? и какими путями и средствами хочетъ достигать и достигаетъ его? Равенство людей оно основываетъ на томъ положеніи, что всѣ люди созданы Богомъ по образу Божію, что всѣ они по естеству своему—грѣшники предъ Богомъ, подлежащіе карѣ закона, что во Христѣ Іисусѣ всѣ они призваны къ свободѣ чадъ Божіихъ, что чрезъ Христа Богъ есть всеобщій Отецъ ихъ; а въ глазахъ Отца, даже по естественному чувству, всѣ дѣти—и взрослые, и малолѣтніе, и умные, и глупые—равны; потому что естественное родительское чувство, если оно не искажено, дѣлиться само въ себѣ не можетъ. А равно и естественное, неиспорченное братское чувство любви одинаково распростирается на всѣхъ братьевъ безъ различія—на взрослыхъ и малолѣтнихъ, на глупыхъ и умныхъ. И въ этомъ смыслѣ дѣти одного отца, какъ братья, другъ предъ другомъ равны, не потому однако, чтобы не было между ними никакихъ различій: они равны въ смыслѣ принципіально-нравственномъ, какъ братья, другъ друга любящіе естественнымъ родственнымъ чувствомъ и равно любимые отцемъ. „Всѣ вы, говоритъ ап. Павелъ Галатамъ, сыны Божіи по вѣрѣ во Іисуса Христа“ (Гал. III, 26). И въ этомъ смыслѣ предъ Богомъ

нѣтъ никакого различія между іудеемъ и язычникомъ, между рабомъ и свободнымъ; даже нѣтъ различія между мужескимъ поломъ и женскимъ, ибо всѣ мы одно во Христѣ Іисусѣ (Гал. III, 28. Кол. III, 11). „Всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ по благодати Божіей, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ“ (Рим. III, 23—24). Еслибы Богъ различалъ людей по самому естеству ихъ и относился къ однимъ такъ, къ другимъ иначе, безъ всякихъ условій съ ихъ стороны, и одни пользовались бы благами въ дому Его, какъ дѣти, другіе напротивъ лишены были бы благъ, какъ чужіе, безъ всякой вины съ ихъ стороны, независимо отъ ихъ нравственныхъ достоинствъ, то Богъ не былъ бы всеобщимъ и абсолютнымъ Богомъ: Онъ былъ бы наприм. Богомъ іудеевъ, а Богомъ язычниковъ не былъ бы. „Но неужели Богъ есть Богъ іудеевъ только, а не и язычниковъ“? вопрошаетъ Апостолъ. „Конечно, и язычниковъ“, отвѣчаетъ онъ же; потому что одинъ Богъ, Который оправдаетъ обрѣзанныхъ по вѣрѣ и необрѣзанныхъ чрезъ вѣру“ (Рим. III, 29—30). И такъ какъ всѣ мы безъ различія приняли во Христѣ Духа усыновленія, то всѣ безъ различія и Бога называемъ Отцомъ своимъ, взывая къ Нему: „Авва Отче“! (Рим. VIII, 15). „Всѣ мы дѣти и наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христу; ибо и Освящающій (Христосъ) и освящаемые (христіане) всѣ отъ Единаго, потому не стыдится Онъ (Христосъ) называть ихъ братьями“ (Евр. II, 11). Въ силу всеобщаго сыновства людей предъ Богомъ, по благодати, дарованной Іисусомъ Христомъ, всѣ земныя имущественныя и соціальныя преимущества однихъ предъ другими предъ Богомъ не имѣютъ никакого значенія. Ни знатный и богатый не предпочитается имъ, ни униженный и бѣдный не унижается. „Царь и воинъ, богатый и убогій предъ Нимъ въ равнѣмъ достоинствѣ и кійждо отъ своихъ только дѣлъ или прославится, или постыдится“ (Посл. погреб.). И въ этомъ смыслѣ „слава и честь и миръ всякому дѣлающему доброе, іудею прежде и еллину. Напротивъ скорбь и тѣснота

всякой душѣ человѣка, дѣлающаго злое, во первыхъ іудею, а потомъ и еллину. Ибо у Бога нѣтъ лицепріятія“ (Рим. II, 10—11).

Итакъ христіанское ученіе проповѣдуетъ равенство людей принципіальное, основанное на принципіальномъ равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, и, какъ таковое, оно есть равенство идеальное, къ которому человѣчество подъ вліяніемъ христіанства должно стремиться и стремиться до безконечности. По идеѣ всѣ люди равны предъ Богомъ и равны между собою, ибо всѣ они имѣютъ образъ Божій, запятнанный грѣхомъ, но очищенный и приведенный въ первобытное достоинство Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра; всѣ они по естеству чада гнѣва Божія, и чада любви Божіей по благодати Христовой; но въ реальной жизни полнаго равенства нѣтъ, да и быть не можетъ, что зависитъ, конечно, не отъ Бога, а отъ самихъ людей, разрушающихъ намѣренія Божіи. „Нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, сказалъ Господь, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ“ (Мат. XVIII, 14). И однако люди гибнутъ, гибнутъ, конечно, по своей винѣ.

Христіанское ученіе, проповѣдуя принципіальное равенство людей, далеко отъ того, чтобы проповѣдывать равенство реальное, находя его въ дѣйствительной жизни невозможнымъ. Напротивъ оно утверждаетъ, что существующія между людьми различія должны существовать въ силу необходимости. Эти различія между людьми оно устанавливаетъ на вполнѣ реальныхъ и эмпирическихъ основоположеніяхъ, именно: 1) Не всѣ люди родятся съ одинаковыми способностями и дарованіями: иному дается пять талантовъ, иному два, иному одинъ (Мат. XXV, 15). 2) Не всѣ люди имѣютъ одинаковыя черты нравственнаго характера, вслѣдствіе чего не всѣ имѣютъ одинаковое усердіе къ труду; а отсюда не всѣ въ одинаковой мѣрѣ исполняютъ свои обязанности. Получившій пять талантовъ, въ силу своего усердія къ труду, пріобрѣтаетъ еще пять талантовъ; получившій два таланта пріобрѣтаетъ еще два; а получившій одинъ талантъ, въ силу лѣности

и бездѣятельности, не только ничего не пріобрѣтаетъ, но терлетъ и то, что имѣетъ (16—18). Ясное дѣло, что эти лица, принадлежащія къ тремъ категоріямъ, не могутъ имѣть въ дѣйствительной жизни равнаго значенія: одинъ предъ другимъ, въ силу естественнаго порядка вещей, даже безъ личнаго желанія, возвышается. И дѣйствительно реальная жизнь въ тысячахъ примѣровъ ясно свидѣтельствуетъ, что въ силу какъ внутреннихъ духовно-нравственныхъ различій, такъ и въ силу неодинаковаго усердія къ труду, одни передъ другими имѣютъ преимущество. И это такъ естественно, что нѣтъ надобности много и говорить о томъ. И христіанское ученіе, признавая различія между людьми, признаетъ и преимущество однихъ предъ другими. Это показалъ Господь въ притчѣ о талантахъ. Раздавши рабамъ таланты, господинъ, по прошествіи нѣкотораго времени, призываетъ ихъ къ себѣ, чтобы получить отъ нихъ отчетъ. Такъ какъ получившій пять талантовъ пріобрѣлъ еще пять, а получившій два таланта пріобрѣлъ еще два, то господинъ похвалилъ ихъ за усердіе и обѣщалъ поставить ихъ надъ многимъ. Когда же явился къ нему получившій одинъ талантъ и объявилъ ему, что онъ только и сдѣлалъ, что сберегъ свой талантъ, ничего не пріобрѣтши на него, то на это господинъ сказалъ ему: „Лукавый рабъ и лѣнивый! Ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не разсыпалъ; поэтому надлежало тебѣ отдать серебро мое торгующимъ, а я, пришедъ, получилъ бы мое съ прибылью. Итакъ возьмите у него талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ. Ибо всякому имѣющему дастся и пріумножится; а у не имѣющаго отнимется и то, что имѣетъ“ (Мат. XXV, 14—30. Лук. XIV, 11—12). Т. е. у кого есть способность и усердіе къ дѣлу, тотъ всегда будетъ имѣть преимущество предъ другими; у кого же нѣтъ ни того, ни другаго, тотъ лишится и того, на что имѣлъ право, какъ человѣкъ. Преимущество однихъ предъ другими, основанное на неодинаковой степени усердія къ труду, въ особенности раскрывается въ притчѣ о минахъ. Одинъ

царь раздалъ десяти рабамъ десять минъ, всѣмъ по одной. И вотъ одинъ пріобрѣлъ на одну мину десять минъ, другой — пять минъ; но нашелся между ними одинъ, который только и сдѣлалъ, что сберегъ свою мину. Тогда царь, во вниманіе къ усердному труду слугъ своихъ, перваго поставилъ начальникомъ надъ десятью городами, другаго надъ пятью, а у лѣниваго раба велѣлъ отобрать и послѣднюю мину (Лук. XIV, 11—28).

Различіе интеллектуальныхъ силъ имѣетъ такое существенное значеніе, что игнорировать его положительно не возможно. И Самъ Духъ Божій сообразуется съ этими различіями, при раздаяніи благодатныхъ даровъ людямъ. „Дары различны, говоритъ Апостолъ, но Духъ одинъ и тотъ же. И служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ“ (1 Кор. XII, 4—6). „И каждому дается проявленіе Духа на пользу“ (7). Почему „одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума, иному вѣра, иному дары исцѣленій“ и т. д. (8—10). И „иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви своей во первыхъ апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями“ и т. д. (28). Здѣсь говорится объ устройствѣ Церкви Христовой, какъ обществѣ вѣрующихъ во Христа. Это устройство Церкви — дѣло не человѣческое, а Божіе, и не случайное, а основанное на дѣйствительной потребности человѣческой жизни. „Онъ (Христосъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ — пророками, иныхъ — евангелистами, иныхъ — пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. IV, 11—13). Такимъ образомъ даже и въ Церкви Христовой, какъ обществѣ вѣрующихъ, между членами нѣтъ безусловнаго равенства, и здѣсь между ними существуютъ различія и въ дарованіяхъ, и въ дѣйствіяхъ, и въ служеніи, и это различіе не случайное, и не безцѣльное. Кромѣ того, что оно основано на

различіи интеллектуальныхъ силъ и способностей каждаго, оно требуется существенными условіями благоустройства самой Церкви.

Апостолъ Павелъ организмъ Церкви сравниваетъ съ человѣческимъ тѣломъ. Сравненіе это такъ характерно, что мы позволяемъ себѣ выписать его буквально. „Всѣ мы, говоритъ онъ, однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, іудеи или еллины, рабы или свободные. Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? Если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу? Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе? Но Богъ расположилъ члены каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему было угодно. А еслибы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія. И не благообразные наши болѣе благовидно покрываются, а благообразные наши не имѣютъ въ томъ нужды. Но Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (Рим. XII, 4—8. 1 Кор. XII, 13—26). Такимъ образомъ различіе интеллектуальныхъ силъ и способностей, а отсюда различіе служеній и дѣйствій и различіе значенія и назначенія каждаго члена въ обществѣ такъ необходимо для благоустройства самаго общества, что не быть ему не возможно; ибо въ такомъ случаѣ и само общество не можетъ существовать. Въ различіи субъективныхъ свойствъ, служеній и дѣйствій состоитъ гармоническое единство цѣлаго. Это все одно, какъ въ музыкѣ различ-

ные тоны, сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ благозвучный аккордъ, изъ котораго, безъ нарушенія благозвучности, нельзя удалить ни одинъ звукъ, такъ точно и въ обществѣ всѣ различія между членами его, сливаясь въ одно, составляютъ одно цѣлое гармоническое соединеніе, изъ котораго, если удалить одинъ, хотя бы повидимому и не важный, звукъ, то вышло бы нарушеніе гармоніи. Еслибы всѣ члены общества были во всемъ одинаковы и ни въ чемъ не представляли бы между собою различія, то это было бы подобно тому, еслибы въ музыкѣ всѣ тоны и голоса превратились бы въ одинъ тонъ. Что была бы за музыка?

Пусть сказанное у Апостола относится къ благоустройству Церкви, какъ къ обществу вѣрующихъ; но вѣдь и гражданское общество въ существѣ своемъ—тоже, что и общество церковное. Вѣдь оно состоитъ изъ тѣхъ же членовъ, что и первое. И здѣсь развѣ не тѣже служенія и дѣйствія, хотя направленныя и на иную сторону жизни, чѣмъ въ Церкви? Развѣ члены гражданскаго общества не также въ служеніи своемъ должны восполнять другъ друга, чтобы составлять одинъ цѣльный, стройный общественный организмъ? А потому все, что сказано у Апостола въ отношеніи благоустройства Церкви, мы вправѣ приложить и къ благоустройству общества гражданскаго.

Различіе интеллектуальныхъ силъ и способностей, а отсюда и различіе нравственныхъ характеровъ, опредѣляющихъ нравственное достоинство человѣка, лежитъ такъ глубоко въ природѣ человѣческой, что его не можетъ сгладить и будущая, загробная жизнь. И тамъ будутъ существовать различія между людьми, какъ слѣдствія различій, существующихъ въ настоящей жизни, хотя въ иныхъ, чѣмъ здѣсь, сочетаніяхъ и соотношеніяхъ. Слѣдовательно и тамъ не будетъ абсолютнаго равенства между людьми. „Иная слава солнцу, говоритъ Апостолъ о воскресеніи мертвыхъ, иная слава луны, иная слава звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ“ (1 Кор. XV,

41—42). А потому-то и Господь сказалъ: „Въ дому Отца Моего обителей много“ (Іоан. XIV, 2). Это сказано по отношенію къ тѣмъ, кои удостоятся царства небеснаго. И если между наслѣдниками царства небеснаго будутъ различія, то тѣмъ большія различія будутъ между праведниками и грѣшниками. О первыхъ сказано: „Слава, и миръ, и честь всякому дѣлающему доброе“; а о вторыхъ напротивъ—„Скорбь и тѣснота всякой душѣ человѣка, дѣлающаго злое“ (Рим. II, 9—10).

Изъ сказаннаго доселѣ отчасти уже видно, что христіанское ученіе, признавая неравенство людей въ отношеніяхъ интеллектуальномъ и государственно-общественномъ, не можетъ отрицать и существованіе государственно-общественной власти. И оно дѣйствительно не только не отрицаетъ его, но и признаетъ вполнѣ необходимымъ для благоустройства общества. Необходимость существованія власти оно обосновываетъ первѣе всего на фактѣ испорченности природы человѣческой. Въ силу этой испорченности въ средѣ человѣческихъ обществъ могутъ существовать и дѣйствительно существуютъ члены непотребные, своенравные и своевольные, своими поступками и дѣйствіями нарушающіе строй, порядокъ и гармонію общественной жизни. Для обузданія ихъ-то самоволія и для охраненія мира и спокойствія жизни человѣческихъ обществъ и необходимо существованіе власти. Не будь въ обществѣ негодныхъ членовъ, нарушающихъ нравственный и общественный порядокъ жизни, тогда пожалуй не нуженъ былъ бы и законъ и власть, охраняющая законъ, какъ его представитель, потому что тогда всѣ члены общества, руководясь внутренними принципами разума и чувства, освященными свѣтлыми лучами чистой, неиспорченной совѣсти, и не имѣя внѣшняго закона и власти, дѣлали бы законное (Рим. II, 14—15). „Законъ, говоритъ Апостолъ, положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокорныхъ, нечестивыхъ и грѣшныхъ, развратныхъ и осквернѣнныхъ, для оскорбителей отца и матери, для человѣкоубійцъ, для блудниковъ, мужеложниковъ, клеветни-

ковъ, скотоложниковъ, человѣкохищниковъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ и для всего, что противно здравому ученію“ (1 Тим. I, 9—10). Отсюда-то власть страшна не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. И кто хочетъ не бояться власти, пусть дѣлаетъ добро и получитъ похвалу отъ нея (Рим. XIII, 3).

Но христіанское ученіе признаетъ власть не только за человѣческій институтъ, установленный въ силу естественной необходимости, оно признаетъ ее за учрежденіе богоустановленное и потому повелѣваетъ повиноваться власти не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти (Рим. XIII, 5), и представителямъ власти не только какъ блюстителямъ общественнаго порядка, но и какъ Божіимъ служителямъ (4), противиться которымъ значитъ все равно, что противиться Богу. „Всякая душа, говоритъ Апостолъ, да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противляющійся власти противится Божію установленію (Рим. XIII, 1—2). Повиновеніе должно простираться по отношенію ко всѣмъ представителямъ власти, какія бы обязанности они ни носили на себѣ. „Отдавайте, говоритъ Апостолъ, всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь“ (Рим. XIII, 7). „Будьте покорны, говоритъ апост. Петръ, всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. II, 13—14). Покоряться должно всѣмъ распоряженіямъ власти, не исключая и распоряженій объ общественныхъ налогахъ. Когда Іисуса Христа спросили: слѣдуетъ ли давать подать Кесарю, или нѣтъ; Онъ отвѣчалъ: Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу (Мат. XX, 17—21. Мар. XIV, 17. Лук. XX, 21—24. Рим. XIII, 26). Христіанство съ такимъ уваженіемъ относится къ предержащей власти, что не хочетъ третировать даже несправедливыя и незаконныя дѣйствія ея. Когда Іисусу Христу донесли, что Пилатъ

умертвилъ галилеянъ, во время жертвоприношенія ихъ, при самомъ жертвенникѣ, такъ что кровь ихъ смѣшалась съ жертвами ихъ, Онъ не сталъ разсуждать о томъ, законны или нѣтъ дѣйствія правителя, не сталъ порицать правителя за жестокость его дѣйствій, а обратилъ это событіе въ урокъ слушателямъ, сказавъ: „Думаете ли вы, что эти галилеяне грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ также погибнете“ (Лук. XIII, 1—3).

Такимъ образомъ христіанское ученіе, заповѣдуя полную покорность власти, какъ учрежденію богоустановленному, исключаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о возстаніи противъ нея и даже о противодѣйствіи ей, будь то власть добрая, или худая. Одно оружіе оно даетъ христіанину для огражденія себя отъ дѣйствій неправедной власти,—это оружіе есть молитва. „Прежде всего прошу, говоритъ апостолъ Павелъ Тимоѳею, совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. II, 1—2).

Христіанство не нарушаетъ строя государственно-общественной жизни и не касается формъ государственно-общественныхъ отношеній; всѣ государственно-общественныя установленія въ жизни людей оно признаетъ какъ существующій фактъ и убѣждаетъ своихъ послѣдователей не только не возставать противъ нихъ насильственными мѣрами, но и подчиняться имъ безпрекословно и безропотно. Въ эпоху появленія христіанства на землѣ, большая часть человѣчества раздѣлена была на два класса: къ первому принадлежали господа, составлявшіе привиллегированное сословіе, сословіе изнѣженное, грубое, безчеловѣчное, до костей и мозговъ пропитанное деспотическими традиціями, нравственно-распущенное, развращенное и утонувшее въ плотскихъ похотяхъ. Ко второму принадлежали рабы—сословіе приниженное, загнанное, безличное. Положеніе послѣднихъ было самое тяжелое и

безотрадное. Они составляли собственность господъ, которые смотрѣли на нихъ не болѣе, какъ на животныхъ, и имѣли въ своихъ рукахъ по отношенію къ нимъ право жизни и смерти. Рабы должны были постоянно работать на своихъ господъ и доставлять имъ всѣ средства для удовлетворенія ихъ похотей и прихотей, сами между тѣмъ терпя лишенія въ существенномъ и необходимомъ. Христіанство, какъ религія мира и любви, не могла и не можетъ относиться безучастно къ положенію этихъ несчастныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; и однако оно не задавалось и не задается цѣлію вывести рабовъ изъ ихъ положенія насильственными путями; не внушало и не внушаетъ имъ революціонныхъ мыслей и стремленій къ освобожденію изъ-подъ ярма ихъ притѣснителей. Признавая рабство въ жизни человѣчества явленіемъ хотя и неестественнымъ, но тѣмъ не менѣе существующимъ фактомъ, христіанство старается убѣдить рабовъ мириться съ ихъ положеніемъ. „Каждый, говоритъ Апостолъ, оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ. Рабомъ ли ты призванъ, не смущайся; но если и можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа; равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ“ (1 Кор. VII, 20—22, 24). Какъ христіанство чуждо всякаго насилія, далеко отъ какого бы то ни было революціоннаго переворота, видно изъ поступка апост. Павла. Обративши ко Христу Филимонова слугу Онисима, ушедшаго втихомолку отъ своего господина, апост. Павелъ по обращеніи снова отсылаетъ его къ Филимону съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ, что онъ хотя имѣетъ полное право приказывать Филимону (такъ какъ и онъ обращенъ былъ ко Христу Апостоломъ), что должно; но, во имя христіанской любви, онъ находитъ лучшимъ просить его объ Онисимѣ, котораго онъ возвращаетъ ему, чтобы онъ принялъ его снова къ себѣ не какъ раба, но выше раба, какъ брата возлюбленнаго и по плоти, и въ Господѣ. „Я хотѣлъ, говоритъ Апостолъ, удержать его при себѣ, дабы онъ вмѣсто

тебя послужилъ мнѣ въ узахъ благовѣствованія; но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, но добровольно“ (Фил. I, 8—18).

Какъ религія мира и любви, христіанство ни въ чемъ не хочетъ нарушать мира и согласія, чтобы послѣдователи его не считались бунтовщиками, непослушниками, и не наказывались за дѣйствительные проступки и преступленія. Оно заповѣдуетъ рабамъ повиноваться господамъ со всякимъ страхомъ не только кроткимъ и добрымъ, но и суровымъ, указываетъ на то, что Богу такъ угодно, если кто, помышляя о Богѣ, незаслуженно переноситъ скорби, и представляетъ въ примѣръ несправедливаго страданія Господа Іисуса Христа, по стопамъ Котораго должны слѣдовать всѣ вѣрующіе въ Него (1 Петр. II, 18—25). „Рабы, подъ игомъ находящіеся, говоритъ ап. Павелъ, должны почитать господъ своихъ достойнѣйшими всякой чести, дабы не было хулы на имя Божіе и ученіе. Тѣ, которые имѣютъ господами вѣрныхъ, не должны обращаться съ ними небрежно, потому что они братья; но тѣмъ болѣе должны служить имъ, что они вѣрные и возлюбленные и благодѣтельствуютъ имъ“ (1 Тим. XI, 1—2). Итакъ христіанство, заповѣдуя рабамъ почитать господъ и служить имъ, не зависимо отъ того—вѣрные они или не вѣрные, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ ихъ, что они, служа для господъ, служатъ Самому Христу. „Рабы, говоритъ тотъ же Апостолъ, повинуйтесь господамъ своимъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу, не съ видимою только услужливостью, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, а не какъ человѣкамъ, зная, что каждый получитъ отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ ли, или свободный“ (Еф. VI, 5—8. Кол. III, 22—24).

Итакъ христіанство не возстаетъ противъ государственно-общественныхъ отношеній людей, которыя существовали въ эпоху его появленія, не проповѣдуетъ о равенствѣ людей въ государ-

ственно - общественномъ отношеніяхъ. Христіанское равенство основывается на принципѣ всеобщей любви; въ духѣ всеобщей любви оно и состоитъ, этимъ духомъ поддерживается, имъ одушевляется и имъ проникаетъ во всѣ стороны человѣческой жизни. Въ немъ заключается основа, средина и завершеніе всей человѣческой жизни и дѣятельности. Преобразуя все существо человѣка, если можно такъ выразиться, въ ангела свѣтла, этотъ духъ христіанской любви смягчаетъ, упорядочиваетъ и, можно сказать, одухотворяетъ всѣ отношенія людей другъ къ другу, не взирая на положеніе ихъ въ государственно - общественной жизни. „Возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя“ (Лук. X, 27. Мар. XII, 31), сказалъ Господь. Пусть не указываютъ на то, что эта заповѣдь есть повтореніе древней заповѣди, данной Богомъ еще Моисею на горѣ Синаѣ. Та заповѣдь предписывала людямъ любить только однихъ единоплеменниковъ, единовѣрцевъ и друзей. „Возлюби ближняго твоего и возненавидь врага твоего“ (Лев. XIX, 17—18), сказано было въ той заповѣди. А новозавѣтная заповѣдь говоритъ: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Ибо если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мат. V, 44, 46, 48. Лук. VI, 27—28, 32. 33. 35—36. Рим. XII, 14, 17).

Въ одно время одинъ законникъ спросилъ Іисуса Христа: „Кто мой ближній“? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Господь сказалъ притчу о милосердомъ самарянинѣ. Содержаніе притчи таково: Избитому и израненному въ путешествіи іудею не оказали никакихъ признаковъ любви и сочувствія ни левитъ, ни священникъ, проходившіе мимо него; между тѣмъ какъ самарянинъ, презрѣнный въ глазахъ іудея человѣкъ, въ свою очередь

и самъ ненавидѣвшій іудеевъ, оказалъ несчастному существенную помощь, не обращая вниманія ни на разноплеменность, ни на разновѣріе, ни на ненависть, существовавшую между іудеями и самарянами. Подошедши къ израненному, онъ перевязалъ ему раны, возливая масло и вино, и, посадивъ его на своего осла, привезъ его въ гостинницу и позаботился о немъ. А на другой день, отъѣзжая, вынулъ два денарія, далъ содержателю гостинницы и сказалъ ему: „позаботься о немъ, и если издержишь что болѣе, то я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ". „Кто изъ этихъ троихъ, думаешь ты, былъ ближній попавшемуся разбойникамъ"? спросилъ Господь законника. „Оказавшій милость ему", отвѣчалъ тотъ. „Иди, и ты поступай также", заключилъ Господь (Лук. X. 25—37), т. е. оказывай любовь, сочувствіе и милость каждому человѣку, не разбирая ни его вѣроисповѣданія, ни національности, ни происхожденія, ни состоянія, положенія въ обществѣ и званія. Этою же притчею Господь показалъ, что любовь должна пониматься не только какъ внутреннее расположеніе и сочувствіе къ другому лицу, а какъ дѣятельное служеніе благу ближняго во имя этого чувства до полнаго самоотверженія въ подражаніе Іисусу Христу. „Любовь познали мы въ томъ, говоритъ апостолъ Іоаннъ, что Онъ (Іисусъ Христосъ) положилъ за насъ душу свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ" (1 Іоан. III, 16). Такимъ образомъ любовь христіанская должна сглаживать и сглаживаетъ всѣ различія между людьми, въ чемъ бы эти различія ни состояли—въ умственно-нравственномъ ли неравенствѣ, въ государственно-общественномъ ли неравенствѣ. Всѣ должны любить другъ друга, какъ самихъ себя и служить благу какъ отдѣльныхъ единицъ, такъ и цѣлаго общества и даже всего человѣчества. Въ чувствѣ любви, какъ бы въ фокусѣ, сосредоточиваются и сливаются въ своихъ отношеніяхъ всѣ христіане, какъ бы ихъ различія ни были велики. Какъ предъ Богомъ нѣтъ различія между іудеемъ и еллиномъ, между рабомъ и свободнымъ, между мужескимъ поломъ и женскимъ,

такъ и предъ христіанскою любовію не должно быть никакого различія. Въ силу христіанской любви, связующей всѣхъ во едино, апост. Павелъ и проситъ Филимона принять Онисима, слугу своего, не какъ раба, но какъ брата возлюбленнаго (Фил. I, 16). Въ силу этой же любви, убѣждая рабовъ во всемъ повиноваться и служить господамъ своимъ, какъ Самому Господу, Апостолъ и господъ убѣждаетъ относиться къ рабамъ не какъ къ презрѣннымъ существамъ, не стоющимъ вниманія высокихъ людей, но какъ къ братьямъ своимъ. „Господа, говоритъ онъ, поступайте съ ними (съ рабами) также (какъ должны относиться къ нимъ и рабы, наставленіе которымъ Апостолъ даетъ выше), умѣряя строгость; зная, что и надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у Котораго нѣтъ лицепріятія“ (Еф. VI, 5—9). „Господа, оказывайте рабамъ должное и справедливое, зная, что и вы имѣете Господа на небесахъ“ (Кол. IV, 1).

Поэтому христіанство, не отрицая преимуществъ однихъ предъ другими, не терпитъ однако человѣческой гордости, самомнѣнія и превозношенія высшихъ предъ низшими; напротивъ оно отъ каждаго требуетъ смиренномудрія, внутренней и внѣшней скромности, братолюбія и почтительности другъ къ другу (Рим. XII, 3, 10, 16). Бывши въ одно время въ домѣ фарисея и замѣчая, какъ гости одинъ предъ другимъ старались занимать высшія мѣста, Господь, никогда не опускавшій случая дать слушателямъ наставленіе, сказалъ: „Когда ты будешь позванъ кѣмъ на бракъ, не садись на первое мѣсто, чтобы не случился кто изъ званныхъ имъ почетнѣе тебя, и звавшій тебя и его, подошедши, сказалъ бы тебѣ: уступи ему мѣсто, и тогда со стыдомъ долженъ будешь занять послѣднее мѣсто“ (Лук. XIV, 7—9). А потому-то Христосъ Спаситель и ублажаетъ нищихъ духомъ. „Блаженны нищіе духомъ, говоритъ Онъ, ибо ихъ есть царство небесное“ (Мат. V, 3. Лук. VI, 20); а не тѣхъ, кои думаютъ и мечтаютъ о себѣ высоко. Что высота человѣка состоитъ не въ горделивомъ превозношеніи высшихъ предъ низшими, а въ слу-

женіи высшихъ благу низшихъ, это показалъ Господь въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ учениковъ Своихъ—кто изъ нихъ долженъ быть большимъ? и на прошеніи сыновъ Заведеевыхъ одному сѣсть по правую, а другому по лѣвую сторону въ царствѣ Его. Въ первомъ случаѣ, подозвавши учениковъ, Господь сказалъ: „Кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ. Кто хочетъ быть большимъ, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій“ (Мар. IX, 33—35. Мат. XX, 26—27. Лук. XXII, 26). Во второмъ случаѣ Онъ замѣтилъ: „Не знаете, чего просите“ (Мат. XX, 20—22. Мар. 35—38). Въ силу этого повелѣнія Господня, апостолы и заповѣдуютъ всѣмъ намъ: „Мы сильные должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему во благо къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ“ (Рим. XV, 1—3). Въ силу этого же всѣ и каждый должны носить бремена другъ друга, чтобы исполнить законъ Христовъ (Гал. VI, 2. 1 Петр. IV, 10), и никто не долженъ искать своего, но каждый пользы другаго (1 Кор. X, 24).

Добрыя отношенія всѣхъ и каждаго другъ къ другу, основанныя на требованіи любви христіанской, должны распространяться на всѣ стороны человѣческой жизни. Апостолъ заповѣдуетъ: „Будьте всѣ единомысленны, сострадательны, братолюбивы, смиренномудры. Не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство; напротивъ благословляйте, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословеніе. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро“ (1 Петр. III, 8, 9, 11). „Отвергнувъ ложь, говорите истину, каждый ближнему своему; потому что мы члены другъ другу. Гнѣваясь, не согрѣшайте, и не давайте мѣста діаволу“ (Еф. IV, 25—27). „Всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ. Но будьте другъ ко другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ“ (31—32). Так. обр. христіанство вводитъ въ жизнь своихъ

послѣдователей братскія отношенія не насильственно, не съ нарушеніемъ ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ привиллегій; а создаетъ это братство на широкой и плодоносной почвѣ всеобъемлющей христіанской любви, не знающей никакихъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ различій. Оно, никого не насилуя (что въ данномъ случаѣ и не возможно ни съ какихъ точекъ зрѣнія), всѣхъ заставляетъ любить другъ друга, какъ братьевъ, чрезъ посредство живаго воздѣйствія на сердце человѣческое христіанской истины, которую каждый человѣкъ воленъ принять и не принять. И кто принимаетъ христіанскую истину добрымъ сердцемъ и произволеніемъ, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ чрезъ возрожденіе въ купели крещенія, становится новою тварію во Христѣ, дѣлается инымъ человѣкомъ и по отношенію къ своимъ собратьямъ, воодушевляется иными чувствами къ нимъ, иными расположеніями, иными дѣйствіями.

Свящ. *П. Руновскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ утѣшеніи скорбящихъ, находящихся на одрѣ болѣзни.

Въ Священномъ Писаніи есть много такихъ изреченій, которыя могутъ наполнять миромъ и радостію душу каждаго, желающаго слушать ихъ; но есть и такія, которыя раздаются въ душѣ человѣка, подобно громовымъ ударамъ. Къ послѣднимъ относится и то мѣсто Апокалипсиса (21, 8), въ которомъ боязливые приравниваются къ невѣрнымъ и сквернымъ, и убійцамъ, и любодѣямъ, и чародѣямъ, и идолослужителямъ, и ко всѣмъ лжецамъ,—и всѣмъ имъ предвозвѣщается безотрадная участь: „часть имъ въ езерѣ, горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая“. Такимъ образомъ слабые, малодушные, боязливые и робкіе исключаются изъ царства Божія, т. е. тѣ, по объясненію толкователей Священ-

наго Писанія, которые отрекаются отъ борьбы за вѣру и уклоняются отъ несенія тяжестей креста, которые не имѣютъ мужества для этого, которые не обладаютъ стойкостію и твердостію и, вступивъ на путь вѣры и добродѣтели, останавливаются на половинѣ пути, не достигая цѣли.

Это указаніе чрезвычайно важно для пастырской практики; потому что большинство нашихъ больныхъ должно быть причислено именно къ разряду боязливыхъ и малодушныхъ, впадающихъ въ скорбь или уныніе. Являясь къ больному, пастырь большею частію встрѣчаетъ или боязливаго, которому душевныя тревоги не даютъ покоя, мира и радости, или малодушнаго, котораго міръ держитъ въ своихъ желѣзныхъ оковахъ, или слабаго, которому заботы о своемъ домѣ и семействѣ не позволяютъ направить свой взоръ въ міръ горній. И всѣхъ ихъ ожидаетъ одна участь въ „езерѣ“, всѣмъ имъ предстоитъ „смерть вторая“, и Св. Писаніе не даетъ имъ надежды на что либо лучшее.

Однако пастырь не долженъ отчаяваться и удаляться отъ нихъ, оставлять ихъ безъ своего попеченія. Его должно поддерживать сознаніе своей божественной миссіи, исполненіе долга своего спасительнаго служенія. Хочетъ ли онъ или не хочетъ, можетъ ли или не можетъ, но онъ долженъ искать средствъ для оказанія надлежащей и благовременной помощи духовнымъ нуждамъ каждаго изъ своихъ пасомыхъ. Успѣхъ или неудача этихъ стремленій не всегда зависитъ отъ самаго пастыря. Но онъ долженъ помнить, что „еже ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обрящется“ (1 Кор. 4, 2), и никогда не оставлять этой вѣрности.

„Боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене“ (Мате. XXV, 36). Эти слова Господа указываютъ на общій христіанскій долгъ посѣщенія больныхъ. А что этотъ долгъ въ особенности лежитъ на служителѣ Христовомъ, относительно этого не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такимъ образомъ пастыря должно приводить къ одру болящаго прежде всего сознаніе исполненія своего пастырскаго долга, а затѣмъ свойственное каждому человѣку состраданіе къ несчастьямъ ближнихъ.

Пастырь не долженъ вторгаться какъ бы силою въ домъ болящаго. Еще менѣе приличествуетъ ему выспрашивать и допытываться относительно духовнаго состоянія посѣщаемаго лица,—чрезъ это онъ только можетъ отдалять отъ себя и раздражать больнаго. Онъ гораздо благоразумнѣе поступитъ, если начнетъ свою бесѣду съ больнымъ съ выраженія сочувствія къ физическому страданію его, съ разговора о родѣ его болѣзни, о медицинскихъ средствахъ, употребляемыхъ имъ и т. под. Это можетъ скорѣе сблизить пастыря съ больнымъ и окружающими его и облегчитъ переходъ къ исполненію прямой цѣли посѣщенія. Поводъ для перехода къ этой цѣли онъ можетъ найдти въ обычномъ разговорѣ съ ними; а если такого повода не представляется, то онъ долженъ прямо высказать главную цѣль, которая привела его къ больному и которая должна состоять собственно въ томъ, чтобы ободрить и укрѣпить болящаго и принесть утѣшеніе ему, *уже не могущему приходить въ храмъ Божій и такимъ образомъ* лишенному возможности исповѣдать свои духовныя немощи предъ служителемъ Церкви и сподобиться принятія духовной пищи, тѣмъ болѣе необходимой для него, чѣмъ упорнѣе и опаснѣе его болѣзнь. Если больной съ благодарностію принимаетъ это посѣщеніе и самъ проситъ наставленій, то пастырь имѣетъ уже вѣрный базисъ, на которомъ должны основываться его наставленія и дѣйствія въ отношеніи къ больному.

Пастырь весьма много выигрываетъ, если онъ даетъ поводъ болящему откровенно высказаться и раскрыть свое душевное состояніе. Больной, если онъ впадаетъ въ скорбь или уныніе, очень рѣдко притворяется. Изъ его сообщенія пастырь всегда почти можетъ ознакомиться съ его дѣйствительными душевными потребностями. Но пока болящій относится къ пастырю съ недовѣріемъ, до тѣхъ поръ не возможно ожидать отъ него чистосердечнаго признанія. Довѣріе же можетъ явиться только тогда, когда онъ сознаетъ, что пастырь *явился* къ нему по самымъ добрымъ побужденіямъ, изъ-за попеченія о спасеніи его души. Но если, не смотря на

полное, повидимому, довѣріе больнаго, онъ, вслѣдствіе своего угнетеннаго душевнаго состоянія, стыдливости или другихъ какихъ либо причинъ, не высказывается съ надлежащею откровенностію, то въ такомъ случаѣ пастырь долженъ указать ему на плодотворность и необходимость полнаго, чистосердечнаго раскаянія во всѣхъ грѣхахъ своей жизни, безъ котораго мы не можемъ избѣгнуть вѣчнаго осужденія и погибели, когда явимся предъ Судіею живыхъ и мертвыхъ. Эта истина уже многіе языки развязывала, на совѣсть многихъ дѣйствовала убѣждающимъ образомъ, многія сердца пробуждала, многія души спасала. Но при этомъ нужно дѣйствовать на сколько рѣшительно, на столько же и деликатно, чтобы душевное возбужденіе не послужило къ ухудшенію физическаго состоянія.

Ознакомившись съ душевнымъ состояніемъ больнаго, уже не трудно обратиться къ нему съ приличною въ данномъ случаѣ рѣчью, съ потребнымъ для него наставленіемъ или утѣшеніемъ. Но при этомъ требуется особая осторожность со стороны пастыря. Есть спасительная печаль — „печаль яже по Бозѣ“, — срокъ которой не слѣдуетъ сокращать съ цѣлью споспѣшествованія спасенію болящаго. Нужно различать эту печаль отъ печали, происходящей вслѣдствіе унынія или малодушія. Первая представляетъ собою вообще нѣчто духовное, почти тождественное съ раскаяніемъ, и служитъ какъ бы преддверіемъ вѣры, мостомъ, ведущимъ къ вѣрѣ; вторая напротивъ удаляетъ отъ вѣры и можетъ переходить въ отчаяніе или по крайней мѣрѣ въ индифферентизмъ и апатію, которой многіе изъ больныхъ подвергаются, въ особенности если они долго и часто страдаютъ. Это послѣднее состояніе одно изъ самыхъ опасныхъ, весьма упорно сопротивляющееся всѣмъ усиліямъ, направленнымъ къ устраненію его.

„И поемъ его отъ народа особь“, говорится въ Евангеліи отъ Марка (7, 33) о глухонѣмомъ. Это имѣетъ значеніе и по отношенію ко всѣмъ больнымъ. Господь какъ бы беретъ ихъ изъ среды народа для того, чтобы обратиться къ нимъ съ Своимъ божественнымъ словомъ. Каждое страданіе служитъ божественнымъ

ловомъ, обращеннымъ къ сердцу: „еффаѳа, еже есть разверзися“. Пастырь долженъ служить посредникомъ. Конечно, Господь и прямо дѣйствуетъ на болящихъ силою Своего Духа. Но наставляя ихъ чрезъ средства Своей благодати, чрезъ слово и таинства, Онъ пользуется и людьми, чтобы чрезъ нихъ возвѣщать Свою волю. Поэтому пастырь долженъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ болящимъ. Онъ поступаетъ чрезвычайно легкомысленно, если рѣшается явиться къ больному безъ всякаго приготовленія. Къ произнесенію церковной проповѣди пастыри обыкновенно заранѣе подготовляются,—подыскиваютъ текстъ, составляютъ планъ, обдумываютъ все содержаніе проповѣди, заучиваютъ всю ее или нѣкоторыя части ея и т. под. Не менѣе не обходима тщательная предварительная подготовка и къ преподанію наставленія болящимъ. Можетъ быть, вслѣдствіе именно этого упущенія, пастырскія наставленія болящимъ и остаются нерѣдко безплодными. Въ особенности же молодой, неопытный пастырь никогда не долженъ обходиться безъ приготовленія. Оно можетъ быть весьма полезнымъ даже для опытныхъ пастырей, которые должны знать, что въ комнатѣ больнаго слѣдуетъ говорить не тѣмъ языкомъ, какимъ предъ массою слушателей въ церкви. Часто пастыри, произносящіе прекрасныя проповѣди съ церковной каѳедры, оказываются не удовлетворяющими самымъ скромнымъ требованіямъ, коль скоро являются предъ одромъ болящаго.

Пастырское наставленіе всегда должно приспособляться къ частнымъ потребностямъ каждаго болящаго. Всѣхъ малодушныхъ больныхъ можно раздѣлить на два разряда: у однихъ скорбь является вслѣдствіе внѣшнихъ, земныхъ отношеній, у другихъ она имѣетъ чисто внутренній, духовный характеръ. Къ первымъ относятся тѣ, которымъ земные интересы не позволяютъ воспринимать духовныя, небесныя радости, а ко вторымъ тѣ, которые, вслѣдствіе внутренней духовной скорби, не могутъ имѣть мира и радости.

Любовь къ этому міру многихъ повергаетъ въ уныніе. Это преимущественно—тѣ, которые никогда не знали безпокойствъ и неудачъ. За что бы они ни брались все имъ удавалось. Они были счастливы и въ домашней жизни, и на служебномъ поприщѣ; поэтому имъ не легко разстаться со всѣмъ этимъ. Ихъ, повидимому, нельзя упрекнуть въ совершеніи какого либо тяжкаго грѣха или преступленія. Они удовлетворяли всѣмъ требованіямъ гражданской чести. Но при мысли о смерти въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда радости и душевнаго спокойствія. И не удивительно, потому что для этого требуется высокая степень чисто-христіанскаго совершенства, доступная не для многихъ. Какъ же пастырь долженъ наставлять и укрѣплять ихъ? Въ болѣзни, поразившей ихъ, онъ легко можетъ найдти поводъ къ тому, чтобы выяснить имъ всю истинность изреченія Соломона: „суета суетствій, всяческая суета“ (Еккл. I, 2). Суета—и почетъ, и богатство, и положеніе, и здоровье, и красота, и знаніе, и образованіе. Нагими мы пришли въ міръ, нагими и отойдемъ изъ него (Еккл. 5, 4). Но при этомъ нужно остерегаться, чтобы не дать повода къ стоическому презрѣнію жизни. Христіанство даетъ совсѣмъ другое воззрѣніе на міръ и на жизнь. Нужно дать понять это. Коль скоро болящій съ чисто—христіанской точки зрѣнія будетъ смотрѣть на эту жизнь, то уже совсѣмъ иначе онъ будетъ смотрѣть и на свое страданіе, и на смерть. Она будетъ представляться ему лишь переходомъ изъ низшаго міра въ міръ лучшій, блаженный, и созерцаніе вѣчнаго блаженства, уготованнаго намъ любовію Божьею, наполнитъ душу его самымъ сладостнымъ утѣшеніемъ. Между этого рода больными встрѣчаются и такіе, которыхъ привязываютъ къ этой жизни разнаго рода заботы о дѣтяхъ, оставляемыхъ безъ надлежащаго надзора и достаточныхъ средствъ къ жизни, о женѣ и т. под. И ихъ пастырь не долженъ оставлять безъ утѣшенія. Онъ долженъ въ особенности внушать имъ преданность волѣ Божіей, разъяснять имъ дѣйствія чуднаго промышленія Божія о мірѣ и людяхъ и укрѣплять въ нихъ надежду

на божественнаго Защитника вдовъ и Отца сиротъ, Который не оставляетъ безпомощныхъ безъ Своего покровительства, Который посылалъ вороновъ для доставленія пищи пророку Иліи, Который даетъ пищу даже птицамъ небеснымъ и одѣваетъ полевые цвѣты и т. под.

Тѣмъ, которые скорбятъ отъ сознанія своей виновности предъ Богомъ, отъ страха угрожающихъ наказаній, отъ сознанія своей слабости въ подвигѣ преуспѣянія въ добрѣ и т. под., слѣдуетъ внушать, что „Богъ не желаетъ погибели грѣшника, но хощетъ всѣхъ до единаго спасти“ (Кн. о должн. прих. § 129), указывать на безпредѣльное милосердіе Господа и „изъяснить, что любовь Божія не преодолѣвается никакими беззаконіями нашими, ежели только обратимся и истинно покаемся, и что Отецъ небесный пріемлетъ любезно истинно кающагося и обращающагося къ Нему, и доказать сіе примѣрами блуднаго сына, мытаря, разбойника, Давида, прелюбодѣйство и убійство сотворшаго, Петра отвергшагося, блудницы покаявшіяся“ (поуч. святит. стр. 26; Кн. о должн. § 129) и т. под. Если же болящій впадаетъ въ уныніе и скорбитъ отъ сознанія своего безсилія въ борьбѣ съ искушеніями и въ преодолѣніи разнаго рода трудностей на пути истинно-христіанской жизни, то пастырь, внушая ему ту божественную истину, что только „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“ (Матѳ. 10, 22), вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ ободрять его надеждою на помощь свыше, подаваемую всѣмъ тѣмъ, которые съ вѣрою и любовію просятъ ея у Ходатая Бога и человѣковъ—Іисуса Христа. Но при этомъ нужно знать время, когда слѣдуетъ подавать скорбящимъ эти спасительныя утѣшенія. Приглашенный къ больному врачъ не всегда тотчасъ же приступаетъ къ операціи. Часто онъ долженъ бываетъ ожидать, чтобы болѣзнь достигла извѣстной степени развитія. Такимъ же образомъ нерѣдко требуется поступать и относительно духовныхъ болѣзней,—тѣхъ состояній, которыя также имѣютъ патологическій характеръ. Пастырь только тогда можетъ укрѣплять въ болящемъ надежду на божественную

помощь и на безмѣрную благость Божію, когда онъ замѣтитъ въ немъ чистосердечное раскаяніе или по крайней мѣрѣ наклонность къ раскаянію и стремленіе къ соединенію со Христомъ. Еслибы это утѣшеніе пастырь „грѣшникамъ, каятися не хотящимъ, подалъ, то на вредъ больший, а не во исцѣленіе подалъ бы имъ, понеже таковіи остраго пластыря (слова) требуютъ, а не мягкаго обличенія паче и наказанія, а не утѣшенія“ (Кн. о должн. § 36).

Впрочемъ больные этого рода обыкновенно наоборотъ чрезмѣрно сокрушаются о своихъ грѣхахъ и смотрятъ на свою болѣзнь, какъ на божественное наказаніе за тотъ или другой опредѣленный грѣхъ. Конечно, нельзя относиться къ этому воззрѣнію, какъ къ совершенно ложному. Часто болѣзнь и грѣхъ дѣйствительно стоятъ въ самой тѣсной, неразрывной связи между собою, хотя человѣческій глазъ, а особенно глазъ посторонняго человѣка, не всегда можетъ замѣчать тѣ сокровенныя нити, которыми они связываются. Но несправедливо было бы на каждую болѣзнь смотрѣть, какъ на слѣдствіе одного опредѣленнаго грѣха. Самъ Господь отвергъ это воззрѣніе, какъ несправедливое, въ отношеніи къ слѣпорожденному (Іоанн. 9, 3). Это пастырь долженъ разъяснять въ потребныхъ случаяхъ и больнымъ.

Болѣзнь имѣетъ глубокое нравственное значеніе. Увлеченія міромъ и его суетою обыкновенно не даетъ человѣку времени всмотрѣться въ себя. Одного занимаетъ погоня за скоропреходящими удовольствіями и наслажденіями, другаго—стремленія употреблять время на полезную для этой жизни дѣятельность: тѣ и другіе позабываютъ послѣднюю цѣль, главное назначеніе жизни. Поэтому ничто такъ легко не можетъ приводить человѣка къ къ самопознанію, какъ болѣзнь. Еслибы не было болѣзней, то многіе, можетъ быть, совсѣмъ не думали бы о загробной жизни и надлежащемъ приготовленіи къ смерти. Ни въ какомъ положеніи человѣкъ не возвышается такъ надъ соблазнами и искушеніями этого міра, какъ на одрѣ болѣзни. Смѣявшійся прежде надъ аскетизмомъ, самъ вслѣдствіе болѣзни заключается въ одинокую мо-

пастырскую келью и подчиняется строгой діэтѣ; знавшій и цѣнившій лишь матеріально-практическую сторону жизни теперь обращается къ молитвѣ и сокровеннымъ истинамъ христіанства. Внутренній человѣкъ, исторгнутый болѣзнію изъ опасности повергнуться въ полное бездѣйствіе, нерѣдко дѣлаетъ не только по днямъ, а и по часамъ такіе успѣхи на пути нравственнаго усовершенствованія, какихъ прежде не могъ достигать въ цѣлые годы. Поэтому во многихъ случаяхъ полезно бываетъ обращать вниманіе болящихъ, въ особенности же если они подавляются тяжестію физическихъ страданій, на главную цѣль болѣзни, какъ на возстановленіе божественнаго міропорядка, нарушаемаго чрезъ грѣхъ, и на самую болѣзнь, какъ на дѣйствіе посѣщающей насъ руки Божіей, направляющей насъ на путь спасенія и преуспѣянія въ добрѣ. Конечно, это возрѣніе само по себѣ еще не служитъ цѣлебнымъ бальзамомъ для ранъ сердца. Но когда смотрятъ на страданіе въ его надлежащемъ свѣтѣ, то уже не далеко бываетъ душевный миръ и спокойствіе. Пониманіе истиннаго смысла и значенія болѣзни можетъ доставлять облегченіе душевнымъ страданіямъ, и оно бываетъ сильнѣе, чѣмъ менѣе прибѣгаютъ къ земнымъ утѣшеніямъ. Истинное утѣшеніе пастырь Церкви можетъ доставить скорбящему больному лишь „отъ Слова Божія, яко отъ источника приснотекущаго“ (Кн. о долж. § 36). Всѣ другія утѣшенія, смотря по обстоятельствамъ, или совсѣмъ не должны имѣть мѣста, или отодвигаться на задній планъ. У насъ должно быть одно истинное утѣшеніе—утѣшеніе вѣры, какимъ „Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи утѣшаетъ насъ о всякой скорби нашей“ (2 Кор. I, 3—4), какое подаетъ намъ единый Ходатай нашъ предъ Богомъ, Начальникъ и Совершитель нашего спасенія и Исцѣлитель сокрушенныхъ сердцемъ, „Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ нашъ, возлюбивый насъ и давый утѣшеніе вѣчно“ (2 Сол. 2, 16). Много утѣшительнаго болящій можетъ почерпать изъ жизни Іова праведнаго и исторіи страданій нашего Спасителя. Но въ Св. Писаніи есть не мало и другихъ

мѣстъ, которыми пастырь можетъ ободрять и утѣшать скорбящихъ больныхъ. При выборѣ этихъ мѣстъ, онъ можетъ руководствоваться прекрасными указаніями въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ (§ 129), примѣняясь къ внутреннему и внѣшнему состоянію больнаго. Кромѣ того онъ можетъ пользоваться и другими назидательными сочиненіями и рекомендовать чтеніе ихъ болящему и окружающимъ его. Но въ особенности высокое утѣшеніе скорбящій больной можетъ получать въ молитвѣ, въ чистосердечной исповѣди и въ соединеніи со Христомъ чрезъ достойное принятіе тѣла и крови Его. Къ этому и долженъ болѣе всего располагать скорбящаго больнаго пастырь. Если же болящій и послѣ того все еще не освобождается отъ скорби и смущенія, то должно „увѣрить его, что Богъ всѣ грѣхи отпустилъ и изгладилъ“ (Поуч. святит. стр. 29).

Н. Д.

Какъ понимать прошеніе Великой эктеніи о соединеніи Церквей?

Лѣтъ 25 тому назадъ въ ученомъ богословскомъ мірѣ западныхъ Церквей поднятъ былъ вопросъ о содѣйствіи учеными богословскими трудами дѣлу возсоединенія христіанскихъ Церквей. Впослѣдствіи по этому вопросу были богословскіе конгрессы христіанскихъ богослововъ, въ которыхъ принимали участіе и русскіе богословы. Въ началѣ этого богословскаго движенія, римско-католическіе писатели сдѣлали упрекъ православной Церкви въ томъ, что она молится о соединеніи Церквей, но ничего не дѣлаетъ по предмету своей молитвы. На этотъ упрекъ отвѣчалъ, кажется, А. Н. Муравьевъ, что грековосточная Церковь молится только о сохраненіи единенія между православными Церквами, а не о возсоединеніи инославныхъ Церквей съ православною. Когда сдѣ-

лано было замѣчаніе, что такой отвѣтъ не правиленъ, то Муравьевъ обратился за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ московскому митрополиту Филарету. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій.

„Латиномудрствующій писатель обвиняетъ Православную Церковь въ томъ, что она молится о соединеніи Церквей и остается въ бездѣйствіи.

Православный писатель, отвѣчая на сіе, говоритъ, что она молится только „о соединеніи святыхъ", то есть, Православныхъ Церквей. Отвѣтъ данъ не на то, въ чемъ обвиняютъ. Обвиняютъ не въ молитвѣ, а въ бездѣйствіи. И вѣрно ли, что Православная Церковь молится только о Православныхъ Церквахъ? Не оскорбляютъ ли ее, поставляя такіе тѣсные предѣлы ея любви? Неужели она не желаетъ спасенія инославнымъ Церквамъ чрезъ возвращеніе ихъ въ соединіе съ Православною Церковію?

Какъ выражаетъ Православная Церковь свою молитву о соединеніи Церквей?—„О мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и о соединеніи всѣхъ Господу помолимся". Еслибы молитва должна была имѣть ограниченный смыслъ о Православныхъ только Церквахъ: то надлежало бы поставить слова такъ: „о мирѣ и благосостояніи и соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ Церквей Господу помолимся". Но не такъ поступлено, а раздѣлена молитва на двѣ части: 1) „о мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей, 2) о соединеніи всѣхъ". Молитва сія приносится всегда и въ мирное и въ немирное для Церквей время. Слѣдственно первая часть молитвы имѣетъ слѣдующее значеніе: о мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей православныхъ, чтобы миръ и и благосостояніе, уже имъ дарованные, были сохранены; а если гдѣ либо *когда либо нарушены, были* вновь дарованы благодатію Божіею. Согласно съ симъ и вторую часть молитвы должно разумѣть о соединеніи Церквей, чтобы оно было сохранено, поколику существуетъ, и чтобы возстановлено было, поколику гдѣ либо нарушено. Въ сей второй части молитвы поставлено слово: „всѣхъ", котораго нѣтъ въ первой; а сіе даетъ разумѣть, что значеніе

второй части обширнѣе, нежели первой. Изъ того, что вторая часть не соединена съ первою, а отдѣлена, должно заключить, что не все, содержащееся въ первой, должно быть отнесено ко второй; и потому нѣтъ нужды дополнять вторую такъ: о соединеніи „всѣхъ святыхъ Божіихъ Церквей", а надлежитъ дополнить только такъ: „о соединеніи всѣхъ Церквей". Посему Православная Церковь молится о соединеніи Церквей такъ, чтобы соединеніе Православныхъ Церквей существующее было благодатію Божіею сохранено, и чтобы благодатію Божіею возстановлено было соединеніе съ Православною Церковію и тѣхъ Церквей, которыя отдѣлило отъ нея какое либо неправое ученіе.

Противъ сего изъясненія молитвы не представятъ ли, въ качествѣ возраженія, то, что въ диптихахъ на проскомидіи неправославныхъ не поминаютъ? Отвѣтствуемъ: это дѣло иное.

Иное дѣло молиться о соединеніи съ Православною Церковію неправославныхъ Церквей въ литургіи оглашенныхъ, а иное поминать неправославныхъ въ диптихахъ при таинствѣ Евхаристіи. Неправославные самымъ неправославіемъ отлучили себя отъ общенія таинствъ Православной Церкви: сему соотвѣтствуетъ непоминаніе ихъ при таинствѣ Евхаристіи и неключеніе изъ диптиховъ. А что на литургіи вѣрныхъ можно молиться о возсоединеніи Церквей, отдѣлившихся отъ Православной, о томъ зри въ литургіи Василія Великаго молитву: „утоли раздоры Церквей". Раздоры Церквей (бываютъ) отъ того, что иная Церковь не покоряется въ нѣкоторыхъ частяхъ православному ученію и слѣдственно впадаетъ въ состояніе раскола. Святый Василій и такую Церковь не изключаетъ изъ своей молитвы: „утоли раздоры Церквей".

Когда Антіохійскій патріархъ Іоаннъ съ своими епископами не покорился православному опредѣленію Ефесскаго собора и на предсѣдателя его святаго Кирилла Александрійскаго произнесъ осужденіе и слѣдовательно впалъ съ своею Церковію въ состояніе раскола: думаете ли вы, что святый Проклъ съ Константинопольскою Церковію, молясь о соединеніи всѣхъ Церквей, не молился

сею самою молитвою и о возсоединеніи Антіохійской Церкви? Не стѣсняйте же христіанской любви Православной Церкви; и не утверждайте, что она не молится объ соединеніи Римской Церкви".

Пастырь и паства, по ученію св. Тихона Задонскаго.

Въ тѣлѣ вещественномъ чрево ради всего тѣла работаетъ, варитъ пищу, сочиняетъ соки и обращаетъ въ кровь, и тако кровь по всѣмъ удамъ раздѣляетъ и симъ образомъ всѣ уды и все тѣло подкрѣпляетъ, умножаетъ и въ возрастъ приводитъ. Тако въ духовномъ тѣлѣ пастыри должны быть, какъ чрево въ тѣлѣ своемъ: пищу слова Божія первѣе внутрь себя чтеніемъ, поученіемъ, размышленіемъ и вниманіемъ, единаго мѣста съ другимъ сношеніемъ, какъ бы разжевать и сварить, и въ сокъ и кровь духовную обратить, и тако братіи своей, духовнымъ удамъ, раздѣлять, и разслабленныхъ подкрѣплять, младенствующихъ въ возрастъ приводить, дондеже достигнемъ вси въ соединеніи вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. А которые пастыри сего не дѣлаютъ, погрѣшаютъ противъ должности своей и напрасно имя пастыря на себѣ носятъ. Пастырь бо не себѣ пастырь есть, но овцамъ пастырь. Почему и воздадятъ отвѣтъ Начальнику пастырей Іисусу Христу въ день суда. Который тогда отъ руки ихъ взыщетъ Своихъ овецъ.

Видимъ, что въ тѣлѣ вещественномъ вси уды ради чрева работаютъ, вси ему служатъ, пищу и питіе промышляютъ ему, чтобы укрѣплялося; понеже оно ради общей пользы удовъ работаетъ и варитъ пищу. Ибо ежели чрево, не пріемля пищи, ослабѣваетъ, то и вси уды ослабѣютъ, и такъ весь человѣкъ слабымъ дѣлается, что примѣчаемъ на немощныхъ, которые пищи не пріем-

лютъ, и отъ глада истаевающихъ, и всякъ на себѣ во время глада и жажды узнаетъ. Тако и въ духовномъ тѣлѣ, то есть, христіанствѣ, должно быть. Понеже пастыри и учители ради общей пользы трудятся, то всѣмъ христіанамъ обще питать ихъ должно. Должно, глаголю, питать ихъ, дабы имѣли время ради общей христіанской пользы трудиться, въ чтеніи и размышленіи Божія слова упражняться, и тако какъ бы сваренную пищу слова Божія въ пользу слышателей своихъ раздѣлять. Достоинъ бо дѣлатель мзды своея. Аще бо пастыри духовная сѣютъ: велико ли, аще слышателей тѣлесная пожинаютъ? Аще они души слышателей питаютъ словомъ Божіимъ, и тако о вѣчномъ ихъ спасеніи промышляютъ: велико ли есть, когда отъ нихъ тѣлесную пищу къ содержанію временнаго живота получаютъ? Сколько душа отъ тѣла, и вѣчный животъ отъ временнаго разнствуютъ, столько пища Божія слова, которою питаютъ души слушателей пастыри, дрожайша есть отъ пищи тѣлесной, которую отъ слышателей своихъ пріемлютъ. Да общается убо учайся словеси учащему во всѣхъ благихъ. Кто бо воинствуетъ своими оброки когда? или кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 апрѣля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ XXV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ пять рубл., съ пересылкою шесть рублей серебр.

№ 17.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской семинаріи.

1884 года, Апрѣля 22-го.

Содержаніе: Какое слово требуется отъ служителей Слова.—Полезные совѣты сельскаго пастыря своимъ прихожанамъ.—Современная проповѣдь на Западѣ.—Трудность пастырскаго служенія, по письмамъ св. Исидора Пелусіота.

Какое слово требуется отъ служителей Слова[1]).

О всемъ же самъ себе подавай образъ добрыхъ дѣлъ, въ ученіи цѣлость, честность, нетлѣніе, слово здравое, незазорное (Тит. 2, 7).

Апостолъ требуетъ отъ священныхъ лицъ слова чистаго, здраваго, незазорнаго.

Такимъ словомъ говорили и писали св. вселенскіе учители: Григорій Богословъ, Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, и такимъ словомъ учить народъ заповѣдали и намъ. Они въ словесномъ искусствѣ видѣли средство служенія Богу, пріятную

[1]) Изъ Слова высокопреосвященнаго Сергія, архіепископа Кишиневскаго, сказаннаго въ семинарской церкви.

жертву Ему. „Приношу слово, говоритъ Григорій Богословъ, какъ самую приличную жертву Богу, даръ, который чище злата, дороже драгоцѣнныхъ камней“ (Твор. Гр. Бог. 1, 221). „Блаженъ со святымъ Златоустомъ и тотъ духовный учитель, кто можетъ по совѣсти сказать, что располагаетъ и направляетъ свое учительство къ угожденію Богу“ (О свящ. стр. 99).

Но для сего нужна цѣлость слова, неповрежденность, чистота. Оно должно быть чистымъ не только въ томъ отношеніи, чтобы не содержало въ себѣ мыслей ложныхъ, ученію православному противныхъ, но и въ томъ, чтобы не допускало выраженій неприличныхъ, оскорбительныхъ для духовнаго вкуса. „Боюсь, говоритъ Григорій Богословъ, чтобы чего не потерпѣть, нечисто прикоснувшись къ Троицѣ. Остерегайтесь, іереи, какъ бы вашъ языкъ не прозвучалъ чего либо нестройнаго“ (Твор. IV, 351). А святый Златоустъ, объясняя изреченіе апостольское,—„право правящее слово истины“,—внушаетъ: „отдѣляй неправое, отсѣкай мечемъ духовнымъ все, чуждое проповѣди“ (На 2 Тим. Бес. 5, 2).

Безъ этой заботливости слово не можетъ быть здравымъ. Слово здравое—тоже, что здоровая пища. Вещества, питающія наше тѣло, не тѣ лучше и полезнѣе, которыя больше по объему и тяжелѣе по вѣсу, а тѣ, которыя болѣе въ себѣ содержатъ питательныхъ частицъ и сохраняютъ свою свѣжесть и доброкачественность.—Такъ и пища словесная должна служить здравію душевному; ея питательная сила не въ многоглаголаніи состоитъ, но зависитъ отъ живительныхъ соковъ истины Христовой. Здравое слово „всегда съ благодатію, приправлено солію“ (Кол. 4, 5),—не тою, которая въ видѣ насмѣшки ядовита и горька, но солію, укрѣпляющею твердость рѣчи противъ возраженій. „Слово гнилое“ не должно исходить (Еф. 4, 29) изъ устъ учителя; а такое слово—всякое праздное; празднымъ же святый Василій называетъ то, которое „клонится не къ предположенной о Господѣ потребѣ“, и есть одно суесловіе. Оно только занимаетъ слухъ, разсѣиваетъ

душу, а не даетъ назиданія (Твор. Вас. Вел. ч. V, 226). „Если ты, предостерегаетъ Златоустъ, возбудишь смѣхъ, или, что еще хуже, похвалишь порокъ; то ты разстроиваешь, а не созидаешь“ (На Еф. 14, 3). Тотъ степенный учитель, который клонитъ свою бесѣду къ назиданію, къ разъясненію истины, къ пользѣ слышащихъ.

„Сила слова зависитъ отъ ученія; нужно упражненіемъ развивать ее. Даже и отлично владѣющіе словомъ нуждаются въ упражненіи для сохраненія этой силы“ (О свящ. 96, 110). Сіе напоминаніе святаго Златоуста тѣмъ болѣе должны помнить учащіеся словесному искусству, еще не пріобрѣтшіе навыка въ немъ. Для нихъ любопытно и дорого знать, какъ усвоить себѣ качества сильнаго слова. Первое къ сему средство то, чтобы ничего не говорить, не обдумавши, ничего не писать, не размысливши. Это совѣтуетъ и ветхозавѣтный Мудрецъ: „Говори, юноша: но прежде, нежели начнешь, обдумай“ (Сир. 32, 9, 18, 19). Сей совѣтъ Василій Великій такъ прилагаетъ къ проповѣднику: (Тв. ч. VI, стр. 11) „Надобно обдумывать, что будешь говорить, и потомъ пускать слово въ народъ“. Затѣмъ не слѣдуетъ забывать и другое наставленіе древняго Мудреца: „Словамъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру (Сир. 28, 29); старайся сказать многое въ немногихъ словахъ (32, 9); ибо многорѣчивый опротивѣетъ“ (20, 8). Полезно для сего заботиться о точности выраженій и о томъ, чтобы въ рѣчи не вращалось повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей.—Примѣръ сжатости языка въ писаніяхъ Григорія Богослова, который, по собственному его замѣчанію, „прилагалъ дверь къ устамъ своимъ“, чтобы „не вылилось лишнее слово“ (Твор. IV, 349). О томъ, что нужно черпать мысли изъ чистыхъ источниковъ, нѣтъ повода напоминать; ибо несомнѣнно, что здѣсь преподается чистое ученіе и даются въ руки юношамъ добрыя пособія. Но нельзя ихъ охранить, чтобы внѣ стѣнъ сей учебной обители они нигдѣ не встрѣчались съ произведеніями печати, въ которыхъ хорошее смѣшано съ худымъ, и вредное прикрывается

видами благонамѣренности. „Со всѣмъ этимъ обращайся благоразумно, остерегаетъ Григорій Богословъ, собирай полезное, но съ разсудительностію избѣгай того, что въ писателѣ вреднаго; подражай пчелѣ, которая садится на всякій цвѣтокъ, а беретъ только полезное; замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь“ (Твор. 4. V, 307).—Наконецъ, еслибы и пріобрѣтенъ былъ желаемый успѣхъ въ словесномъ искусствѣ, должно всегда помнить его высшую цѣль и остерегаться гордости ума. „Образовавшіе въ себѣ даръ слова, заключаетъ тотъ же Святитель, не слишкомъ полагайтесь на сей даръ; не мудрствуйте до излишества и паче разума. Принесите слово въ даръ Слову; обратите свою ученость въ оружіе не смерти, а правды“ и спасенія (Ч. II, 154).

---

[1]) См. № 45-й 1883 г.

[2]) Бесѣда велась въ полѣ, во время вечерняго привала.

Полезные совѣты сельскаго пастыря своимъ прихожанамъ.

(Изъ бесѣдъ внѣ церкви)[1]).

Видимый міръ Божій. (О землѣ).

Какъ все прекрасно, други мои, въ Божьемъ мірѣ!

Вотъ мы сидимъ здѣсь[2]), а вокругъ насъ широко раскинулась степь, а надъ нами кое гдѣ подернутое тучами голубое небо—„твердь небесная“! И радостно намъ, и умъ нашъ невольно стремится къ Виновнику—Творцу сего видимаго міра. Все это вы видите всегда, но къ прискорбію мало всѣмъ этимъ вы интересуетесь. Предъ вами, говорю, всегда раскрыта книга премудрости Божіей—„природы“, т. е. видимаго міра; изъ этой книги вы, и не зная грамоты, познаете Бога, Творца вселенной, славите Его и удивляетесь величайшей Его премудрости. Но вы, какъ люди темные, некнижные, разсматривая сотворенный Богомъ види-

[1]) См. № 45-й 1883 г.

[2]) Бесѣда велась въ полѣ, во время вечерняго привала.

мый міръ, многое понимаете и толкуете по своему, а очень многаго и вовсе не постигаете.

Что знаете вы, напр., о землѣ, кромѣ того, что она кормилица наша, и о солнцѣ, кромѣ того, что оно по вашему „око Божіе и окно въ рай“? Что извѣстно вамъ о другихъ тѣлахъ (свѣтилахъ) небесныхъ? Что знаете вы о томъ, отчего происходитъ лѣто, осень, зима, весна? Отчего бываетъ день и ночь? Отчего происходятъ дождь, снѣгъ и другія явленія природы?

Все это, говорю, други мои, для васъ „непостижимыя“ тайны, которыя вы силитесь младенчески истолковывать по своему, впадая при этомъ въ суевѣрія и разные предразсудки.

Будьте внимательны: я, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь выяснить вамъ нѣкоторыя явленія видимаго міра Божія.

Ученые люди уже нѣсколько тысячъ лѣтъ стараются всѣми силами изучать видимый міръ Божій или природу. Они наблюдали за воздухомъ, огнемъ и водою; слѣдили за перемѣнами дня и ночи, за перемѣнами тепла и холода; они устраивали большія зрительныя трубы и разсматривали свѣтила небесныя; нѣсколько разъ объѣхали вокругъ самой земли, проникали въ глубь земли, опускались на одно морское, и все, что успѣвали узнавать, передавали потомству. Потомки въ свою очередь продолжали эти изслѣдованія и такимъ образомъ дѣло изученія міра Божьяго постепенно подвигалось впередъ.

Такъ, напримѣръ, что знаемъ мы о землѣ, на которой мы живемъ?

Наука доказываетъ намъ, что земля наша есть тѣло, въ родѣ тѣхъ звѣздъ, какія мы видимъ на небѣ ночью. Еслибы человѣку возможно было добраться до какой нибудь изъ этихъ звѣздъ и оттуда посмотрѣть на землю, то земля показалась бы ему маленькой, едва замѣтной, „свѣтящейся“ точкой, хотя въ сущности земля наша—темная звѣзда, „планета“; она не имѣетъ своего собственнаго свѣта, какъ всѣ другія звѣзды,

а получаетъ свѣтъ она отъ солнца, какъ и другая планета — луна (мѣсяцъ)[1]). Земля наша, не смотря на то, что она кажется намъ такою громадною, есть самая незначительная часть видимаго міра Божія или вселенной, границы и пространство которой не можетъ постигнуть умъ человѣка; какъ велики пространства (промежутки) между звѣздами, можно понять изъ того, что ближайшее къ намъ небесное тѣло луна находится отъ земли почти за 360 тысячъ верстъ, а солнце почти за 150 милліон. верстъ; а солнце и луна—самыя ближайшія къ намъ свѣтила; есть же множество звѣздъ, которыя отстоятъ отъ насъ такъ далеко, что мы ихъ никогда не видимъ и не можемъ видѣть даже въ самыя сильныя зрительныя трубы.

Какой видъ имѣетъ земля?

Земля наша имѣетъ видъ огромнаго шара. Прежде люди думали, что земля—плоская. Да и теперь у насъ многіе простые люди полагаютъ, „что земля плоска, какъ доска, которая стоитъ на трехъ рыбахъ—китахъ", и что по краямъ этой плоскости небо сходится съ землею.

Но наука намъ говоритъ, что еслибы земля была плоска, то мы, стоя на ровномъ мѣстѣ, могли бы видѣть, откуда угодно, самыя дальнія мѣста, а, имѣя въ рукахъ зрительныя трубы (которыя приближаютъ и сильно увеличиваютъ предметы), могли бы видѣть, что дѣлается, напр., въ Москвѣ, Петербургѣ, далеко отъ насъ. Но этому мѣшаетъ выпуклость земнаго шара. Далѣе: если, напр., поѣхать изъ нашего села на восходъ солнца и ѣхать все прямо и прямо, не сворачивая ни направо, ни налѣво, то можно, объѣхавъ весь земной шаръ, вернуться домой—въ родное село съ другой (противоположной) стороны, т. е. съ запада. Все это ученые путешественники и доказали на дѣлѣ.

Теперь разскажу вамъ о томъ, отчего бываетъ день и ночь, и отчего происходятъ перемѣны года: лѣто, осень, зима и весна.

---

[1]) Кромѣ солнца и луны, есть много другихъ планетъ.

Ученые люди давно уже доказали, что земной шаръ постоянно вертится вокругъ себя, подобно тому, какъ вертится колесо вокругъ своей оси; въ тоже время земля наша обходитъ вокругъ солнца, которое стоитъ всегда на одномъ мѣстѣ. Вокругъ себя или своей оси земля оборачивается въ теченіе 24 часовъ, что составляетъ сутки. Когда земля, вертясь вокругъ самой себя, какъ бы на оси, оборачиваетъ и наше село къ солнцу, у насъ бываетъ день; а когда оборачиваетъ въ другую сторону (противоположную) отъ солнца, у насъ—ночь. Теперь понятно, что если у насъ вечеретъ, то на другой сторонѣ земли (въ Америкѣ) свѣтаетъ и на оборотъ: когда у насъ день, тогда въ Америкѣ ночь.

Вокругъ солнца земля обходитъ въ теченіе одного года, т. е. въ 365 дней и 6 часовъ. Обходя вокругъ солнца, земля дѣлаетъ неправильный кругъ (всегда неизмѣнно одинъ и тотъ же—продолговатый, яйцеобразный) и въ одно время приближается къ солнцу, въ другое удаляется отъ него. Когда земля бываетъ ближе къ солнцу, на землѣ—теплѣе; когда дальше—холоднѣе.

Я уже говорилъ вамъ, что земля наша по отношенію ко всему міроздавію—ничтожная песчинка, но сама по себѣ земля—огромный шаръ. Еслибы опоясать земной шаръ по самой его срединѣ, то для этого понадобился бы поясъ длиною до тридцати семи съ половиною тысячъ верстъ. Изъ этого пространства одна четвертая часть земли „суша“, а остальные три четверти земли покрыты водою. Значитъ на земномъ шарѣ воды въ три раза болѣе, чѣмъ суши.

Вся суша земная раздѣляется на пять частей, которыя называются частями свѣта. Это—Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. Изъ нихъ самая большая—Азія, а меньшая—Австралія. Самая образованная—Европа, гдѣ находится и наше любезное отечество—Россія.

Итакъ прошу васъ на этотъ разъ запомнить, други мои, во-первыхъ, что земля намъ только кажется плоскою и ровною,

а на самомъ дѣлѣ она имѣетъ видъ огромнаго шара; во-вторыхъ, что по величинѣ земной шаръ такъ великъ, что это и представить трудно, и въ-третьихъ, что земля наша, подобно всѣмъ тѣламъ (свѣтиламъ) небеснымъ, не имѣетъ никакой подпорки, не стоитъ „на трехъ китахъ“, а просто держится сама собою въ воздухѣ, неизмѣримомъ пространствѣ небесномъ, какъ это разъ навсегда установлено премудрымъ Творцемъ вселенной.

Свящ. *І. Павловскій.*

Современная проповѣдь на Западѣ.

Католическая проповѣдь во Франціи.

Во Франціи XIX вѣкъ начался, при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Бури революціи и опустошенія террора произвели въ душахъ необычайную пустоту, сильное утомленіе, потребность въ вѣрѣ и молитвѣ, хотя въ началѣ этого столѣтія продолжалось еще и вліяніе идей предшествовавшаго вѣка, обнаружившееся въ жаждѣ истины и свободы, въ скептическомъ отношеніи къ прежнимъ авторитетамъ, въ стремленіи найти точку опоры, рѣшеніе сомнѣній вызванныхъ, но не удовлетворенныхъ господствовавшею предъ тѣмъ философіею. Рѣдко какой либо народъ въ столь высокой степени проникается одновременно тѣми двумя чувствами, какими въ это время была воодушевлена французская нація: любовью къ религіи и любовію къ прогрессу. Едва ли когда либо Франція представляла собою столь удобную почву для насажденія и развитія христіанства, понимаемаго въ истинномъ его значеніи, какъ именно въ это время. Еслибы католическая Церковь воспользовалась этимъ благопріятнымъ моментомъ; еслибы она ограничилась миссіей исключительно духовной, отказавшись отъ вмѣшательства въ область чисто-политическую, не имѣющую ничего общаго съ

истиннымъ христіанствомъ; еслибы она болѣе примѣнялась къ нуждамъ и требованіямъ своего времени; однимъ словомъ, еслибы она водрузила знамя не политики, а исключительно религіи мирной, не идущей въ разрѣзъ съ жизнію: то легко могла бы осуществиться та тѣсная связь христіанства съ жизнію народа, которая теперь составляетъ неосуществимую мечту. Эта цѣль могла быть достигнута, конечно, лишь въ томъ случаѣ, еслибы католицизмъ подвергся преобразованію, еслибы онъ отказался отъ солидарности съ клерикализмомъ и притязаніями папства, чуждыми духу Евангелія, и отъ своихъ вѣковыхъ заблужденій, очевидныхъ для каждаго безпристрастнаго изслѣдователя, и возвратился къ истинному христіанству. Но католицизмъ и въ частности католическая проповѣдь во Франціи оказались ниже той задачи, которая имъ предстояла: они не были способными къ тому преобразованію, которое составляло насущную потребность времени и необходимое требованіе истиннаго христіанства и истинной христіанской Церкви.

Это религіозное пробужденіе, благодаря католической іерархіи, сдѣлалось въ дѣйствительности отступленіемъ назадъ, насильственною реакціею противъ принциповъ и завоеваній французской революціи,—реакціею, переходными стадіями которой были Непорочное зачатіе и Силлабусъ [1]), а финальнымъ пунктомъ—догматъ папской непогрѣшимости, провозглашенный 13 іюля 1870 г. Со времени конкордата 1801 г., католическая Церковь все болѣе и болѣе стремится къ пріобрѣтенію и расширенію политическаго могущества. Подчиненіе себѣ свѣтской власти и распространеніе своего вліянія на всѣ функціи государственной жизни составляютъ завѣтную мечту католической Церкви. Орудіями для этого служатъ клиръ и многочисленныя религіозныя корпораціи, слѣпо подчиняю-

[1]) Разумѣемъ извѣстное приложеніе къ папской энцикликѣ 8 дек. 1864 г., гдѣ перечислялись и осуждались всѣ принципы и формы современной жизни, несовмѣстимые съ римско-католическимъ ученіемъ.

щіяся всѣмъ внушеніямъ, исходящимъ изъ Ватикана, а главнымъ средствомъ—проповѣдь.

Великіе французскіе проповѣдники XVII вѣка: Боссюэтъ, Бурдалу, Массильонъ пріобрѣли всеобщую почетную извѣстность не только въ самой Франціи, но и внѣ ея предѣловъ. Они имѣли вліяніе даже на проповѣдниковъ, не принадлежащихъ къ католическому вѣроисповѣданію, и въ частности на нашихъ проповѣдниковъ (напр. на Иннокентія Херсонскаго). Правда, вліяніе ихъ у насъ не было такъ сильно, какъ вліяніе западно-европейскихъ схоластическихъ проповѣдниковъ на нашу южно-русскую проповѣдь XVII вѣка. Тѣмъ не менѣе и вліяніе блестящихъ французскихъ проповѣдниковъ XVII в. на нашу проповѣдь было весьма значительно, какъ это видно уже изъ многочисленныхъ переводовъ ихъ произведеій на русскій языкъ. Въ Россіи въ особенности большой успѣхъ имѣли проповѣди Массильона, которыя у насъ нѣсколько разъ переводились, причемъ нѣкоторые переводы имѣли нѣсколько изданій. Проповѣди ихъ и доселѣ читаются съ интересомъ и пользою. Въ чемъ же заключаются причины этого успѣха? Главнымъ образомъ въ томъ, что они, обладая высокимъ ораторскимъ талантомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли говорить языкомъ своего времени, умѣли примѣняться къ нуждамъ и требованіямъ своего вѣка, и ихъ вѣкъ слушалъ ихъ. Ихъ проповѣди не были только сухими богословскими трактатами, излагающими и разъясняющими догматы римско-католической Церкви, а исходили изъ глубины религіознаго чувства и изъ нравственныхъ наблюденій, обнаруживающихъ дѣйствительное и глубокое знаніе сердца человѣческаго. Но почему современныя французскія проповѣди такъ мало читаются и изучаются? Почему даже тѣ католическіе проповѣдники, которые безспорно обладаютъ высокимъ ораторскимъ талантомъ, не привлекаютъ значительнаго стеченія слушателей? Главнымъ образомъ потому, что они не могутъ въ одно и тоже время и удовлетворять требованіямъ своего времени, которое жаждетъ свѣта и истины, и оставаться вѣрными сынами своей Церкви,

которая покровительствуетъ невѣжеству, которая болѣе всего заботится о распространеніи своихъ завѣдомо ложныхъ тенденцій и громитъ анаѳемами современныя формы жизни, не соотвѣтствующія эгоистическимъ притязаніямъ папства, потому что почти всѣ, за исключеніемъ Лакордера, не примѣняются къ идеямъ и нуждамъ своего времени и говорятъ языкомъ, который по отношенію къ правильности и изяществу не всегда можно признать безукоризненнымъ.

Странное дѣло! Съ 1801 г. католическая Церковь дѣлается все болѣе клерикальною, ультрамонтанскою, враждебною современной жизни и истинному христіанству; тѣмъ не менѣе она заявляетъ претензіи быть примирительницею христіанства съ современною жизнію, старается объ оправданіи проповѣдуемаго ею христіанства предъ разумомъ, объ отраженіи нападеній невѣрія, начинаетъ оставлять традиціонную форму проповѣди—слово (le sermon) и усвоетъ болѣе соотвѣтствующую современнымъ требованіямъ форму проповѣди—собесѣдованіе (la conférence). Эти внѣбогослужебныя собесѣдованія, не стѣсняющіяся гомилетическими правилами и подходящія болѣе всего къ типу публичныхъ апологетическихъ лекцій, близкихъ по внѣшней формѣ къ свѣтскимъ рѣчамъ, получили начало отъ парижскаго архіепископа Келена (Quèlen), учредившаго ихъ въ парижскомъ соборѣ Богоматери (Notre-Dame) первоначально для обучающагося юношества. Мало по малу они получили распространеніе и въ другихъ церквахъ и стали привлекать не мало слушателей изъ разныхъ классовъ общества, что тѣмъ болѣе естественно, что для произнесенія ихъ приглашались обыкновенно наиболѣе выдающіеся изъ церковныхъ ораторовъ. Хотя эти собесѣдованія имѣютъ апологетическій характеръ, но они посвящаются оправданію и защитѣ не столько самого христіанства, сколько римско-католической Церкви съ ея ученіемъ и іерархіею, вслѣдствіе чего и самая проповѣдь дѣлается орудіемъ клерикальной реакціи. Современная жизнь даетъ для собесѣдованій лишь поводъ къ выбору той или другой

темы и внѣшнюю форму, но мало вліятъ на ихъ внутренній характеръ. Отсюда именно и проистекаютъ слѣдующіе три главныхъ недостатка современныхъ католическихъ проповѣдей во Франціи.

Прежде всего въ католическихъ проповѣдяхъ замѣчается отсутствіе свободнаго, безпристрастнаго изслѣдованія, въ особенности необходимаго при обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ современной жизни—вопросовъ соціальныхъ, философскихъ и религіозныхъ, которые обыкновенно составляютъ предметъ собесѣдованій. Принявшій на себя миссію защитника христіанскаго міровоззрѣнія предъ современною наукою и знаніемъ долженъ вести дѣло научно, имѣть въ виду одну лишь истину и опираться въ своихъ сужденіяхъ на несомнѣнныхъ авторитетахъ. Конечно, и свободное изслѣдованіе обыкновенно руководится въ своихъ изысканіяхъ принципами a priori, которыми служатъ принципы вѣры для вѣрующаго и противоположные принципы для невѣрующаго, и съ которыми духъ человѣка сживается какъ бы самъ собою, инстинктивно. Свободное изслѣдованіе не исключаетъ авторитета, въ особенности необходимаго для христіанина, у котораго умъ долженъ быть въ послушаніи вѣры. Но современные католическіе проповѣдники большею частію исходятъ въ своихъ сужденіяхъ изъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ истиною, каковы напр. эгоистическія стремленія папства и клира, и опираются часто на такихъ доказательствахъ и авторитетахъ, которые не могутъ имѣть силы убѣдительности не только для научнаго изслѣдователя, но и для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, каковы напр.: искаженіе смысла евангельскихъ и апостольскихъ текстовъ, постановленія католическихъ лжевселенскихъ соборовъ, изреченія папъ и другихъ лицъ, могущихъ имѣть авторитетъ лишь для приверженцевъ католической Церкви.

Второй упрекъ, который можно сдѣлать современнымъ католическимъ проповѣдникамъ, второй пробѣлъ, который вытекаетъ

изъ предъидущаго, это недостаточность ихъ образованія. Они большею частію знаютъ лишь то, чему ихъ учили. Но римско-католическая Церковь, само собою понятно, старается не давать будущимъ членамъ клира много свѣта, чтобы впослѣдствіи они не употребили его противъ нея же. Поэтому католическіе проповѣдники не отличаются широтою и глубиною познаній. Громадное большинство ихъ обладаетъ лишь свѣдѣніями, полученными въ семинаріи, которая сообщаетъ знанія своимъ питомцамъ далеко не щедро. Философію, которая важна не столько чрезъ знанія, сколько по методу, могущему дать уму гибкость и способность къ критическому сужденію, они знаютъ лишь чрезъ второстепенныя сочиненія или чрезъ мнимокритическіе трактаты и извлеченія, не могущіе возбудить любви къ ней. Не великъ ихъ успѣхъ и въ богословіи. Католическіе богословы не любятъ углубляться въ первоисточники. Католическое богословіе зиждется главнымъ образомъ на схоластикѣ, Ѳомѣ Аквинатѣ, отцахъ Церкви и на соборныхъ постановленіяхъ, при чемъ не дѣлается никакого различія между соборами вселенскими и чисто-католическими, въ родѣ послѣдняго Ватиканскаго собора, утвердившаго догматъ папской непогрѣшимости. О произведеніяхъ нѣмецкихъ, а тѣмъ болѣе русскихъ богослововъ они знаютъ большею частію лишь по слуху, со словъ своихъ учителей, чрезъ не безпристрастныя выдержки и обобщенія, и основываясь на этихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, огульно осуждаютъ всѣхъ некатолическихъ богослововъ, не усвоя изъ ихъ произведеній даже и того, что нисколько не противорѣчитъ ученію католической Церкви и можетъ служить къ уясненію и утвержденію общихъ истинъ христіанства. Они не обладаютъ критическимъ тактомъ, который для богословія столь же необходимъ, какъ наблюденіе и опытъ для естественныхъ наукъ, и часто смѣшиваютъ исторію съ легендарными сказаніями. Однимъ словомъ образованіе католическихъ проповѣдниковъ и даже самыхъ выдающихся изъ нихъ, очевидно, недостаточное. Это чрезвычайно важный пробѣлъ въ вѣкъ, который

отворачивается съ презрѣніемъ отъ метафизики и преклоняется предъ знаніями точными, положительными, и въ которомъ замѣчается сильное охлажденіе къ религіи, поставленной католическою Церковію на почву, непримѣнимую къ требованіямъ современной жизни.

Къ этимъ двумъ пробѣламъ присоединяется третій, уже чисто религіозный, именно—незнаніе или по крайней мѣрѣ забвеніе существеннаго характера христіанства—индивидуальнаго дѣйствія Евангелія, иначе говоря,—предпочтеніе внѣшнихъ доказательствъ внутреннимъ, на которыхъ главнымъ образомъ должна основываться христіанская апологетика. Пророчества, чудеса, чудесное основаніе христіанской Церкви, быстрые успѣхи христіанства въ мірѣ—вотъ главныя доказательства, которыя католическіе проповѣдники приводятъ въ пользу божественности христіанства. Конечно, всѣ эти доказательства имѣютъ силу. Но они получаютъ гораздо болѣе силы и убѣдительности, когда соединяются съ внутренними доказательствами, отвѣчающими сердцу и опыту, опирающимися на внутренней глубокой гармоніи между душою и сердцемъ человѣка. Мы вѣримъ, потому что намъ разумъ открываетъ въ Библіи рядомъ съ непостижимыми для насъ истинами удивительную философію, которая освѣщаетъ проблему назначенія человѣка, потому что въ Евангеліи все указываетъ на его сверхъестественный характеръ, потому что чудеса и въ частности воскресеніе Спасителя опираются на неопровержимыхъ свидѣтельствахъ; но мы вѣримъ,—и можетъ быть даже болѣе,—также и потому, что Евангеліе понятно для нашего сердца, что оно отвѣчаетъ его насущнымъ потребностямъ. Не безъ основанія называютъ душу уже по самой природѣ христіанкою и сердце истиннымъ пророкомъ Христа. Истинная апологетика христіанства должна представлять объединеніе внѣшнихъ доказательствъ съ внутренними.

Въ поясненіе сказаннаго нами, мы остановимся на характеристикѣ трехъ знаменитыхъ французскихъ католическихъ проповѣдниковъ первой половины настоящаго вѣка: на Фрейсину,

Равиньянѣ и Лакордерѣ, которые своими собесѣдованіями (les conférences) пріобрѣли почетную извѣстность.

Первый изъ нихъ по времени, аббатъ „Дени Фрейсину“ (Frayssinous, 1765—1845) долженъ быть признанъ первымъ и по достоинствамъ. Какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему характеру проповѣди его занимаютъ безспорно выдающееся мѣсто въ католической апологетикѣ. При чистотѣ, изяществѣ стиля, онъ обладаетъ умомъ точнымъ, логическимъ, который неизмѣнно преслѣдуетъ намѣченную цѣль во всемъ изложеніи каждой проповѣди. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ противуположность Лакордеру, который мало заботится о логикѣ. Между тѣмъ какъ Лакордеръ, не держась строгаго плана, говоритъ о массѣ предметовъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ темѣ, и имѣетъ цѣлью болѣе плѣнять, чѣмъ убѣждать, Фрейсину не дозволяетъ себѣ подобнаго рода отступленій отъ избраннаго предмета, который онъ изучаетъ весьма добросовѣстно и излагаетъ съ ясностію и методичностію, никогда не забывая своей миссіи апологета и обнаруживая какъ въ опроверженіяхъ, такъ и въ защитѣ умѣренность и независимость,—свойства, которыя чрезвычайно рѣдко встрѣчаются у послѣдующихъ проповѣдниковъ. Если Фрейсину былъ органомъ политической реакціи (онъ былъ врагомъ революціи), то онъ не былъ орудіемъ реакціи религіозной. Въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно выгодно отличается отъ современныхъ католическихъ проповѣдниковъ, которые не стѣсняются являться на церковной каѳедрѣ съ защитою совершенно несвойственныхъ истинному христіанству тенденцій и самыхъ печальныхъ явленій изъ исторіи католической Церкви, какъ напр. Монсабре, который недавно въ парижскомъ соборѣ Богоматери произнесъ неповѣдь, посвященную защитѣ инквизиціи. Церковь занимаетъ важное мѣсто въ собесѣдованіяхъ Фрейсину, но не главное, не центральное, какъ это мы видимъ у большинства послѣдующихъ католическихъ проповѣдниковъ. Вообще Фрейсину можно признать во многихъ отношеніяхъ исключительнымъ явленіемъ среди като-

лическихъ проповѣдниковъ настоящаго столѣтія. Къ нему менѣе всего приложимы указанные нами недостатки современныхъ католическихъ проповѣдей. Фрейсину вѣрно понялъ характеръ современной ему эпохи, въ которой еще сильны были идеи XVIII вѣка. Тѣ времена, когда народъ, воодушевленный глубокимъ религіознымъ чувствомъ, массами стремился въ церкви, уже прошли. Настало время охлажденія къ вѣрѣ, скептическаго отношенія къ попраннымъ авторитетамъ, господство холоднаго разсудка. Поэтому Фрейсину не углубляется въ тайны догматовъ христіанскихъ, но старается призвать своихъ современниковъ къ христіанству путемъ строго логическихъ доказательствъ, причемъ пособіями ему служатъ многостороннія познанія, ораторскій талантъ и знаніе сердца человѣческаго.

Проповѣди Фрейсину можно раздѣлить на три класса:

а) Рѣчи надгробныя и панегирическія. Онѣ не принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ произведеній Фрейсину. Да послѣ Боссюэта и трудно было достигнуть значительныхъ успѣховъ въ этомъ родѣ церковнаго ораторства.

b) Защита христіанства или собесѣдованія о религіи. Это полный курсъ апологетики, обнаруживающій въ авторѣ весьма обширныя свѣдѣнія. Наука, философія, богословіе—все служитъ у него оружіемъ для защиты христіанской религіи. Фрейсину, безспорно, долженъ быть признанъ самымъ ученымъ изъ всѣхъ католическихъ проповѣдниковъ. Его высокое умственное образованіе, доставившее ему, во время реставраціи, постъ министра народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ, дѣлало его въ особенности способнымъ къ выполненію миссіи апологета.

с) Слова или скорѣе размышленія, изъ которыхъ нѣкоторыя должны быть признаны образцовыми по простотѣ и назидательности. Для образца можно указать на его слово „о вѣрѣ практической“, которое отъ начала до конца читается съ возрастающимъ интересомъ, и о „постоянствѣ послѣ перваго причащенія“,

которое дышетъ умилительностію Массильона и простотою (но безъ тривіальности) Реги (Réguis).

„Густавъ Франсуа Ксавье Делакруа де Равиньянъ“ (Ravignan, 1795—1858) служитъ вполнѣ выразителемъ католической реакціи. Его проповѣди не столько апологетическія, сколько догматическія: рядомъ съ защитою христіанства у него идетъ апотеозъ Церкви. Проповѣди Равиньяна не представляютъ большаго интереса ни съ ораторской, ни съ апологетической точки зрѣнія. Онѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ Бурдалу. Оба они принадлежатъ къ обществу іезуитовъ, оба они—діалектики и резонеры. Но этимъ и ограничивается ихъ сходство. По внутреннему характеру и внѣшней формѣ Бурдалу стоитъ несравненно выше Равиньяна. Ему недостаетъ того, что составляетъ силу и оригинальность Бурдалу, именно знанія сердца человѣческаго, обращенія къ совѣсти, которое такъ сильно дѣйствуетъ на слушателей, какого бы званія и образованія они ни были. Бурдалу постоянно остается моралистомъ, а Равиньянъ резонеромъ. У него догматъ все обнимаетъ, все объясняетъ. Большая часть его проповѣдей имѣетъ чисто-догматическій характеръ, какъ это видно изъ содержанія ихъ, а отчасти и изъ ихъ заглавій, въ родѣ слѣдующихъ: „таинство причащенія, Троица, вѣчность мученій, воплощеніе, внѣ Церкви нѣтъ спасенія“ и т. под. Церковь составляетъ алфу и омегу его проповѣдей. Онъ посвящаетъ нѣсколько проповѣдей доказательству того положенія, что христіанство и Церковь—одно и тоже. Впрочемъ Равиньяну нельзя отказать въ нѣкоторомъ знаніи своей эпохи и въ стремленіи приспособляться къ ея нуждамъ. Въ современномъ ему обществѣ уже обнаружилось чувство утомленія и разочарованія въ тѣхъ стремленіяхъ и идеяхъ, которыми оно прежде увлекалось, раскаяніе въ дѣлахъ недавняго прошлаго и стремленіе къ истинному знанію. Оно замѣчало, что разрушительныя стремленія прежняго времени не привели ни къ чему хорошему, что великіе замыслы окончились ничтожными или пагубными слѣдствіями, что пора

остановиться и спасти отъ разрушенія то, что еще можно спасти, и въ томъ самомъ, что прежде разрушалось, начало искать душевнаго покоя и истины. Равиньянъ старался показать своимъ современникамъ, что удовлетвореніе этой своей потребности они могутъ найдти только въ христіанствѣ. Но безуспѣшность его стремленій главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что онъ хотѣлъ сдѣлать своихъ слушателей послушными орудіями клерикальныхъ притязаній и предлагалъ имъ христіанство въ той формѣ, какая дана была рядомъ злоупотребленій католической Церкви, не могшихъ возбуждать довѣрія къ ней.

„Жанъ Батистъ Генри Лакордеръ“ (Lacordaire, 1802—1861) былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Онъ хорошо зналъ нужды, благородныя стремленія и необдуманныя увлеченія своихъ современниковъ, и относился къ нимъ съ чувствомъ христіанской любви. Въ современномъ ему обществѣ еще не исчезло стремленіе къ свободѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ господствовало холодное разсужденіе, скептическое отношеніе къ прежнимъ авторитетамъ и жажда знанія. Всѣ эти черты ясно отражаются и въ проповѣдяхъ Лакордера. Онъ самъ раздѣлялъ лучшія стремленія своихъ современниковъ. Онъ былъ воодушевленъ горячимъ стремленіемъ къ свободѣ, имѣлъ довольно многосторонніе, хотя и поверхностныя, познанія и болѣе обладалъ вѣрою ума, разсудка, нежели сердца. „Я пришелъ къ католическимъ вѣрованіямъ, говоритъ онъ, чрезъ свои соціальныя убѣжденія. Ничто не кажется мнѣ болѣе убѣдительнымъ, какъ слѣдующій выводъ: общество необходимо, слѣдовательно христіанская религія есть божественная, потому что только она можетъ служить средствомъ къ тому, чтобы привести общество къ совершенству“. Но онъ старается разъяснить своимъ современникамъ, что то, къ чему они стремятся, можно найдти лишь въ католической Церкви. Главный предметъ собесѣдованій Лакордера—это католическая Церковь. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ болѣе всего говоритъ о свойствахъ Церкви, ея установленіи, ея авторитетѣ, ея отношеніи къ граж-

данскому обществу, и изслѣдуетъ источники этого ученія: преданіе, писаніе, разумъ, вѣру. Вездѣ у него замѣтна апологетическая тенденція—доказать божественность католической Церкви и защитить ея ученіе. Онъ со всею страстностію своей пылкой натуры защищаетъ ее и противъ тѣхъ, которые обвиняютъ ее въ тираніи и въ противодѣйствіи успѣхамъ цивилизаціи. Онъ пытается даже доказать, что безъ католической Церкви не возможны ни свобода, ни наука, ни гражданское общество. Онъ ставитъ принципомъ неспособность человѣка собственными силами познать истину и отсюда выводитъ заключеніе, что человѣкъ можетъ познавать истину лишь чрезъ Церковь. Хотя Лакордеръ въ своихъ проповѣдяхъ касается и общихъ истинъ христіанства, какъ то: ученія о бытіи Бога, объ отношеніи человѣка, какъ нравственнаго, разумнаго и соціальнаго существа, къ своему Творцу, о паденіи, искупленіи и т. под.; но эти предметы отступаютъ у него на задній планъ. Онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на тѣхъ вопросахъ, которые выдвигаются въ наше время для ниспроверженія самыхъ основъ христіанства, сколько на тѣхъ, которые имѣютъ значеніе собственно лишь для католической Церкви или вѣрнѣе—для католической іерархіи. Лакордеръ не отличается ни глубиною, ни силою и стройностію мысли. У него часто встрѣчаются чисто-схоластическія разсужденія, противорѣчія и отступленія отъ главнаго предмета рѣчи. Его аргументація довольно слабая. Она блестяща, но поверхностна; она могла плѣнять и трогать, но не убѣждать; она болѣе поражала воображеніе, нежели дѣйствовала на разумъ и сердце. Въ своихъ доводахъ онъ любитъ ссылаться на условія соціальной жизни, на политическую экономію, часто приводитъ примѣры изъ гражданской исторіи и ученія греческихъ философовъ и моралистовъ, оживляетъ рѣчь разнаго рода анекдотами, указаніями на современную жизнь и т. под. Но главнымъ авторитетомъ для него служитъ католическая Церковь. Впрочемъ указанные недостатки въ значительной мѣрѣ искупаются жизненностію

проповѣдей, умѣньемъ Лакордера дѣлать удачныя указанія на явленія современной ему жизни, на современное направленіе умовъ, на послѣдніе выводы науки, теплотою чувства, богатствомъ фантазіи, оригинальностію мысли и живымъ, блестящимъ языкомъ.

По формѣ изложенія, собесѣдованія Лакордера, какъ и другихъ католическихъ проповѣдниковъ, ничѣмъ почти не отличаются отъ рѣчей. Планъ ихъ опредѣляется не какими либо гомилетическими или реторическими нормами, но самымъ теченіемъ мысли оратора, не всегда отличающимся правильностію. Впрочемъ въ собесѣдованіяхъ Лакордера планъ довольно однообразный. Каждый предметъ имъ разсматривается обыкновенно съ точки зрѣнія исторической, экономической и индивидуальной. Число три вообще играетъ у него очень важную роль: онъ любитъ находить три доказательства, три мотива, три причины, три возраженія и т. под. Онъ, какъ и другіе проповѣдники, не ставитъ опредѣленныхъ текстовъ изъ Св. Писанія во главѣ своихъ собесѣдованій. Весьма рѣдко встрѣчаются у него также приступы или заключенія въ общепринятомъ смыслѣ. Подобно другимъ проповѣдникамъ, Лакордеръ посвящаетъ цѣлый рядъ собесѣдованій разсмотрѣнію одного предмета. Въ началѣ перваго собесѣдованія онъ обыкновенно указываетъ на основанія, по которымъ онъ избралъ именно этотъ, а не другой предметъ для собесѣдованій. Но послѣдующія собесѣдованія онъ начинаетъ большею частію краткимъ резюме предшествующей бесѣды, чтобы слушатели могли слѣдить за ходомъ мыслей проповѣдника, и чрезъ нѣсколько краткихъ предварительныхъ замѣчаній вводитъ самый предметъ рѣчи, указывая иногда и планъ, и затѣмъ приступаетъ къ развитію темы. Въ заключеніи собесѣдованія онъ или резюмируетъ сущность его или присоединяетъ нѣсколько краткихъ назиданій, но иногда онъ заключаетъ рѣчь также какимъ либо назиданіемъ, анекдотомъ или мѣткимъ выраженіемъ, имѣющимъ отношеніе къ предмету собесѣдованія.

Каждый изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами проповѣдниковъ служитъ выраженіемъ той или другой тенденціи католичества. Фрейсину олицетворяетъ собою галликанизмъ, стремящійся къ сохраненію извѣстнаго рода національной самостоятельности въ отношеніи къ папскому престолу; Равиньянъ служитъ представителемъ клерикализма и въ своей апологіи остается вѣрнымъ началамъ іезуитизма Лакордеръ—выразитель либеральнаго католичества, которое впрочемъ не простиралось далѣе безуспѣшнаго протеста противъ непогрѣшимости папъ. Признавая всѣ остальные не только старые, но и новые католическіе догматы, и уже вслѣдствіи этого не будучи способнымъ къ безпристрастному изслѣдованію, Лакордеръ однако стоитъ несравненно выше Равиньяна не только по своему либерализму, но и по ораторскому таланту.

Что касается французскихъ католическихъ проповѣдниковъ второй половины настоящаго столѣтія, то всѣ они стоятъ по своимъ достоинствамъ гораздо ниже Фрейсину, Равиньяна и Лакордера: всѣ почти они служатъ выразителями католической реакціи (за исключеніемъ отчасти Дюпанлу) и болѣе или менѣе подходятъ подъ общую представленную характеристику современной католической проповѣди. Изъ нихъ по своему ораторскому таланту и по сравнительной многосторонности своихъ познаній въ особенности выдаются Феликсъ и Фрешель.

Членъ іезуитскаго ордена „Целестинъ Іосифъ Феликсъ“ пріобрѣлъ почетную извѣстность своими собесѣдованіями о прогрессѣ, которыя онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ 1856 г., говорилъ въ парижскомъ соборѣ Богоматери. Отмѣтивъ, какъ отличительную черту своего времени, стремленіе къ прогрессу и опредѣливъ прогрессъ, какъ стремленіе къ совершенству, Феликсъ признаетъ это стремленіе вполнѣ законнымъ и соотвѣтствующимъ природѣ и назначенію человѣка и старается опредѣлить истинный смыслъ и значеніе прогресса и то направленіе, которому онъ долженъ слѣдовать. Онъ признаетъ важное значеніе и матеріальнаго и интеллектуальнаго прогресса, но лишь въ томъ случаѣ,

если онъ соединяется съ моральнымъ прогрессомъ, который служитъ прогрессомъ въ собственномъ смыслѣ слова и который можетъ быть достижимъ только въ христіанствѣ. По опредѣленію оратора, ученіе и законы истиннаго прогресса заключаются въ христіанствѣ, исторія христіанства есть исторія прогресса и самый прогрессъ есть не что иное, какъ христіанство. Феликсъ, отличаясь высокимъ ораторскимъ талантомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается также силою мысли, убѣдительностію доводовъ, умѣренностію сужденій, теплотою чувства и стремленіемъ примѣняться къ нуждамъ своего времени. Но нѣкоторыя собесѣдованія Феликса, уже вслѣдствіе слишкомъ большихъ размѣровъ (до 60 стр. in 8-o), могутъ утомлять вниманіе слушателей, тѣмъ болѣе, что они обыкновенно не оживляются ни историческими примѣрами, ни сравненіями и т. под.

Епископъ „Фрешпель“ слѣдуетъ въ своихъ проповѣдяхъ традиціонному пути. Его рѣчи и панегирики (Discours et panégyriques) посвящены не столько изложенію и уясненію общихъ истинъ христіанства, сколько утвержденію авторитета католической Церкви и ея ученія, восхваленію католическихъ святыхъ и папъ. Рѣчи, произнесенныя Фрешпелемъ, со времени избранія его въ члены палаты депутатовъ, имѣютъ своимъ предметомъ большею частію современные политическіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ религіи. Гораздо болѣе интереса для насъ представляютъ его слова (sermons) о христіанской жизни, въ которыхъ онъ говоритъ объ искушеніяхъ, о жизни христіанина въ мірѣ, объ обращеніи къ Богу, о страданіяхъ и т. под. предметахъ обще-христіанскаго нравоученія. Въ собесѣдованіяхъ о божествѣ Іисуса Христа онъ слѣдуетъ тому пути, который выработанъ его предшественниками, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ. По глубинѣ мысли и убѣдительности доводовъ проповѣди Фрешпеля стоятъ гораздо ниже собесѣдованій Феликса. Въ Фрешпелѣ католическая реакція нашла полное свое выраженіе. Но главное достоинство его проповѣдей и рѣчей заключается въ простотѣ изложенія, въ живости

языка, силѣ чувства и въ блестящемъ, чисто-парламентскомъ краснорѣчіи. Какъ на особенность Фрешпелл, можно указать также на его стремленіе вводить въ свои рѣчи историческій элементъ. Онъ очень часто приводитъ въ рѣчахъ и панегирикахъ примѣры изъ древней и новой церковной и гражданской исторіи и изреченія языческихъ философовъ и моралистовъ.

Н. Д.

Трудность пастырскаго служенія, по письмамъ св. Исидора Пелусіота.

Важность священническаго служенія и великая цѣль учрежденія его возводятъ пастыря на высокое церковное положеніе. Пастырь, руки котораго Богъ благоволилъ употребить на служеніе Ему, есть ангелъ Господа Вседержителя (Мал. 2, 7) какъ по тайноводству божественнаго священнодѣйствія, такъ и потому, что онъ служитъ спасенію многихъ (Кн. 1, письм. 349). Но насколько важно служеніе пастыря, настолько же трудно и прохожденіе его. Трудность пастырскаго служенія св. Исидоръ уясняетъ сравненіемъ его съ орѣховымъ жезломъ, видѣннымъ пророкомъ Іереміею (1, 11). Этотъ жезлъ, говоритъ Исидоръ, есть изображеніе священства. Въ немъ, какъ и въ орѣховомъ жезлѣ, видимое и наружное есть нѣчто вяжущее, суровое и имѣющее острый вкусъ, а сокровенное и внутреннее постоянно и имѣетъ силу укрѣплять (1, 50). Трудность священническаго служенія зависитъ отъ того, что оно возлагаетъ на пастыря много обязанностей какъ въ отношеніи къ самому пастырю, такъ и по отношенію къ паствѣ. Священство по Исидору не есть покой, а „служеніе“. Если нелегкая задача для пастыря—сдѣлать себя достойнымъ спасенія, то еще труднѣе приготовить къ нему пасомыхъ, вслѣдствіе разнообразныхъ нравственныхъ недуговъ, поражающихъ паству, и многоразличія средствъ, потребныхъ для

уврачеванія этихъ недуговъ. „Не всѣ люди, пишетъ Исидоръ къ еписк. Ѳеодосію, заболѣваютъ однѣми и тѣми же болѣзнями и не всѣ уступаютъ одному и тому же леченію. Но какъ бываютъ многіе, разнообразные и всякаго рода недуги, такъ должно быть много различныхъ пособій и врачеваній“ (4, 145). По множеству трудовъ священство, по словамъ Исидора, превосходитъ всякое другое служеніе: „ибо съ окончаніемъ одного труда, въ слѣдъ за нимъ возникаетъ новый“ (3, 127). Въ этомъ отношеніи пастырское служеніе можно назвать безпрерывнымъ подвигомъ. „Божественныя постановленія, говоритъ Исидоръ, повелѣваютъ тѣмъ, которые достигли священства, по преимуществу пребывать въ трудахъ и подвигахъ, чтобы подчиненные, видя нужды имѣющихъ власть приказывать, и сами стыдомъ побуждались къ доблестной жизни“ (2, 208).

Но трудность священническаго служенія не должна устрашать пастыря: ибо въ трудахъ ему будетъ помогать Божія помощь, а его подвиги будутъ вознаграждены. „Если, пишетъ Исидоръ пресвитерамъ Зосимѣ и Марону (3, 406), все, зависящее отъ насъ, будетъ совершено неопустительно и со всяческимъ прилежаніемъ; то тогда должно призывать на помощь и Божію силу. И она несомнѣнно придетъ, устроя нашу побѣду. Если же не будетъ сдѣлано нами ничего изъ того, что составляетъ нашъ долгъ; то тщетно наше призваніе“. „Посему должно мужественно переносить труды священства и ревностно ожидать за него наградъ“ (1, 50). *К. П.*

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 апрѣля 1884 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлов. ул., собств. домъ.